

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

3 6105 210 176 207

Наблюдатель.

1903г. № 3.

№ 116.186.

116.186

НА ДОМ
НЕ ВЫДАЕТСЯ

ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА.

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

Годъ XXII. М А Р Т Ъ. 1903 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
Портретъ Государя Императора Николая II съ Августѣйшимъ Семействомъ.	
I. Заговорила совѣсть. (<i>Окончаніе</i>). Романъ В. А. Волжина . . .	11
II. Въ больницѣ. Стих. Князя Федора Косаткина-Ростовскаго . . .	54
III. Дѣло Анели Добржанской. (<i>Окончаніе</i>). С. Орлицкаго . . .	57
IV. Зарокъ. (Изъ Р. Баумбаха). Стихотвореніе Н. Бахтина . . .	73
V. Польская кровь. Романъ фонъ-Эштрута. (<i>Окончаніе</i>) . . .	74
VI. Осеннюю ночью. Стихотвореніе И.	134
VII. Возрожденіе Азии. (<i>Окончаніе</i>). И. Г.	135
VIII. Обзоръ дѣятельности комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. (<i>Окончаніе</i>). Д. Райснаго . . .	147
IX. Украинская ночь. Стихотвореніе К.	178
X. Провинціальная жизнь. X.	179
XI. Въ лѣсу. Стихотвореніе И. М—скаго	201
XII. Безъ лица. (Записки самозванца). В. В Романова	203
XIII. Волна. Стихотвореніе Н.	263
XIV. Тайственное преступленіе. Романъ Жоржа Онэ. (<i>Прод.</i>) . . .	264
XV. Призракъ. Стихотвореніе К. И.	274

(См. на оборотѣ).

Полугодовые и годовые подписчики 1902 г., по полученіи 3-ей (мартовск.) книги, приглашаются внести дополнит. взносы (6 и 3 р.), чтобы не было перерыва въ полученіи журнала.

XVI. Политическая хроника 1

Проекты реформъ объ умиротвореніи Македоніи.— Недовѣріе болгаръ и сербовъ къ Турціи.— Какъ Турція проводитъ реформы и получаетъ за это благодарственные меморандумы? — Взглядъ интеллигентныхъ турокъ на реформы.—Туркофильство германской офиціозной прессы.— Турція въ когтяхъ германскаго орда.— Англійская и французская печать о проектахъ реформъ.— Происки австрійскихъ агентовъ въ Македоніи и запросъ депутата въ венгерскомъ парламентѣ.—Тревожныя извѣстія изъ Китая.—Слухи о новыхъ политическихъ союзныхъ комбинаціяхъ.—Улучшеніе отношеній между Англіей и Франціей.— Дефицитъ во Франціи и его причины.

XVII. Новыя книги. 1) *А. Смирлягинъ. Интеллигенція и народъ.* Спб. 1903 г. 2) *Вячеславъ Ивановъ. Кормчія звѣзды. Книга Лирики.* Спб. 1903 г. 3) *М. Е. Соколовъ. Пѣсни А. С. Пушкина и крестьянъ саратовской губерніи о Стенькѣ Разинѣ.* Саратовъ. 1902 г. 4) *Краткій обзоръ дѣятельности казеннаго лѣснаго управленія за 1893—1902 гг. По порученію директора лѣснаго департамента, составилъ Т. В. Нехорошевъ.* Спб. 1903 г. 5) *1902 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ.* Вып. IV и V. Изданіе Отдѣла сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики. Спб. 1902 г. 16

XVIII. Наши внутреннія дѣла 23

Высочайшій манифестъ 26 февраля сего года.—Забота объ обезпеченіи духовенства.—Отмѣна круговой поруки.—Работа „мѣстныхъ людей“ подъ руководствомъ „сильной и законѣрной власти“. — Начало децентрализаціи въ бюрократизмѣ.—Отзывы русской и иностранной печати о Высочайшемъ манифестѣ.— Какъ встрѣтили Высочайшій манифестъ въ провинціи?—Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о его поѣздкѣ на Дальній Востокъ.—Сибирь и Сибирская желѣзная дорога—какъ міровой рынокъ.— Колонизація—какъ одна изъ главнѣйшихъ мѣръ для культурнаго подъема Сибири и разработки природныхъ ея богатствъ.— Американскій ростъ русскихъ городовъ на китайской территоріи.—Кому послужитъ на пользу затраченный Россіей на Дальнемъ Востокѣ миллиардъ рублей?

XIX. Фототипъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). И смѣхъ и горе. 1) (Литературный и общественныя замѣтки). Манифестъ 26-го февраля и надежды, имъ возбужденныя въ народѣ и обществѣ.—Перспективы, указанныя манифестомъ для прогрессивнаго развитія русской государственной и общественной жизни.—Комментаріи къ этому въ печати.—Преувеличенныя надежды, возлагаемыя на „вѣротерпимость“. — Религія и общественный заговоръ.— Религіозно-политическая каста, образующая государство въ государствѣ.— Результаты ея преобладанія въ Старомъ Свѣтѣ и въ Америкѣ. **Ефима Простосердова** 44

2) Стихотвореніе: **Старога Капрала**. 49

XX. Объявленія 1—7

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ

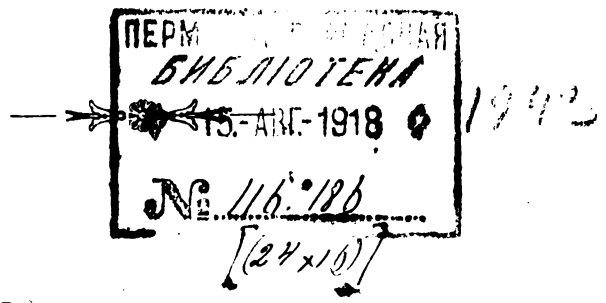
СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ. ПРОВЕРЕНО
Копия

№ 3. МАРТЪ.

№ 116:186 С-ПЕТЕРБУРГЪ.

Редакция и Главная Контора помѣщается: Саперный пер., № 10.
1903.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

Въ главной конторѣ „НАБЛЮДАТЕЛЯ“ продаются:

1) **«Государство въ государствахъ».** (Къ исторіи еврейскаго вопроса въ Россіи и въ Западной Европѣ). Сборникъ статей **А. П. Пятковскаго**, по документамъ Государственнаго Совѣта и матеріаламъ еврейскихъ комисій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Изд. Редакціи **«Наблюдателя»**. Цѣна 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф. Отзвы въ «Новомъ Времени», «Свѣтѣ», «Виленскомъ Вѣстникѣ», «Судебной Газетѣ», «Бессарабцѣ», «Русскомъ Паломникѣ», «Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», «Православной Буковинѣ» (въ Австріи) и проч. Выписывающіе изъ Главной Конторы за простую пересылку не платятъ. Заказною бандеролью—1 р. 60 к.; наложеннымъ платежемъ—1 р. 70 к.

2) **«Князь В. О. Одоевскій и Д. В. Веневитиновъ»**, историко-литературныя характеристики **А. П. Пятковскаго**, съ приложеніемъ 2-хъ портретовъ и писемъ къ автору: *кн. Одоевскаго*, *статсъ-секретаря барона А. Г. Жомини* и *статсъ-дамы княгини М. В. Вяземской*. Изд. 3-е, Редакціи **«Наблюдателя»**. Отзвы: въ «Историческомъ Вѣстникѣ», въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» и проч. Книга эта одобрена *Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для ученическихъ библиотекъ средн. учебн. заведеній и допущена въ бесплатн. народн. читальни*. Цѣна 1 р. 50 к., перес. за 1 ф. Выписывающіе изъ редакціи за простую пересылку не платятъ.

3) **Указатель статей, напечатанныхъ въ журналѣ за 12 лѣтъ (по фамиліямъ авторовъ) съ 1882 года по 1894-й годъ.** Цѣна безъ перес. 25 к.; съ перес. (заказной бандеролью) 35 коп.

4) **Двадцать одинъ годъ существованія журнала «Народная Школа».** (Историческій очеркъ). Цѣна безъ пересылки 30 коп.; съ пересылкою (заказной бандеролью) 40 коп.

5) Отдѣльные портреты **А. П. Пятковскаго** (на плотной бумагѣ). Цѣна за экземпляръ безъ перес. 50 коп.; съ перес. (заказною бандеролью) 60 коп.

Книжки **В. П. Безобразова, А. И. Герцена, князя В. О. Одоевскаго, Эд. Дрюмона и Н. А. Добролюбова** продаются по той же цѣнѣ.

AP50
N33
V.2273
1893

Открыта подписка на 1903 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Годъ XXII | „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ | Годъ XXII

Выходить ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ, въ объемъ и форматъ самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, съ иллюстраціями.

Вступая въ 22-й годъ своего существованія, журналъ будетъ издаваться въ томъ же самомъ направленіи, съ которымъ хорошо знакома наша образованная публика. «НАБЛЮДАТЕЛЬ», прежде всего, стремился быть *журналомъ* въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали это слово лучшие дѣятели нашей журналистики, и рядъ статей, въ немъ появлявшихся, не представляетъ собою сброда разныхъ направлений, приютившихся подъ одною обложкою, но проникнутъ и связанъ общностью одного опредѣленнаго міросозерцанія. Общее же направленіе нашего журнала, — насколько возможно было выдержать его по всѣмъ выдающимся вопросамъ внутренней и вѣшной политики, — мы имѣемъ право назвать *прогрессивно-національнымъ*. Всегда и во всемъ, въ предѣлахъ, указанныхъ для русской свободной печати, мы стояли за *прогрессивное движеніе нашей государственной и общественной жизни* — въ сторону свѣта, правды, нравственнаго развитія и экономическаго благосостоянія, съ сохраненіемъ, притомъ, коренныхъ основъ нашего національнаго быта и характера. *Безъ внимательнаго изученія этого быта, безъ любви и уваженія къ своему народу немислимъ никакой устойчивый прогрессъ*, а возможно только легкомысленное заимствованіе изчужа неприменимыхъ къ намъ политическихъ и соціальныхъ доктринъ.

При этомъ мы отходили одинаково далеко, съ одной стороны, отъ дикаго обскурантизма нашей якобы «охранительной» прессы, охраняющей едва ли не одни плоды татарскаго нашествія, а съ другой — отъ буржуазнаго «либерализма», весьма дружнаго съ еврействомъ и даже находящагося у него въ денежной кабалѣ. Изъ нашей прогрессивной программы мы навсегда и *рѣшительно вычеркнули всякія жидовскія симпатіи*, которыя сначала прокралась въ нашу прессу подъ флагомъ «религіозной терпимости» (благодаря

нашему полному невѣжеству относительно *антигосударственного и анти-соціального* смысла талмудическаго ученія), а теперь поддерживаются въ ней—либо давленіемъ еврейскаго капитала, либо грубымъ политическимъ шантажемъ и застрашиваніемъ. Свой взглядъ на исторію и современное положеніе еврейскаго вопроса въ различныхъ странахъ Европы Редакція въ подробности высказала въ недавно изданной ею книгѣ: «Государстве въ государствахъ»¹⁾. Съ тою же цѣлью противодѣйствовать пропагандѣ еврейской прессы, Редакція «Наблюдателя» познакомила читателей съ подлиннымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта по еврейскому вопросу, Высочайше утвержденнымъ 5 декабря 1870 г. для руководства по воѣмъ министерствамъ, а также съ официальными записками членовъ правительственной комисіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ: *В. В. Григорьева, С. С. Громеки, Ѳ. Ѳ. Берга и В. Я. Фукса*, касающимися наиболѣе важныхъ сторонъ *фарисейскаго талмудизма*, злоумышленно смѣшиваемаго съ Моисеевымъ закономъ (№№ 9, 10 и 11 «Наблюдателя» за 1901 г. и №№ 1—3 за 1902 годъ), правильное истолкованіе котораго исходило изъ устъ Спасителя міра.

При этомъ мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ тотъ фактъ, что знамя *прогрессивно-національнаго* направленія, — подъ которымъ самоотверженно стоялъ и ратовалъ нашъ журналъ въ то время, когда это направленіе окрещено было нашею жидовствующею литературою, какъ явленіе антипрогрессивнаго характера, и восемь лѣтъ раньше того времени, когда во Франціи возникла національная пресса,—это знамя привлекаетъ нынѣ въ свои ряды все большее и большее количество единомышленниковъ.

Прерванный, въ мартѣ 1902 года, болѣзнию редактора-издателя, потребовавшей продолжительнаго лѣченія и отдыха за границею, «Наблюдатель» возвращается къ своей дѣятельности въ 1903 г., съ новыми силами и новыми надеждами на успѣхъ въ русскомъ обществѣ пропагандируемаго имъ направленія.

Въ журналѣ за 1902 г., напечатаны были: 1) *Беллетристическія произведенія*: 1) «Заговорила совѣсть», романъ *В. А. Вол-*

¹⁾ Книгу эту можно выписывать изъ Главной Конторы по 1 р. 70 к. наложеннымъ платежемъ и по 1 р. 60 к. заказною бандеролью. По той же цѣнѣ высылаются и другое изданіе Редакціи: «*Князь В. Ѳ. Одоевскій и Д. В. Веневитиновъ*» (съ 2 портр.). Литер. характеристики, изд. 3-е. Изданіе это одобрено Учен. Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для *ученическихъ библиотекъ среднихъ учебн. заведеній и допущено въ бесплатныя народныя читальни*. (Отнош. Департамента въ Редакцію, за № 33377, отъ 5 дек. 1901 г.).

жизни; 2) «Отец и сынъ», повѣсть *М. Бовскаго*; 3) «Въ погонѣ за карьерой», повѣсть *Н. П. Языкова*; 4) «Не судьба» (изъ деревенскихъ лѣтописей), *Н. Реморова*; 5) «Искорна счастья» (эскизъ) *Н. Н. Брешко-Брешковскаго*; 6) «Заурядный случай», рассказъ *Е. Ратта*; 7) «Баритонъ женится», рассказъ *П. Княжнина* и проч.

II) Статьи и изслѣдованія: 1) «Среди эстонскихъ городовъ и курортовъ», *В. Е. Бѣлинскаго*; 2) «Жгучій вопросъ въ нашей арміи», *Б — ва*; 3) «Владиміръ Соловьевъ и гр. Л. Н. Толстой» (отрывокъ изъ воспоминаній) *В. Л. Велички*; 4) «Евреи въ царствѣ Польскомъ», Записка намѣстника гр. *Θ. Θ. Берга*, поданная имъ въ комисію объ устройствѣ евреевъ при министерствѣ внутр. дѣлъ; 5) «*Θ. И. Іезбера* и его *Всероссійскій музей*», *Д. П. Райскаго*; 6) «Наши окраины» (изъ моихъ воспоминаній), *С. А. Мегрובה*; 7) «Очеркъ горнаго Алтая», *Н. Яблонскаго*; 8) «По еврейскому вопросу». Записка сѣдлецкаго губернатора, д. с. с. *С. С. Громеки*; 9) «*Н. А. Добролюбовъ*» (съ портретомъ), *А. П.*; 10) «Тѣнь въ Англии», *Н. Н. Овсянникова*; 11) «На пути къ свѣту» (Замѣтки деревенскаго старожила) *Н. Реморова* и проч.

III) Переводные романы и повѣсти: 1) «Тайнственное преступленіе» (съ франц.) романъ *Жоржа Оне*; 2) «Польская кровь» (съ нѣмецкаго), романъ въ 2-хъ частяхъ, *Н. фонъ-Эитрута*; 3) «Изъ воспоминаній доктора» (съ англ.); 5) «Чемоданъ дипломата» (съ франц.), *Л. Тэнсо* и проч.

IV) Стихотворенія: *Л. Н. Афамасьева*, *Н. Панова*, *А. Ф. Мейснера*, *Н. Бахтина*, *П. В. Быкова* и проч.

V) Провинціальная жизнь. Подъ этимъ заглавіемъ печатался рядъ статей, посвященныхъ обзорѣнью любопытнѣйшихъ событій нашей внутренней жизни, на основаніи газетнаго матеріала и собственныхъ корреспонденцій. Въ дополненіе къ этому обзору, въ каждой книгѣ журнала печатались сообщенія разныхъ корреспондентовъ подъ рубрикой «*Отголоски*». («О потребностяхъ нашего народнаго образованія»; «Одесскіе лицедѣи»; «Жидъ или еврей?»; «О еврейскомъ космополитизмѣ и русскомъ непротівленіи злу»).

VI) Въ отдѣлѣ: «Фонографъ», въ каждой книгѣ и журнала, печатались фельетоны изъ общественной и политической жизни: «И смѣхъ и горе», *Ефима Простосердова*.

Въ текстѣ журнала за 1902 г. помѣщенъ портретъ *Н. А. Добролюбова*.

Портреты *А. П. Пятковскаго* (къ 40-лѣтію литературной дѣятельности, на веленовой бумагѣ) высылаются заказною бандеролью по 60 коп. экз. По той же цѣнѣ высылаются портреты

А. И. Герцена, В. П. Безобразова, князя В. Θ. Одоевскаго и Эд. Дрюмона.

Въ видѣ *безплатныхъ* премій, годовымъ подписчикамъ «НАБЛЮДАТЕЛЯ» за 1903 г. рассылаются изданія редакціи: 1) «Государство въ государствѣ», сборникъ статей А. П. Пятковскаго (по еврейскому вопросу) на основаніи документовъ Государственнаго Совѣта и матеріаловъ еврейской комисіи при минист. вн. дѣлъ,—для первыхъ 500 подписчиковъ, и 2) «Князь Одоевскій и Д. В. Веневитиновъ», литературныя характеристики того же автора, изд. 3-е, одобренное ученымъ комитетомъ мин. нар. просв.,—для послѣдующихъ подписчиковъ журнала.

Подписная цѣна:

	На годъ.	На полгода.	На 3 мѣс.
Съ доставкою въ Петербургъ и съ пересылкою въ другія мѣста	12 руб.	6 руб.	3 руб.
Съ пересылкою за границу .	14 »	7 »	4 »

Книгопродавцамъ—50 коп. уступки съ годоваго экземпляра журнала (гербовый сборъ не включается въ уступку). При подпискѣ *полугодовой*, уступки не полагается. Гг. служащимъ—разрочка за поручительствомъ казначеевъ. Подписка съ *разрочкою* адресуется *исключительно* въ Главную Контору журнала. Плата за публикаціи: за цѣлукъ *траницу* 35 руб., за 1/2 стр. 18 р. и за 1/4 стр. 10 руб. При повтореніи публикацій уступка,—смотря по ихъ количеству и объему,—отъ 10 до 40%.

Возобновленіе газеты «ГЛАСНОСТЬ» отложено впрѣдъ до особаго объявленія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ—въ Главной Конторѣ Редакціи (Саперный пер., домъ № 10, кв. 6). Редакція отвѣчаетъ только за подписку, принятую въ Главной Конторѣ журнала, куда и проситъ обращаться непосредственно, во избѣжаніе проволочекъ въ полученіи журнала при подпискѣ въ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ для писемъ и телеграммъ: Петербургъ, Редакція «НАБЛЮДАТЕЛЯ». Телефонъ № 2237.

Редакторъ—издатель А. П. ПЯТКОВСКІЙ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА „ГЛАСНОСТЬ“.

Программа «ГЛАСНОСТИ» обнимает собой нижеслѣдующіе отдѣлы:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Политика внутренняя. Передовыя статьи по вопросам общественной жизни, городского, земскаго и сельскаго самоуправленія. Дѣятельность частныхъ обществъ. 3) Отдѣлы: литературно-художественный (беллетристика во всѣхъ ея видахъ), критическій, научный (по всѣмъ отраслямъ знанія), судебно-юридическій (съ печатаніемъ процессовъ и обсужденіемъ судебныхъ рѣшеній), военный, церковный, торгово-промышленный, финансовый, экономическій, сельско-хозяйственный, театральный; обзоръ искусствъ. 4) Политика внѣшняя. Передовыя статьи. Телеграммы внѣшнія, доставляемыя агентствами, и свои собственныя. 5) Хроника внутренней и заграничной жизни. Событія дня. Русскія и иностранныя корреспонденціи. Внутреннія телеграммы. Письма въ редакцію и стороннія сообщенія. 6) Фельетоны изъ общественной и литературной жизни. Дневникъ печати и библиографія. 7) Биржа. Курсовая таблица. 8) Смѣсь. Разныя извѣстія. Справочныя свѣдѣнія. 9) Иллюстраціи. 10) Объявленія.

Кромѣ текущихъ извѣстій и передовыхъ статей по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ внѣшней политики и нашей внутренней жизни, въ газетѣ, въ 1897 и 1898 гг., печатались постоянно: «Парижскія письма», «Съ береговъ Темзы», «Петербургскіе наброски», «Московскія замѣтки», «Вопросы дня», «Замѣтки кстати», «Отголоски» и пр. Отдѣламъ: «Дневникъ печати» и «Наши внутреннія дѣла» придано было особенное развитіе, такъ что они представляли полный обзоръ всѣхъ выдающихся мѣстной прессы и всѣхъ крупнѣйшихъ событій провинціальной жизни. Въ текстѣ

были помѣщены портреты: бывшаго военнаго министра гр. Д. А. Милютина, бывшаго министра нар. просвѣщенія гр. И. Д. Делянова, предсѣдателя комитета министровъ ст.-секретаря И. Н. Дурново, и бывшаго редактора «Новороссійскаго Телеграфа» М. П. Озмидова.

Приостанавливая нашу газету въ 1897 г., мы говорили:

«Считаемъ необходимымъ выяснить мотивы этой приостановки. Отъ первыхъ и до послѣднихъ дней изданія «Гласности», редакция не переставала получать сочувственныя заявленія относительно симпатичнаго всѣмъ русскимъ людямъ направленія газеты; ее привѣтствовали за смѣлую борьбу противъ преобладанія у насъ въ жизни инородческаго — преимущественно іудейскаго — элемента, называя эту борьбу даже «гражданскимъ подвигомъ»; за отстаиванье національно-прогрессивныхъ тенденцій «въ соціальной и политической сферахъ».

Касаясь всѣхъ злосчастныхъ судебъ нашей газеты, «Наблюдатель» говорилъ уже въ свое время:

«Гласность», покусившаяся устроить диссонансъ въ этомъ стройномъ жидовскомъ хорѣ, немедленно подверглась на цѣлый мѣсяць запрещенію розничной продажи ¹⁾, а эта мѣра для новаго изданія, — окруженнаго притомъ ненавистью кагала и нагло «бойкотуемаго» со всѣхъ сторонъ, — равнялась если не убійству, то, по крайней мѣрѣ, серьезному «членовредительству». Въ то время какъ «прокаженные» листки свободно расходились въ С.-Петербургѣ на всѣхъ уличныхъ перекресткахъ, наполняя кассу «Всемирнаго израильскаго союза» и сотрясая воздухъ гнусными ликованіями надъ изувѣченіемъ русскихъ солдатъ, — редакция «Гласности» должна была нести одніѣ нравственныя пытки и крупныя матеріальныя

¹⁾ Въ первый разъ это запрещеніе послѣдовало, якобы, за передовую статью, въ которой предлагалось сдѣлать критскимъ генераль-губернаторомъ греческаго королевича, — что въ скоромъ времени и осуществилось на дѣлѣ. Въ послѣдній же разъ, запрещеніе мотивировалось откровеннѣе... статью о минскихъ жидахъ, — избившихъ воинскій патруль, — гдѣ доказывалось, что поводомъ къ избіенію послужила племенная вражда евреевъ къ христіанамъ — русскимъ. Существованіе этого повода, въ другомъ однородномъ случаѣ (въ Шкловѣ), признано и уголовнымъ ассасіоннымъ департаментомъ сената.

116.188
119.911

потери, тѣмъ болѣе, что эта мѣра противъ нея оказывалась излюбленною и практиковалась три раза въ теченіе семи мѣсяцевъ изданія газеты!! Однимъ словомъ, *газета тщательно изолировалась отъ публики*, уже привыкшей въ Петербургѣ знакомиться съ новыми неокрѣпшими изданіями по розничной покупкѣ—и ее приходилось выпускать, въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, для однихъ только подписчиковъ. Съ сокращеніемъ же ежедневнаго тиража газеты, не могло явиться и много платныхъ публикацій, составляющихъ значительный источникъ дохода при непрерывномъ и правильномъ развитіи этого дѣла. Еслибы «Гласность» защищала еврейскія притязанія на какую-то безшабашную гегемонію въ русскомъ царствѣ, то, конечно, ея матеріальные убытки были бы охотно покрыты щедрыми жертвователями или, по крайней мѣрѣ, ей были бы предоставлены самыя легкія условія кредита, — подъ векселя съ «благонадежными надписателями»,—какъ это практикуется для всѣхъ изданій, пользующихся покровительствомъ кагала. Но мы говорили уже въ «Наблюдатель» (№ 1, 1899 г.), какимъ змѣйнымъ кольцомъ окружена была «Гласность», когда ей приходилось пользоваться кредитомъ даже въ тѣхъ банкахъ, гдѣ на текущемъ счету и «онколѣ» перебивали сотни тысячъ нашихъ вкладовъ...

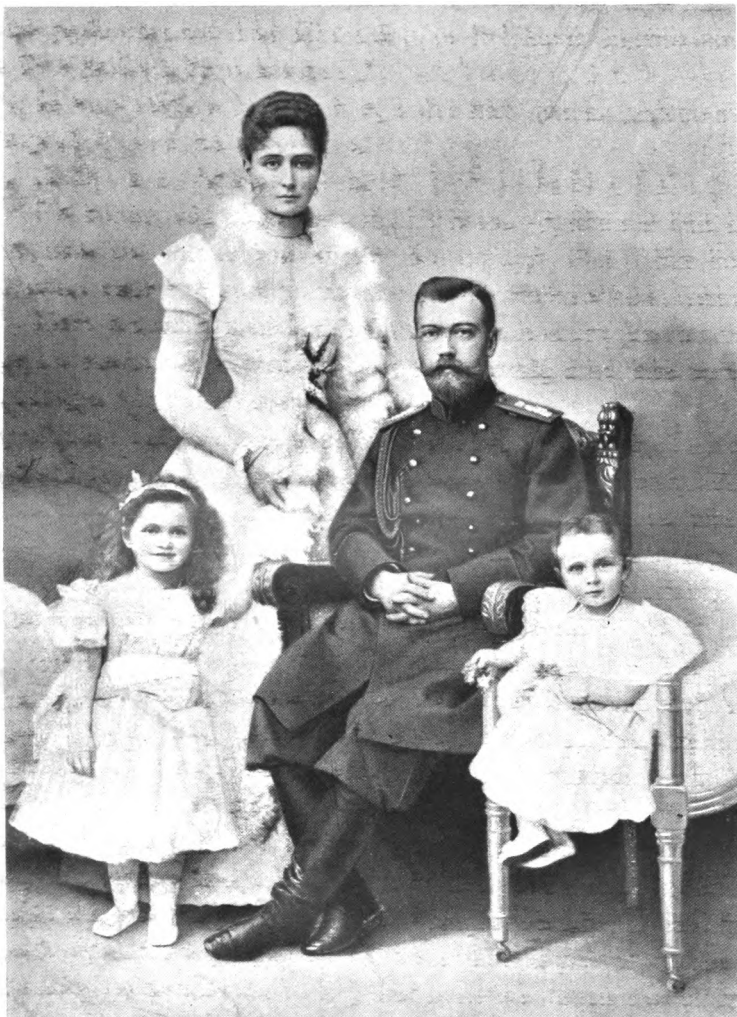
Попавъ въ эти двухсторонніе тиски, лишенный возможности бороться съ врагами равнымъ оружіемъ, редакторъ-издатель «Гласности» вынужденъ былъ,—что и предсказывали ему жида въ подметныхъ письмахъ,—свернуть, до перемѣны обстоятельствъ, свое знамя и уступить мѣсто кагальнымъ респіціямъ, на сторонѣ которыхъ временно очутились неожиданные союзники... Любопытно, что въ то время какъ «Гласность» подвергалась всяческому преслѣдованіямъ, доводившимъ ее до двукратной вынужденной приостановки, не смотря на увеличившееся число подписчиковъ ¹⁾, «Наблюдатель» стоялъ внѣ всякихъ нареканій со стороны надзирающихъ властей,—а въдѣ «Гласность», и въ редакціонномъ отношеніи, и по составу сотрудниковъ, составляла только филиальное

¹⁾ Въ первый годъ число подписчиковъ на газету не успѣло превысить 2,000; но во второй уже годъ тиражъ ея превышалъ, вмѣстѣ съ розничною продажей, 6,000 экз.

отдѣленіе того же «Наблюдателя». Но наша газета, имѣвшая возможность дѣйствовать на *тотъ именно слой публики, который находился всецѣло подъ гипнотизирующимъ вліяніемъ жидовской прессы*, возбуждала особенную, жгучую ненависть кагала, а ея пріостановки встрѣчались съ величайшею радостью въ этомъ почтенномъ сонмищѣ, — радостью, прорывавшейся и въ печати, не взирая на строго соблюдаемый обѣтъ «замалчиванія». Наглость жидовъ простиралась до того, что они громили редакцію чуть не ежедневными подметными письмами (одно изъ нихъ, за подписью: «члены Новаго Израіля», было напечатано цѣликомъ въ № 4 «Гласности» за 1898 г.), гдѣ намъ угрожали и разореніемъ редакціи, и вынужденной забастовкой всего дѣла... («Наблюдатель» № 11, 1899 г.).

Возобновленіе газеты отложено впредь до особаго объявленія.

Государь Императоръ

Николай II

и

Его Августѣйшее Семейство.

ЗАГОВОРИЛА СОВѢСТЬ.

(Окончаніе).

XXIII.

Однажды Иванъ Захаровичъ долго не вставалъ съ постели. Вотъ ужъ и 10 часовъ; и почтальонъ принесъ газеты. Петръ Захаровичъ отнесъ газеты и почтовую корреспонденцію къ брату въ кабинетъ. Тамъ въ спальнѣ—подозрительная тишина. Петръ Захаровичъ заглянулъ за драпировку и—о, ужасъ!—его братъ, съ посинѣлымъ отъ апоплексическаго удара лицомъ, лежалъ навзничъ.

Петръ Захаровичъ побѣжалъ въ кухню, чтобы позвать прислугу. Таково было его первоначальное намѣреніе. Но, добѣжавъ до двери въ кухню, онъ сейчасъ же вернулся, заперъ дверь въ сѣни изнутри, осмотрѣлся и убѣдился въ томъ, что онъ теперь одинъ въ квартирѣ съ мертвецомъ.

«Ну, что-жь!—мысленно рѣшилъ онъ:—надо торопиться и обезпечить себя... Неужели же все отдать мальчишкѣ?—Вѣдь не будь завѣщанія въ пользу Владиміра Соколова—и тогда наслѣдникомъ по закону и, притомъ, единственнымъ наслѣдникомъ долженъ быть онъ, Петръ Захаровичъ...

Единственный «по закону наслѣдникъ» бѣжить въ кабинетъ... Не довѣряя своимъ глазамъ, онъ еще разъ заглядываетъ за драпировку. Мертвецъ лежитъ въ той же позѣ, смотритъ на него, Петра Захаровича, безжизненными глазами и не шевелится... Да, несомнѣнно это мертвецъ! Конечно, это—смерть, а не обморокъ...

Петръ Захаровичъ выхватываетъ ключи изъ чайнаго ящика съ нарисованными на немъ китайцами, отпираетъ

письменный столъ, роется тамъ и находитъ запечатанный пакетъ безъ всякой надписи. Конечно, это завѣщаніе! Но вотъ и деньги... Пока еще не явились полиція и судебный приставъ, надо подобрать денежки на всякій случай... Всего 725 руб. съ мелочью! Ну, 25 руб. и мелочь можно оставить, а 700 рублей надо взять...

И онъ беретъ деньги и прячетъ ихъ далеко-далеко въ свой старый сапогъ за комодомъ.

А пакетъ?—что въ немъ?

Въ конвертѣ, какъ онъ и ожидалъ,—духовное завѣщаніе. Да, это то самое завѣщаніе въ пользу Володьки, которое недавно еще удостовѣрили своимъ подписомъ свидѣтели.

Безъ всякихъ колебаній, Петръ Захаровичъ рветъ завѣщаніе въ клочки и сжигаетъ въ пепельницѣ, а пепель выбрасываетъ въ форточку...

Было завѣщаніе, а теперь его нѣтъ, и, вмѣсто Володьки Соколова, наслѣдникомъ состоитъ онъ, Петръ Захаровичъ,—единственнымъ и законнымъ наслѣдникомъ. Какъ все превосходно удалось! Прошло съ полчаса. Запахъ горѣвшей бумаги окончательно еще не исчезъ. Но кто же можетъ догадаться, что онъ только-что сжегъ завѣщаніе?

Вотъ стучится изъ сѣней бывший въ кухнѣ лакей Григорій, который вторично втаскиваетъ подогрѣтый самоваръ. Григорій чуть не выронилъ свою ношу, когда Петръ Захаровичъ сказалъ ему, что братецъ скоростижно умеръ. Прибѣжала кухарка и начала креститься, ахать и причитывать... Петръ Захаровичъ послалъ Григорія въ полицію. Явился полицейскій чиновникъ и произвелъ дознаніе. Покойника обмыли и положили въ залу, гдѣ была отслужена первая панихида. Придвинутыя къ умершему пальмы, панданусы и другія тропическія растенія своими раскидистыми вѣтвями смягчали картину смерти.

Къ вечеру явился судебный приставъ и опечаталъ кабинетъ. Утромъ началась въ охранительномъ порядкѣ опись и продолжалась до вечера. Петръ Захаровичъ сдѣлалъ видъ, что ему неизвѣстно, гдѣ братъ его хранилъ ключи. А такъ какъ ключей не нашли, то позвали слесаря и тотъ своими отмычками отперъ письменный столъ и другія запертыя помѣщенія. Никакого завѣщанія не было найдено, и судебный

приставъ уже поздравилъ Петра Захаровича, какъ законнаго наслѣдника довольно значительнаго состоянія. Мало-по-малу Петръ Захаровичъ сталъ входить въ роль хозяина. Откуда вдругъ явилась и самоувѣренность! И какова же была его радость, когда по наведенной справкѣ въ тулуповскомъ отдѣленіи государственнаго банка у Ивана Захаровича оказалось вкладовъ и процентныхъ бумагъ на 42,450 руб., кромѣ накопившихся процентов!

Голубковъ не пожалѣлъ денегъ на похороны. Отъ судей и прокуратуры на гробъ Ивана Захаровича былъ возложенъ роскошный вѣнокъ съ оттиснутою на лентѣ надписью: «Судебному оратору, защитнику несчастныхъ и всегдашнему поборнику правды». Другой вѣнокъ былъ отъ адвокатуры и въ подпискѣ участвовалъ даже самъ Пульхритудовъ, который сказалъ на могилѣ нѣсколько теплыхъ словъ въ честь умершаго. Многихъ даже позабавило это зрѣлище ораторствующаго Пульхритудова. Но, въ концѣ концовъ, все-таки повѣрили его искренности, такъ какъ могила «обезоруживаетъ даже враговъ».

За гробомъ было длинное шествіе и двигался кортежъ экипажей. Шли и даровые кліенты Ивана Захаровича, а въ газетахъ одинъ изъ судей помѣстилъ его некрологъ. Въ этомъ некрологѣ авторъ выразилъ ту мысль, что Иванъ Захаровичъ Голубковъ, занимавшій очень почетное мѣсто въ рядахъ адвокатуры, былъ обязанъ своимъ завиднымъ положеніемъ въ обществѣ только самому себѣ и своей чрезвычайной энергіи и трудолюбію. А по своей всегдашней добросовѣстности и ораторскому дарованію онъ съ честью могъ бы занимать мѣсто и среди присяжной адвокатуры, хотя, будучи плебеемъ по происхожденію, онъ учился на мѣдные гроши.

Черезъ два мѣсяца по смерти брата, Петръ Захаровичъ былъ утвержденъ окружнымъ судомъ въ правахъ наслѣдства. Всѣ формальности исполнены и теперь онъ—богатый человѣкъ. Теперь новый владѣлецъ большаго дома съ магазинами и квартирами на Московской улицѣ озаботился разысканіемъ Тишки, которому онъ велѣлъ прійти къ себѣ. Въ это же время, и очень кстати, лакей Григорій поссорился съ кухаркой и попросилъ расчесть у «новаго барина»:—такъ теперь стали называть Петра Захаровича.

Когда явился Тишка, «новый баринъ» обратился къ нему съ такимъ привѣтствіемъ:

— Я желалъ бы, Тихонъ, чтобъ ты служилъ у меня въ лакеяхъ. Ты получалъ у моего брата 8 руб., а я по старой памяти, когда ты меня зналъ еще бѣднякомъ, намѣренъ платить тебѣ по 15 руб. въ мѣсяцъ. А Григорія я увольняю по его же собственному желанію. Согласенъ ли ты?

Тишка былъ чрезвычайно удивленъ.

— Да я къ вамъ; Петръ Захаровичъ, съ моимъ превеликимъ удовольствіемъ и готовъ вамъ вѣкъ служить... Покойникъ Иванъ Захаровичъ, точно, меня несправедливо прогнали, потому что я ни душой, ни тѣломъ не виноватъ въ пропажѣ ихнихъ денегъ... Чтобъ тому горячую сковороду лизать на томъ свѣтѣ, кто только эти деньги укралъ. Чтобъ ему, лиходѣю, ни дна, ни покрывки!

Петръ Захаровичъ поморщился при этомъ черезчуръ уже искреннемъ пожеланіи простодушнаго Тишки.

— Ну, такъ знай же, Тихонъ,—сказалъ онъ,—что мѣсто за тобой. Теперь я всѣмъ буду отказывать...

— Съ моимъ превеликимъ удовольствіемъ! Хоть сію минуту, Петръ Захаровичъ, перейду къ вамъ, если только хозяева отпустятъ.

И Тишка сдѣлался лакеемъ Петра Захаровича.

О всѣхъ послѣднихъ событіяхъ хорошо знала Дарья Васильевна изъ разсказовъ самого же Голубкова. Она была и обрадована, и въ то же время поражена счастливою переменною въ жизни Петра Захаровича съ тѣхъ поръ, какъ наслѣдство отъ брата неожиданно и безъ всякихъ споровъ перешло къ нему. При этомъ она все-таки знала, что Владиміръ Соколовъ—это незаконный сынъ Ивана Захаровича Голубкова отъ Анны Гавриловны Хрѣнниковой; что Соколовъ самъ же возвратилъ отцу сорванные съ него часы въ дворянскомъ собраніи и что Иванъ Захаровичъ составилъ даже завѣщаніе въ пользу Володи... И все это она знала отъ самого Петра Захаровича. Но только Петръ Захаровичъ не сказалъ ей одного: что онъ уничтожилъ завѣщаніе...

Дарья Васильевна недоумѣвала, какимъ это образомъ Петръ Захаровичъ сдѣлался наслѣдникомъ брата по закону. Когда же она начала выпытывать Голубкова по этому предмету, онъ очень неохотно и раздраженнымъ тономъ отвѣтилъ:

— И что ты, Даша, пристаешь ко мнѣ съ этимъ завѣщаніемъ? Какое удивительное, чисто-женское любопытство! Ну, вѣдь могъ же Иванъ Захаровичъ передумать и уничтожить это завѣщаніе! Вѣдь могъ же онъ и не успѣть составить новое завѣщаніе! Наконецъ, — какъ ты думаешь? — вѣдь могъ же онъ отдать это завѣщаніе куда либо или кому либо на храненіе, и пока еще никто не знаетъ — гдѣ оно!.. Если завѣщаніе и осталось, то, можетъ быть, ему суждено никогда уже болѣе не выплывать на свѣтъ... А, можетъ быть, оно и окажется!..

Но Дарья Васильевна съ трудомъ вѣрила этимъ объясненіямъ и въ душу ея закралось подозрѣніе, что завѣщаніе просто-на-просто уничтожено самимъ Петромъ Захаровичемъ, такъ какъ онъ первый и безъ свидѣтелей увидалъ своего брата мертвымъ. И она больше не выпытывала...

Теперь, чувствуя себя вполне обезпеченнымъ, Петръ Захаровичъ рѣшилъ, что ему слѣдуетъ жениться на Дарьѣ Васильевнѣ и съ ея же согласія узаконить прижитую съ нимъ до брака Шурочку. Нечего и говорить, что Дарья Васильевна приняла это предложеніе съ радостью и безъ всякихъ колебаній, и вскорѣ же они обвѣнчались, а въ окружномъ судѣ состоялось опредѣленіе о признаціи дѣвицы Александры Петровой дочерью Петра Захаровича и Дарьи Васильевны съ фамиліей Голубковой.

Теперь Шурочкѣ Голубковой было уже 16 лѣтъ и, для восполненія многочисленныхъ пробѣловъ въ ея образованіи, къ ней стали ходить учителя. Многіе завидовали счастью Голубковыхъ, а дьяконица Кристаллова, посѣщавшая Дарью Васильевну чуть не ежедневно, тѣмъ временемъ усердно звонила по всему городу о необыкновенномъ счастьѣ, свалившемся точно съ неба для ея бывшей постоялицы.

— А ужъ какое ей было горькое житье! — патетически рассказывала дьяконица съ блиставшею въ глазахъ слезою. — Вѣрите ли? — зачастую сидѣла съ дочкой безъ всякой ѣды! Бывало, позову Шурочку къ себѣ, напою чайкомъ и дамъ ей хлѣбца, а она-то, бѣдняжка, уплетаетъ съ голодухи за обѣ щеки: ѣсть — не наѣстся! Вотъ то-то милосердый Господь за добродѣтель не оставляетъ!.. Никто какъ Богъ!

И дьяконица при этомъ крестилась.

— А теперь, — продолжала она, — Дарья Васильевна Голуб-

кова сдѣлалась все равно какъ именитая купчиха. Одинъ домъ, чего стоить! Я и во снѣ-то не видала такого богатства. И никакой въ ней гордости! Другая и глядѣть бы на меня не стала. А я иду къ ней все равно какъ въ родной домъ. А тутъ еще Петръ Захаровичъ книжную лавку открываетъ. Хо-о-рошій, очень хорошій господинъ! Ужь его и въ церковные старосты хотятъ выбрать! Большой толкъ въ хоровомъ пѣннѣ имѣеть! Да что и говорить!—человѣкъ съ умомъ и чувствіемъ... Пока Дарья Васильевна жила у меня въ крайности, онъ ее не покидалъ. Ужь тамъ я хорошо не знаю, а только я все примѣчала: какъ бывало ни побываетъ у насъ Петръ Захаровичъ, такъ—глядишь: у Дарьи Васильевны вдругъ и деньжонки оказываются... Совсѣмъ добродѣтельный человѣкъ! Вотъ и дѣвчоночку узаконили... ужь скоро и невѣста. Теперь съ капиталомъ какъ не найти для нея хорошаго жениха!

Кумушки слушали эти розказни съ наслажденіемъ, ахали, охали и причитывали, дѣлая свои выводы и заключенія. И многія изъ нихъ мечтали, почему бы и на ихъ долю не выпасть такому же счастью! Вѣдь все бываетъ на свѣтѣ! Господь невидимо для насъ зреть въ Своей благости и блюдетъ несчастныхъ. А какъ погадаешь на картахъ,—и еще лучше на кофейной гущѣ; только надо это дѣлать съ умомъ и помолившись какъ слѣдуетъ,—такъ непременно тебѣ выходить и хорошій женихъ, и пріятная дорога, и неожиданный интересъ... А тамъ ужь какъ восхоцетъ Господь, такъ тебѣ и сбудется.

Дѣйствительно, Петръ Захаровичъ вскорѣ же открылъ въ своемъ домѣ книжную торговлю. Онъ рѣшилъ, что это будетъ для него самое подходящее, выгодное и приличное занятіе. Его выбрали и въ церковные старосты, и вообще ему какъ-то сразу повезло. Хотя хранившіеся въ государственномъ банкѣ незастрахованными два билета перваго внутренняго займа и попали въ тиражъ, но зато на одинъ билетъ втораго займа Петръ Захаровичъ, черезъ два мѣсяца послѣ этого, выигралъ 25,000 руб. Отслуживъ по этому случаю молебень, Петръ Захаровичъ пожертвовалъ 5,000 руб. въ гимназію на стипендію его имени для одного ученика и сдѣлался попечителемъ городской школы, которую онъ снабжалъ бесплатно учебными пособиями. Изъ незамѣтнаго человѣка, котораго знали только какъ брата адвоката Голубкова, теперь Петръ Захаро-

вичъ сдѣлался виднымъ человѣкомъ и крупнымъ комерсантомъ въ Тулуповѣ.

XXIV.

Однажды, когда Голубковъ съ своей дочкой Шурой разбиралъ въ магазинѣ только что полученный товаръ: книги, бумагу и разныя письменныя принадлежности, — вошелъ Хапугинъ.

Онъ вѣжливо снялъ свой порыжѣлый, бывавшій въ передѣлкахъ, котелокъ и сказалъ:

— Имѣю честь представиться: отставной коллежскій регистраторъ Сергѣй Викторовичъ Хапугинъ.

— Что вамъ угодно, г. Хапугинъ?

— Я былъ, Петръ Захаровичъ, свидѣтелемъ по духовному завѣщанію вашего брата Ивана Захаровича Голубкова.

— Да! я гдѣ-то васъ видѣлъ и припоминаю... Что-жъ изъ этого? Да вѣдь духовнаго завѣщанія не осталось...

— Въ какомъ смыслѣ: не осталось?! Вѣдь оно все-таки было-съ... А наслѣдникомъ по этому завѣщанію долженъ быть незаконный сынъ Ивана Захаровича, Владиміръ Ивановичъ Соколовъ.

— А вамъ какое дѣло, г. Хапугинъ? Если найдется завѣщаніе, то оно будетъ представлено къ засвидѣтельствованію и васъ потребуютъ въ окружный судъ для подтвержденія. А если не найдется, то стало быть его и нѣтъ!

— А кто же его представить, Петръ Захаровичъ? Позвольте узнать: уже не вы ли?

— А хоть бы и я... Если же такого завѣщанія нѣтъ, то и вамъ до этого нѣтъ дѣла... Въ чужія дѣла никому,—а вамъ-то въ особенности,—совать не слѣдуетъ...

— Позвольте же вамъ сказать, Петръ Захаровичъ,—то есть предупредить въ нѣкоторомъ смыслѣ,—что если вы не удовлетворите меня и моихъ товарищей Бѣлецкаго и Топазова, которые подписались на завѣщаніи, а равно и самого наслѣдника Соколова, то мы хотимъ заявить прокурору, что завѣщаніе было и что вы уничтожили его въ своихъ интересахъ... Вѣдь мы, свидѣтели, живые люди!

— Да какъ вы смѣете? Вѣдь это выходитъ какое-то вымогательство, шантажъ!

— Извините, Петръ Захаровичъ! Это не шантажъ, а только заявленіе прокурору о совершенномъ вами преступленіи. А каждый гражданинъ російской имперіи не только обязанъ донести начальству о преступленіи, но не имѣетъ даже права отговариваться незнаніемъ закона... А законъ намъ повелѣваетъ немедленно доносить начальству объ извѣстномъ намъ и еще неизвѣстномъ для начальства преступленіи... Полиція же все у насъ предупреждаетъ и пресѣкаетъ, а уголовный законъ караетъ, дабы другимъ было неповадно. Но мы, какъ порядочные люди, не желаемъ причинять вамъ хлопоты и огорченіе. Мы люди чиновные и благородные и записываться въ доносчики намъ не охота... Доносить на нашего ближняго не очень-то пріятно, да и евангеліе не дозволяетъ... А мы, бѣдные свидѣтели, удовольствовались бы полученіемъ съ васъ за молчаніе всего только по тысячѣ рублей на брата. А съ господиномъ Соколовымъ у васъ можетъ быть особая сдѣлка! — вѣдь и ему не легко будетъ отбивать у васъ отцовское наслѣдство!.. А, стало быть, и онъ охотно пойдетъ съ вами на мировую.

— Вонъ отсюда! Сейчасъ позову полицію... Не боюсь я вашихъ доносовъ. Если завѣщаніе и было, такъ оно уничтожено самимъ же завѣщателемъ Иваномъ Захаровичемъ...

— Какъ угодно-съ! Сейчасъ передамъ о вашемъ безразсудномъ отказѣ моимъ товарищамъ и самому законному наслѣднику г. Соколову.

И Хапугинъ, съ фізіономіей еще болѣе похожей на восклицательный знакъ, напялилъ котелокъ на свою изобрѣтательную голову и ушелъ въ трактиръ, какъ и было условлено, на совѣщаніе съ товарищами и Володей Соколовымъ. А Петръ Захаровичъ, весь красный отъ волненія и раздраженія, тяжело дышалъ. Видѣвшая всю эту сцену, Шура поспѣшила подать отцу стаканъ воды.

Въ тотъ же день, вечеромъ, къ Петру Захаровичу явился на домъ самъ претендентъ на наслѣдство, Владиміръ Соколовъ.

Какъ Петръ Захаровичъ ни горячился въ объясненіяхъ съ Хапугинымъ въ книжномъ магазинѣ, ему все таки было инте-

ресно узнать отъ самого претендента о его намѣреніяхъ. Вотъ почему онъ рѣшился принять Соколова, хотя и разговаривалъ съ нимъ въ передней, какъ бы съ просителемъ, не подавая ему руки и не приглашая садиться.

— Что вамъ угодно, г. Соколовъ?—спросилъ онъ.

— Прежде чѣмъ заявлять прокурору, я желалъ переговорить съ вами, Петръ Захаровичъ, —грамотно заговорилъ Соколовъ.—Отъ свидѣтелей: коллежскаго ассесора Вѣлецкаго, коллежскаго секретаря Топазова и коллежскаго регистратора Хапугина, а также и изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ, мнѣ извѣстно, что послѣ моего отца Ивана Захаровича Голубкова осталось домашнее завѣщаніе, по которому я долженъ былъ получить все его состояніе. Но это завѣщаніе, по всей вѣроятности, уничтожено вами и вы завладѣли моимъ наследствомъ беззаконно, хотя формально и по закону. Не лучше ли намъ покончить какъ нибудь миролюбиво? Вѣдь и мнѣ не легко будетъ доказать въ окружномъ судѣ, что я — наследникъ, а никакъ не вы. А васъ пришлось бы, путемъ дознанія и слѣдствія, — объ этомъ я узналъ отъ вполне знающихъ людей,—посадить на скамью подсудимыхъ. Зачѣмъ намъ еще судиться, когда я же довожусь вамъ — не по документамъ, конечно, а по крови—племянникомъ?!

Петръ Захаровичъ поблѣднѣлъ. Онъ понялъ, что «благородные свидѣтели» ужь очень обстоятельно просвѣтили Володю насчетъ его правъ.

— Если, — отвѣтилъ онъ, — завѣщаніе и было въ вашу пользу, г. Соколовъ, то теперь его нѣтъ и, по крайней мѣрѣ, оно не найдено. А потому вотъ вамъ Богъ, а вотъ вамъ и порогъ! Въ вѣдѣ добраго дѣла я могу пожертвовать вамъ сколько нибудь на вашу бѣдность...

— Это мнѣ-то, наследнику, какъ нищему, вы хотите бросить грошь, чтобы успокоить совѣсть и отдѣлаться отъ меня?! Такъ ужь лучше и безъ вашей подачи я буду переносить голодь и нищету до поры—до времени. Прощайте. Я, можетъ быть, и судиться съ вами не стану, хотя пока еще не откавываюсь отъ жалобы прокурору и отъ суда. Пускай же насъ рассудитъ Богъ!

И Володя Соколовъ ушелъ.

«Конечно, — думалъ Голубковъ, — онъ только испробо-

валь, — трусливъ ли я... Онъ не станетъ заявлять, да и ничего бы изъ его заявленія не вышло!... Однако, онъ сказалъ: «пускай насъ разсудить Богъ!» Вотъ этого-то суда я и боюсь... Почему же нѣтъ покоя моей душѣ? И не могу я радоваться всѣмъ, чтѣ имѣю... Еще никто мнѣ не грозилъ прокуроромъ, а душа моя давно уже въ тревогѣ... Да и сплю я плохо! Апетитъ плохой... Пожалуй, какъ бы не пришлось свалиться въ постель. А, кажется, все есть у меня съ избыткомъ! Да и чѣмъ можно доказать, что я уничтожилъ завѣщаніе!»

— Зачѣмъ этотъ Соколовъ приходилъ къ тебѣ? — спросила мужа Дарья Васильевна.

— Чтобы вытянуть съ меня денежки и припугнуть заявленіемъ прокурору объ уничтоженіи мною завѣщанія. Есть такіе, видишь ли ты, благородные свидѣтели по завѣщанію Ивана Захаровича, которые очень желаютъ сорвать съ меня изрядный кушъ за молчаніе. Но я, конечно, ничего имъ не дамъ. А если и дать имъ денегъ, заткнуть имъ на время глотки, то равнѣ послѣ этого они не стануть опять вымогать съ меня деньги?

— Какъ? Стало-быть, ты, Петръ Захаровичъ, уничтожилъ завѣщаніе Ивана Захаровича?

— Конечно, уничтожилъ.

— Я такъ и думала, и подозрѣвала... только все боялась тебя спросить... Да и Шурка мнѣ что-то передавала о твоёмъ разговорѣ съ Хапугинымъ... И какъ тебѣ не грѣхъ?!

— Безъ этого грѣха, Даша, не было бы у насъ состоянія и я не могъ бы на тебѣ жениться и узаконить Шурочку.

— Ахъ, Господи! Я теперь не знаю, Петръ Захаровичъ, да что же намъ дѣлать? А чтѣ если эти свидѣтели и самъ Владиміръ Соколовъ заявятъ обо всемъ полиціи или прокурору? чтѣ если будетъ назначено слѣдствіе?

— По всей вѣроятности, Даша, ничего изъ этого не выдетъ! Нельзя доказать, что я сжегъ завѣщаніе. Вѣдь и Иванъ Захаровичъ легко могъ самъ уничтожить завѣщаніе, чтобы замѣнить его другимъ, могъ передумать и составить новое—да не успѣлъ. А, можетъ быть, и выдетъ!—ни за что нельзя поручиться! Если дѣло откроется, то преспокойно сошлуютъ меня, а все, чтѣ я получилъ отъ Ивана Захаровича, перейдетъ къ Соколову. Да знаешь ли что? Мнѣ въ жизни

не везеть, какъ инымъ людямъ... Мнѣ все это такъ тяжело съ нѣкоторыхъ поръ, что я готовъ былъ бы на что-нибудь рѣшиться. Богъ съ нимъ, и съ состояніемъ-то! Если я согрѣшилъ; — ну, скажемъ даже: сдѣлалъ преступленіе, — то неужели же нельзя это какъ-нибудь загладить? Неужели я не могу вполнѣ оправдаться передъ собою, передъ моею совѣстью?

— Наврядъ ли оправдаешься, Петя! Мнѣ очень тебя жаль...

И Дарья Васильевна вздохнула.

— Какъ? И неужели, Даша, искренняя молитва Богу и исповѣдь предъ священникомъ не помогутъ?

— Не знаю. Говорять, вѣра безъ дѣлъ мертва.

— Завелъ я книжное дѣло, и теперь веду его черезъ силу, — и не потому, что это занятіе мнѣ не нравится... Нѣтъ спокойствія для души! Поручаю тебѣ магазинъ: веди это дѣло съ Шурочкой, какъ знаешь... А я что-то не могу. Совсѣмъ не тѣмъ голова занята! Пойду въ церковь...

И Петръ Захаровичъ ушелъ ко всемогущей въ Петропавловскую церковь, гдѣ онъ былъ ктиторомъ. Но вскорѣ же онъ пришелъ оттуда совсѣмъ блѣдный и потерянный. Оказалось, по его разсказу, что, когда онъ ставилъ свѣчи предъ иконами святыхъ апостоловъ Петра и Павла и Николая Чудотворца, то, куда бы онъ ни отошелъ отъ иконъ, лики святыхъ смотрѣли на него, какъ живые, такъ строго и укоризненно!... Точно они хотѣли сказать ему: «фарисей ты и лицемѣръ! зачѣмъ намъ твои свѣчи, молитвы и поклоны, когда преступная душа твоя и сердце, уклонившееся въ слова лукавствія, чернѣе самой тьмы кромѣшной!»—Все это до того разстроило Петра Захаровича въ церкви, что онъ, совсѣмъ блѣдный, робко и конфузливо спросилъ своего помощника:

— А посмотрите-ка, Гаврила Ивановичъ, что это съ иконами дѣлается?—точно чудо какое!—вотъ съ тѣми, къ которымъ я ставилъ свѣчи! Вы развѣ ничего не примѣчаете?

Гаврила Ивановичъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на самого Голубкова и подумалъ: неужели онъ пьянъ или ужъ рехнулся?

— Ничего-съ, Петръ Захаровичъ! Какъ и всегда, иконы какъ иконы!...

— А мнѣ кажется, что лики святыхъ все смотрятъ на меня точно живыми глазами... Вотъ поглядите: Николай-Угодникъ точно повернулъ ко мнѣ глаза! Онъ будто гнѣвается и укоряетъ меня.

— Да что вы, Петръ Захаровичъ! Христось съ вами. Иконы все въ томъ же положеніи! Вотъ развѣ что сторожъ не сдвинулъ ли ихъ, когда чистилъ подсвѣчники: это бываетъ!

— Ну, такъ это я, Гаврила Ивановичъ, несовсѣмъ здоровъ... У меня нервное разстройство... Побудьте до конца службы и идите вмѣсто меня съ блюдомъ и кружкой побору; потомъ сосчитайте и запишите деньги, а я пойду домой: со мной точно ознобъ, какой-то страхъ на меня напалъ! Опять смотреть!...

Холодный потъ выступилъ у него на лбу.

Когда же Петръ Захаровичъ передалъ жемъ о томъ, что было съ нимъ въ церкви, Дарья Васильевна внимательно посмотрѣла на него и дотронулась до его лба. Лобъ былъ горячій. Съ Петромъ Захаровичемъ дѣйствительно началась лихорадка и лицо его было влажно.

— Я тебя сейчасъ же напою малиной,—сказала она:— ложись въ постель! А еще лучше—прими пять гранъ хины...

Дня черезъ три бывшее съ Голубковымъ лихорадочное состояніе,—скорѣе отъ разстройства нервовъ, чѣмъ отъ простуды,—исчезло совершенно. Но странно! Когда Петръ Захаровичъ снова пришелъ въ церковь, лики Спасителя, Матери Божіей и святыхъ опять смотрѣли на него, какъ живые, ужъ очень строго... Въ этотъ разъ, чтобы не показаться смѣшнымъ, Петръ Захаровичъ ничего не сказалъ своему помощнику и только робко озирался и косился на иконы. Но помощникъ все таки наблюдалъ и замѣтилъ на лицѣ его какое-то волненіе...

Все это до того заинтересовало Гаврилу Ивановича, что по окончаніи церковной службы онъ не утерпѣлъ, вошелъ въ алтарь и сказалъ священнику:

— Отецъ Андрей! что я вамъ скажу?! Нашъ церковный староста что-то не по себѣ! Говоритъ какъ-то странно, точно въ какомъ забытѣ, и все ему мерещится, что святые угодники на иконахъ глядятъ на него, какъ живые, очевѣе строго... Что бы это значило? ужъ не рехнулся ли онъ?

— Я ничего не замѣтилъ, Гаврила Ивановичъ. Во истину

вамъ говорю... Можетъ быть, у него грѣхъ какой на душѣ!.. Ну, такъ онъ скоро будетъ говѣть, исповѣдаться...

— Развѣ что такъ, отецъ Андрей!

Черезъ нѣсколько дней, Петръ Захаровичъ извѣстилъ священника письмомъ, что по болѣзни онъ не можетъ исполнять обязанностей церковнаго старосты.

Въ обычномъ смыслѣ слова, Петра Захаровича нельзя было считать больнымъ. По крайней мѣрѣ, онъ не только не лежалъ въ постели, но даже много ходилъ по улицамъ, стараясь утомить себя движеніемъ. Однако и эти безцѣльные хожденія и прогулки нисколько не облегчали его. У него болѣла душа...

Жена знаетъ все, — думалъ Голубковъ: — если она прямо не называетъ его подлецомъ и воромъ, то только потому, что стѣсняется и жалѣетъ его: вѣдь онъ все таки ей мужъ! А въ глубинѣ души она, конечно, презираетъ его. И зачѣмъ она все шушукается съ Шурочкой и все посматриваетъ на него?! Конечно, Дарья Васильевна уже давно догадывалась объ уничтоженіи завѣщанія, — еще прежде, чѣмъ онъ самъ сказалъ ей объ этомъ...

Теперь Петръ Захаровичъ сталъ интересоваться вопросомъ: посторонніе люди не замѣчаютъ ли чего нибудь особеннаго, — напримѣръ, смущенія на его лицѣ? Можетъ быть, ужъ они догадываются, что онъ — воръ и преступникъ, отнявшій у племянника все его состояніе... Можетъ быть, они уже презираютъ его, какъ негодяя, и только молчатъ до поры до времени... Такъ ужъ лучше бы эти люди не мучили его и сразу высказали бы ему все, что они про него думаютъ!..

И вотъ Голубковъ подозрительно всматривается въ знакомыхъ и незнакомыхъ ему людей. Да вонъ тотъ извозчикъ прямо таки началъ посмѣиваться, какъ только увидалъ его, Петра Захаровича! А вонъ тотъ городской подошелъ къ другому городовому и что-то началъ ему шептать; навѣрное это онъ шепчетъ про него: «Ты, братецъ, стало быть, посматривай на мошенника Голубкова!» Ахъ, какое это мученіе!

Теперь Петръ Захаровичъ уже не сомнѣвается, что всѣ обыватели только имъ однимъ и интересуются, и всѣ подозрѣваютъ его въ чемъ-то очень нехорошемъ и говорятъ про него. При этой мысли онъ начинаетъ раздражаться.

«Ну, и пусть говорятъ! А доказать вы ничего не докажете!»

Когда же Голубковъ объявилъ жёнѣ, что теперь только о немъ одномъ и говорятъ въ Тулуповѣ и очевидно въ чемъ-то подозрѣваютъ, она развела руками и очень внимательно и боязливо посмотрѣла на мужа. Дарья Васильевна всячески пробовала разубѣдить мужа, но ничто не помогало.

— Тебѣ бы, Петръ Захаровичъ, съ докторомъ посоветоваться!— сказала она.— Я думаю, что у тебя нервы не въ порядкѣ...

— Ну, Даша, дай мнѣ бромистыхъ капель или валерьяновыхъ! И то правда, — мнѣ все что-то чудится! А, должно быть, свидѣтели завѣщанія и самъ Владиміръ Соколовъ не думаютъ заявлять на меня прокурору. Ужъ еслибъ они хотѣли донести, то давно бы донесли... Да и какъ доказать, что я уничтожилъ завѣщаніе!

Теперь Петръ Захаровичъ совсѣмъ ободрился и даже повеселѣлъ. Но это продолжалось недолго. Онъ посмотрѣлъ въ окно на улицу. Вдругъ вниманіе его почему-то привлекъ помощникъ пристава, который для чего-то два раза прошелъ мимо его дома и нѣсколько разъ взглянулъ на его окна.

«Конечно, это не спроста!— подумалъ Голубковъ. — Хотятъ сдѣлать у меня обыскъ,— нѣтъ ли чего!»

И опять тревожное и мучительное состояніе духа овладѣло имъ. Не спроста же и Тишка сказалъ ему, что пусть на томъ свѣтѣ лижетъ горячую сковороду тотъ лиходѣй, который укралъ деньги у Ивана Захаровича!

Плохо спится Голубкову. Бываетъ съ нимъ, что онъ и всю ночь не спитъ и заснетъ развѣ ужъ подь утро. Но какой это сонъ! Скорѣе изнурительный и тяжелый кошмаръ... И о чемъ только ни передумалъ въ это время Петръ Захаровичъ! Недаромъ онъ поблѣднѣлъ и похудѣлъ...

XXV.

Разъ, подь утро, Петръ Захаровичъ крѣпко заснулъ. И видѣть, что онъ съ Дарьей Васильевной въ какомъ-то лѣсу. Да и лѣсъ ему что-то знакомъ, — только сейчасъ онъ не можетъ вспомнить и сообразить, какой это лѣсъ?

А вотъ стройныя и высокія, вѣчно зеленыя сосны! вотъ могучіе дубы и развѣсистыя плакучія березы!.. Поляна. Небо покрыто тучами. Въ воздухѣ жарко и душно. Сверкаютъ мол-

ніи и раздаются громовые удары. Деревья гнутся и трещать, а буря неистово реветь. И не знаетъ онъ, Голубковъ, гдѣ ему пріютиться съ женою... Развѣ вотъ подѣ тѣмъ кустомъ на полянѣ?!

Буря стихла и только сверкають отдаленныя молніи на подобіе зарницы. Раздаются звуки трубъ и рожковъ, — точно изъ полковаго лагеря или съ желѣзной дороги. А вотъ и радуга, — двѣ, три, пять радугъ! Вдругъ надъ поляной спускается облако. Что это? — Да вѣдь это точно ангелы въ бѣлыхъ одѣяніяхъ.

— Сейчасъ появится во славу Николай Чудотворецъ! — слышитъ Голубковъ чей-то голосъ изъ-за деревьевъ. — Вотъ онъ! вотъ онъ, великій святитель!

И, дѣйствительно, среди ослѣпительныхъ молній спускается на поляну облако. Сперва Голубковъ ничего не можетъ разобрать... Но затѣмъ всматривается и видитъ въ этомъ облакѣ и сіяніи благообразнаго старца въ митрѣ съ сѣдою бородою и строгимъ взглядомъ, и какъ разъ въ томъ же видѣ, какъ изображенъ святитель Николай на большой иконѣ въ церкви св. Петра и Павла. Святой угодникъ опускается въ кресло, откуда-то принесенное ангелами на поляну.

— Господь Богъ нашъ и Вседержитель повелѣлъ мнѣ сотворить судъ надъ людьми! — провозглашаетъ святитель.

— Аминь! — поютъ чьи-то дивные голоса въ лѣсу.

«Конечно, это ангелы!» — такъ думаетъ Петръ Захаровичъ и самъ въ великомъ страхѣ падаетъ на колѣни. Вотъ появляется изъ-за деревьевъ его братъ.

— Рабъ Божій Іоаннъ! отвѣщай ми, не уклоняя души и сердца въ словеса лукавствія: любилъ ли ты своего брата Петра, какъ заповѣдалъ намъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ и Спаситель міра?

Иванъ Захаровичъ падаетъ на колѣни.

— Великій святитель! — отвѣчаетъ онъ. — Я давалъ брату моему Петру кусокъ хлѣба и пристанище, но не любилъ и не уважалъ его.

— А почто не любилъ? како глаголеши?

— Я думалъ, что его не за что любить и уважать...

— Въ глазу брата своего ты видѣлъ сучокъ, — строго замѣтилъ святитель, — а въ своихъ бревна не замѣтилъ... Не хо-

рошо, рабъ Божій Иване! Постыдно есть сіе... Принеси же покаяніе!

— Аминь!—поетъ хоръ ангеловъ.

— Однако, уговай на милость Божию и молись Пречистой и Преподобнословенной Владычицѣ нашей Дѣвѣ Маріи!

Иванъ Захаровичъ исчезаетъ...

«Тѣнь это или онъ, дѣйствительно, ожилъ?»—думаетъ Петръ Захаровичъ.

— А ты кто еси, рабъ Петръ? Отвѣщай: како мниши о себѣ?

— Великій святитель и угодникъ Божій!—робко отвѣчаетъ Петръ Захаровичъ: — я — попечитель церкви святыхъ апостоловъ Петра и Павла въ нашемъ городѣ.

— Да, для невидящихъ и несознающихъ свою грѣховную слѣпоту людей ты воистину попечитель церкви. Азъ все повидамъ... Ты отплатилъ брату своему Іоанну зломъ за добро... Недостоинъ ты быти попечителемъ храма Божія. Самъ сложи съ себя въ своей гордынѣ сіе званіе! Вѣдаю азъ и твои добрыя дѣла... А о грѣсѣхъ своихъ что мниши? Не лицемеръ ли ты и фарисей? И развѣ ты не обкрадывалъ своего же брата, иже даде ти хлѣбъ? Развѣ ты не укралъ все имѣніе у сына твоего брата? Раскаялся ли ты предъ Всевидящимъ Окомъ? Ты не церковный блюститель, а тать въ нощи и волкъ въ овчей шкурѣ! И надлежитъ свергнуть тя въ пучину морскую или въ геенну огненную, идѣ же будетъ ти плачь и скрежетъ зубовъ!

— Аминь!—поетъ хоръ ангеловъ. Опять молніи и громъ. Какія-то костлявыя руки схватываютъ Петра Захаровича, и онъ, наконецъ, просыпается весь въ поту отъ ужаса и страха.

— Что съ тобой?—опомнись!—говорить ему жена:—чего ты кричишь и стонешь во снѣ?

— Видѣлъ, Даша, зловѣщій сонъ,—не стану и говорить какой. Только самъ Николай-Чудотворецъ велѣлъ мнѣ отказаться, по моему недостойнству и грѣхамъ, отъ званія церковнаго попечителя.

И въ тотъ же день Петръ Захаровичъ послалъ форменное прошеніе объ увольненіи его отъ должности ктитора по болѣзни, причемъ онъ всетаки обязуется давать на церковь по пятисотъ рублей въ годъ до самой своей смерти.

Съ этихъ поръ разгнѣванный ликъ святителя Николая не выходилъ изъ головы Петра Захаровича. И хотя, по прежнему, онъ не пропускалъ ни одной церковной службы, но ходилъ въ другія церкви, забываясь куда нибудь въ уголь и стараясь не смотрѣть на иконы... Онъ стоялъ тамъ больше на колѣняхъ и усердно клалъ поклоны. Дѣлами же онъ совсѣмъ пересталъ заниматься. Удивился этой переměнѣ въ Голубковѣ священникъ Петропавловской церкви, отецъ Андрей, и говорилъ дьякону:

— Удивительное дѣло! Петръ Захаровичъ ни съ того, ни съ сего отказался быть у насъ попечителемъ будто бы по болѣзни, а самъ, какъ мнѣ передавали, чуть не каждый день бьетъ поклоны въ другихъ церквахъ... Что бы это значило?

— А Господь вѣдаетъ! — спокойно отвѣтилъ дьяконъ. — Все же отъ него большой прибытокъ для нашей церкви — 500 рублей въ годъ!

— Ужь не доложить ли объ этомъ его преосвященству? Можетъ быть, самъ владыко попросить его остаться у насъ въ церковныхъ старостахъ.

— Не совѣтую, отецъ Андрей! Почему мы знаемъ, изъ-за чего онъ отказывается... Можетъ быть, и по смиренію... Тогда зачѣмъ его неволить?

— А и то правда, отецъ дьяконъ! Это дѣло его самого!

Черезъ двѣ недѣли, къ Петру Захаровичу пришелъ помощникъ церковнаго старосты Гаврила Ивановичъ Воронковъ, исполнявшій его обязанности до новыхъ выборовъ. Онъ былъ крайне смущенъ и встревоженъ.

— Вотъ что, Петръ Захаровичъ! — сказалъ онъ: — бѣда, великая бѣда на меня стряслась! Я принялъ отъ васъ всѣ церковныя денежки и расписался при отцѣ Андреѣ и дьяконѣ. О васъ нечего и говорить: у васъ вся денежная отчетность была въ порядкѣ... Пришлось мнѣ этими днями платить по векселю. И вексель-то пустячный: всего 400 рублей! Я туда-сюда: нигдѣ денегъ не досталъ... Положимъ, какъ на грѣхъ, и мнѣ люди не заплатили къ сроку по счетамъ изъ моего магазина... А самъ я только что расквитался за товаръ изъ Москвы. Вѣдь надо же было кредитъ свой оправдать! Вотъ я взялъ изъ церковныхъ четыреста рублей въ уплату

по векселю, а еще сорокъ рублей изъ церковныхъ же оставилъ себѣ на расходъ до первыхъ получекъ... Теперь насъ скоро будутъ учитывать и какъ бы чего не вышло: еще скажутъ про меня лихіе люди, что я растратчикъ! А я не то что... Ну, точно ослабѣлъ по торговымъ дѣлишкамъ... А кто же по новѣшнимъ временамъ у насъ при свободномъ капиталѣ? Всякъ нарываетъ пущать свой капиталъ въ дѣло... И еще какъ бы меня таперича въ несостоятельные не записали!.. Выгните меня ради Христа, подъ вексель или подъ расписочку, — ну, срокомъ хоть на шесть мѣсяцевъ, покуль я не обернусь...

— Нынче, Гаврила Ивановичъ, — отвѣтилъ Голубковъ, — мнѣ изъ банка ужъ не выдадутъ, а завтра я съ удовольствіемъ дамъ вамъ.

— Ахъ, благодѣтель мой! Ну, дайте хоть 450 рублей! А я вамъ векселекъ приготовлю..

— Не надо мнѣ ни векселя, ни расписки.

— Какъ же это такъ: не надо?!

— Да такъ! Можете мнѣ и вовсе не платить.

— Вотъ этого я ужъ и совсѣмъ не понимаю, почтеннѣйшій Петръ Захаровичъ! Вѣдь этого и на свѣтѣ не бываетъ, а я ужъ живу седьмой десятокъ, чтобы по полтысячѣ дарить первому встрѣчному...

— Мнѣ самъ Николай-Угодникъ велитъ подарить вамъ эти деньги... А если вы не желаете взять отъ меня этотъ подарокъ, то можете пожертвовать эти деньги въ церковь или на слѣпыхъ и нищихъ...

— Я ужъ и не знаю, чтѣ мнѣ подумать! — сказалъ Гаврила Ивановичъ, радостно и вмѣстѣ съ тѣмъ подозрительно поглядывая на Голубкова. Ему пришло въ голову, что, должно быть, Голубковъ рехнулся... Недаромъ же Петру Захаровичу все мерещится святой Николай-Угодникъ! — Позвольте же васъ расцѣловать, Петръ Захаровичъ!

И они тоекратно облобызались.

Дѣйствительно, на другой же день Петръ Захаровичъ вручилъ Гаврилѣ Ивановичу 450 рублей безъ всякаго векселя и расписки. Отдавая деньги, Голубковъ просилъ объ этомъ никому не говорить.

Однако, Гаврила Ивановичъ не утерпѣлъ, чтобы не ска-

зять отцу Андрею объ этомъ удивительномъ поступкѣ Голубкова. Но при этомъ онъ, конечно, умолчалъ о томъ, что тайкомъ позаимствовался изъ церковныхъ денегъ.

— Понадобилось мнѣ до зарѣзу, — говоритъ онъ, — 450 рублей. Я и говорю Петру Захаровичу: «выручите меня, ради Христа, на шесть мѣсяцевъ подъ векселекъ!» А онъ мнѣ въ отвѣтъ: «извольте вамъ эти денежки въ подарокъ! Это мнѣ самъ святой Николай-Угодникъ велѣлъ вамъ подарить»... — Я, грѣшный человѣкъ, начинаю думать, что ужь не рехнулся ли нашъ Петръ Захаровичъ! Что-то у него вотъ тутъ не по себѣ...

И Гаврила Ивановичъ указалъ на свой лобъ.

— И съ какой же это стати, — продолжалъ онъ, — все ему мерещится святой Никола-Угодникъ!

— А, можетъ быть, Гаврила Ивановичъ, это просто внушеніе отъ Господа... Потому, — Петръ Захаровичъ — добрющей души человѣкъ: Вотъ вспомните только, какъ онъ сочелся бракомъ! Ну, кто на его мѣстѣ, при его-то нынѣшнемъ богатствѣ, сталъ бы думать о томъ, чтобы брачнымъ вѣнцомъ покрыть свой старый грѣхъ! А онъ и дочку-то отъ Дарьи Васильевны узаконилъ. Теперь настоящая невѣста. И лицомъ-то будетъ прехорошенькая барышня!

— Вотъ такія-то дѣла, отецъ Андрей, бывають на свѣтѣ!

— А все не иначе будетъ, какъ Промыслъ Божій, почтеннѣйшій Гаврила Ивановичъ! Сіе воистину такъ!..

XXVI.

Однажды Петръ Захаровичъ, какъ избранный по жребію въ присяжные засѣдатели, получилъ повѣстку окружнаго суда. Это его страшно встревожило, и первую его мыслью было: не представить ли медицинское свидѣтельство о болѣзни.

«Какъ? — думалъ онъ: — это меня-то требуютъ въ судьи? Не мнѣ судить людей, а, пожалуй, какъ бы меня самого еще не стали судить!»

Когда же ему растолковали, что по новому закону о присяжныхъ засѣдателяхъ, если даже онъ и представить свидѣтельство отъ врача, то для слѣдующей сессіи окружнаго суда

онъ будетъ включенъ въ число тридцати очередныхъ присяжныхъ уже безъ жребія, — Голубковъ рѣшилъ отбыть эту сессию во что бы то ни стало.

Все время Голубковъ былъ въ очень нервномъ настроеніи. Но первый день сессіи прошелъ для него благополучно. Онъ попалъ въ комплектные присяжные только по одному дѣлу, да и то въ число двоихъ запасныхъ.

На второй день предстояло разобрать четыре арестантскихъ дѣла. На первое изъ этихъ дѣлъ Голубковъ не попалъ. Второе дѣло было о грабежѣ, и на скамьѣ подсудимыхъ, неожиданно для Голубкова, появился въ арестантскомъ халатѣ Владиміръ Ивановичъ Соколовъ, а защитникомъ его по назначенію отъ предсѣдателя былъ Пульхритудовъ. Обвинителемъ же былъ товарищъ прокурора Бабочкинъ, который никого изъ присяжныхъ не отвелъ. Соколовъ на предварительномъ слѣдствіи сознался въ ограбленіи крестьянина Гаврикова, а потому для него было безразлично, кто бы его ни судилъ. Онъ мало интересовался тѣмъ, оправдаютъ ли его или обвинять, а если и просилъ предсѣдателя, при врученіи ему копии обвинительнаго акта, о назначеніи защитника, то больше потому только, что другіе арестанты обыкновенно просятъ для себя защитника. Поэтому не удивительно, что и со стороны Соколова не послѣдовало отвода. Судьба Соколова вовсе не интересовала Пульхритудова, обязаннаго защищать его бесплатно. И вотъ въ число комплектныхъ присяжныхъ попалъ Петръ Захаровичъ Голубковъ. Въ числѣ избранныхъ по жребію двѣнадцати присяжныхъ очутился и знакомый намъ купецъ Лука Даниловичъ Коноплянкинъ.

Личный составъ присяжныхъ въ общемъ видѣ былъ довольно сѣренькій, и когда присяжные, удалившись въ свою комнату для выбора старшины, пожелали выбрать Коноплянкина, — Лука Даниловичъ наотрѣзъ отказался отъ этой чести, ссылаясь на свою неопытность въ судебныхъ дѣлахъ и малограмотность. Тогда, несмотря на всякія возраженія и отговорки со стороны Петра Захаровича Голубкова, онъ былъ избранъ въ старшины.

Петръ Захаровичъ сперва не узналъ Соколова въ арестантскомъ костюмѣ; а потомъ сталъ догадываться, что это сынъ Ивана Захаровича Голубкова. Онъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ.

Когда присяжные объявили предсѣдателю, что въ старшины избранъ Пётръ Захаровичъ Голубковъ, онъ занялъ первое мѣсто, а рядомъ съ нимъ усѣлся Лука Даниловичъ Коноплянкинъ.

«Не заявить ли, — думалъ Голубковъ, — что я не могу и не долженъ судить Владиміра Соколова? Но какую же я выставлю причину? Да объ этомъ слѣдовало заявить еще до выборовъ»...

И онъ удержался отъ заявленія и въ смущеніи то-и-дѣло вздыхалъ и сморкался.

Изъ прочтеннаго на судѣ обвинительнаго акта оказалось, что неимѣющей осѣдлости и опредѣленныхъ занятій мѣщанинъ города Тулупова Владиміръ Ивановъ Соколовъ, 19-ти лѣтъ, встрѣтивъ поздно вечеромъ на улицѣ крестьянина Гаврикова, возвращающагося въ пьяномъ видѣ изъ трактира, вызвался проводить его до постоялаго двора. Затѣмъ, разговаривая съ Гавриковымъ, Соколовъ вдругъ сбиль съ него шапку и, когда Гавриковъ нагнулся, чтобы поднять ее, Соколовъ выхватилъ у него изъ кармана кошелекъ съ серебряною и мѣдною монетою, всего на суммѣ около двухъ рублей. Задержанный прибѣжавшими на крикъ Гаврикова свидѣтелями, Соколовъ сознался въ ограбленіи Гаврикова, а свидѣтели удостовѣрили, что они даже видѣли, какъ Соколовъ, предъ задержаніемъ его, бросилъ кошелекъ съ деньгами.

При такихъ данныхъ и по причинѣ признанія Соколова, по самой простотѣ дѣла, судебного слѣдствія производить было незачѣмъ. А Пульхритудову больше ничего не оставалось, какъ только просить присяжныхъ о снисхожденіи.

Но вотъ тутъ-то и произошло нѣчто необычайное и совершенно неожиданное.

— Подсудимый Соколовъ! — обратился къ Соколову предсѣдатель: — вамъ предоставляется сказать послѣднее слово въ свою защиту.

— Господа присяжные! — сказалъ онъ: — я признался въ грабежѣ и не утомлялъ судъ разбирательствомъ дѣла. Но теперь въ послѣдній разъ позвольте мнѣ поговорить. Знаете ли, кто я? Для васъ я неимѣющий опредѣленныхъ занятій тулуповскій мѣщанинъ Владиміръ Соколовъ, незаконнорожденный. А, можетъ быть, и изъ васъ многіе знали моего отца. Это былъ извѣстный даже за предѣлами губерніи тулуповскій

адвокатъ Иванъ Захаровичъ Голубковъ. Еще о немъ не разъ писали въ газетахъ и многія его рѣчи были напечатаны въ судебныхныхъ отчетахъ...

Въ публикѣ началось шушуканіе и движеніе. Судьи переглядывались между собою и съ товарищемъ прокурора Бабочкинымъ. Интересъ къ личности подсудимаго все усиливался. А старшина присяжныхъ Петръ Захаровичъ Голубковъ порывался встать, чтобы заявить что-то, но его удерживалъ за фалду сосѣдъ Коноплянкинъ.

— Вотъ вы теперь думаете,—продолжалъ Соколовъ послѣ маленькой паузы,—что я грабитель и меня надо сослать... А что такое грабитель? Вотъ ежели купецъ обманываетъ своихъ кредиторовъ, обсчитываетъ своихъ покупателей и продаетъ гнилой и залежавшійся товаръ за первый сортъ и втридорога,—развѣ это не грабежъ?

Соколовъ взглянулъ при этомъ какъ-то особенно на Коноплянкина, который не вынесъ взгляда, съѣжился и скорчилъ кислую гримасу.

— Пожалуй, сошлите меня въ Сибирь, какъ грабителя!— я противъ этого ничего не имѣю, потому что самъ кругомъ ограбленъ и мнѣ нечего ѣсть... Но только не я грабитель, а грабители, въ нѣкоторомъ смыслѣ, можетъ быть, есть между вами...

— Подсудимый! — остановилъ Соколова предсѣдатель:— если вы будете оскорблять господъ присяжныхъ, я лишу васъ слова, удалю изъ залы суда и составлю протоколь.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство. Но я говорю только правду, а судъ и существуетъ для торжества правды... Вы сами говорили объ этомъ присяжнымъ... Первый грабитель—это самъ старшина Голубковъ... Онъ истребилъ завѣщаніе моего отца, которое было въ мою пользу, и завладѣлъ всѣмъ моимъ состояніемъ. Прежде онъ былъ ничтожный писецъ, а теперь именитый купецъ!..

У предсѣдателя засверкали глаза. Онъ покраснѣлъ.

— Подсудимый! я лишаю васъ слова!—закричалъ онъ.

— Нѣтъ, пускай говоритъ!—закричалъ, привскочивъ, Петръ Захаровичъ. Глаза у него налились кровью и онъ сильно жестикулировалъ.—Вѣдь онъ говоритъ сущую правду! Да, я дѣйствительно изорвалъ и сжегъ завѣщаніе, а наслѣдникомъ

былъ онъ... Теперь велить мнѣ сознаться самъ святитель Николай-Угодникъ... Довольно я мучился! И нѣтъ душѣ моей покоя. Ну, терзайте меня! А зачѣмъ только, иродово племя, вы смѣтаетесь надо мною?

— Садитесь, господинъ старшина! успокойтесь!—заволновался предсѣдатель.

— Курьеръ! подай воды г. Голубкову. Господинъ прокуроръ! ваше заключеніе по поводу сейчасъ происшедшаго на судѣ!

— Пойдите, пойдите, господа окружный судъ!—кричалъ въ изступленіи Голубковъ, размахивая руками и подскакивая къ судейскому столу.—Послушайте и меня! Вѣдь и я теперь тоже судья! Но сперва я самъ себя осужу, потому что я настоящій грабитель: я укралъ у него десятки тысячъ, а онъ отъ нужды, изъ-за меня быть можетъ, ограбилъ мужика всего только на два рубля... Такъ гдѣ же справедливость? Вы опять смѣтаетесь надо мною. Я вѣдь все вижу и понимаю... Вы всѣ злодѣи.

— Господинъ Голубковъ, здѣсь не мѣсто вашимъ признаніямъ. Замолчите! Вы можете подать письменное заявленіе прокурору...

— Кто меня теперь можетъ останавливать? Никого я знать не хочу! Пусть всѣ знаютъ, кто онъ и кто я. Самъ Николай-Угодникъ велить мнѣ говорить... А смѣяться надъ собою я никому не позволю. Довольно ужъ смѣялись надо мною во всю мою жизнь.

— Господинъ прокуроръ! старшина присяжныхъ, очевидно, въ сильномъ нервномъ разстройствѣ: онъ боленъ. Ваше заключеніе: какъ суду слѣдуетъ поступить?

Товарищъ прокурора снова встаетъ, чтобы дать заключеніе. Но напрасно: въ залѣ шумъ и смятеніе. Почти ничего нельзя разобрать и только можно догадываться, что прокуроръ предлагаетъ замѣнить Голубкова первымъ по очереди запаснымъ присяжнымъ засѣдателемъ. А, между тѣмъ, Голубковъ рветъ на себѣ волосы, плачетъ, бьетъ себя въ грудь и кричитъ безъ умолку.

— Кто смѣетъ меня останавливать? Я самъ судья надъ собою. Если я—старшина, такъ ужъ и буду старшиной до конца. Онъ говорить, что всѣ мы грабители... И это правда!

Вотъ хоть бы Коноплянкинъ... Развѣ онъ, съ Пульхритудовымъ на подмогу, не ограбилъ своихъ кредиторовъ?

Вдругъ съ Голубковымъ сдѣлалась истерика, и онъ понесъ такую околесицу, что по отрывочнымъ и бессмысленнымъ фразамъ уже нельзя было разобрать, что именно онъ хочетъ сказать.

— Объявляю перерывъ!—кричитъ председатель.

И онъ напрасно звонить, а публика продолжаетъ шумѣть, не понимая хорошенько, что именно произошло.

— Господинъ судебный приставъ, удалите присяжныхъ въ ихъ комнату. Нѣтъ ли здѣсь врача? Пошлите скорѣе за врачомъ!

А въ это время Голубковъ съ краснымъ лицомъ откинулся на спинку скамьи и, произнося восклицанія дикимъ голосомъ, началъ биться головою и руками. Во рту показалась пѣна...

Когда же явился врачъ и сталъ суетиться около больного Голубкова, больной вскочилъ, какъ бѣшеный, и, дико озираясь, началъ ругаться. Теперь для всѣхъ было очевидно, что онъ уже не сознавалъ, гдѣ находится... Онъ былъ подавленъ угнетавшими его разстроенный мозгъ идеями.

— Кто смѣетъ меня взять?—кричалъ Голубковъ:—я еще не арестантъ! Вы мѣшаете мнѣ спасти мою душу!.. Вы хотите, чтобъ я горячую сковороду лизалъ... Вамъ это самое интересно? Подлецы, грабители и мерзавцы! Нѣтъ, этого не будетъ. Берите у меня все: мнѣ ничего не надо! А душу мою вы не возьмете. Ее бережетъ самъ Николай-Угодникъ. У меня и прежде ничего не было, да мнѣ было лучше...

Когда курьеръ подхватилъ Голубкова подъ руку, чтобы вывести изъ залы, онъ ударилъ его въ грудь.

— Я самъ пойду въ острогъ. Я въ Сибирь уйду. Не вамъ меня вести! Меня ужь осудилъ Николай-Угодникъ... А вашему подлому суду я не подлежу... За что меня мучили?.. Опять смѣтеться надо мною. Негодяи, изверги! отребье челоуѣчества!

— Господинъ председатель!—сказалъ врачъ, когда Голубковъ сорвалъ съ него и разбилъ вдребезги обь полъ пенснэ:—больной находится въ состоянїи внезапнаго бѣшенства... У него *mania transitoria, furor et delirium!* Это острая, опасная для окружающихъ, форма психическаго расстройства, и первая стадїя внезапнаго сумашествїя на давно уже подготовленной почвѣ...

Amentia acuta... Надо поскорѣе пригласить его жену, связать его и въ горячечной рубашкѣ отправить въ домъ умалишенныхъ... Можетъ быть, увидавъ жену, онъ нѣсколько успокоится и очнется. Впрочемъ, едва ли онъ ее узнаетъ!

Между тѣмъ, Голубковъ продолжалъ ругаться и драться со всѣми. При этомъ онъ выкрикивалъ совершеннѣйшую бессмыслицу, перескакивая въ рѣчахъ съ одного предмета на другой. Кого-то онъ жестоко укорялъ въ чемъ-то и припоминалъ событія.

Наконецъ, пріѣхала въ окружный судъ Дарья Васильевна на первомъ попавшемся ей извозикѣ. Она вся тряслась отъ ужаса и пыталась уговорить мужа. Но онъ ее какъ-будто не узнавалъ...

— А про поляну въ лѣсу я вамъ еще ничего не говорилъ?!— кричалъ онъ:— такъ знайте же! видѣлъ я тамъ много, очень много! А вы недостойны видѣть ангеловъ и Николая-Угодника... Вотъ тамъ-то меня и судили... Что вы на меня смотрите? Похожъ я на вора и грабителя? Такъ я и безъ васъ все это знаю... Отъ самого Николая-Угодника слышалъ... Вы сами всѣ мошенники и грабители!.. вы—псы смердящіе!

Несчастнаго Петра Захаровича связали и отвезли въ психіатрическое отдѣленіе губернской земской больницы. Тамъ помѣстили его въ одиночную камеру для буйныхъ сумашедшихъ.

XXVII.

Черезъ полчаса послѣ того какъ увезли Голубкова, засѣданіе суда возобновилось. Въмѣсто Голубкова попалъ въ комплетные присяжные первый запасный, а въ старшины былъ избранъ Лука Даниловичъ Коноплянкинъ.

Когда присяжные удалились для рѣшенія участи Владиміра Соколова, сейчасъ же начались въ ихъ комнатѣ оживленные разговоры и пересуды. Потомъ отъ разговоровъ перешли къ горячимъ спорамъ. Поднялся шумъ и крикъ. Старшина Коноплянкинъ не зналъ, какъ унять присяжныхъ.

— Вотъ такъ оказія съ Голубковымъ!—говорилъ содержатель пекарни Аммосъ Иванычъ Штукаревъ:—вдругъ, что называется, сбрендилъ!

— Сразу этого не бывает, чтобы вдруг сбрендить! — замѣтил другой присяжный: — ужь онъ давно ходилъ, какъ шальной какой!

— То-то я гляжу, — продолжалъ Штукаревъ, — а мнѣ было и невдомѣкъ, что онъ еще до суда на всѣхъ быкомъ смотрѣлъ исподлбья!

— Это его Соколовъ ужь очень растревожилъ, — его же, стало-быть, племянничекъ! — вмѣшався въ разговоръ портной Карпъ Федоровичъ Сусалинъ.

— Да, вишь ты, самого нашего Луку Даниловича какъ здорова урѣзалъ! Какъ онъ помянулъ его заодно съ Пульхритудовымъ, — такъ Пульхритудовъ отъ этихъ рѣчей Голубкова въ тою-жъ минуту, какъ печеный, сдѣлался!

— Ну, господа мои честные! — обратился къ присяжнымъ, весь красный, старшина Коноплянкинъ. — Какъ же вы думаете порѣшить Соколова?

— Да не иначе что оправдать! — сказалъ отставной унтеръ-офицера Подметалкинъ, счегчикъ монеты въ государственномъ банкѣ.

— Это съ чего же оправдать, почтенные мои господа? — возразилъ Коноплянкинъ. — Да онъ и самъ винится, что ограбилъ... А еще то же смѣетъ дерзить: можетъ быть, говорить, и изъ васъ, господа присяжные, есть грабители! Вотъ, говорить, ежели какой купецъ обсчитаетъ покупателей или обманетъ кредиторовъ... Ахъ, онъ паршивецъ! щенокъ эдакій! Да развѣ онъ, подсудимый, смѣетъ на насъ указывать?! А я такъ полагаю, что эдакихъ, какъ Соколовъ, надо учить и хорошенечко учить...

— А что, Лука Даниловичъ? — вѣдь надо говорить побожьему! — сказалъ, ехидно усмѣхнувшись, Штукаревъ: — вѣдь вы же рассчитались съ кредиторами полтинничкомъ за рубль... Стало-быть, Соколовъ сказалъ правду! Нешто это не грабежъ? Какого жъ вамъ еще грабежа!

— Да вѣдь это, Аммосъ Иванычъ, все по доброй волѣ, по соглашенію! А его-то кто объ этомъ спрашивалъ? Вѣдь не меня судятъ, а его...

— Такъ это, — возразилъ Сусалинъ, — вы хотите сослать его въ Сибирь за то, что онъ на грошъ ограбилъ и то, можетъ быть, съ голодухи, когда его же самого ограбили на цѣлыя тысячи!.. Ну, нѣтъ! — я не согласенъ его обвинить.

— И я несогласенъ,—сказаль съ нахмуренными бровями кузнецъ Хомутовъ.

— Пишите и меня за оправданіе!—присоединился къ Хомутову сапожникъ Долбининъ.

За оправданіе высказались и другіе присяжные, такъ что за обвиненіе были только Коноплянкинъ да мѣдникъ Чуриловъ.

Какъ ни уговариваль Коноплянкинъ обвинить Соколова,—присяжные уперлись. А нѣкоторые изъ нихъ прямо окрысились противъ самого Коноплянкина. Кое-какъ Коноплянкинъ накорябалъ и подписалъ отвѣтъ: «Нѣтъ, не виновенъ». Когда же, запинаясь и перевирая слова вопроса, Коноплянкинъ прочиталь оправдательный вердиктъ въ залѣ суда, то вдругъ при этомъ крякнулъ, плюнулъ и махнулъ рукою, какъ бы желая показать, что онъ вовсе не сочувствуетъ оправданію Соколова. Всѣ присутствовавшіе въ залѣ удивились этой выходкѣ, а нѣкоторые зрители изъ публики даже громко засмѣялись.

— Господинъ старшина!—замѣтилъ Коноплянкину предсѣдательствующій:—выражать свое несочувствіе оправданію или неудовольствіе какимъ бы то ни было способомъ, а тѣмъ болѣе плеваніемъ, вы не имѣете права. Вы ведете себя неприлично, и я дѣлаю вамъ замѣчаніе!

Коноплянкинъ покраснѣлъ еще больше и сконфуженно пробормоталь:

— Да я-съ, ваше превосходительство, господинъ предсѣдатель, плюнулъ не изъ-за рѣшенія: что мнѣ рѣшеніе?—нушай идетъ, грабитель, на всѣ четыре стороны! — а просто потому, что у меня ужъ такая привычка, а тутъ еще къ горлу что-то подступило!

— Помните же, господинъ Коноплянкинъ, что вы—въ окружномъ судѣ и исполняете высокія обязанности присяжнаго засѣдателя. Здѣсь — зеркало и судъ творится по указу Его Величества!

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!

Нечего и говорить, что всѣ присяжные были до крайности потрясены сценой съ Голубковымъ, разыгравшейся въ ихъ присутствіи. А въ городѣ толковали объ этомъ происшествіи, по крайней мѣрѣ, съ недѣлю. Врачи-психіатры признали, что Голубковъ страдаетъ душевнымъ разстройствомъ въ опасной

формѣ *mania transitoria* и что положеніе его въ отношеніи выздоровленія, повидимому, безнадежно, въ особенности же когда буйный періодъ смѣнится періодомъ тихаго помѣшательства съ ослабленіемъ психической дѣятельности.

На другой день послѣ суда надъ Соколовымъ, Топазовъ и Хапугинъ разыскали Соколова на постояломъ дворѣ.

— Ну, Владиміръ Ивановичъ!—заговорилъ Хапугинъ, пожимая ему руку:—поздравляемъ! поздравляемъ съ оправданіемъ. Да и удрали же вы рѣчь присяжнымъ! Я вѣдь былъ въ судѣ,—сидѣлъ въ уголку... И еще подумалъ тогда, что къ вамъ перешло по наслѣдству ораторское дарованіе паненьки вашего Ивана Захаровича Голубкова... Да я бы съ эдакимъ дарованіемъ говорить рѣчи прямо записался въ адвокаты... Признаться, не ожидалъ я, что и Петръ Захаровичъ отколетъ такую штуку... Стало-быть, заговорила совѣсть! Эхъ! совѣсть, совѣсть. А что такое, если хорошенько разобрать, эта самая совѣсть? Что это за птичка въ нашей душѣ посажена? И не спроста же она сидитъ! Эдакихъ случаевъ, эдакихъ исторій въ окружномъ судѣ,—вотъ ужъ сколько годовъ я живу въ Тулуповѣ,—у насъ никогда еще не бывало. А Пульхритудовъ—что онъ былъ въ судѣ защитникомъ, что не былъ,—отъ него вамъ не было никакой пользы,—одна только проформа.

— Штука вышла преважнѣющая!—вторилъ своему товарищу Топазовъ,—я вѣдь тоже былъ на судѣ и все глядѣлъ.. Очень выходило занятно: предсѣдатель, присяжные судьи и прокуроръ—всѣ какъ есть до одного—растерялись и ужъ сами не знаютъ, что имъ дѣлать, когда Голубковъ началъ это кричать и ругаться... Вотъ такъ исторія! Еще, того и гляди, въ газетахъ объ этомъ напишутъ... Тамъ ужъ какой-то долговязый сидѣлъ и записывалъ въ тетрадку: репортеръ что ли! Пойдемте, Владиміръ Ивановичъ, въ трактирчикъ: за чайкомъ и водочкой мы съ вами потолкуемъ объ вашемъ дѣлѣ. Кажется, еслибъ могъ хорошо писать для печати, то самъ бы откаталъ статейку въ газету объ эдакомъ рѣдкостномъ случаѣ...

Соколовъ отказался пить водку, но всетаки пошелъ въ трактиръ и тамъ началъ чаевничать съ Хапугинимъ и Топазовымъ.

— Ну, такъ какъ же, Владиміръ Ивановичъ?—допытывался Хапугинъ,—я бы на вашемъ мѣстѣ ужъ никакъ не пропу-

стиль эдакаго хорошаго случая вернуть наслѣдство. Поможимъ, теперь будетъ учреждена опека надъ имуществомъ душевно-больнаго Петра Захаровича и сиротскій судъ назначить опекуней, вѣрнѣ всего, его же жену. Но только Петръ Захаровичъ наврядъ ли выздоровѣетъ. Онъ такъ и покончитъ свои дни въ домѣ умалишенныхъ... Я бы, на вашемъ мѣстѣ, подаль прокурору прошеніе о производствѣ слѣдствія объ уничтоженіи завѣщанія. Хотя теперь за это его нельзя судить, а все же слѣдствіемъ можетъ быть доказано, что завѣщаніе въ вашу пользу дѣйствительно было, а мы въ томъ свидѣтели, и что потомъ это завѣщаніе уничтожилъ Петръ Захаровичъ. А когда будетъ признано въ уголовномъ судѣ, что Петръ Захаровичъ Голубковъ дѣйствительно уничтожилъ завѣщаніе, то тогда кошію опредѣленія уголовного суда надо будетъ представить въ гражданское отдѣленіе окружнаго суда и, съ правомъ бѣдности, предъявить искъ къ опекѣ о возвратѣ вамъ всего имущества, которое получилъ Петръ Захаровичъ.

— Вотъ именно такъ я и думаю сдѣлать!—отвѣтилъ Соколовъ.—Мнѣ такъ же совѣтоваль одинъ адвокатъ.

— А ужъ вы, Владиміръ Ивановичъ, не оставьте насъ, свидѣтелей... Намъ за труды и хлопоты вы пожелуете гоноرارчикъ приличный, сколько тамъ придется, по назначенію отъ вашей совѣсти...

— Конечно, господа, я васъ не оставлю безъ благодарности. Только я долженъ вамъ сказать, что мнѣ страсть какъ надоѣло быть на положеніи золоторѣтца и жулика-мазурика... Довольно, все я испыталъ! Хотѣлось бы пожить, какъ живутъ порядочные люди, и заняться какимъ-нибудь почтеннымъ дѣломъ.

— Да вѣдь теперь это будетъ очень просто!—сказаль Топазовъ:—съ вашимъ-то состояніемъ! Это не то что нашему брату, когда намъ подчасъ и ѣсть-то нечего!.. Вѣдь если нотариусъ прогонитъ насъ изъ конторы, то тогда хоть клади зубы на полку, а то живой полѣзай во гробъ! А ужъ о трактирчикѣ нечего и думать!

— Ну, а все же,—сказаль Хапугинъ,—получивши цѣлыя тысячи и приличный домикъ на Московской улицѣ, вѣдь нельзя же вамъ, Владиміръ Ивановичъ, сразу превратиться въ ваше степенство! Вѣдь надо же отпраздновать эту радость,

повеселиться и покутить какъ слѣдуетъ. На это и молодость... Да и счастье-то какое! Вѣдь это рѣдко такъ бываетъ... А вы все равно что въ сорочкѣ родились!

— Нѣтъ! надоѣло мнѣ все это... Вѣдь меня ужъ три раза судили... Положимъ, что все оправдывали!

— Ну, вотъ я и правильно говорю, что вы въ сорочкѣ родились.

— Три раза меня судили... А сколько разъ меня, можетъ быть, и слѣдовало судить, да не судили! Вѣдь я и самого своего папеньку ограбилъ,—невзначай,—ужь какъ?—и самъ не знаю!—золотые часы съ него стянулъ въ дворянскомъ собраніи. Я въ толпѣ-то сперва не разглядѣлъ, что это былъ Иванъ Захаровичъ Голубковъ, да и, признаться, тогда еще не зналъ, что онъ мнѣ отецъ. А все таки онъ тогда меня пожалѣлъ, отпустилъ, и я возвратилъ ему часы.

— Вотъ это такъ выходитъ занятно! А мы этого случая еще не знали...

— Ну, посидѣли теперь и—довольно!—сказалъ Топазовъ.—Какъ бы насъ въ контору не потребовали! Прощайте, Владиміръ Ивановичъ.

— Прощайте, господа!

И они разошлись.

На улицѣ Хапугинъ сказалъ Топазову:

— А знаешь что? Намъ нечего дремать... Ужъ очень простъ умомъ Владиміръ Ивановичъ! Ты слышалъ, какъ онъ сболтнулъ про часы. Ежели онъ, получивши наслѣдство съ нашею помощью, не убоготорить насъ какъ слѣдуетъ, то я тогда припугну его, что заявлю прокурору о томъ, что онъ, этотъ самый Соколовъ, разъ ограбилъ своего же отца Ивана Захаровича.

— Ну, это ты, Хапугинъ, ужъ очень далеко заѣхалъ. Ничего изъ этого не вышло бы. Да и Соколовъ сказалъ бы тогда, что онъ намъ ни въ чемъ не признавался насчетъ случая съ часами, а заявленія полиціи отъ Ивана Захаровича не было.

— Положимъ, это ты дѣло говоришь. А все-таки можно будетъ припугнуть... Авось и подѣйствуетъ!... Такъ, значить, — на всякій случай не мѣшаетъ намъ имѣть зацѣпочку...

И, усердно разыскивавшіе въ своей жизни всякія зацѣ-

почки, друзья разошлись по квартирамъ въ ожиданіи обычной золотой манны отъ нотаріуса.

XXVIII.

Дня черезъ три послѣ разговора съ Хапугинымъ и Топазовымъ въ трактирѣ, Владиміръ Ивановичъ Соколовъ, насколько могъ, привелъ въ порядокъ свой довольно-таки отрепанный костюмъ и пошелъ къ Дарьѣ Васильевнѣ Голубковой.

Соколовъ былъ принятъ, какъ только доложили, что онъ явился къ ней по дѣлу.

Дарья Васильевна сильно измѣнилась за эти печальные для нея дни. Она даже посѣдѣла. Теперь она догадывалась, затѣмъ пожаловалъ къ ней Соколовъ.

По случаю несчастныхъ событій въ семьѣ Голубковыхъ, книжный магазинъ былъ закрытъ на непродолжительное время, и Александра Петровна, хорошенькая блондинка съ открытымъ и симпатичнымъ лицомъ и стройною фигуркою, теперь сидѣла въ залѣ и держала въ рукахъ книгу. Она съ любопытствомъ, и отчасти съ нѣкоторымъ страхомъ, поглядывала на молодаго человѣка, который, чувствуя себя очень смущеннымъ, сѣлъ на предложенный ему стулъ. И она смутно понимала, что этотъ оборванный, но съ добродушнымъ лицомъ человѣкъ — законный наслѣдникъ по уничтоженному ея же отцомъ завѣщанію и что онъ во всякое время теперь, послѣ неожиданнаго признанія ея отца на судѣ, вправѣ выгнать ее съ матерью на улицу. Выходило такъ на основаніи послѣднихъ событій, что она съ матерью — только незваные гости, пришлецы въ этомъ домѣ, а настоящій собственникъ и хозяинъ дома — это Владиміръ Ивановичъ Соколовъ, которому теперь 19 лѣтъ и который сейчасъ сидитъ у нихъ, Голубковыхъ. Вѣдь нельзя же не повѣрить признанію, сдѣланному самимъ ея отцомъ въ окружномъ судѣ!

Послѣ минутнаго молчанія, Соколовъ, какъ бы собравшись съ духомъ, началъ свою рѣчь не безъ нѣкоторой торжественности:

— Дарья Васильевна! Я очень смущенъ тѣмъ, что своими заявленіями въ окружномъ судѣ причинилъ вамъ столько горя.

Можетъ быть, и Петръ Захаровичъ теперь не сидѣлъ бы въ больницѣ... Но я долженъ же былъ оправдываться!... И, наконецъ, вы сами видите и хорошо знаете, что у меня нѣтъ ни кола, ни двора, чрезъ уничтоженіе Петромъ Захаровичемъ завѣщанія моего отца. И послѣ оправданія меня присяжными мнѣ по прежнему нечего ѣсть и я хожу оборванцемъ. Но дальше я не могу и не хочу продолжать такую жизнь. Она мнѣ не свойственна и по моей натурѣ. Временно я окунался въ грязь, но это еще не значить, чтобы грязь была мнѣ родною и любимою стихією.

— Не оправдывайтесь, Владиміръ Ивановичъ! — отвѣтила Дарья Васильевна.— Я васъ ни въ чемъ не виню и вы теперь въ своемъ правѣ... Я не въ силахъ, не желаю и не стану опровергать, что духовное завѣщаніе было уничтожено моимъ несчастнымъ мужемъ... Вы можете выгнать насъ изъ этого дома, если и не сію минуту, то въ непродолжительномъ времени.

— Не скрою отъ васъ, Дарья Васильевна, что я не могу отказаться отъ наслѣдства. Но я далекъ отъ мысли изгонять васъ... Быть можетъ, мы уладимъ это дѣло къ общему удовольствію...

— Дай-то Богъ, Владиміръ Ивановичъ! Но безъ суда мы все-таки не обойдемся, потому что сиротскимъ судомъ учреждена опека по случаю душевной болѣзни Петра Захаровича съ утвержденія губернскаго правленія, и я получила указъ о назначеніи меня опекуншею...

— Я просилъ бы васъ, Дарья Васильевна, оказать мнѣ сейчасъ матеріальную помощь, а я это не забуду.

— Послѣ несчастья съ Петромъ Захаровичемъ, у него въ конторкѣ и письменномъ столѣ оказалось всего 362 рубля наличными деньгами: остальные деньги — въ государственномъ банкѣ, и я не могу взять вклады безъ разрѣшенія сиротскаго суда. Сколько вамъ потребуется изъ этихъ 362-хъ рублей, которые теперь въ моихъ рукахъ?

— Будьте добры, дайте мнѣ хоть сто рублей. Прежде всего, мнѣ необходимо приобрести сколько-нибудь бѣлья и приличный костюмъ.

— Хорошо. Я сейчасъ вамъ достану деньги.

И она пошла въ кабинетъ и провозилась тамъ минутъ десять.

— Александра Петровна!—сказаль Соколовъ, обращаясь къ дѣвушкѣ, приходившейся ему нѣсколько сродни. — Вы проклинаете меня?

— За что же мнѣ васъ проклинать и ненавидѣть? Если мы теперь въ несчастіи, то вѣдь и вы также были очень долго въ нуждѣ и несчастіи.

— А вы думаете, что я ужь такой мазурикъ или негодай, что буду радоваться вашему несчастію? Я самъ уже тѣмъ несчастенъ, что причиняю вамъ горе.

Дѣвушка сочувственно и съ благодарностью посмотрѣла на страннаго гостя-оборванца. Молодой человекъ видимо ее интересоваль.

— Я вовсе не желаю быть вашимъ врагомъ,—продолжалъ Соколовъ. — Но поймите, Александра Петровна, что иначе я не могу поступать... Не оставаться же мнѣ весь вѣкъ въ положеніи какого-то жулика или мазурика!... Я желаль бы выйти на хорошую дорогу и заняться какимъ нибудь почтеннымъ дѣломъ...

— Напримѣръ: книжною торговлею?!—подказала дѣвушка и улыбнулась. Она очень любила книги и книжный магазинъ, въ которомъ она проводила бѣольшую часть времени.

— Да,—хотя бы и книжною торговлею! И въ особенности, еслибъ вы мнѣ въ этомъ помогали... И я люблю книги, хотя въ моемъ образованіи и очень много пробѣловъ... Я очень мало читаль и не все понимаю въ книгахъ...

— Вотъ вамъ, Владиміръ Ивановичъ, сто рублей!—сказала Дарья Васильевна, выходя изъ кабинета.—Надѣюсь, что мы не будемъ врагами и вы будете посѣщать насъ. Вѣдь мы съ вами немножко сродни... Знайте впередъ, что противъ закона я не пойду и вашихъ правъ оспаривать не буду...

— Очень вамъ благодаренъ, Дарья Васильевна. Я пользуюсь вашимъ приглашеніемъ и, навѣщая васъ, этимъ самымъ покажу, что желаю остаться съ вами въ добрыхъ отношеніяхъ. Вѣдь я рѣшительно ничего не имѣю по отношенію къ вамъ, а бѣднаго Петра Захаровича мнѣ очень жаль: онъ достойно наказанъ своею судьбою, и своими страданіями уже, искупилъ сдѣланное имъ зло.

Когда черезъ три дня Соколовъ явился къ Голубковымъ, какъ гость, — онъ сдѣлался почти неузнаваемъ. Теперь, въ

новомъ костюмѣ, это былъ цвѣтушій здоровьемъ и франтоватый молодой человекъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ стала исчезать и его угловатость въ манерахъ. Потомъ онъ началъ бывать у Голубковыхъ чуть не ежедневно по вечерамъ, читалъ съ ними вмѣстѣ и нерѣдко обѣдалъ у нихъ. Все это сильно сблизило его съ Голубковыми. А начатое имъ, съ помощью адвоката, дѣло о возвращеніи наслѣдства двигалось своимъ чередомъ и уже приходило къ концу. Теперь уже никто не сомнѣвался въ томъ, что наслѣдство послѣ отца должно быть ему возвращено.

— Вотъ мы, кажется, доживаемъ въ этомъ домѣ послѣдніе дни! — сказала однажды Дарья Васильевна, передавая стаканъ чая Соколову, сидѣвшему съ нею и съ Александрою Петровною за однимъ столомъ.

— Почему же послѣдніе дни? — спросилъ Соколовъ: — и развѣ мы не могли бы жить вмѣстѣ въ этомъ домѣ, какъ родственники?

— Родственники почти всегда ссорятся между собою! — пошутила Дарья Васильевна.

— Ну, чтобъ намъ не ссориться, — потому что это очень скучно, тяжело и непріятно во всѣхъ отношеніяхъ, — я долженъ сдѣлаться для васъ человекомъ болѣе близкимъ, чѣмъ родственникъ.

— А какъ вы это сдѣлаете?

— Съ вашего позволенія, — очень просто. Еслибъ Александра Петровна ничего не имѣла противъ этого, — я могъ бы сдѣлаться ея мужемъ.

Александра Петровна покраснѣла.

— И какъ это было бы хорошо! — сказалъ, поощренный смущеніемъ дѣвушки, Соколовъ: — во-первыхъ, я несомнѣнно бы остепенился, потому что мнѣ надоѣла прежняя жизнь и я не хочу даже о ней вспоминать. Вѣдь я теперь уже не тотъ, какимъ былъ прежде! А во-вторыхъ, я занялся бы, при содѣйствіи Александры Петровны, книжною торговлею. А вы, Дарья Васильевна, жили бы въ этомъ же домѣ.

И строя эти планы Соколовъ совсѣмъ одушевился.

— Эге! да это, Владиміръ Ивановичъ, вы совсѣмъ хорошо придумали! Только вы забываете, что Шурочка приходится вамъ до нѣкоторой степени двоюродной сестрой и потому васъ не стануть вѣнчать.

— Вы удачно выразились: до нѣкоторой степени! Александра Петровна носить фамилію «Голубкова», какъ признанная дочь Петра Захаровича, и вы — ея мать, а моя фамилія — не «Голубковъ», хотя я и получаю наслѣдство отъ моего отца Ивана Захаровича Голубкова. Но вѣдь я все-таки — Соколовъ, а не Голубковъ: какая же мнѣ двоюродная сестра Александра Петровна! Еслибы и встрѣтилось прѣпятствіе къ повѣнчанію насъ здѣсь, въ Тулуповѣ, то мы могли бы выхлопотать разрѣшеніе отъ архіерея: вѣдь бываютъ же случаи, когда люди женятся на своихъ двоюродныхъ сестрахъ, — конечно, на одной, а не на нѣсколькихъ сразу! — и, говоря это, Соколовъ разсмѣялся: — а у насъ фамиліи-то разные! А еслибъ намъ и архіерей не разрѣшилъ повѣнчаться, то мы уѣдемъ въ другой городъ и тамъ повѣнчаемся безъ всякихъ затрудненій и хлопотъ: вѣдь кто же тамъ будетъ знать, что мы приходимся другъ другу сродни!..

— Все это вы отлично придумали. А что скажетъ сама невѣста Шурка по этому предмету? — спросила мать улыбаясь.

— Я не стала бы спорить и возражать, а въ особенности если и ты, мама, на это согласна. Ужъ лучше буду спорить въ чемъ другомъ!.. А то Владиміръ Ивановичъ сразу знаетъ... Вѣдь Владиміръ Ивановичъ — очень добрый человекъ и мнѣ давно уже нравится. А очень добрыхъ людей и я люблю...

— Превосходно! — сказала мать: — значить, дѣло у насъ идетъ на ладъ.

— Только, мама, у меня одна къ тебѣ просьба: я хочу, чтобы на нашей свадьбѣ была и дьяконица Авдотья Дмитриевна Кристаллова...

— Это очень легко исполнить. Она будетъ въ восторгѣ, а въ особенности если мы же пригласимъ ее къ тебѣ въ посаженныя матери... Только она будетъ рассказывать объ этой свадьбѣ всему городу: ужъ, конечно, не утерпитъ, — слаба на языкъ!

— А пусть рассказываетъ, — сказалъ Володя Соколовъ, и въ первый разъ еще горячо поцѣловалъ Шурку, какъ свою невѣсту.

Такъ все и вышло къ общему удовольствію. Черезъ два три мѣсяца Соколовъ женился на Шурочкѣ Голубковой. Же-

нился онъ и, что называется, переѣнился къ лучшему, какъ бы переродился. Дарья Васильевна осталась жить съ новобрачными въ этомъ же домѣ. Она завѣдывала хозяйствомъ. А Соколовъ весь отдался книжной торговлѣ при дѣятельномъ участіи своей жены, съ которою онъ жилъ душа въ душу. Онъ мечталъ даже заняться издательствомъ и завести свою типографію. На все же прошлое былъ какъ бы наброшенъ покровъ забвенія. И никому не хотѣлось даже вспоминать это тяжелое прошлое!

Теперь счастье всей этой семьи омрачалось только сознаниемъ, что въ домѣ умалишенныхъ еще томится, какъ безнадежный больной, Петръ Захаровичъ Голубковъ. Онъ никого изъ посѣтителей не узнавалъ и подъ конецъ своей жизни впалъ въ религиозное, тихое помѣшательство. Любимымъ и почти единственнымъ его занятіемъ было — ежедневное писаніе писемъ къ святителю Николаю Угоднику, которыя онъ оставлялъ въ больничной церкви или клалъ въ своей палатѣ за образъ. Всѣхъ и каждого, а въ особенности дежурнаго доктора и фельдшера, онъ упрашивалъ передавать его письма этому угоднику. Иногда же ему казалось, что онъ получаетъ отъ него письменные же отвѣты, которые люди по злобѣ къ нему и по своимъ грѣхамъ не показываютъ ему. Зато и покараетъ же ихъ святитель своимъ судомъ! А онъ, Голубковъ, хорошо знаетъ содержаніе этихъ писемъ! И знаетъ объ этомъ со словъ самого святителя, являющагося къ нему во снѣ и на яву.

Черезъ два года Петръ Захаровичъ умеръ въ больницѣ.

XXIX.

А что случилось съ Араратскимъ? Какъ и на какія средства онъ жилъ въ ссылкѣ въ архангельской губерніи — никто въ Тулуловѣ не зналъ: онъ точно въ воду канулъ, да никто имъ и не интересовался. Но однажды, на пасху, когда Александра Петровна Соколова играла въ залѣ съ хорошенькой дѣвчушкой, своей дочкой, а ея мужъ только что проводилъ въ переднюю бывшаго у него въ гостяхъ поздравителя-визитѣра и горничная еще не успѣла запереть подъѣздъ, — неожиданно вошелъ въ

переднюю, въ старенькомъ пальтишкѣ, косматый мужчина съ сильно посѣдѣвшими волосами.

— Христось воскресе, Владиміръ Ивановичъ! — сказалъ онъ глѣбучимъ голосомъ.

Соколовъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на страннаго посѣителя. И внѣшность, и голосъ его показались ему знакомыми, но только сразу онъ не могъ сообразить и припомнить, кто бы это могъ быть.

— Вы не узнаёте меня, Владиміръ Ивановичъ? Дѣйствительно, меня теперь трудненько узнать...

— Сейчасъ не могу припомнить, — отвѣчалъ Соколовъ. — Но я какъ будто гдѣ-то васъ видѣлъ.

— Я—Кузьма Глѣбовичъ Араратскій... Не ожидали?

— Ахъ, да! теперь узналъ... Но какъ вы очутились здѣсь, въ Тулуповѣ? Вы убѣжали изъ архангельской губерніи?

— Не убѣжалъ, а пришелъ сюда на самомъ законнѣйшемъ основаніи, Владиміръ Ивановичъ! Извините, что не предупредивши обезпокоилъ своимъ посѣщеніемъ! Но, если позволите, я вамъ все объясню.

— Войдите въ залу! Что жъ мы здѣсь разговариваемъ въ передней!

— Ужь позвольте мнѣ не снимать пальто: у меня нѣтъ настоящаго костюма.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь. Вотъ—Кузьма Глѣбовичъ Араратскій, — обратился Соколовъ къ своей женѣ и Дарьѣ Васильевнѣ, которая приводила въ порядокъ пасхальный столъ съ куличами, ветчиной и закусками.

Удивленная такимъ посѣщеніемъ, дамы церемонно отвѣтили на поклонъ Араратскаго, не рѣшаясь протянуть ему руку.

— Я кое-что слышала о васъ, — сказала Дарья Васильевна Араратскому, нѣсколько оправившись отъ замѣшательства.

Соколовъ предложилъ ему сѣсть.

— Да, Владиміръ Ивановичъ! — продолжалъ Араратскій, держа въ рукахъ порыжѣлый картузь съ истрескавшимся козырькомъ и стараясь скрыть дыры на сапогахъ.—Когда-то я былъ мужемъ вашей матушки Анны Гавриловны. Много я виноватъ передъ нею и передъ вами. Можетъ быть, никогда мнѣ не замолитъ грѣховъ и всего, что претерпѣла отъ меня покойница. Но вѣдь теперь я уже не тотъ Араратскій, какимъ

вы меня знали... Позвольте же мнѣ объяснить вамъ все по порядку. Теперь и вы уже не тотъ Володя Соколовъ, котораго я когда-то, въ пьяномъ видѣ, безжалостно таскалъ за вихры: теперь вы — богатый баринъ или купецъ, не знаю ужъ, какъ васъ и назвать... Я видѣлъ и вашъ книжный магазинъ и слышалъ, что вы устраиваете и типографію...

— Но какъ теперь вы здѣсь, Кузьма Глѣбовичъ?

— Очень просто. Долго я хлопоталъ черезъ разное начальство о смягченіи моей участи—ничего не выходило! Наконецъ, я подалъ прошеніе о помилованіи на Высочайшее имя, конечно, по почтѣ и чрезъ начальство, съ удостовѣреніемъ полиціи о моей безпорочной жизни въ Козлѣ и потомъ въ Холмогорахъ, въ мѣстахъ моей ссылки, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. И перевестись въ Холмогоры, гдѣ полегче, было не безъ хлопотъ... И хотя всемилостивѣйшій Государь вполнѣ меня не помиловалъ, но Высочайше повелѣтъ соизволилъ: разрѣшить мнѣ проживаніе во всѣхъ городахъ россійской имперіи, кромѣ столицъ, не возвращая мнѣ прежнихъ правъ состоянія. Но я ужъ и этою милостью очень доволенъ...

— Ну, слава Богу и великому Государю, который васъ помиловалъ!—вмѣшалась въ разговоръ, до тѣхъ поръ молчавшая, Дарья Васильевна Голубкова.

— А знаете ли, чтѣ мнѣ въ особенности помогло въ моихъ хлопотахъ о помилованіи? Вотъ видите ли этотъ орденочекъ?—продолжалъ Араратскій, отворачивая лацканъ своего изношеннаго пальто. — Это—медаль за спасеніе погибающихъ, и я дорожу этимъ орденомъ больше всего на свѣтѣ... Мнѣ и милостыню-то подавали все больше изъ-за этой медали, когда я пробирался сюда изъ архангельской губерніи: гдѣ ѣхалъ безъ билета по чугункѣ, — кондуктора снисхожденіе оказывали, — а гдѣ странствовалъ и пѣшечкомъ... Да я и самъ тогда чуть было не погибъ, когда вытаскивалъ мальчика изъ рѣки. Раннею весною, по обыкновенію, я ловилъ рыбу, а какіе-то мальчишки баловались на плоту. Вотъ они возились-возились между собою и невзначай столкнули своего товарища-мальчишку, лѣтъ восьми, а тотъ и плавать-то не умѣлъ!.. Вода же была тогда еще съ ледкомъ — страсть холодная! Крикнулъ мальчишка и сталъ нырять, а самъ ужъ захлебывается... Что тутъ дѣлать! Были и плотовщики, да только галдятъ и перекоряются,

а никто въ воду не идетъ. Вотъ я тутъ, недолго думая, сбросилъ сапоги и верхнюю одѣжу, перекрестился и поплылъ... Ужъ насилу-насилу удалось мнѣ схватить мальчишку за волосы и кое-какъ я его вытащилъ, а самъ ужъ изъ силъ выбился, такъ что только тѣмъ и спасся, что ухватился за шесть, который протянулъ мнѣ въ воду одинъ плотовщикъ. Послѣ этого купанья, я и мальчишка недѣль шесть хворали: очень ужъ мы простудились! Объ этомъ случаѣ исправникъ донесъ по начальству, и я получилъ въ награду медаль и двадцать пять рублей... Теперь все-таки у меня на душѣ какъ-то легче! Какъ будто бы и я не напрасно жилъ на свѣтѣ и хоть кому-нибудь да пригодился...

Во время этого разсказа, Александра Петровна одобрительно и съ сочувствіемъ посматривала на Араратскаго, проявившаго въ ссылкѣ такое геройство и самоотверженіе.

— А хорошо ли вамъ, Кузьма Глѣбовичъ, жилось въ архангельской губерніи?—спросила она.

— Охъ! какое тутъ «хорошо!»—отвѣтилъ онъ со вздохомъ.—Ужъ еслибъ было хорошо, то не хлопоталъ бы я о помилованіи. Долго только разсказывать... Сперва я жилъ въ отдаленномъ городкѣ Колѣ. Представьте себѣ, что тамъ чуть не полгода бываетъ ночь, и только и хорошаго тамъ, что иногда видишь и любуешься сѣвернымъ сіяніемъ. Часто я и хлѣба-то не видалъ по цѣлымъ недѣлямъ, а питался кое чѣмъ и все больше олениною и мерзлой рыбой,—вѣдь на казенный паекъ въ нѣсколько копѣекъ не разгуляешься! Но когда и гдѣ только было можно—я старался работать... Лишь бы добыться на кусокъ хлѣба, а объ водочкѣ я ужъ и забылъ думать... Вотъ ужъ сколько лѣтъ не пью и надобности въ ней не имѣю. Но часто и работы никакой не было... Да и какими способомъ нашему брату—ссылному—добиться работы? такихъ же горемыкъ, какъ я, тамъ немало, а тутъ еще конкуррируютъ съ нами, ссылными, вольные и крѣпкіе рабочіе на хорошихъ харчахъ!.. Бывало, писалъ кое для кого письма и прошенія за грошъ; иногда же училъ и грамотѣ за полтинникъ или рубль въ мѣсяць, а когда во время случалось, то и забавлялъ людей игрою на гармоникѣ на свадьбахъ и именинахъ, а то пѣвалъ и на клиросѣ. Но только больше всего я занимался рыболовствомъ. Зато зимою, ухъ, какъ было

плохо! И тянется же эта зима безъ конца, — мѣсяцевъ восемь!.. А морозы такіе, что здѣшніе морозы въ двадцать, напри- мѣръ, градусовъ тамъ и за морозы-то не считаются. Вотъ послѣ эдакаго-то житья и потянуло меня въ Тулуповъ, когда вышло отъ Государя облегченіе. А по правдѣ сказать: что мнѣ, одинокому, Тулуповъ? Вѣдь здѣсь же меня присяжные осудили, — положимъ, осудили правильно и за дѣло... Но все же въ Тулуповѣ и меня знаютъ, да и я знаю многихъ: вотъ мнѣ и казалось, что здѣсь я скорѣе найду себѣ хоть какое-нибудь занятіе... Только нищенствовать я не желаю, а на- мѣренъ работать до конца дней моихъ, не покладая рукъ... Вотъ добрался я кое-какъ до Тулупова и тутъ ужъ, на по- стояломъ дворѣ, узналъ, что Владиміръ Ивановичъ получилъ наслѣдство отъ Ивана Захарыча Голубкова, женился и сдѣ- лался богатымъ купцомъ... Вотъ я и пришелъ васъ провѣ- дать и не для того, чтобы выпросить чтонибудь на бѣдность, а для того, чтобы вы знали, что я желаю честно и добро- совѣстно работать. Если, Владиміръ Ивановичъ, для Свѣтлаго Христова Воскресенія вы забудете все мое прежнее зло и дадите мнѣ кусокъ хлѣба, хоть какоенибудь мѣстечко, то я буду вашимъ вѣрнымъ и усерднымъ слугою навсегда...

— Объ этомъ послѣ, Кузьма Глѣбовичъ! — сказалъ Соко- ловъ, — а вотъ не хотите ли чтонибудь закусить?..

— Очень благодаренъ. Я дѣйствительно ничего не ѣлъ со вчерашняго дня, а вчера питался только ломтемъ хлѣба и водою...

— Ну, такъ садитесь къ столу и кушайте, что хотите... Дарья Васильевна, угощайте Кузьму Глѣбовича! А ты, Саша, иди со мною въ кабинетъ на пару словъ!..

Араратскій не заставилъ себя упрашивать и съ жадностью голоднаго человѣка принялся за разнообразную и вкусную ѣду.

Въ кабинетѣ Владиміръ Ивановичъ обратился къ женѣ съ такимъ вопросомъ:

— Ну, что ты думаешь, Саша, о неожиданномъ появленіи къ намъ Араратскаго?

— Я думаю, Володя, что мы обязаны ему помочь...

— Я и самъ такъ думаю. Какая же ты у меня добрая! Но какъ только вспомню, какъ онъ обращался съ моею

матерью,—о себѣ я ужь не говорю,—такъ у меня закипаетъ въ сердцѣ, и я готовъ его прогнать. Въ то же время я понимаю, что онъ, можетъ быть, и дѣйствительно исправился въ ссылкѣ, а лежачаго вѣдь не бьютъ... И почему знать? можетъ быть, это самое сѣверное сіяніе, которымъ онъ любовался въ непроглядной тѣмѣ, согрѣло любовью къ ближнему и просвѣтило его грѣшную душу, а холодъ и постоянная нужда въ хлѣбѣ насущномъ исцѣлили его отъ пьянства... Можетъ быть, тамъ, въ полярныхъ странахъ, и Самъ Богъ сдѣлался ближе къ его скорбящей душѣ!

— Зло можно побѣдить, Володя, только добромъ. И опять же, вѣдь ты слышалъ, какъ онъ увѣрялъ, что теперь онъ ужь совсѣмъ не тотъ Араратскій, какимъ былъ прежде...

— Да вѣдь онъ, Саша, всегда былъ такой сладкій и обворожительный при первой встрѣчѣ и на первыхъ порахъ... Я все таки опасуюсь.

— А развѣ человекъ, побывавшій въ тяжелой ссылкѣ, когда нельзя было и пьянствовать, не можетъ нравственно переродиться? Вѣдь Араратскій все же тебѣ отчимъ. И развѣ лучше будетъ, если онъ станетъ рассказывать по городу и всюду рассказывать, что ты, Володя, его пасынокъ? Развѣ не осудятъ тебя же, человекъ со средствами, за то, что ты не захотѣлъ ему помочь?

— Чѣмъ, Саша, я могъ бы ему помочь? Если дать денегъ,—онъ, пожалуй, пропьетъ...

— Ну, это еще неизвѣстно... Вѣдь онъ уже побывалъ въ ссылкѣ, а тамъ едва ли было на что пить... Только не деньгами ты долженъ пособить, а лучше дай ему мѣстечко!..

— А какое мѣстечко, Саша? Я все таки опасуюсь принимать его, какъ своего родственника, до нѣкоторой степени, по матери.

— Да чего лучше, Володя! Опредѣли его въ сторожа или въ наборщики въ нашу типографію.

— А и то ты правду говоришь, Саша. Что дѣло—то дѣло! Предложу-ка ему на первыхъ порахъ въ сторожа и посмотрю, чтó изъ этого выдетъ...

— Вѣдь ты, Володя, ничѣмъ не рискуешь. Если Араратскій не оправдаетъ твоего довѣрія,—ты можешь его прогнать, безъ церемоній, во всякое время. И тогда уже никто не бу-

деть. вправѣ упрекнуть тебя въ томъ, что ты не захотѣлъ помочь своему же отчиму въ несчастіи.

— Ты дѣло говоришь, Саша! Дай же я тебя за это поцѣлую. И всегда ты бываешь такъ добра, справедлива и снисходительна къ людямъ, не то что я! Теперь обязанности сторожа въ типографіи исполняетъ мальчишка-наборщикъ, а это дѣло для него ужь совсѣмъ неподходящее. Что жь? попробуемъ и хорошенько испытать Кузьму Глѣбовича.

И послѣ такого разговора съ женою всякая озабоченность исчезла съ лица Соколова. Онъ уже и по опыту зналъ, что жена худо ему не посоветуетъ.

— Не обижайтесь, Кузьма Глѣбовичъ!—сказалъ Соколовъ, выходя въ залу:—хотя я и хорошо помню, что вы были мужемъ моей матери, однако сейчасъ только и могу вамъ предложить мѣсто сторожа. Если же вамъ угодно, то хоть завтра поступайте ко мнѣ въ типографію — въ сторожа или въ наборщикъ. Какъ сторожъ и на вашемъ содержаніи, вы будете получать отъ меня по пятнадцать рублей въ мѣсяцъ по прошествіи каждаго мѣсяца. Согласны ли вы?

— Еще бы не согласенъ! Да я и не знаю, какъ мнѣ благодарить васъ, Владиміръ Ивановичъ, и вашу супругу. Кажется, ее Александрой Петровной зовутъ... Чувствуетъ мое сердце, что она должно быть просила васъ за меня. Теперь будетъ у меня и уголь, и кусокъ хлѣба. Если же вы останетесь мною недовольны, то, конечно, можете прогнать меня во всякое время. Но только я убѣжденъ, что вы никогда не будете раскаиваться въ томъ, что приняли меня къ себѣ. А что я—человѣкъ, вообще, способный, то вы и сами это хорошо знаете, хотя я уже и не молодъ.

— Ну, и отлично. Если вамъ нужно, то можете получить отъ меня на первый разъ впередъ десять рублей въ счетъ жалованья.

— Спасибо! спасибо! Вотъ и мнѣ, наконецъ, свѣтлый праздникъ. Вѣкъ не забуду вашей доброты и участія...

И Араратскій, — этотъ дѣйствительно какъ бы переродившійся въ ссылкѣ человѣкъ, — теперь сдѣлался сторожемъ въ типографіи своего же пасынка Соколова.

Какъ мы уже говорили, еще до возвращенія Араратскаго въ Тулуновъ, Петръ Захаровичъ Голубковъ умеръ въ боль-

ницѣ. Его, конечно, жалѣли, какъ несчастнаго душевно-больнаго, жена и дочь, которыхъ онъ, однако, не узнавалъ и передъ смертью. Сперва жалѣли, а когда, наконецъ, онъ умеръ, то и Дарья Васильевна, и Александра Петровна сказали: «Ну, умеръ — и слава Богу: теперь насталъ конецъ его страданія!»!..

Вспоминали несчастнаго Петра Захаровича и нѣкоторые обыватели города Тулузова. А потомъ, наконецъ, и забыли, какъ, можетъ быть, забудутъ его и читатели этого не столько романа, сколько правдивой повѣсти, выхваченной авторомъ прямо изъ его же воспоминаній и наблюденій надъ вѣчно волнующимся моремъ, житейскимъ и судебнымъ.

Жиль-быль на свѣтѣ человекъ, самъ по себѣ не очень дурной, но сдѣлавшій ближнимъ много зла и затѣмъ искупившій нравственными страданіями свою вину, жить онъ, какъ и многіе живутъ. Дѣлалъ онъ кое-какъ и добро и, считая себя обиженнымъ судьбою, чего-то усиленно достигалъ въ погонѣ за очень долго не дававшимся ему счастьемъ... Но достигъ ли онъ этого счастья, когда получилъ наслѣдство отъ брата преступнымъ путемъ?

В. Волжинъ.

Въ больницѣ.

Вы, докторъ, здѣсь? Мнѣ, значитъ, снова хуже?
Не правда ли? Вѣдь смерть ужь надо мной.
Къ чему обманывать... я знаю самъ... къ тому же
Я такъ измучился, что жду ее съ мольбой.
Нѣтъ! Не тушите свѣтъ... Пускай горитъ лампадка,
Не больно мнѣ глазамъ. Я радъ ея лучу,
Присядьте на постель... Мнѣ чувствовать такъ сладко,
Что не одинъ я здѣсь. Я говорить хочу!
Простите, докторъ, мнѣ... Больныхъ не чуждый свойства,
Я знаю, мучалъ васъ и многихъ эти дни
И тьму заботъ, тревогъ и безпокойства,
Я знаю, принесли съ собою вамъ они.
Но вы... вы теплотой такъ душу мнѣ согрѣли,
Вы были такъ добры и ласковы со мной,
Что, умирая здѣсь, я грежу, въ самомъ дѣлѣ,
Что не чужой вы мнѣ, а близкій и родной...
Предъ смертію моею, страданья прожитаго
Предъ вами я хочу коснуться своего;
Пусть будетъ то для васъ пустой капризь больного,
Но вѣдь послѣдній онъ... простите жъ мнѣ его!..
Послушайте меня... Я выросъ одиноко
Въ чужомъ краю, безъ близкихъ мнѣ людей,
Оставленъ самъ себѣ, я жизнь узналъ глубоко,
Привыкъ къ борьбѣ и примирился съ ней.
Я жилъ одинъ, безъ радости и счастья,
Я выбился одинъ на торный жизни путь,
Стараясь не роптать и выйти какъ нибудь,
Терпя нужду, обиды и ненастья...
И все я побѣдилъ... Но только одного
Судьба жестокая мнѣ въ жизни не давала:
Я сердцемъ жить хотѣлъ... Но сердца моего

Порывы—жизнь насмѣшкой заглушала...
 Я терпѣливо ждалъ... И года два назадъ
 Мы съ нею встрѣтились... Вамъ говорить напрасно,
 Какъ показалось мнѣ лицо ея прекрасно
 И показался мнѣ привѣтливъ добрый взглядъ...
 Любила ли она?.. Не знаю, въ самомъ дѣлѣ,
 Я вѣрить такъ хотѣлъ, что слѣпо вѣрилъ ей
 И точно чудный сонъ волнующихъ страстей
 Минули краткія, счастливыя недѣли...
 Затѣмъ пошелъ разладъ... тѣма мелочныхъ заботъ,
 Борьба съ нуждой и вѣчные раздоры
 И долго слушалъ я съ тоской ея укоры,
 Работая весь день... Такъ первый минулъ годъ...
 И вотъ... Я, какъ сейчасъ, тотъ помню день ужасный.
 Я тихо шелъ домой, измученный, безъ силъ,
 Осенній вечеръ былъ тоскливый и ненастный,¹
 Съ залива вѣтеръ дулъ и дождикъ моросилъ.
 Я шелъ одинъ, со службы возвращаясь,
 Работой истомленъ, подъ кровь уютный свой,
 Въ одномъ лишь словѣ ласковомъ нуждаясь,
 Въ поддержкѣ нѣжною и любящей рукой...
 Звоню. Отвѣта нѣтъ... дверь, вижу, не закрыта,
 Вхожу... нѣтъ никого... Повсюду темнота,
 И только на столѣ, положенный открыто,
 Блѣтается клочокъ почтоваго листа...
 О, докторъ... Въ томъ листѣ три слова только было,
 Но въ сердцѣ у меня съ тѣхъ поръ горять они
 И силы нѣтъ понять, что жизнь мнѣ сохранило
 И какъ я пережилъ тѣ памятные дни!
 И вновь я сталъ одинъ... Подкравшись незамѣтно,
 Болѣзнь пришла съ злодѣйскою-тоской,
 А я все ждалъ ее... писалъ... молилъ, но тщетно.
 Она среди жизни путь нашла себѣ другой
 И все не вѣрилъ я. И долго мнѣ казалось,
 Что лгали про нее... Я ею жилъ въ мечтахъ,
 Пока она со мной случайно повстрѣчалась,
 Въ коляскаѣ развалилась, въ шелку и кружевахъ...
 Съ тѣхъ поръ я началъ пить. Минутное забвенье
 Тяжелый хмѣль порою мнѣ давалъ;
 Все ниже падалъ я... пока пришло мгновенье,
 Когда, больной, сюда я къ вамъ попалъ.
 Вотъ, докторъ, все... Я вамъ сказалъ все это,

Чтобъ знали вы, родной и близкій мнѣ,
Что, все жъ, въ моей душѣ была потребность свѣта,
Что все таки еще упалъ я неполнѣ...
И еслибы она, когда про смерть узнаеть,
Случайно, вдругъ пришла сюда въ больницу къ вамъ,
Скажите ей... что мужъ ее прощаетъ...
Что я давно простилъ... Что понялъ я и самъ,
Что виноватъ предъ ней... Что дать я не былъ въ силахъ
Того, чтó въ жизни такъ казалось нужно ей,
И что въ послѣдній часъ о дняхъ я думалъ милыхъ,
О дняхъ любви, прожитыхъ мною съ ней.
Не говорите ей, какъ долго я томился
Въ больницѣ здѣсь... Скажите про меня,
Что я мечтою къ ней далекой уносился
И умеръ, взглядъ ея въ душѣ своей храня;
Что, примиренный съ ней и съ жизнью, умираю,
Что все во мнѣ мечтой о ней полно.
Пожмите руку мнѣ... Я больше не страдаю,
Нѣтъ силы говорить... Кругомъ меня темно...

Князь Федоръ Косаткинъ-Ростовскій.

ДѢЛО АНЕЛИ ДОБРЖАНСКОЙ.

(Окончаніе).

VIII.

Надо ли говорить, что я показалъ у слѣдователя, по дѣлу Анели Добржанской, все, что зналъ. Факты всѣхъ показаній были настолькоъ вѣски, что не только товарищъ прокурора—человѣкъ новый—но и слѣдователь убѣдились, что смерть несчастной Анели—убійство. Товарищъ прокурора настаивалъ на арестъ Хаима, Залмана и трехъ жидовъ, бывшихъ ночью въ домѣ Евремовича, когда Анели погибла; слѣдователь арестовалъ трехъ евреевъ, оказавшихся: двое рѣзниками (мясниками) изъ сосѣдняго мѣстечка С—ны, а третій—простымъ извозчикомъ, но долго не рѣшался написать постановленіе объ арестъ Хаима, Залмана и еврейки-кухарки. Въ одно прекрасное утро, у него на столѣ оказался пакетъ съ тысячею рублями... Деньги были отосланы въ судъ, какъ неизвѣстно кому принадлежащія, а слѣдователь, въ виду такихъ махинацій, поспѣшилъ арестовать всѣхъ подозрѣваемыхъ, за исключеніемъ Залмана—больнаго—и старухи Евремовичъ, какъ женщины вполнѣ безвредной и глупой.

Я намѣревался покинуть К. и ѣхать въ Вильну, что впоследствии и исполнилъ, но меня обязали подпискою явиться въ судъ. Пришлось остаться. Въ последнее время моего уже невольнаго пребыванія въ К—ѣ, со мною случилось еще одно приключеніе, очень характерное, которое и расскажу здѣсь.

Была глубокая зима. Квартировалъ я по прежнему въ домѣ Никандра Церелешина и почти безвыходно сидѣлъ дома, занятый обработкою моихъ записокъ. Вечеромъ, часу въ девятомъ, мнѣ послышался въ передней споръ и рѣзкій, очевидно женскій голосъ, бранившій Никандра. Дверь распахнулась и въ комнату вошла

брюнетка, средняго роста съ блестящими миндалевидными глазами, одѣтая щеголевато и причесанная по модѣ: съ напускомъ волосъ на лобъ и виски. Еслибы не румянецъ черзечуръ яркій и неестественно розовыя губы, вошедшую можно было бы назвать красивой.

— Вотъ онъ не впускаеть, а мнѣ къ вамъ надо по дѣлу,— начала вошедшая.

Я предложилъ ей стулъ.

— Видишь!—обратилась она къ Никандру.—Я пришла къ господину по его же дѣлу, онъ звалъ меня, а ты—толкаешься. Мужикъ!

Никандръ качалъ головой, стоя въ дверяхъ, и ворчалъ:

— Не звалъ Александръ Ивановичъ тебя, потому—ему такихъ не надо.

— Велите ему уйти,—обидѣлась гостья.

Никандръ ступевался.

— Роза Ивановна Гандельманъ,—отрекомендовалась она мнѣ.—Вольнопрактикующая акушерка. Я давно желала съ вами познакомиться. Вы такой развитой, благородный господинъ. И у меня къ вамъ дѣло.

— Чѣмъ могу служить?

— У васъ много книгъ. Здѣсь такъ скучно. Кругомъ — одни невѣжественные жида. Нечего читать и поговорить не съ кѣмъ.

— Но вы, кажется, сами еврейка.

— Да. Но я училась въ Петербургѣ. Понимаете: развитіе иное. Вся эта жидовская заскоружность противна мнѣ. Душа и сердце ищутъ человѣка, съ которымъ бы можно было хоть словомъ перекинуться. Вы позволите мнѣ посѣщать васъ?

— Только не по вечерамъ,—поспѣшилъ я замѣтить. Гостья моя производила на меня пренепріятное впечатлѣніе.

— Отъ чего же: не вечеромъ? Вечеромъ, за стаканомъ чаю, у насъ въ Петербургѣ, въ нашемъ кружкѣ, обыкновенно всѣ пренія бывали. Вы знавали...

И Роза Ивановна (Рохля Янкелевна) назвала мнѣ нѣсколько именъ, пользовавшихся кратковременною извѣстностью въ шестидесятыхъ годахъ.

— Нѣтъ, я никого изъ нихъ лично не знаю. Имена слыхалъ. Въ Петербургѣ я былъ еще ребенкомъ.

— Это все мои хорошіе друзья. О какіе мы проекты вмѣстѣ обсуждали...

Странная гостья моя, не обращая вниманіе на мое упорное молчаніе и холодность, просидѣла у меня болѣе часу и ушла, позабывъ взять книги.

Очевидно, не за книгами она и являлась.

За чѣмъ же? Никандръ совѣтовалъ остерегаться, говоря:

— Жиды подстроютъ штуку, ужъ я знаю: подстроютъ. Меня два раза подпаливали. Какъ бы не Капышъ мой—и сожгли бы.—«Капышемъ» называлась большая дворовая собака, злая, презлая, не бравшая даже хлѣба изъ рукъ чужаго. На жидовъ она накидывалась съ особенною яростью.

Недѣлю спустя, опять вечеромъ, вторично явилась Роза Яковлевна, на этотъ разъ съ корзиною въ рукахъ.

— Я къ вамъ на часокъ: не помѣшаю?

Что оставалось дѣлать? Довольно нелибозно я все же предложилъ ей сѣсть. Она поставила на столъ корзинку, открыла и начала выкладывать виноградъ, дюшесы, коробку конфетъ и бутылку вина.

— Что вы дѣлаете! За чѣмъ вы все это принесли ко мнѣ?—былъ мой вопросъ.

Еврейская дѣвица громко захохотала.

— Мы съ вами поболтаемъ и будемъ этими вещами лакомиться. Не думайте, что я на покупку разорилась: я ни копѣйки на все это не потратила. Къ вамъ прямо изъ уѣзда пошла. Тамъ, знаете, у богачей Санацкихъ принимала. За деньгами не гонюсь. Не такъ, какъ другія акушерки. Мнѣ всѣ эти лакомства самъ Санацкій и навязалъ. Думаю: одной ѣсть и пить — скучно; найду-ка къ вамъ, Александръ Ивановичъ—и покушаемъ вмѣстѣ.

«Чортъ знаетъ что! Нахалка!» подумалъ я. Ничего не возражая Розѣ Яковлевнѣ, я собралъ все выложенное на столъ и опять вложилъ въ корзину.

— Чтo вы дѣлаете? Вы не хотите со мною полакомиться и поболтать?

— Не хочу. Я лакомлюсь только тѣмъ, за что самъ плачу. Мы не такъ близко знакомы съ вами, Роза Яковлевна, чтобы вы могли носить ко мнѣ угощенія. Возьмите принесенное обратно и не беспокойтесь посѣщать меня больше.

— А, такъ вы вотъ какъ обращаетесь со мною!—совсѣмъ уже инымъ тономъ вскрикнула еврейка.

Она вскочила съ дивана, сбросила на землю лежавшую на немъ вышитую гарусомъ подушку, разстегнула на груди капоть, привела въ безпорядокъ куафюру и выскочила въ сѣни, съ крикомъ:

— Помогите! караулъ! ай! ай!

Неожиданно застигнутый, я съ перваго начала не могъ понять, что все это значить. Но сущность ловкой махинаціи вскорѣ обнаружилась: изъ-за двери просунулись два жидка.

— Онъ меня хотѣлъ изнасиловать!—вопила Роза Яковлевна, укаывая жидкамъ на меня.

— Протоколь! Протоколь! Надо протоколь,—отвѣтили жидки, очевидно дежурившіе за дверью, въ ожиданіи сигнала своей сообщницы.

— Помогите! караул!—продолжала кричать Роза Яковлевна, еще болѣе разстраивая свой туалетъ и прическу. Прибѣжалъ Никаандръ и, выслушавъ, что случилось, только всплеснулъ руками.

Явился околodочный, тоже должно быть притаившійся гдѣ нибудь на дворѣ, въ ожиданіи поры явиться, и—протоколь былъ составленъ, въ которомъ констатировалось, что дѣвица Роза Яковлевна Гандельманъ, приди по дѣлу ко мнѣ (имя рекъ) едва не сдѣлалась жертвою гнуснаго покушенія на ея цѣломудріе.

Полицейскій съ особенною тщательностью описалъ безпорядки туалета Розы Яковлевны и то, что въ квартирѣ моей на столѣ была бутылка вина и фрукты.

— Да вѣдь она же сама ихъ принесла!—замѣтилъ я.

— Это неизвѣстно,—отвѣтилъ околodочный и улынулся.

На утро въ городѣ грохнула вѣсть, что я покушался на дѣвицу Розу Яковлевну Гандельманъ. По ея жалобѣ на меня, началось дѣло.

Встрѣтившись въ товарищемъ прокурора, сильно раздосадованный случившимся, я имѣлъ однако утѣшеніе: судебный чинъ очевидно понялъ, какой гнусной махинаціи жидовъ я сдѣлался жертвою, и со смѣхомъ сказалъ:

— Конечно, это пустяки, Александръ Ивановичъ! У этой Розы Яковлевны двое дѣтей—незаконныхъ и репутація ея очень подозрительна. Слѣдствіе будетъ направлено къ прекращенію дѣла. Но, знаете ли: случай съ вами очень полезенъ: я теперь вполне вѣрю въ силу кагала, т. е. общества евреевъ, которое блюдетъ за своими интересами и не прощаетъ никому, кто рѣшается обличить его темныя махинаціи. Мы со слѣдователемъ рѣшили уже написать заключеніе по дѣлу Анели Добржанской самое категорическое въ смыслѣ преданія виновныхъ суду....

IX.

Дѣло объ убійствѣ Анели Добржанской оказалось въ слѣдующемъ положеніи: незнакомые евреи, которыхъ я видѣлъ въ ночь убійства несчастной, какъ выяснилось, были—рѣзники мѣстечка Смо—нъ.

Залманъ указалъ на нихъ...

Что его побудило дать показаніе, обвиняющее отца? По его словамъ: Анеля снилась ему и говорила, что будетъ его мучить,

пока онъ не откроетъ, кто ея убійцы. Разумѣется, это были галлюцинаціи разстроеннаго нервами человѣка.

Въ оправданіе себя и отца, Залманъ утверждалъ при этомъ, что ихъ обоихъ не было дома въ ночь убійства. Мое показаніе о томъ, что Хаимъ провожалъ убійцъ самъ, при выгнѣдѣ ихъ изъ воротъ его дома, опровергало показаніе Залмана. Хаима сейчасъ же посадили въ тюрьму: не было возможности сомнѣваться относительно того, что онъ былъ за одно съ убійцами и все, что совершилось, совершилось съ его вѣдома.

Противу рѣзниковъ, когда ихъ арестовали, оказались тоже вѣскія улики; еврей-извозчикъ, возившій ихъ, показалъ: что они дѣлали въ сараѣ, ему неизвѣстно, но онъ помогалъ имъ отнести въ лѣсъ тюки съ товаромъ, контрабандою, какъ они его увѣрили...

Это было тѣло несчастной Анели.

Замѣчательно то, что извозчикъ-еврей, давшій такое уличающее рѣзниковъ показаніе, внезапно въ скорости умеръ.

Когда слѣдствіе было уже почти закончено, загорѣлся, отъ неизвѣстной причины, домъ старовѣра Никандра Перелешина. Собака его Капышъ оказалась отравленной. Самъ Никандръ едва спасся; домъ, конечно, не былъ застрахованъ. Мое имущество тоже сгорѣло. Сгорѣли и записки о моемъ пребываніи въ Варшавѣ въ исходѣ 1863 года и о моихъ сношеніяхъ съ жондомъ.

Разбирательство по дѣлу объ убійствѣ Анели Довржанской состоялось въ ви—ѣ окружномъ судѣ. Мнѣ и еще нѣсколькимъ десяткамъ свидѣтелей пришлось фигурировать въ этомъ дѣлѣ, тянувшимся четыре дня. Все это время тысячи ви—ихъ и иныхъ жидовъ окружали зданіе окружнаго суда. Въ числѣ зрителей, въ залѣ суда было болѣе чѣмъ на 60% евреевъ, интеллигентныхъ и богатей.

Они считали дѣло безвѣстныхъ убійцъ, рѣзниковъ мѣстечка С—въ, какъ бы *своими дѣломъ*. Настроеніе толпы было самое враждебное. Мнѣ, при входѣ и выходѣ изъ суда, пришлось прибѣгать къ помощи полиціи. Ни въ одной изъ еврейскихъ гостинницъ для меня не оказалось свободнаго номера.

Для защиты Евремовичей—явилось изъ Петербурга цѣлыхъ два адвоката: Коробинъ—русскій и Цибульбергъ—еврей, зоркій и назойливый. Десятокъ разъ остановленный предсѣдателемъ, онъ не стѣснялся и въ одиннадцатый разъ дѣлалъ тоже: задавалъ вопросы, не идущіе къ дѣлу, и запугивалъ свидѣтелей. Юристъ впрочемъ

онъ былъ не важный и говорилъ плохо. Но его пригласили потому, что Коробьинъ хотя и былъ человѣкъ съ адвокатскою совѣстью, но все же ему, какъ гоиму, нельзя было всего довѣрить... Защищать рѣзниковъ, людей почти нищихъ, прѣхаль, нанятый неизвѣстно кѣмъ, самъ князь У—совъ.

Я зналъ нѣсколько этого блестящаго софиста, настоящаго прелюбодѣя мысли. Въ В—кѣ мы съ нимъ столкнулись у общаго знакомаго, до начала разбора дѣла.

— Князь, вы будете защищать рѣзниковъ?—говорю ему.—Но вѣдь они несомнѣнные убійцы.

— Ну, это еще не доказано,—отвѣтилъ сѣятельный адвокатъ.

— Вы, конечно, изучили дѣло?

— Изучилъ. И вынесъ убѣжденіе, что рѣзники—жертва ошибки и фанатизма товарища прокурора.

— А мое показаніе, что они были въ домѣ Евремовича въ ночь убійства и съѣхали ночью со двора, вы тоже, конечно, читали?

— Читалъ. Вамъ это все пригрезилось.

Князь—адвокатъ откинулся на спинку кресла и я напрасно искалъ на его лицѣ какихъ либо слѣдовъ колебанія, или сомнѣнія.

— Вамъ это пригрезилось,—повторилъ онъ и прекратилъ разговоръ.

На судебномъ слѣдствіи адвокаты подвергли меня яростному перекрестному допросу съ цѣлью сбить въ показаніяхъ. Въ особенноти буквально лѣзъ изъ кожи Цибульбергъ.

— А вы близко знали покойную Анелю Добржанскую?—вдругъ задалъ мнѣ вопросъ Коробьинъ, поправляя пенсне и пристально смотря мнѣ въ глаза.

— Зналъ. Она прислуживала мнѣ, когда я квартировалъ у Евремовичей.

— Гмъ! вы не женаты?

— Нѣтъ, я не женатъ.

Обращаясь къ присяжнымъ—безобиднымъ в—мъ чиновникамъ и мѣщанамъ,—Коробьинъ заявилъ:—Прошу васъ, господа, запомнить показаніе свидѣтеля: онъ человѣкъ не женатый и ему прислуживала покойная Анеля Добржанская, оказавшаяся впоследствии беременной.

Болѣе подлаго вывода изъ моихъ словъ трудно было сдѣлать. Но Коробьинъ, сдѣлавъ его, даже не поморщился.

Поднялся Цибульбергъ.

Высокій, красный, черноволосый жидъ, съ обычными у этой азіатской національности миндалевидными глазами и крупнымъ носомъ, онъ окинулъ залу бѣглымъ взглядомъ и усмѣхнулся.

— Господинъ свидѣтель!—обратился Цибульбергъ чрезъ предсѣдателя ко мнѣ.—Противу васъ имѣется въ производствѣ дѣло о покушеніи, совершонномъ вами противу чести и цѣломудрія вашей знакомой Розы Яковлевны Гандельманъ. Вы не отрицаете этого?

Я, конечно, горячо отрицаю обвиненіе меня Гандельманъ, говорю, что видѣлъ ее всего два раза, и называю жалобу ея клеветою.

Выслушавъ мой отвѣтъ, Цибульбергъ язвительно улыбнулся.

— Господа присяжные засѣдатели,—обратился онъ къ присяжнымъ,—прошу замѣтить и запомнить: главный свидѣтель противъ несчастныхъ обвиняемыхъ, увѣряющій, что онъ чуть-ли не видѣлъ, какъ жида убивали Добржанскую, состоитъ подъ слѣдствіемъ по обвиненію въ покушеніи на цѣломудріе уважаемойвъ К—съ женщины.

Здѣсь предсѣдатель рѣзко прервалъ жидка-адвоката. Но онъ не смутился и сѣлъ самодовольный и улыбающійся: то, что нужно было сдѣлать, было имъ сдѣлано.

Всталъ третій защитникъ, князь У—совъ, и, благодаря своей импонирующей репутаціи столичнаго адвокатскаго свѣтила, заговорилъ презрительно, играя лорнетомъ:

— Вамъ, г. свидѣтель, одинокому, неженатому человѣку, прислуживала покойная Анеля Добржанская, оказавшаяся беременной, ну, а вы не знаете: кто былъ причиной паденія дѣвушки?

— Не знаю!—рѣзко и гнѣвно отвѣтилъ я.

— И не слышали ничего?

— Я не обязанъ передавать слухи. Но если вы хотите, я скажу: всѣ приписывали беременность покойной Залману.

— Мало ли что и кому приписываютъ,—замѣтилъ князь-адвокатъ.

И сѣлъ, заявивъ, что ничего болѣе не имѣетъ у меня спросить.

Я полагалъ, что моя попытка уже окончилась. Предсѣдатель готовъ былъ уволить меня. Но въ это мгновеніе, изъ-за спинъ своихъ «большихъ» товарищей юристовъ, выглянулъ четвертый адвокатъ: защитникъ Залмана—худенькій, жидконогіій еврейчикъ со впалюю грудью и землистымъ цвѣтомъ лица. Онъ какъ-то подпрыгнувъ, торопясь заявить, что желаетъ спросить свидѣтеля, то есть меня.

— Вы квартировали у достопочтенныхъ Евремовичей?—началъ онъ.

— Квартировалъ.

— И переѣхали къ Перелешину—старовѣру, принадлежащему къ сектѣ, законами преслѣдуемой.

— Этого я не знаю, преслѣдуютъ ли законы секту, которой держится Перелешинъ,—былъ мой отвѣтъ.—Но я, дѣйствительно, переѣхалъ на квартиру къ нему, послѣ убійства Анели.

— А зачѣмъ вы поселились въ К.? вѣдь вы не жили же прежде въ К—сѣ?

— Такъ мнѣ понравилось.

— Гмъ! Вы подписывались на газету NN, явно антисемитическую?

— Какое дѣло суду, какія я газеты читаю.

— Гмъ! но вы, очевидно, антисемитъ.

Предсѣдатель попышился остановить адвоката. Жидокъ закипятился и заявилъ, что главнаго вопроса онъ мнѣ еще не сдѣлалъ.

— Вы съ Хаимомъ Евремовичемъ поссорились?

— Нѣтъ. Мы не въ ссорѣ.

— Зачѣмъ же вы въ такомъ случаѣ переѣхали къ Перелешину, грубому старовѣру, въ простую избу, изъ удобнаго флигеля достопочтеннаго купца Евремовича?

Я потерялъ самообладаніе и рѣзко отвѣтилъ:

— Переѣхалъ послѣ убійства Добржанской. Жить въ домѣ, гдѣ ночью евреи удавили беззащитную дѣвушку, чтобы помѣшпать жиду креститься и жениться на ней, показалось мнѣ ужаснымъ, невозможнымъ. Я христіанинъ.

— Причѣмъ тутъ ваше христіанство!—презрительно бросилъ фразу жидокъ.—Вы денегъ у Евремовича не одолжали?

— Нѣтъ, не одолжалъ.

— Позвольте, господа присяжные, доказать вамъ фактически, что свидѣтель говоритъ неправду. Въ маѣ мѣсяцѣ онъ бралъ у Евремовича сто рублей. Въ счетной книгѣ Евремовича записано: дано жильцу NN. сто рублей.

Я былъ положительно, на нѣсколько мгновеній, сбить съ толку и озадаченъ. Какія же это деньги я бралъ? пришло мнѣ въ голову. Съ большимъ трудомъ, однако же, мнѣ удалось припомнить: на почтѣ у меня въ маѣ мѣсяцѣ были деньги, присланныя редакціей журнала «Русское Слово», въ которомъ я тогда участвовалъ. Случилось подъ рядъ два праздника и взять ихъ не оказывалось возможности. Мнѣ однако же необходимо было немедленно рассчитаться съ поставщикомъ и Хаимъ предложилъ взять у него сто рублей, которые и были ему возвращены черезъ двое сутокъ.

Адвокаты переглянулись, выслушавъ мое объясненіе. Жидокъ развязно обратился къ суду, прося устранить меня изъ залы свидѣтелей, какъ лицо, имѣющее денежныя недоразумѣнія съ судимымъ.

— Какія же у меня съ Евремовичемъ денежныя недоразумѣнія?—задалъ я, въ свою очередь, вопросъ.

— Какія? Вы спрашиваете?.. Вы брали сто рублей. Тутъ это

записано по счетной книгѣ. Но возвратили ли вы ихъ Евремовичу, этого изъ книги не видно. Полагаю: недоразумѣніе имѣется, тѣмъ болѣе, что вы говорите: деньги вами возвращены, а Евремовичъ объ этомъ не говоритъ.

Судъ въ ходатайствѣ устранить мое показаніе отказалъ.

— Вотъ и поводъ для кассациі, — довольно громко проговорилъ Коробьинъ своему товарищу Цибульбергу. Тотъ только улыбнулся, а худенькій жидокъ усѣлся на свое мѣсто, радостный и торжествующій.

Х.

Начался допросъ свидѣтелей-евреевъ.

Всѣ они были приведены къ присягѣ чрезъ предсѣдателя суда.

Значила ли что либо для ихъ совѣсти данная такимъ образомъ присяга? Въ ней не были соблюдены формы, обязательныя для присягающаго еврея. И, разумѣется, обязательная сила подобной присяги была для еврейской совѣсти болѣе, чѣмъ сомнительна. Много лѣтъ спустя, въ Петербургѣ, мнѣ привелось быть присяжнымъ засѣдателемъ по дѣлу о неподаніи помощи, вслѣдствіе чего приключилась смерть человѣка. Судили городоваго — тупаго солдата, который искренно былъ убѣжденъ, что отойти отъ своего поста онъ не могъ, хотя и слышалъ крики пьянаго, упавшаго съ плота въ Фонтанку. Мы, всѣ присяжные засѣдатели, усѣлись за столъ въ своей комнатѣ составлять вердиктъ. Противу меня сидѣлъ еврей, котораго тоже, предъ началомъ засѣданія, предсѣдатель привелъ къ присягѣ.

— Господа! — обратился я къ товарищамъ присяжнымъ. — Не двѣнадцать ли присяжныхъ должно быть по закону, чтобы вердиктъ нашъ былъ правильно составленъ.

— Конечно двѣнадцать, — былъ отвѣтъ старшины. И онъ сосчиталъ засѣдавшихъ и ихъ, конечно, оказалось двѣнадцать.

— Здѣсь двѣнадцать человѣкъ, — замѣтилъ я ему. — Но присягнувшихъ, т. е. присяжныхъ засѣдателей, только одиннадцать.

При этомъ я попросилъ еврея, присяжнаго засѣдателя, по совѣсти сказать: считаетъ ли онъ, данную чрезъ предсѣдателя, антиритуальную присягу для себя обязательной?

Дѣло было, какъ я уже выше сказалъ, совершенно не затрагивающее еврейскихъ интересовъ, и еврей присяжный, послѣ небольшого колебанія, сознался, что онъ не считаетъ себя присягнувшимъ. Еслибы дѣло касалось еврейскихъ интересовъ, онъ, вѣроятно, не былъ бы такъ откровененъ. Но дѣло не въ этомъ.

Возвращаясь къ показаніямъ евреевъ, свидѣтелей по дѣлу Анели Добржанской, и замѣчу здѣсь: придавать серьезное значеніе ихъ присягѣ чрезъ предсѣдателя и ихъ показаніямъ было дѣло рискованное. Но по закону было иначе и допросы начались.

Всѣ жидки-свидѣтели видѣли подсудимыхъ рѣзниковъ и Хаима Евремовича, въ ночь убійства, далеко отъ К—я. Страшно было въ этихъ показаніяхъ только то, что каждый видѣлъ своего знакомаго изъ подсудимыхъ въ томъ мѣстѣ, въ которомъ былъ самъ въ страшную ночь. Еслибы имъ вѣрить — этимъ только что якобы-присягнувшимъ жидкамъ,—пришлось бы повѣрить, что и рѣзники, и Хаимъ могли являться одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Одинъ свидѣтель—помощникъ раввина въ К—ѣ—даже увѣрялъ, будто видѣлъ Анелю Добржанскую, въ роковую ночь, идущую съ солдатомъ...

— А какъ она была одѣта? — спросилъ правдиваго свидѣтеля товарищъ прокурора.

— Ну, одѣта... Извѣстно какъ... Хорошо была одѣта,—отвѣтилъ жидокъ.

— Какъ это хорошо? Шуба на ней была? Ночью былъ морозъ.

— Ну, и шуба была. Да я видѣлъ: Анелька эта шла въ шубѣ,—отвѣтилъ помощникъ раввина.

— Тогда женщина, видѣнная свидѣтелемъ, очевидно, была не Добржанская, — замѣтилъ язвительно товарищъ прокурора, обращаясь къ присяжнымъ засѣдателямъ, — актъ осмотра тѣла удостоверяетъ, что погибшая была въ ночной кофтѣ и даже безъ чулка и башмака на одной ногѣ. Единственная старенькая шубка, принадлежавшая убитой, оказалась въ числѣ ея имущества, оставшагося въ квартирѣ Евремовичей. Не могли же убійцы сами отнести ее туда.

Подрабинокъ смутился, но Коробьинъ поддержалъ его.

— Прошу господъ присяжныхъ засѣдателей, — сказалъ онъ, — замѣтить только фактъ, что въ ночь смерти покойная Добржанская шла съ солдатомъ, а противорѣчіе, касающееся одежды, легко объяснимо: солдаты, утопившіе ее, могли раздѣть...

— И отнести и отдать Евремовичамъ шубку, снятую съ убитой? — сказалъ, усмѣхнувшись, товарищъ прокурора.

Коробьинъ откинулъ свои кудри со лба и отрѣзалъ:

— У Анели этой могло быть двѣ шубки. Ту, которая была на ней, и въ которой она пошла гулять съ солдатами, убійцы взяли себѣ, а у Евремовичей оставалась старая. Кажется, это легко понять?

— Но какіе же это были солдаты? — горячился представитель

обвинительной власти.—Въ К—си лѣтомъ и, осенью ихъ не было; никто ихъ не видалъ. Въ которомъ часу свидѣтель видѣлъ Добржанскую? Куда онъ самъ шелъ?

Помощникъ раввина задумался. Онъ посмотрѣлъ на адвокатовъ-защитниковъ: не помогутъ ли они ему. Въ залѣ суда царствовало нѣсколько мгновений мертвое молчаніе.

Не видя ни откуда помощи, еврей нерѣшительно проговорилъ:

— Было это вечеромъ часу въ десятомъ, а шелъ я изъ лѣсу домой.

Ложь была очевидна. По слѣдствію и изъ показаній жены Хаима выяснилось, что въ десятомъ часу покойная Добржанская никуда изъ дому не отлучалась и легла опять задолго передъ этимъ, проплакавъ порядочное время. Немыслима была какая-либо прогулка съ солдатами! Пропала она уже послѣ двѣнадцати часовъ.

— Вы показали ложно, — обратился къ подрабинку товарищъ прокурора, — и я ходатайствую о занесеніи этого въ протоколъ.

— Ну, зачѣмъ ложно! — оправдывался подрабинокъ. — Я могъ ошибиться. Можетъ я и не Анельку видѣлъ... Ночью узнать трудно.

При громкомъ ропотѣ публики—христіанъ—онъ усѣлся на свое мѣсто. Коробинъ пощентался съ нимъ, очевидно, ободряя его.

Мало-по-малу выяснилась и обрисовалась полная картина гибели несчастной Анели Добржанской. Послѣ того, какъ она ушла отъ Евремовичей, а Залмана услали въ В—хъ, наканунѣ роковой ночи, жена Хаима пришла къ ней на квартиру, убѣждала и просила вернуться къ нимъ, обѣщая за себя и за мужа не стѣснять любовниковъ, подъ условіемъ, чтобы только Залманъ бросилъ свое намѣреніе креститься. Весь этотъ разговоръ слышала подруга Анели, у которой та укрывалась. Анеля, плача, ушла съ женою Хаима и болѣе не возвращалась.

У Евремовичей, послѣ разговора со мною, она, очевидно, раздѣлась и легла спать. Но не въ кухнѣ, какъ обыкновенно, а въ передней—одна. Хозяйка сама отвела и уложила ее, ссылаясь на то, что ей въ горницахъ страшно будетъ одной ночевать. Приѣхавшіе рѣзники-евреи сидѣли въ кухнѣ и пили водку. Заходившая къ Евремовичамъ искать процавшую курицу, сосѣдка мѣщанка видѣла ихъ. Кромѣ того, ихъ видѣли пастухи, которые пасли лошадей въ лѣсу, съ какою-то ношей по тропинкѣ къ рѣкѣ...

Вторичный актъ осмотра констатировать: смерть дворянки Анели Добржанской произошла отъ задушенія. Поступили убійцы приблизительно такъ: какимъ-либо мягкимъ предметомъ—подушкою или простыней—закрыли несчастной ротъ и носъ и прервали дыханіе;

надавили грудь и животъ. Грудная клѣтка и животъ были измяты. На нихъ убійцы становились колѣнками и тѣмъ ускорили смерть.

Обвинительная власть доказывала, что евреи рѣзники исполнили опредѣленіе кагала и удавили Добржанскую, чтобы не допустить Залмана креститься.

Заговорили защитники.

Коробьинъ, потрясая баками и жестикулируя лорнетомъ, патетически восклицалъ:

— По приговору кагала? Кто и гдѣ видѣлъ этотъ кагалъ? Гдѣ таится этотъ синедріонъ? Онъ постановляетъ даже смертные приговоры и ему хорошо служить: посторонніе Евремовичамъ люди, убогіе рѣзники изъ мѣстечка С—нъ, являются и убиваютъ... Такъ кагалъ повелѣлъ! О какая негѣдность! Невѣроятны всѣ эти хитро-сплетенія обвинительной власти...

— Пусть мнѣ покажутъ кагалъ, представлять акты его засѣданій, наконецъ, кого-нибудь, кто бы только видѣлъ, какъ и гдѣ засѣдаетъ этотъ синедріонъ? Ничего подобнаго никто представить не можетъ. Фактовъ, значить, нѣтъ. Все одніѣ догадки, одни предположенія. Слава богу, мы живемъ не въ средніе вѣка! Слава богу, у насъ—гласный судъ и невинные достаточно ограждены отъ пристрастія, фанатизма и племенной неприязни; ихъ не осудятъ на основаніи фантастическихъ обвиненій.

Коробьинъ, сказавъ это, обвелъ глазами публику. Гдѣ-то въ углу залы, жидки попробовали аплодировать, но—послѣ угрозы предсѣдателя: очистить балъ,—притихли.

Адвокатъ выпилъ воды и продолжалъ:

— Оставимъ антисемитическимъ убогимъ газеткамъ вѣру въ кагалъ и его смертные приговоры. Мы будемъ держаться только того, что очевидно; мы будемъ основываться на фактахъ... Покойная Добржанская, допуская даже, что она была любовницею Залмана Евремовича, въ ночь своей гибели, поссорилась съ матерью своего возлюбленнаго. Ривка Евремовичъ, какъ показываетъ и главный свидѣтель обвиненія, жаловалась ему на строптивый характеръ покойной. Поссорившись, дѣвушка убѣжала ночью изъ дому. На дорогѣ, отъ волненія и по причинѣ беременности, ей сдѣлалось душно; она упала въ ручей и захлебнулась... Вторичному осмотру тѣла нельзя довѣрять: у обзорѣвавшихъ былъ въ рукахъ только полусгнившій трупъ. Помятая грудная клѣтка, помятый животъ... Какъ это могли усмотрѣть врачи, дѣлавшіе вторичный осмотръ мѣсяць спустя послѣ погребенія погибшей? Проще: всѣ эти якобы уличающія подробности — плоды фантазіи. Но я даже готовъ допустить, что Анею Добржанскую убили. Кто убилъ—

неизвѣстно? Посудимыхъ рѣзниковъ, прїѣхавшихъ поторговать деньгъ къ Евремовичу, нельзя обвинить только потому, что настоящіе убійцы неизвѣстны; только потому, что по несчастной случайности они попали въ К—ъ въ ночь убійства...

Рѣчь Коробина, которую я, конечно, не могу здѣсь всю привести, была длинна, полна разныхъ красивыхъ отклоненій и того фальшиваго жара и паэоса, которымъ трудно давать вѣру, хотя бы потому, что за этотъ «жаръ» и «паэосъ» хорошо заплачено и что прилетѣвшій изъ Петербурга прелюбодѣй слова защищалъ двухъ темныхъ жидовъ, очевидно виновныхъ, и защищалъ такъ сказать: мимоходомъ. Назавтра онъ, какъ сообщилъ мнѣ его помощникъ, долженъ былъ уѣхать, помнится, въ Кіевъ по интересному бракоразводному дѣлу.

Но такова ужъ *натасканность* адвокатовъ: они ловко умѣютъ придавать своимъ словоизверженіямъ лоскъ, блескъ и нѣчто похожее на жаръ чувства. Кто часто слышитъ потоки краснорѣчія нашихъ большихъ говоруновъ, тотъ несомнѣнно угадываетъ, чего собственно недостаетъ этимъ псевдофилиппикамъ: матерьялъ для нихъ черпается не изъ сердца, а изъ памяти, которая хранитъ сотни громкихъ фразъ, ловкихъ софизмовъ, уподобленій, сравненій, сарказмовъ и т. п., каковымъ матерьяломъ ловкій краснорѣцъ, при всякомъ подходящемъ случаѣ, умѣло распоряжается—и производитъ эффектъ. Наконецъ, Коробинъ сѣлъ. По его мнѣнію, онъ достаточно наговорилъ за тѣ пять тысячъ, которые ему заплатили за свою защиту убогіе рѣзники. Онъ вытеръ платкомъ вспотѣвшій лобъ и получалъ нѣсколько рукопожатій. Двое мѣстныхъ адвокатовъ жали ему руку потому, что онъ былъ столичный и притомъ—свѣтло. Еще насколько жидовъ-богачей привѣтствовали его: ужъ очень имъ было бы конфузно, еслибы рѣзниковъ осудили за ритуальное убійство. Хорошенькая Хая Цукербергъ пожала руку Коробину главнымъ образомъ потому, что этотъ кудрявый, высокій брюнетъ былъ красавецъ. Она даже тихонько зааплодировала...

Предсѣдатель обезпокоился. Онъ хотѣлъ строго распорядиться, но въ пору одумался: красива была юная Хая Цукербергъ, а «татели» ея былъ весьма капитальный мѣстный банкиръ, у котораго и вексельки учитались, и прочія операціи производились...

— Главный защитникъ У—овъ началъ свою рѣчь дѣливымъ тономъ, точно не хотя; останавливался нѣсколько разъ, дѣлая видъ, что прискиваетъ выраженія, покачивался и жмурился... Однако, онъ былъ умышленно небреженъ и говорилъ тоже умышленно небрежно, даже заснулъ раза два. Но мало-по-малу одушевился, давая понять, что его захватилъ интересъ дѣла...

Я не буду здѣсь приводить рѣчи этого сіятельнаго юриста; ему было много дано и многое у него спросать тамъ, гдѣ соврать за деньги будетъ уже невозможно. У—въ болѣе всего напиралъ на невозможность, въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, ритуальныхъ убійствъ. Прямолинейный либераль самой чистой марки, онъ зналъ, какъ красивы и внушительны нѣкоторыя фразы—и, не стѣсняясь, пускалъ ихъ въ ходъ.

Нѣсколько жидовокъ, растроганныхъ краснорѣчіемъ сіятельнаго софиста, сдѣлали видъ, что плачутъ.

— Онѣ плачутъ!—воскликнулъ У—овъ.—Отчего онѣ,—эти честныя, добрыя женщины, постороннія подсудимымъ, такъ растроганы? Отъ того, что женское сердце доступно нашему состраданію, оно чутко къ правдѣ и видъ невинныхъ (?) людей, могущихъ пострадать по обвиненію, не основанному на фактахъ, тревожить ихъ чуткія наивныя души. Истина—невинность обвиняемыхъ, какъ лучъ солнца сквозь тучи—тучи всяческихъ хитросплетеній фанатизма, прорѣзался и озарилъ сердца этихъ женщинъ. Богочеловѣкъ, послѣ воскресенья, впервые явился женщинамъ... Все непонятное пока намъ—имъ понятнѣе. Древле онѣ первыя явились свидѣтельствовать истину, всѣми теперь признаваемую. И вотъ, теперь женскія, чуткія къ правдѣ сердца первыя почувствовали, что обвиняемые—невинны. Я требую оправданія...

И всѣ виновные были оправданы присяжными.

Прошло много лѣтъ. Я уже жилъ въ Петербургѣ и издавалъ газету. Въ А—мъ банкѣ необходимо было уплатить по векселю. Подъѣзжая къ банковскому подъѣзду, вижу: выходитъ изъ великолѣпной пролетки, запряженной тысячнымъ жеребцомъ, господинъ, буквально весь блестящій; и туалетъ, и шляпа, и самое лицо его блестяли. Мы столкнулись въ передней. Швейцаръ вытянулся передъ вошедшимъ и бережно, точно тотъ былъ хрустальный, принялся стаскивать съ него пальто съ тысячнымъ брововымъ воротникомъ. Что-то очень знакомое для меня было въ лицѣ щеголеватого господина. Я гдѣ-то его видѣлъ. Но гдѣ, трудно было вспомнить.

— Кто это?—спрашиваю у швейцара.

— Господинъ директоръ банка Евремовичъ.

— Евремовичъ! Великіе боги!—точно завѣса, подвинулась передо мною: неужели же это «мой» Евремовичъ?—Неужели же это пропелъ сейчасъ Залманъ?

— Какъ имя и отчество директора? — спрашиваю. — Не Залманъ ли Хаймовичемъ его зовутъ?

— Какъ можно!—даже ужаснулся швейцаръ, — они-съ точно евреи, но только зовутъ ихъ Шарлемъ Ивановичемъ. Очень богаты и въ банкѣ нашемъ—главная сила-съ.

Шарль Ивановичъ! Какой Шарль Ивановичъ? Не правда:—это былъ мой Залманъ Евремовичъ, тотъ самый, котораго вынули изъ петли послѣ смерти Анели Добржанской.—Какъ онъ преобразился. Въ банкѣ, въ комнатѣ правленія, куда я прошелъ, Залманъ сейчасъ же узналъ меня и, надо отдать справедливость, дружески привѣтствовалъ.

— Вы у насъ платите по векселю?—заговорилъ онъ и добавилъ:

— Хотите отсрочки платежа?

Я поблагодарилъ и отказался.

— Издаете ли вы журналъ и насъ, бѣдныхъ еврейчиковъ, громите?

Дѣлая этотъ вопросъ, Залманъ лукаво улыбнулся.

— Вы, значитъ, читаете мою газету?

— Читаю, хоть и много разъ давалъ себѣ слово не читать. Очень ужъ вы прекрасно пишете. Иной разъ весь день хожу около стола, на которомъ лежитъ вашъ листокъ, и все повторяю: не буду читать. И что же? непремѣнно прочту — и разстроюсь. Многоуважаемый Александръ Ивановичъ, вотъ вы теперь къ намъ пришли?

— Да, пришелъ.

— И имѣете въ насъ, евреевъ, нужду. Ну, а еслибы вы на насъ не нападали, мы бы къ вамъ пріѣхали. Да что! я бы самъ къ вамъ пріѣхалъ. Кредитъ — современный богъ. Кредитъ въ нашихъ рукахъ; кому хотимъ — дадимъ жить; кому не желаемъ — не дадимъ. Бросьте ваши нападки на евреевъ. Не хвалите насъ — не прощу этого, — а только помалкивайте.

— Залманъ Хаймовичъ, — прервалъ я его довольно безцеремонно.—Вы ли это говорите? Вспомните К—съ и бѣдную Анелю. Вы тогда совсѣмъ иначе относились къ еврейству и говорили мнѣ: «евреевъ быть тяжело».

Точно тѣнь прошла по лицу Залмана Евремовича. Онъ молчалъ минуты двѣ и, какъ-то нерѣшительно, вставая и пожимая мнѣ руку, сказалъ:

— Старина — темный сонъ. Я не желаю его снова видѣть. Анеля — увлеченіе молодости. Жаль ея. Но жизнь моя теперь иная: у меня семья, дѣти... Заѣзжайте ко мнѣ. Я познакомлю васъ съ моей второй женой; родственница самого Ротшильда, воспитывалась въ Парижѣ — умница.

— Вашъ отецъ?—спрашиваю Залмана.

— Умеръ. Давно уже умеръ. Славный былъ старикъ. Дѣло этой Анели потрясло его. А все вышло къ лучшему: меня послали тогда въ Петербургъ и, вы видите, я таки немножко успѣлъ въ жизни. Теперешнее мое—свѣтлый день, прошлое—кошмаръ. Не напоминайте мнѣ о немъ и мы будемъ друзьями...

Я, разумѣется, къ нему не поѣхалъ и знаете ли: думая объ этомъ счастливомъ банкирѣ Шарлѣ Ивановичѣ, пожалѣлъ, что нѣкогда разбитаго сердцемъ жидка Залмана Хаимовича Евремовича вынули изъ петли. Право, было бы лучше, еслибы не вынимали.

С. Орлицкій.

ЗАРОКЪ.

(Изъ Р. Ваумбаха).

Петру сказала Гретхенъ:
« Уйди, постылый, съ глазъ,
На всѣхъ красотохъ сельскихъ
Ты зарисься заразъ.
Съ тобою цѣловаться
Я больше не пойду,
Пока на липѣ груша
Не выростетъ въ саду!»

Захлопнулось окошко.
Оставшись на бобахъ,
Несолоно хлебавши,
Уходитъ Петръ въ сердцахъ.
Приходитъ утромъ снова:
На липѣ межъ вѣтвей
Сидитъ она—и грушу
Привязываетъ къ ней!

Н. Бахтинъ.

ПОЛЬСКАЯ КРОВЬ.

(Окончаніе ¹⁾).

XVII.

— Эй! стой! Прѣшна, убавьте пару!

Янекъ остановился на тротуарѣ и оглянулся.

Черезъ базарную площадь слышалось бряцанье шпоръ: къ нему спѣшили князь Геллеръ-Гюнингенъ; съ обычной развязностью онъ поднялъ вверхъ руку и помахивалъ въ воздухѣ большимъ букетомъ фіалокъ и бѣлой перчаткой.

Красивое лицо его смѣялось; незастегнутое второпяхъ пальто съ мѣховымъ воротникомъ развѣвалось во всѣ стороны; сабля весело звякала и плясала вокругъ лакированныхъ сапогъ своего господина.

Прѣшна дружески привѣтствовалъ его, а Донатъ еще за двадцать шаговъ началъ разговоръ.

— Сегодня вы отъ меня не увѣрнетесь. Здравствуйте! — уланъ ловко перепрыгнулъ черезъ водосточный желобъ и протянулъ графу руку. Все въ немъ сверкало, сіяло, смѣялось, радовалось.

— Къ вашимъ услугамъ, князь! Вы видите, какъ только вы меня окликнули, я словно корни пустилъ въ землю. — а говорите, что я отъ васъ не увернусь!

— Это вызвано вчерашнимъ вечеромъ. Я все время видѣлъ только вашу спину! А нужно мнѣ было серьезно поговорить съ вами.

Янекъ лукаво усмѣхнулся.

¹⁾ См. «Наблюдатель» 1905

— Да что вы? Я и не подозревал! Въ чемъ же дѣло-то? Донать букетомъ фіалокъ описалъ полукругъ, затѣмъ схватилъ собесѣдника за пуговицу пальто, точно рѣшившись оторвать ее.

— Вся суть въ «розовомъ шипѣ», Прошна... Помните?...

— Въ «розовомъ шипѣ»? Ахъ, да, припоминаю!..

— По этому поводу мнѣ хотѣлось бы выслушать ваше мнѣніе... Во первыхъ, какого вы возрѣнія насчетъ моей вчерашней выходки, то есть, насчетъ того, что я подошелъ къ фрау фонъ-Гоуэръ и поцѣловалъ у нея руку?.. Лихо, не правда ли? Ха, ха, ха! Хороши были фізіономіи у окружающихъ въ эту минуту, какъ вы находите? А Гоуэрша чудная музыкантша и, ей Богу, премилая дамочка, такъ что особеннаго усилія не требовалось для возданія ей должнаго! Но все же инцидентъ вышелъ незаурядный, благодаря глупѣйшей стачкѣ нашего кружка! Все это Леони выдумала. До сихъ поръ я былъ по волчьи съ волками, но вчера возмутился и озадачилъ всѣхъ...

— Честъ и слава, князь! Я люблюсь на всякое проявленіе самостоятельности.

— А все таки, Прошна, я до нѣкоторой степени шлепнулся въ лужу, сказавъ Гуэршѣ, что она божественно акомпанировала арію Вагнера—а на грѣхъ случись, что то была баллада Лѣве, которую она акомпанировала! Ха, ха, ха! Ну, что бы мнѣ просто: «последнюю вещь вы исполнили божественно!»— такъ нѣтъ же! Я назвалъ Вагнера, по афишкѣ, и опростоволосился.

— О, безжалостная судьба! Въ последнюю минуту мы перемѣнили нумера программы, а предупредить публику не догадались!

— Но слава богу, что больше никто не слыхалъ, а Гоуэрша не смѣялась надо мной, такая милая бабѣночка!

Донать самодовольно покрутилъ усы.

— Бики,— продолжалъ онъ снисходительно,— повидимому не сильнѣе меня въ музыкѣ: это она мнѣ назвала последнюю пьесу, по программѣ. И знаете, апісо, это премило въ ней! Слабья стороны, по моему, украшаютъ женщину! Какъ-то не пристало имъ все знать, насъ мужчинъ учить и поправлять. Честное слово. Я, разумѣется, тотчасъ по возвращеніи, объяснилъ ей ея ошибку, давъ ей понять, что самъ во-время спохватился. Увидѣли бы вы ея испуганные, наивные глазѣнки!

Ха, ха, ха! Ксенія сейчасъ бы поняла, прислала бы мнѣ объёмистый трактатъ, по поводу классической и современной музыки, извела бы меня, однимъ словомъ! А невинная душа Бики все принимаетъ за чистую монету; съ мольбой сложила она ручки и говорить: «ахъ, Донатъ, я скоро буду бояться васъ, вы слишкомъ умны!»

Молодой князь радостно покотился со смѣху.

— Въ награду за почтёніе, несу ей пучекъ зелени. Вотъ видите!

— Ага! Хотите розовый шипъ обвить фіалками?!

— Да, кстати... Прошна, вопросъ: когда юная дѣвица говорить кавалеру: «вы презрѣнный трусь... Я буду ненавидѣть васъ всю жизнь... (въ крайнемъ случаѣ протанцую съ вами одну польку)... Лошади ваши — одры, а сами вы — противнѣе всякаго людѣда»...

— Гнѣваться кавалеру не слѣдуетъ!

— Этотъ шипъ царапается?

— Несомнѣнно!

— Такіе колочіе комплименты въ Парижѣ въ модѣ?

— Въ большой! Все равно что золотисто-рыжіе волосы при темныхъ глазахъ

— Спасибо, Прошна. Да вознаграждать васъ музы. Au revoir!

Молодой князь изо всей силы и съ искреннимъ чувствомъ потрясъ пѣвцу руку, приложился къ козырьку и пустился дальше, звякая шпорами и саблей. Эхомъ прозвучалъ вдали его жизнерадостный смѣхъ, когда онъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, оглянулся и весело махнулъ букетомъ въ знакъ прощальнаго привѣта.

Въ будуарѣ Леони фонъ-Гертнеръ царилъ таинственный полумракъ. Шолковыя занавѣски были наполовину задернуты, чтобы оградить отъ яркихъ лучей зимняго солнца; только узкія, золотистыя полосы пробивались сквозь кружевную паутину гардинъ и яркими бликами играли на прелестной головкѣ жены президента, стоявшей у рояля, съ листомъ нотъ въ рукахъ. Прошна акомпанировала, а она пѣла.

Но вотъ онъ медленно отнялъ руки отъ клавишъ, откинулся назадъ на стулѣ и поглядѣлъ на свою ученицу.

— Вы ужасно разсѣянны сегодня, баронесса. На словахъ:

«тихо» и «слышишь» — двойное ударение и пауза... А вы не обратили на это вниманія. Позвольте мнѣ ноты!—онъ схватилъ листъ и на мгновеніе вмѣстѣ съ нотами придержалъ ея узенькую ручку; при этомъ онъ весело засмѣялся, а Леони вздрогнула, прижала руки къ вискамъ и опустилась въ кресло.

— Я не могу сегодня пѣть! Не мучьте меня, Прошна... Кажется, я теряю рассудокъ!

— «Ушелъ мой покой, и на сердцѣ тоска»... пропѣлъ онъ, вставая и подходя къ ней: — напрасно взываете, баронесса: я буду мучить васъ сладковзвучными пѣснями, — вы сами пожелали учиться у меня! Отчаянные взгляды не помогутъ, не пускайте ихъ въ ходъ. Музыка — ключъ къ женскому сердцу, и только дуракъ держитъ его въ рукѣ безъ употребленія!

— Вы фантазируете, Прошна. Кто знаетъ, стоитъ ли еще труда заглядывать къ моему сердцу?

Онъ близко нагнулся къ ней и пристально впился въ нее глазами.

— Каждый мужчина тщеславенъ! — съ разстановкою сказалъ онъ: — и, чтобы увидѣть свое изображеніе въ сердцѣ прекрасной женщины, онъ не оставитъ камня на камнѣ.

— А если труды его будутъ напрасны, и смущенное имъ сердце откажется служить ему зеркаломъ? — Леони спросила это чуть не шопотомъ; кружева у нея на груди бурно вздымались, бѣлая рука въ изнеможеніи соскользнула съ ручки кресла.

— Тогда я не знаю, кого надо больше жалѣть: его или ее!

— Оставимъ этотъ вопросъ открытымъ. Уже и теперь про насъ болтаютъ въ городѣ.

— Что же изъ этого? Я былъ бы въ отчаяніи, еслибъ не болтали.

— Можете вы говорить серьезно?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ?

— Ни подъ какимъ видомъ! Что можетъ быть скучнѣе серьезныхъ разговоровъ? При нихъ у меня дѣлается глупый видъ мрачнаго, скорбнаго рыцаря!

— Eh bien, будемъ философствовать... Давайте поиграемъ съ огнемъ. Къ чему вы за мной ухаживаете?

Леони взяла со стола вѣеръ, раскрыла его и задорно блеснула глазами на сѣвшаго рядомъ съ нею графа Динара.

— Къ чему?—онъ тихонько засмѣялся, нагнулся поближе къ ней и поднесъ ея руку къ своимъ губамъ: — вы этого не знаете?

Она игриво ударила его вѣромъ.

— Вы вѣтряникъ?

— Съ чего это вы взяли? Немзмѣнно стою подъ флагомъ любви! Развѣ я далъ вамъ поводъ для сомнѣнья?

— Да. Я чуть-чуть не приревновала васъ!..

— О, счастье!

— Вы, коварный человекъ, общались мнѣ основательно сконфузить фрау Гоуэръ, а вмѣсто этого подготовили ей нѣчто въ родѣ триумфа!

— Боже! чѣмъ же я виноватъ, баронесса, что эта женщина такъ дивно играетъ? Акомпанировать съ листа балладу Лѣве, да еще съ такимъ чувствомъ—верхъ искусства!

— Вы такъ и горѣли воодушевленіемъ, а въ заключеніе поцѣловали у нея руку!..

— Дань ея таланту! Но только когда цѣлуешь множество рукъ, можно вполне себя уяснить, на которой ручкѣ пріятнѣе всего запечатлѣть долгій... горячій... поцѣлуй! — артистъ тѣмъ временемъ завладѣлъ правой рукой жены президента и, послѣ каждаго изъ послѣднихъ своихъ словъ, подносилъ ее къ своимъ губамъ.

Леони улыбнулась.

— Геллеръ-Гюннингъ и маленькая Беатриса тоже нѣсколько пересолили и слишкомъ старались изображать изъ себя добрыхъ самаритянъ. Сначала я буквально заподозрила, что это вы ихъ подучили.

— Я? Еслибъ вы мнѣ оказали высокую честь наблюдать за мной, то вы замѣтили бы, что я за весь вечеръ не обмѣнялся съ ними обоими ни единымъ словомъ. А...—Прошна откинулся на спинку кресла и, не то съ лукавымъ, не то съ дерзко-вызывающимъ видомъ поглядѣлъ на красавицу:—а что бы вы сдѣлали, баронесса, еслибъ я на самомъ дѣлѣ выдвинулъ фрау Гоуэръ и объявилъ себя ея рыцаремъ?

Леони, шутя, представилась, что хочетъ схватить его за ухо.

— Я бы отомстила вамъ, злодѣй. Я бы вамъ отравила все существованіе. Я бы превратилась въ тигрицу и безжа-

лостно разнесла бы на клочки ваше доброе имя и положеніе при дворѣ!

— И вы дѣйствительно думаете, прелестная Немезида, что обладаете такимъ всемогуществомъ?

Жена президента загадочно подняла брови и пожала плечами; между тѣмъ, она, словно очарованная, не спускала глазъ съ собесѣдника, а тотъ медленно крутилъ свой черный усь и казалось испытывалъ на ней всю силу своего взгляда.

— Развѣ вы не знаете, что весь городъ повторяетъ шепотомъ, будто у меня имѣется приворотный корень, который даетъ мнѣ неограниченную власть надъ человѣческими сердцами?

— Въ этомъ я убѣдился по собственному опыту. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что вы могущественнѣе меня?

Леони тихо размѣялась и нѣжно положила руку на его кудрявые волосы.

— Ахъ, вы бѣдный мой простофія!

— Не жалѣйте меня раньше времени, восхитительная повелительница моя. Насколько мнѣ извѣстно, каждый баловень судьбы можетъ откопать волшебный корешокъ и употребить его, какъ ключъ къ сердцу Анны-Регины. Не цѣните меня слишкомъ низко, баронесса: въ жизни пѣвца случаются иногда такіа вещи, которыя вашей мудрости даже не снятся!

— Вы смѣшите меня, Прошна! Ужъ не вы ли этотъ баловень судьбы?..

— Почему знать!..

— А!..

Янекъ иронически улыбался.

— Мнѣ извѣстна закулисная сторона комедіи, баронесса... Главное дѣйствующее лицо въ ней—Карль...

Жена президента ахнула и въ испугѣ закрыла рукой ротъ собесѣднику: глаза ея широко раскрылись и она прошептала:

— Карль?.. Вамъ извѣстно?.. Карль?..

— Очень можетъ быть, что извѣстно побольше, чѣмъ вамъ!

— Это невозможно!.. Васъ даже въ Лондонѣ не было...— Леони прикусила губу и окинула его испытующимъ взглядомъ.

— Что же изъ этого? — съ улыбкой возразилъ Прошна, самъ внимательно слѣдя за противницей: — не одна дорога въ Римъ ведетъ, вездѣ можно встрѣтиться.

— Римъ... Понимаю!..—фрау Леони взволнованно дышала:—повидимому, вамъ кое-что извѣстно... Какой странный случай... Значить, вы съ нимъ знакомы?..

— Не сомнѣвайтесь. Если человѣкъ забирается въ вашу глушь, то ужь, повѣрьте, что его побуждаютъ къ этому побочныя обстоятельства.

— Говорите же, умоляю васъ! Объясните точнѣе... Порученіе къ принцессѣ?.. Быть не можетъ!.. Она порвала всякія сношенія!..

— Сношенія?—загадочно повторилъ Прошна, впиваясь глазами въ баронессу:—что вы подъ этимъ подразумѣваете? Слово это имѣетъ обширное значеніе!

Щоки ея вспыхнули.

— Нѣтъ... умоляю васъ... скажите... съ какимъ порученіемъ явились вы сюда? Неужели онъ настолько безразсуденъ...—она прикусила языкъ:—гдѣ вы его въ послѣдній разъ видѣли?

— Кого?

— Боже, да его, Карла...

— Какого Карла?

— Оставимте играть въ прятки, Прошна! Я знаю только одного Карла.

Хитрая улыбка играла на губахъ Янека.

— Вотъ и я тоже. У меня единственный пріятель съ такимъ именемъ, и тотъ со странностями: онъ ужасно застѣнчивъ и настоятельно просилъ меня здѣсь, въ этомъ городѣ, въ придворномъ кругу, имени его не упоминать... Только одна женщина, по его словамъ, сама должна вызвать меня на откровенность... Я долженъ твердо быть увѣреннымъ, что говорю съ союзницей...

Лицо графа Динара было спокойно: ни голосъ, ни жесты не выдавали его волненія, только рука его, съ нервнымъ напряженіемъ, играла шолковой кистью подушки. При послѣднихъ словахъ, онъ всталъ и поглядѣлъ на баронессу.

— Вы дипломатъ, топ апі!—возбужденно засмѣялась она:—иностранный посольство требуетъ ловкихъ, проницательныхъ и осторожныхъ посредниковъ? Мы съ вами похожи на двухъ игроковъ, которые горятъ желаніемъ заглянуть другъ другу въ карты... Кто рѣшится на первый шагъ?

— Начинающій всегда въ выгдѣ! А я никогда не забываю правилъ вѣжливости и не суюсь впередъ!

— Скользкій, какъ угорь!

— Смиренно преклоняю колѣно передъ моею прекрасною повелительницею и жду ея почина и приказаній!

Онъ, дѣйствительно, сталъ на колѣно и смѣло поглядѣлъ на Леони.

— Ну, сдѣлайте хоть крошечную уступку: назовите мнѣ Карла по фамилии...

Онъ поднялся, сѣлъ въ кресло и покачалъ головой.

— О, противорѣчіе! Вы только что назвали меня дипломатомъ, и тутъ же требуете, чтобъ я самымъ грубымъ образомъ погрѣшилъ противъ основныхъ правилъ всякой дипломатіи! Хорошо былъ бы представитель бѣднаго Карла!

— Ну, довольно. Я вѣрю, что вамъ все извѣстно объ отношеніяхъ Анны-Регины къ секретарю посольства и, какъ союзнику, протягиваю вамъ руку. D'accord?—Онъ поцѣловалъ протянутую руку.

— For ever!...—онъ удержалъ атласную руку въ своей и Леони не отнимала ея... Пораженный внезапной слѣпотой самъ соколъ попалъ въ когти орлу.

— Вашъ другъ—секретарь посольства де-ла-Бранка?

Янекъ сдѣлалъ неопредѣленное движеніе головой, означавшее не то согласіе, не то отрицаніе.

— Онъ по прежнему любитъ принцессу?

— Безъ сомнѣнія.

— Безумецъ! Вѣдь Анна-Регина, со свойственной ей трусостью, дарила его лишь ледяными поцѣлуями! Вамъ извѣстно, что я была ихъ повѣренной?

— Само собой разумѣется. Бранка прямо указалъ на васъ. Подробности онъ рассказываетъ неохотно, но въ общихъ чертахъ романъ мнѣ извѣстенъ!

— Анна-Регина утверждаетъ, что прекрасный маркизь лишь герой ея дѣвическихъ грѣзъ, съ которымъ она, быть можетъ чаще, чѣмъ слѣдовало, танцевала котильонъ. Это дало пищу сплетнямъ и его уже прочили въ женихи... Но было ли между ними что нибудь...

Мягкіе, унизанные кольцами пальцы Леони крѣпче впились въ руку Янека.

— Ради бога, баронесса, не забывайте, что дѣйствіе происходило въ платонической, но разсудительной Германіи!

Бѣдный Карль страдалъ, какъ кедръ по недосягаемой пальмѣ! Случайные, ласковые взгляды, привѣтливыя слова,—вотъ и все. Бранка идеалистъ, мечтатель, носить въ сердцѣ «священный образъ». Съ него довольно и этого.

Фрау фонъ-Гертнеръ насмѣшливо пожала плечами.

— Это какой-то бѣлый воронъ, рѣдкость! Я сама, откровенно говоря, предпочитаю яркое пламя неугасимой лампадѣ. Но что же означаетъ тогда безумная ревность Августа-Фердинанда?

— Свѣтъ вообще любить дѣлать изъ мухи слона... Дошли до него сплетни... Но вы хотѣли кое-что поразсказать о тѣхъ дняхъ, когда вы состояли «lady patroness» этой лирической парочки...

Леони задумчиво кивнула головой.

— Годъ тому назадъ Бранка былъ здѣсь. Анна-Регина вообще была расположена ко мнѣ... Въ одинъ прекрасный день, она сообщила мнѣ, захлебываясь отъ волненія, что получила письмо отъ маркиза, въ которомъ онъ извѣщаетъ ее о своемъ намѣреніи черезъ два дня пріѣхать и просить ея высочество дать ему рекомендательное письмо къ одному высокопоставленному лицу въ X.—куда онъ переводится съ посольствомъ. Въ ужасѣ умоляла она меня послать отъ моего имени телеграмму маркизу, чтобы онъ не пріѣзжалъ ни подъ какимъ видомъ! Не будь Анна-Регина такъ труслива и наивна,—чего бы проще, передать принцу просьбу маркиза, и дѣло съ концомъ! Но она окончательно потеряла голову, а я... Не зная ихъ прежнихъ отношеній, я также пришла въ замѣшательство... и посоветовала принцессѣ сохранить всю исторію въ тайнѣ. Я ее жалѣла... и вмѣстѣ съ тѣмъ послала Бранкѣ приглашеніе пріѣхать сюда инкогнито... Какъ женщина, я всегда готова покровительствовать несчастной любви! Два дня спустя я привела въ изумленіе лаконической записочкой, слѣдующаго содержания: «Карль у меня... Умоляеть хоть на минуту повидаться съ нимъ. За безопасность и абсолютную тайну ручаюсь». Весьма естественно, барынька моя отвѣтила записочкой, въ которой назначала нѣчто весьма похожее на свиданіе, а часомъ позже, полумертвая отъ страха и волненія, была уже здѣсь.

На лицѣ Леони написано было самодовольное торжество.

— Ихъ свиданіе состоялось въ вашемъ присутствіи?

Жена президента засмѣялась.

— Нѣтъ, Прѣшна! До такой не деликатности я еще не дошла. Положимъ, Анна-Регина всячески удерживала меня, но я удалилась въ оконную нишу и принялась считать окна противоположныхъ домовъ на площади. Я думала свиданіемъ доставить имъ обоимъ удовольствіе, но, честное слово, Прѣшна, я лучше бы сдѣлала, еслибъ не заботилась объ нихъ. Они вели между собой такой скучный и безмятежный разговоръ, какого я не читывала въ самыхъ тоскливыхъ романахъ. Мнѣ удалось еще разъ залучить къ себѣ принцессу,—но свиданіе вышло поразительно похоже на первое. А между тѣмъ, увѣряю васъ, маркизъ писанный красавецъ и, думается мнѣ, большой повѣса... Дѣло ограничилось поцѣлуемъ руки принцессы, на прощанье!.. О, какъ я хохотала надъ ихъ сентиментальностью, какъ дразнила его потомъ!

— Да, вина не ваша, волшебница моя! — со странной улыбкой замѣтилъ Прѣшна:—счастливецъ Бранка! Вы нашли его красавцемъ? Почему меня не пригласите вы къ себѣ инкогнито? Или я хуже маркиза?

Леони взглянула на него.

— Вы отлично знаете, что вы лучше его!—отвѣтила она.

— Значить, права мои не меньше его правъ—и я ихъ не уступлю!

— Чѣмъ же вы докажете свои права, mon petit fanfaron?

— Вотъ увидите, докажу на дѣлѣ! До тѣхъ поръ не приду къ вамъ, пока вы не напишете мнѣ приглашенія явиться къ вамъ инкогнито... на такой же розовой бумажкѣ, какъ вы писали маркизу.

— Вы это серьезно?

— Наисерьезнѣйше!

Она нервно размѣялась. Въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги: слуга, отъ имени президента, освѣдомился,—будутъ ли еще пѣть.

— Разумѣется!—сказала Леони и нехотя поднялась съ мѣста.

Слуга ушелъ.

— Смотрите, Прѣшна, я рассчитываю на вашу скромность!—обратилась къ пѣвцу баронесса, прикладывая пальчикъ

къ губамъ:—вся исторія составляетъ важную тайну, которую я вамъ довѣрила, какъ другу...

Янекъ поцѣловаль ея руку—и выраженія его лица она не видала.

XVIII.

На обширномъ загородномъ плацу улановъ, въ самый полдень, царило необычное для зимняго сезона оживленіе. Офицеры рѣшили воспользоваться теплою погодой, чтобы устроить состязаніе на неосѣдланныхъ лошадяхъ: имъ хотѣлось показать бывшему кирасиру, что уланы Ройссека могутъ съ честью подвизаться не въ одномъ лишь манежѣ.

Дамы по большей части явились въ коляскахъ; только фрау фонъ-Гофштратенъ сочла долгомъ пріѣхать верхомъ на высочайшей лошади, рядомъ со своимъ мужемъ.

Янекъ Прошна сопровождалъ свою нареченную сестру, а графъ Донатъ гарцоваль около Бики.

— «Darling» во что бы то ни стало хочеть повюхать ваши фіалки, Бики!—шутиль онъ:—плуть этотъ обладаетъ хорошимъ вкусомъ и любить также и сахаръ.

— Но у меня его нѣтъ съ собой.

— Вы сами слаще всякаго сахара, Бики.

Гекельбергъ, раслышавъ послѣднюю фразу, вставилъ въ глазъ монокль и обернулся къ говорящему.

— Ахъ, чортъ возьми! Да онъ такъ и сыплетъ комплимен-тами!—воскликнулъ графъ:—сударыня, считаю долгомъ предостеречь васъ: не довѣряйте юному князю! Кромѣ того, не стоитъ слушать его сладкія рѣчи—рано или поздно, мнѣ все равно придется разстрѣлять его!

— Разстрѣлять?—Бики съ ужасомъ вытаращила хорошенькіе глазки:—такъ поступаютъ только съ дезертирами! Да и тогда это было бы отвратительно, возмутительно... Донатъ самый милый офицеръ во всемъ полку и, увѣряю васъ, въ жизнь свою не сдѣлаль ничего дурнаго!

Окружающіе громко расхохотались; но Гекельбергъ скорчилъ серьезную мину.

— Вы отвѣчаете за него, фрейлейнъ? Везеть же этому Гю-

нингену! Вы бы его давно произвели въ генералы, не такъ ли? Но я вамъ намѣренъ открыть глаза по поводу этого господина!..

— Берегитесь клеветать на меня, графъ! — шутливо остановилъ его Донатъ, но Бики пылко прервала его:

— Пусть его болтаетъ, Донатъ! Я все равно ни одному слову не повѣрю!

Гекельбергъ сдѣлалъ свирѣпое лицо и кивнулъ Донату:

— Ну, ужъ извините, молчать не буду! Можете хоть секундантавъ присылать завтра утромъ! Готовъ стрѣляться съ вами черезъ платокъ!

— Этому не бывать! — горячилась Бики, сверкая глазами и приходя въ волненіе. Но Ксенія и баронесса фонъ-Драхъ смѣясь попросили графа, не мѣшкая, рассказать всю подноготную о Донатѣ.

Гекельбергъ закрутилъ усы и началъ:

— Слушайте же, mesdames...

Но конскій топотъ возвѣстилъ о прибытіи князя Ройссека, и повѣсть о прегрѣшеніяхъ Доната осталась тайной. Офицеры поскакали навстрѣчу своему командиру, а между конюхами, державшими въ сторонѣ неосѣдланыхъ лошадей, произошла оживленная суматоха.

Янекъ Прошна направилъ своего коня къ экипажу жены президента Гертнера, а та, само собой разумѣется, начала съ нимъ оживленный разговоръ.

Взглядъ Ксеніи остановился на его лицѣ; онъ внезапно поднялъ голову, поглядѣлъ ей прямо въ глаза, послѣшнно перекинулся еще двумя—тремя словами съ Леони и снова подѣхалъ къ Ксеніи.

— Вы меня звали? — тихо спросилъ онъ, наклоняясь къ ней.

— Нѣтъ.

Баронесса фонъ Драхе и Бики обмѣнивались въ это время привѣтствіями съ графинями Эттисбахъ и Таренбергъ. Янекъ еще ниже нагнулъ къ Ксеніи.

— Не всегда призываютъ одними только словами, Ксенія, — многозначительно продолжалъ онъ и голосъ его звучалъ задушевно: — послѣ долгой разлуки, вы, наконецъ, признали за мной права брата, которыя, понятно, налагаютъ на меня извѣстныя обязанности... Взываю къ вашей снисходительности, если въ

непривычной для меня роли окажутся съ моей стороны различныя упущенія, и прошу васъ повелѣвать мною при первой надобности.

Ксенія быстро взглянула на него.

— Неужели необходимо напоминать вамъ о маленькихъ рыцарскихъ услугахъ, которыя, по отношенію къ другимъ дамамъ, кажутся вамъ естественными и обязательными?

— Понятно. Вы измѣряете всѣ мои поступки совершенно особой мѣрой: въ чемъ всѣ прочія видятъ простую вѣжливость, вы усмотрите уже навязчивость.

— До сихъ поръ для Янека Прошна не существовало преградъ и запретовъ,—и онъ не спрашивалъ позволенія ни у кого...

— *Tempi passati!* Та минута, когда вы воскресили изъ мертвыхъ графа Ганса Стефана Динара, положила копецъ его безшабашной смѣлости! Въ качествѣ бездомнаго пѣвца я могъ многого не признавать; теперь же, какъ представитель благороднаго имени, долженъ надѣть на себя узду. Та же рука, которая когда-то меня оттолкнула, поманить меня — и я подойду, но навязываться не буду.

Ксенія улыбнулась.

— Ловлю васъ на словѣ, Янекъ, и испытаю ваше самопожертвованіе... Во-первыхъ, даю вамъ на счастье руку: пусть вѣнокъ, заготовленный побѣдителю, украситъ шею вашего скакуна!—Ксенія говорила съ небывалымъ для нея оживленіемъ и веселостью.

— Ради бога, только не это, Ксенія! — весело, но равнодушно отозвался Янекъ:—вы нарушите чары баронессы фонъ-Гертнеръ! Двѣ руки, данныя на счастье, взаимно уничтожаютъ свою волшебную силу. Существуетъ также повѣрье, что рукопожатье «на счастье» должно сопровождаться сердечнымъ влеченіемъ, а потому, не лучше ли будетъ, въ данномъ случаѣ, предоставить роль судьбы баронессѣ фонъ-Гертнеръ?

— Конечно... Вы правы... Я запоздала со своимъ желаніемъ и отступаю.

Снова неприступнымъ холодомъ повѣяло отъ ея тона, хотя она и улыбалась.

— Но быть можетъ въ другомъ состязаніи, когда ставка будетъ крупнѣе, вы не откажетесь замолвить за меня словечко?—полушутливо продолжалъ Янекъ.

— Если баронесса фонъ-Гертнеръ покинетъ васъ...— съ горечью сказала Ксенія:— тогда придется ужь мнѣ вступиться!..

Лицо Янека сдѣлалось вдругъ серьезнымъ; онъ погладилъ свою лошадь по крутой шеѣ и замолчалъ.

Коляска Леони тронулась съ мѣста и, описавъ полукругъ, остановилась рядомъ съ экипажемъ графини Динарь.

— Любопытно послушать, какіе такіе важные разговоры завелись между братомъ и сестрой? — язвительно воскликнула баронесса Леони, протягивая Ксеніи руку, затянутую въ лайковую перчатку, — у васъ обоихъ такой злой видъ. Ужь не поссорились ли вы?

Прошна расхохотался.

— Всяко бываетъ, баронесса! Гдѣ война, тамъ и миръ, — гдѣ побѣда, тамъ и сраженіе!

— Принцъ назначилъ верховныя состязанія на послѣзавтра, — объявила баронесса Леони, сквозь лорнетъ наблюдая за княземъ Ройссекомъ, здоровавшимся съ графиней Кани и молодой фрейлиной Цейтлеръ, на этотъ разъ рѣшившейся показаться въ обществѣ: — мы, дамы, тоже должны участвовать; а я, къ сожалѣнію, еле держусь на сѣдлѣ, такъ что безусловно нуждаюсь въ рыцарской опорѣ! Фландернъ, разумѣется, не покинетъ меня, но этого мало...

Смѣлымъ вызовомъ сверкнули глаза Ксеніи, и она рѣзко сказала:

— Донатъ, безъ сомнѣнія, будетъ счастливъ, баронесса, принять на себя званіе вашего втораго тѣлохранителя!

— Кто? Геллеръ-Гюнингенъ? Развѣ онъ не вашъ рыцарь?

— На этотъ разъ братъ поѣдетъ со мною! — рѣшительно заявила Ксенія и повелительно взглянула на Янека.

— Братъ съ сестрой! Какая скука! — язвительно протянула Леони, но, не видя поддержки со стороны Прошна, тактично перемѣнила разговоръ: — одно скажу, графиня, — вы ужасная эгоистка! Вспомните безсердечнаго богача, отнявшаго послѣднюю овцу у бѣдняка...

— Помилуйте, баронесса, — сравненіе неумѣстное! Остальное стадо овецъ, оставшееся, по вашему капризу, за флагомъ, утопится съ горя!

— Ахъ, злой у васъ язычекъ, милая графиня! Лежачаго бьете!

Баронесса Леони принужденно засмѣялась и продолжала:

— Такъ знайте же, жестокая, что я употреблю всѣ усилія, чтобы отбить у васъ Янека Прошна. Положимъ, на вашей сторонѣ громадныя преимущества: вы столько лѣтъ окружали вашего брата нѣжной любовью, ласками и дружескими заботами, съ гордостью вѣнчали его первыми лаврами и не могли дожидаться счастливаго момента, чтобы передо всѣмъ свѣтомъ объявить его своимъ братомъ...

Щоки Ксеніи вспыхнули, губы задрожали,—она видѣла, какъ омрачилось лицо Янека Прошна.

— Вы ошибаетесь, баронесса! — гордо перебила она соперницу: — о дружбѣ и ласкахъ между нами не было рѣчи... къ сожалѣнію, по моей винѣ. Зато теперь я вдвойнѣ чувствую, какъ велика моя вина передъ братомъ, и приложу всѣ старанія, чтобы загладить ее! Не только попрошу его сопровождать меня верхомъ, но и вообще постараюсь не отпускать его отъ себя! — и она искренно протянула Янеку руку.

— Какой патетическій характеръ умѣете вы придавать словамъ, графиня! — усмѣхнулась Леони.

А Янекъ полушутливо взявъ протянутую руку сестры и поднесъ ее къ губамъ.

— Миръ прочно заключенъ, Ксенія! — безопасно сказалъ онъ и обратился къ Леони: — а вы, баронесса, позволите мнѣ покатать васъ на санкахъ?

Леони погрозила ему вѣеромъ.

— Когда солнце ярко свѣтитъ и стоитъ оттепель, приглашеніе кататься на санкахъ звучитъ какъ будто ироніей!

— Я велю усыпать дорогу солью!..

— Вашъ братъ опасный человѣкъ! — сказала Леони, обращаясь къ Ксеніи.

Послѣдняя разсѣянно кивнула головой. Князь Ройссекъ подѣхалъ въ эту минуту къ экипажу и протянулъ Ксеніи руку, затѣмъ привѣтствовалъ и баронессу фонъ-Гертнеръ. Ротмистръ фонъ-Гофштратенъ объявилъ, что видитъ запоздаващаго Фландерна.

Наконецъ мужчины съѣхались на своихъ скаковыхъ лошадахъ; Леони еще разъ глазами подозвала Янека и шепнула ему:

— Мнѣ нужно сказать вамъ пару словъ по секрету... Жду васъ?.. — Прошна значительно посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Не иначе, какъ инкогнито, баронесса!..—тико отвѣчалъ онъ и отвѣхалъ прочь.

Фрау фонъ-Гофштратенъ помѣстилась въ самомъ концѣ вереницы экипажей и, выставивъ впередъ нижнюю губу, наблюдала за оживленной и забавной картиной, которую представляли изъ себя всадники на неосѣдланныхъ лошадяхъ.

— Совершенно крестьянскіе мальчики!—съ негодованіемъ ворчала она:—то ли дѣло сѣдло! Вонъ Гекельбергъ затягиваетъ поводья... Гюнингенъ кружить безъ толку лошадь... Готово... Впередь!..

— Звонокъ!—сказалъ князь Ройсеккъ.

Надо замѣтить, что фрау фонъ-Гофштратенъ на этотъ разъ сидѣла на полковой лошади, которую одолжилъ ей Гекельбергъ; ея собственная лошадь не совсѣмъ еще оправилась послѣ скачки черезъ костеръ.

При звукѣ знакомой команды, «Гарке» насторожила уши и раздула ноздри; но голландка не обратила на это никакого вниманія, поглощенная созерцаніемъ жены командира, которая, по условному знаку мужа, должна была позвонить.

— Вниманье!—прогремѣлъ снова голосъ полковаго командира. «Гарке» рванулась впередъ, поближе къ скаковымъ лошадямъ, и въ ту же минуту прозвучалъ колоколь въ рукахъ княгини; стрѣлой помчались неосѣдланныя лошади, со своими сѣдоками, — неудержимо помчалась и товарка ихъ по строю, — «Гарке», со своей амазонкой!

Неудержимый хохотъ раздался изъ всѣхъ экипажей. Натянувъ поводья и вытянувъ длинную шею, неслась эскадронная лошадь вслѣдъ за прочими скакунами. Напрасно фрау фонъ-Гофштратенъ пыталась остановить ее, кричала и бранилась: въ пылу усердія «Гарке» ничего не замѣчала и мчалась за офицерами все быстрѣе и быстрѣе. Лихая голландка безпомощно подпрыгивала на сѣдлѣ, пока не очутилась среди скачущихъ офицеровъ.

— Куда васъ несетъ?—крикнулъ ей Гекельбергъ.

— А я почему знаю?—злобно огрызнулась голландка, волея-неволей покорясь своей участи.

Случилось нѣчто неслыханное: ротмистрша, на эскадронной клячѣ, побила улановъ, скакавшихъ на чистокровныхъ, англійскихъ лошадяхъ!

По окончаніи состязаній, на длинной шеѣ кобылицы «Гарке» болтался вѣнокъ цвѣтовъ!

На полковомъ обѣдѣ, фрау фонъ-Гофштрагенъ и графъ Гекельбергъ чокнулись и заключили между собой братскій союзъ... Такъ, по крайней мѣрѣ, повѣствуетъ лѣтопись полка.

XIX.

Послѣ скачекъ, кончившихся такъ неожиданно комично, офицеры спѣшились и столпились у экипажей, чтобъ развѣхаться по домамъ.

Донатъ проворно помѣстился въ коляскѣ, рядомъ съ Бики. Леони фонъ-Гертнеръ подозвала Янека и пригласила его сѣсть съ собою.

— Мнѣ надо поговорить съ вами, графъ... А Фландернъ пусть займетъ мѣсто въ вашемъ шарабанѣ!

Янекъ исполнилъ желаніе красавицы; Ксенія издали слѣдила за этой сценой; видѣла, какъ промелькнули длинныя перья на шляпѣ баронессы, затѣмъ, за крутымъ поворотомъ, коляска скрылась изъ ея глазъ.

— И вы не испытываете ни малѣйшаго любопытства, Прошна?

— Стораю!

— А что, какъ я не стану говорить иначе, какъ въ моемъ будуарѣ?

— Стоитъ вамъ написать извѣстное приглашеніе на розовой бумажкѣ—и я мигомъ прилечу!

— Неужели это серьезно, графъ?

— Безапелляціонно, баронесса!

— А я было считала васъ другомъ!

— Что называете вы другомъ, баронесса? Этотъ терминъ имѣетъ весьма растяжимое значеніе... Иного человѣка дарятъ этимъ титуломъ, а онъ хуже врага...

Леони усмѣхнулась.

— Понимаю, на кого вы намекаете, подозрительный вы человѣкъ! Бѣдный Фландернъ! Его часто обвиняютъ въ фальшивости и рисовкѣ, но я ручаюсь за него головой. Онъ мнѣ преданъ даже изъ эгоизма, если хотите: ему не обойтись безъ

меня. Мнѣ же онъ нуженъ, какъ метла, расчищающая препятствія на моемъ пути. Вотъ вамъ простое и циничное разъясненіе нашей дружбы. Кромѣ того, онъ меня, конечно, уважаетъ...

— И обожаетъ?..

— Можетъ быть, и обожаетъ. Не спорю...

— Но вѣдь и я васъ обожаю!..

— Насмѣшникъ! Пяти минутъ не можете серьезно говорить! Однако пора объяснить вамъ, въ чемъ дѣло... Видите ли, я крѣпко рассчитываю на вашу помощь...

— Весь вашъ, баронесса...

— Слушайте внимательно, Прошна... Сегодня вечеромъ артиллеристы празднуютъ полковой праздникъ,—день св. Варвары,—и освященіе картины, написанной какимъ-то доморощеннымъ художникомъ. Я узнала отъ Фландерна, что принцъ, въ минуту великодушія (слабости, по моему!) обѣщался почтить ихъ празднество своимъ присутствіемъ... Подумайте! Адьютантиска его, этотъ Гоуэръ, конечно, ликуеть! Вѣдь онъ изъ нихъ, этотъ пройдоха. Но мы не допустимъ такого явнаго нарушенія уланскихъ привиллегій. Ошибутся въ расчетъ. Командира артиллерійскаго полка я лично ненавижу и онъ познакомится съ моими когтями, такъ какъ не умѣлъ цѣнить бархатной лапки! — Глаза Леони сверкнули непримиримой яростью; она нагнулась къ самому уху Янека: — остракизмъ пѣхотинцевъ и артиллеристовъ дѣло моихъ рукъ, Прошна! Они осмѣлились пойти противъ меня и убѣдились теперь, что воевать со мною невыгодно.

Янекъ задумчиво опустилъ голову.

— О чемъ раздумываете вы, графъ?

— Подыскиваю средство, какъ бы помѣшать принцу испортить ваши планы, баронесса!.. Но кажется не подыщу ничего вѣрнаго... Положеніе безвыходное!..

— Есть у меня нѣкоторая комбинація... Но надежды мало... Анна-Регина слегка простудилась, а нѣжный супругъ вѣдь очень заботливъ и мнителенъ. Придется убѣдить принцессу притвориться больной... Тогда онъ не поѣдетъ къ артиллеристамъ...

Янекъ стиснулъ зубы, но тутъ же заставилъ себя улыбнуться и покачалъ головой.

— Едва ли принцесса съумѣетъ притвориться, — высказалъ онъ сомнѣніе.

— Я ее научу! — злобно сказала Леони: — моего вліянія на это хватить!

— Вотъ что значить необдуманная записка! — разсмѣялся Янекъ: — преклоняюсь передъ вашимъ умомъ, баронесса, и чувствую себя ничтожествомъ!

Боясь, что тонкій слухъ ея уловить ироническую нотку въ его восторженной похвалѣ, Янекъ поднесъ руку баронессы къ своимъ губамъ.

— Горжусь, что вы удостоили меня довѣріемъ и дружбой, прекрасная повелительница моя! — съ паѳосомъ заключилъ онъ, — жду послѣдняго знака довѣрія и отличія: лоскутка розовой бумажки съ приглашеніемъ...

Леони отняла у него руку.

— Мы подѣвжаемъ, *mon ami*... Изъ оконъ могутъ увидѣть... Ну-съ, обдумайте дѣло со всѣхъ сторонъ и, если счастливая мысль осѣнитъ васъ, дайте мнѣ знать до шести часовъ... Въ противномъ случаѣ пуцу въ ходъ мое вліяніе на Анну-Регину... Поѣду поговорить съ Кани...

— Вы знаете, повелительница, что мнѣ не везетъ на счастливыя мысли, — вспомните исторію съ фрау Гоуэръ! Однако попытаюсь, поломаю голову... Я весь къ вашимъ услугамъ...

— Спасибо и за это. *Au revoir, mon ami*! Быть можетъ, раззорюсь на розовую бумагу...

Экипажъ остановился передъ отелемъ, гдѣ жилъ Янекъ. Лакей соскочилъ съ козелъ и открылъ дверцу. Прошна распротился съ баронессой и поднялся въ курительную комнату. Лицо его выражало гнѣвъ и озабоченность.

«Бѣдная, беззащитная Анна-Регина! — думалъ онъ, — попалась ты въ когти! Хорошо же... Хитрость за хитрость, измѣна за измѣну, баронесса, — потягаемся! Не моя вина, что приходится бороться подпольными путями, а не въ открытомъ, честномъ бою! Не зажать же мнѣ ядовитую осу въ голый кулакъ, — надо изловчиться и схватить ее за крылышки! Святая Варвара! будь мнѣ помощницей, дай мнѣ одержать побѣду».

Немного погодя, Янекъ вышелъ и направился ко дворцу. Передъ уходомъ онъ далъ своему камердинеру нѣсколько приказаній, а также двѣ записки, которыя надлежало тотчасъ

доставить по назначенію: на одномъ былъ написанъ адресъ баронессы фонъ-Гертнеръ; другая предназначалась Фландерну и заключала въ себѣ слѣдующее:

«Янекъ Прошна просить офицерское собраніе извинить его: независяція отъ него обстоятельства лишаютъ его возможности принять участіе въ товарищескомъ обѣдѣ».

Въ прохладной прихожей дворца было тихо. Швейцаръ отвѣсилъ Янеку почтительный поклонъ; нѣсколькими ступенями выше, изъ-за стеклянной двери, стремительно выскочили два лакея и спросили, что ему угодно.

— Лейтенантъ Гоуеръ?

— Господинъ флигель-адъютантъ еще находятся въ кабинетѣ его высочества, но скоро поѣдутъ домой. Не угодно ли графу подождать!

— Подожду. Мнѣ необходимо видѣть господина лейтенанта. Доложите, какъ только онъ освободится.

Лакей провель Янека въ комнату адъютанта.

Тонкій запахъ сигары охватилъ посѣтителя; огромная кафельная печь распространяла пріятную теплоту. У окна стоялъ письменный столъ; свѣтъ падалъ прямо на бумаги, ландкарты, чертежи. Янекъ усѣлся въ одно изъ кресель и задумчиво уставился на напудренную даму, глядѣвшую изъ рамы какъ разъ напротивъ него.

Ждать пришлось впрочемъ недолго: въ коридорѣ послышались шаги, дверь распахнулась и лейтенантъ Гоуеръ, съ радостнымъ привѣтствіемъ, протянулъ гостю обѣ руки.

Обмѣнявшись двумя—тремя фразами съ хозяиномъ кабинета, Янекъ сказалъ:

— У меня къ вамъ просьба, уважаемый другъ.

— Я весь къ вашимъ услугамъ, графъ.

— Принцъ интересуется коллекціей моего оружія и хотѣлъ посмотрѣть, когда придутъ ящики и я распакую ихъ. Дѣло сдѣлано. Не можете ли вы убѣдить его высочество пріѣхать ко мнѣ сегодня вечеромъ, между шестью и семью часами?

— Вы выбрали не совсѣмъ удобный день: въ восемь часовъ принцъ обѣщался присутствовать на обѣдѣ артиллерійскаго полка.

— Знаю. Отъ меня вы съ принцемъ прямо можете пріѣхать на обѣдъ. Но это между нами...

— Его высочество не совсѣмъ еще рѣшилъ—ѣхать ему на обѣдъ или нѣтъ... Ему слегка нездоровится...

— Любезный другъ, повліяйте на принца, чтобы онъ именно сегодня побывалъ у меня. Не спрашивайте, вѣрите моему честному слову, что я настаиваю по чрезвычайно важной причинѣ!

Гоуэръ пожалъ Янеку руку.

— Все сдѣлаю, что въ моихъ силахъ. Сейчасъ схожу къ принцу и дамъ вамъ отвѣтъ... Подождите минутку.

Дверь затворилась за адъютантомъ.

Часы на письменномъ столѣ монотонно тикали; солнечный лучъ заигралъ на серебряномъ приборѣ для куренія, который Гоуэръ передъ уходомъ молчаливо пододвинулъ къ гостю; Янекъ нервно сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, опустивъ голову на грудь.

Прошло минутъ десять-пятнадцать... Дверь скрипнула... Лейтенантъ съ сіяющей фізіономіей переступилъ черезъ порогъ.

Прошна, замирая, ждалъ его отвѣта.

— Въ пять часовъ его высочество будетъ у васъ, графъ, и велѣлъ благодарить васъ за предупредительную любезность.

Янекъ съ облегченіемъ вздохнулъ.

— Общайте мнѣ еще вотъ что...—попросилъ онъ адъютанта:—мало ли что можетъ быть... мы заболтаемся.. принцъ засидится у меня и не успѣетъ вернуться во дворецъ до полковаго обѣда... Такъ распорядитесь, чтобы ко мнѣ на квартиру доставили каску и парадныя регалии его высочества... Конечно, не говоря объ этой предусмотрительности ему... Такимъ образомъ всякія препятствія будутъ устранены...

— Сфинксъ, по сравненію съ вами, раскрытая книжка, графъ!—весело усмѣхнулся Гоуэръ—и вмѣстѣ со своимъ гостемъ вышелъ на лѣстницу.

XX.

Янекъ стоялъ въ средней гостиной своего наемнаго помѣщенія; подъ яркой люстрой, на столѣ, разложена была значительная коллекція оружія; свѣтъ газа бросалъ тысячи отраженій на блестящіе металлическіе щиты и игралъ дрожащими бликами на оправѣ и украшенныхъ драгоценными камнями рукояткахъ кинжаловъ, пистолетовъ, турецкихъ сабель и шпагъ.

Взглядъ его поминутно устремлялся на часы: недоставало нѣсколькихъ минутъ до прїѣзда принца, славившагося своею пунктуальностью.

Прошна былъ не изъ нервныхъ, но въ данную минуту испытывалъ страшное волненіе. Отъ удачи его комбинаціи зависѣло такъ много! Онъ рассчитывалъ на любознательность принца, знатока въ оружіи, и на свое краснорѣчіе, чтобы удержать высокаго гостя подольше и помѣшать ему вернуться во дворець...

А что какъ это не удастся?.. Янекъ даже поблѣднѣлъ и правая рука его судорожно смяла только что доставленную ему записочку баронессы фонъ-Гертнеръ:

«Не думаю, чтобы идея задержать на весь вечеръ принца осмотромъ вашего оружія и заставить его забыть глупый обѣдъ—удалась вамъ!..—писала Леони:—онъ увлекаться ничѣмъ не способенъ, у него вмѣсто сердца—хронометръ! Мысль ваша наивная, mon ami! А, впрочемъ, попытайтесь—чего на свѣтѣ не бываетъ? А я поѣду во дворець и тамъ подготовлю ему задержку въ лицѣ Анны-Регины»...

Янекъ стиснулъ зубы и швырнулъ раздушенную записочку въ пылающій каминь. Въ эту минуту у подъѣзда остановилась карета; по коридору зашмыгали лакеи.

Янекъ тряхнулъ головой и пошелъ навстрѣчу высокому гостю.

Принцъ казался въ прекрасномъ расположеніи духа.

— Я похожъ на отшельника,--весело началъ онъ,—который остановилъ перелетную птичку, чтобы узнать отъ нея, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ!

— И птичка навѣрно охотно совѣтъ гнѣздо подь крышей этого отшельника!—пошутить въ свою очередь и Янекъ.

Принцъ улыбаясь сѣлъ.

— Ненадолго, графъ! Завоетъ вьюга, поднимется мятель,—и улетитъ птичка снова на югъ! Яркое солнце необходимо пѣвцамъ...

— Я вѣдь полякъ, ваше высочество, и родина моя сурова.

— Мало ли что! Душа артиста—по существу космополитъ... Голосъ крови едва ли даетъ себя чувствовать въ художникѣ. Родина тамъ—гдѣ расцвѣли для пѣвца лавры!

— Относительно меня это несовсѣмъ вѣрно, ваше высочество!—съ грустной улыбкой возразилъ Янекъ:—сѣверъ, какъ

магнитъ, притягиваетъ меня къ себѣ и врожденныя узы связываютъ меня съ родиной. Польскій языкъ, напримѣръ, дался мнѣ легко, безъ малѣйшаго труда, хотя я изучалъ его уже юношей.

— Потому что вы знали о своемъ происхожденіи и искусственно взвѣчивали свой энтузіазмъ, освященный легендами и преданіями!

— До извѣстной степени можетъ быть это и такъ!—согласился Янекъ:—но, какъ бы то ни было, а сердце мое рвется къ холодной, суровой, но милой отчизнѣ!

Принцъ любезно улыбнулся.

— Намъ же лучше! Мы постараемся надолго удержать васъ на сѣверѣ—поближе къ вашей родинѣ, на границѣ которой вы воспитывались.

Разговоръ перешелъ на другія темы; принялъ участіе и лейтенантъ Гоуэръ.

Наконецъ приступили къ осмотру оружія.

Янекъ бросилъ взглядъ на часы: прошло полчаса...

И вотъ началъ онъ умѣло, интересно рассказывать принцу исторію нѣкоторыхъ экземпляровъ изъ его коллекціи.

Принцъ разсматривалъ, слушалъ, видимо заинтересованный...

— Вотъ этотъ пистолетъ, подарокъ герцога Валансьенскаго, — повѣствовалъ Янекъ:—результатъ одного пари, касающагося вина «gouttes d'ог»...

— Ага! Кое-что слышалъ... Благодаря этому вину, Гекельбергъ, говорятъ, три ночи не спалъ!

Поговорили пространно о погребѣхъ герцога Валансьенскаго и о «Gouttes d'ог»... Время шло да шло... Янекъ просилъ принца отвѣдать знаменитыхъ «золотыхъ капель» и сдѣлать сравненіе съ виномъ, доставляемымъ уланскимъ офицерамъ.... Получилось согласіе; Янекъ поввонилъ и приказалъ подать вина.

За стаканомъ дѣйствительно превосходнаго вина, разговаривали еще оживленнѣе; Янекъ просто, непринужденно объяснилъ гостю, сколькихъ высокихъ посѣщеній онъ удостоился въ своей жизни.

Принцъ окончательно воодушевился, пожелалъ выстрѣлить изъ одного пистолета,—немедленно устроили цѣль черезъ двѣ комнаты...

Часовыя стрѣлки двигались себѣ, да двигались... Еще четверть часа, и дѣло въ шляпѣ!

Но вотъ коллекція вся пересмотрѣна... Явились на выручку ноты, писанныя собственной рукой Шопена и подаренныя Янеку Прошна Мейерберомъ...

Затѣмъ принцъ сообщилъ, что обѣщалъ артиллеристамъ присутствовать на ихъ обѣдѣ, и спросилъ Янека, знаетъ ли онъ сюжетъ картины, которую будутъ освящать.

— Благодаря любезности одного офицера, я ее видѣлъ, ваше высочество...

— Опишите мнѣ ее, прошу васъ...

— Картина не лишена тонкаго и граціознаго юмора... Святая Варвара изображена покровительницей артиллеріи... Одной рукой она держитъ маленькую пушку, а другой—потухающую гранату... У ногъ ея ангелочки, въ эполетахъ и шлемахъ... Чрезвычайно милая картина!

— Остроумно!—смѣялся принцъ:—однако, который часъ?

— Безъ четверти восемь, ваше высочество!

— Боже мой, какими чарами опутали вы меня, графъ Динаръ, или Прошна,—ужь не знаю, какъ васъ называть! Въ первый разъ въ жизни я кажется опоздаю! Хотѣлъ пѣшкомъ пройти до дворца, а оттуда уже ѣхать на обѣдъ...

— Соблаговолите ѣхать на моихъ лошадяхъ, ваше высочество. А если поздно, то не пожелаете ли отправиться прямо на обѣдъ.

Принцъ въ нерѣшительности замаялся.

— Дѣло въ томъ, что я хотѣлъ надѣть еще орденъ... взять перчатки... каску...

Лейтенантъ Гоуэръ обмѣнялся съ Прошной быстрымъ взглядомъ.

— Простите, ваше высочество: имѣя въ виду богатую и интересную коллекцію, которую намъ предстояло осмотрѣть, я распорядился доставить сюда необходимыя туалетныя принадлежности къ половинѣ восьмаго... на всякій случай!..

— Удачная мысль, милѣйшій Гоуэръ! Удостоверьтесь, тутъ ли все... Мы воспользуемся экипажемъ любезнаго хозяина и прямо пройдемъ на обѣдъ... Заѣзжать во дворецъ некогда.

Побѣда была одержана! Янекъ внутренно ликовалъ.

Подъ окнами загремѣлъ экипажъ... Гоуэръ явился съ каской, перчатками и орденомъ.

На прощанье, принц попросил Янека спѣть неизданную пѣсенку Шопена—что и было исполнено хозяиномъ, съ величайшей готовностью... Часы пробили восемь!

«Вы побиты, зловредная красавица!»—думалъ Янекъ, отвѣчая на сердечныя рукопожатія спѣшавшаго на обѣдъ принца.

На дворѣ стояла оттепель; моросилъ дождь. Стукъ колесъ и лошадиныхъ копытъ гулко разнесся въ тихой улицѣ.

— Подайте мнѣ плащъ и шляпу!—приказалъ Янекъ камердинеру:—я буду пить чай въ виллѣ Флоріанъ.

XXI.

Дождь прекратился. Прохладный, сырой воздухъ обвѣвалъ голову Прѣшна, одиноко шагавшаго по пустыннымъ переулкамъ. Съ вѣтвей капало; мокрые камни блестяли.

На душѣ Янека свѣтло и радостно; недавнее кипучее волненіе улеглось: такъ бываетъ спокоенъ рулевой, убѣжденный, что держится правильнаго направленія.

Въ нижнемъ этажѣ виллы Флоріанъ ставни закрыты; изъ гостинной просвѣчиваетъ красноватый огонь.

Звонокъ.

— Господинъ баронъ въ клубъ, а дамы кушаютъ чай у графини!—сообщилъ лакей.

— Ждутъ гостей?

— Никакъ нѣтъ-съ.

Янекъ сбросилъ плащъ, поправилъ прическу и вошелъ въ первую гостинную, гдѣ находились въ данное время только два лица.

— Charmé! Позвольте заключить васъ въ объятія, милѣйшій! — Геллеръ - Гюнингенъ поднялся съ дивана навстрѣчу пѣвцу: «привѣтъ тебѣ, небесъ посланникъ!»—пропѣлъ онъ на невообразимый мотивъ, потрясая Янеку руки.

Изъ кресла вынырнула Бики и неменѣе бурно привѣтствовала кузена Янека.

— Какъ мило, что ты пришелъ! А мы вотъ играемъ въ домино и я все время выигрываю!

— Еще бы! Вы съ дѣтства обучены этой головоломной игрѣ!—Донатъ взялъ Янека подъ руку:—Отвратительная игра,

Прошна! Я дошелъ до одуренія, считая черныя точки, а все еще не понялъ прелести этого развлеченія!

Бики вспыхнула.

— Онъ ничего не понимаетъ, Янекъ, потому что все время болтаетъ о постороннихъ вещахъ. Я предлагала ему сразиться въ биксъ, но онъ увѣряетъ, что черезчуръ волнуется при всякомъ ударѣ... Вотъ я и принесла домино!..

— Постыднѣйшій эгоизмъ! Я, какъ рыцарь, пожертвовалъ собой, согласился играть въ незнакомую тарабарщину—вотъ и проигрываю безъ конца! Ужъ добрая половина конфектъ,—которыя я же самъ и принесъ въ видѣ ставки, перешла въ собственность моей противницы.

Донатъ лукаво подмигнулъ Янеку, а Бики, словно прикрывая отъ нападенія блюдечко съ конфектами, клялась, что выиграла ихъ наичестнѣйшимъ образомъ. Донатъ можетъ ѣсть изъ бонбоньерки, но ради безпорядка таскаетъ съ блюдечка ея кровный выигрышъ.

Янекъ отъ души смѣялся.

— Порочность и наклонность къ безпорядку такъ и сквозить во всякомъ движеніи князя!—сказалъ онъ,—но успокойся, Бики! Я окажу тебѣ защиту отъ этого мародера!

— Нѣтъ, Янекъ, лучше докажи Донату, что я права!..

— Могу и это. Буду третейскимъ судьей. Геллеръ-Гюнингенъ долженъ наконецъ покориться судьбѣ: ему везетъ въ любви, слѣдовательно не везетъ въ играхъ.

Глаза Бики засверкали.

— Счастливъ въ любви? Ахъ, да, дѣйствительно!—и вдругъ, съ очаровательной наивностью, она подвинула ему блюдечко:— берите, берите! Не хочу больше выигрывать! Лучше быть счастливой въ любви!

— Подѣлитесь этимъ счастьемъ, дѣтки—вотъ и миръ!—посоветовалъ полусерьезно Янекъ.

— Ну, нѣтъ! Моего счастья я не отдамъ ни кусочка!—дѣвочка покачала головкой:—оно глубоко—глубоко запрятано въ моемъ сердцѣ... Въ дневникѣ я напишу: «посвящено NN»... и любила мое стихотвореніе! А кому посвящено, никто никогда не узнаетъ!

— Я обожаю стишки, кузина, — скажите-ка ваши любимые!—попросилъ Донатъ.

— Нѣтъ, не скажу!

— Даже мнѣ не скажешь?

Бики съ бурнымъ восторгомъ прижалась къ плечу Янека.

— Тебѣ, Янекъ, скажу! И то на ушко! Ты принеси мнѣ счастье!

Ревнивая складка обозначилась на лбу Доната, онъ протиснулся между говорящими:

— Довольно баловаться! Пора вернуться къ дѣлу... то есть къ считанію точекъ. Здѣсь не мѣсто лирическимъ восторгамъ... Я ненавижу стихи, а Прошна только притворяется, что знаетъ въ нихъ толкъ! Пожалуйте, сударыня: мы еще не кончили партію! На мѣсто! — онъ взялъ Бики за руку и круто направилъ ее къ столу.

Прошна остался за штатомъ.

— Вашъ ходъ! — напомнилъ Донатъ: — а вы, *mon cher*, займитесь иллюстрированными журналами, вонъ на томъ столѣ! Сосѣдняя комната тоже представляетъ немалый интересъ: это кабинетъ Ксеніи... Займитесь чѣмъ нибудь, Прошна, — дамы сейчасъ выдутъ, онѣ вѣрно примѣряютъ новые мундиры... то есть, платья!

— Покорнѣйше благодарю за ваши попеченія! — поклонился, смѣясь, Янекъ: — не извольте беспокоиться, — ухожу съ вашей дороги!

Донатъ тоже добродушно засмѣялся.

За столомъ воцарилось полное единодушіе: выигрывать стали оба поочередно.

Янекъ удалился въ уголокъ и, для виду, раскрылъ журналъ, прислушиваясь къ разговору играющихъ.

— Вчера я сочинялъ депешу, Бики, — говорилъ Донатъ: — да экспромтомъ, разъ — два, и готово. «Старому другу, дядѣ Ыздоку-ягненку шлю сердечныя пожеланія счастья къ сегодняшнему дню». Недурно сказано? Сильно и сжато!..

— Такъ это дядѣ? — Бики съ благоговѣніемъ взглянула на генія, который съ плеча сочиняетъ такія депеши.

— О нѣтъ! Дядя-Ыздокъ — это всякій спортсменъ, по нашему. Ягненокъ — это прозвище. Онъ глупъ на рѣдкость. Про него ходилъ анекдотъ, будто онъ носитъ въ карманѣ пистолеть, чтобы тотчасъ же застрѣлиться, какъ только встрѣтитъ человѣка еще глупѣе себя... но онъ живъ по сю пору. А впрочемъ отиѣнный парень! Вашъ ходъ, Бики! Ставьте-ка пятерочку...

О, хоть бы она никогда не проходила, чудная пора юной любви! Янекъ невольно полюбовался счастливой парочкой, и их наивный лепет казался ему полнымъ смысла аккордомъ.

Наконецъ Донать, счастливый обладатель значительнаго выигрыша, рыцарски поднесъ его своей «кузиночкѣ». Легкая борьба великодушія—и выигрышь дѣлится пополамъ.

Бики пересчитала свое богатство и въ изумленіи воскликнула:

— А я еще ни одной штучки не попробовала!

Янекъ продолжаетъ безшумно перелистывать журналъ...

— А помните, Бики, какъ вы въ первый разъ меня приѣхствовали?—спрашиваетъ Донать.

— Нѣтъ...—смущенно отвѣчаетъ Бики.

— Меня въ первый разъ поставили на караулъ, у дома командира. Я былъ застѣнчивъ, и усовъ у меня тогда и признака не было. Стою важно, съ сознаниемъ собственного достоинства... Вдругъ показывается вы, съ вашей бонной, припоминаете, что я вашъ кузень... останавливаетесь передо мной и отвѣшиваете книксенъ! Ха-ха-ха!

— А вы стояли, точно аршинъ проглотили! — оживляется Бики,—и съ яростью глядѣли на меня. Я же воображала, что поступаю по всѣмъ правиламъ вѣжливости!

— А я-то, дуракъ, сгорѣлъ отъ стыда! Ройссекъ, какъ на грѣхъ, выглянулъ изъ окна и засмѣялся... Впрочемъ, я и тогда любилъ васъ, Бики, хоть вы и поставили меня въ потѣшное положеніе!

Бики вся вспыхнула, а Донать продолжалъ, играя косточками домино:

— Я всегда любилъ васъ, Бикихень, всегда хорошо относился къ вамъ!

«Даже за косу дергалъ!»! подумалъ Янекъ.

— Такого преданнаго друга нѣтъ у васъ больше, Бики...

— Ужь это извините! Янекъ всегда былъ моимъ другомъ, и я знала его раньше, чѣмъ васъ!—Бики хотѣла было вскопчить на ноги. — Неправда ли, Янекъ, мы съ тобой всегда любили другъ друга?

Геллеръ-Гюнингенъ смѣлымъ движеніемъ пересѣлъ на другое мѣсто и такъ вытянулъ ноги, что загородилъ пылкой дѣвицѣ дорогу.

— Послушайте, Прошна, это нестерпимо! Только и слышу: Янекъ, да Янекъ! Хотѣлъ позлословить на вашъ счетъ,—а вы тутъ торчите, мозолите мнѣ глаза!

— Не стѣсняйтесь, почтеннѣйшій, я не буду слушать!

— Ну, спасибо! Вы золотой человекъ, Прошна! Не хотите ли сыграть съ нами въ домино?

— Нѣтъ, благодарю,—я занятъ чтеніемъ.

Черезъ минуту Янекъ всталъ и безшумно, по мягкому ковру, прошелъ въ сосѣдную комнату.

Въ кабинетѣ царилъ полумракъ; нѣжный аромат разносился отъ живыхъ цвѣтовъ въ вазахъ. Сладкія грезы навѣвлялъ этотъ аромат на вошедшаго Янека. Ксенія прежде не любила цвѣтовъ, по словамъ Бики... Вкусъ ея значить перемѣнился...

На письменномъ столѣ лежали пожелтѣвшіе листы... Что это? Неужели?..

Да, исторія прабабки-тѣзки Ксеніи, унижившейся до любви къ иноземцу, до бѣгства съ нимъ!

Листы лежали раскрытыми, точно ихъ недавно перечитывали; серебряный карандашикъ игралъ роль закладки... Въ одномъ мѣстѣ что-то подчеркнуто,

«Стоить любви властно охватить васъ, ничто ужъ не поможетъ. Страсть—болѣзнь неизлѣчимая и пагубная... Онъ былъ полякъ, неизвѣстнаго происхожденія, красивой наружности, съ бородкой и пламенными очами; веселъ и безпеченъ. Женщины любили его. Въ немъ она видѣла свое счастье, бросила все ради него и они тайно бѣжали».

Янекъ смотрѣлъ на пожелтѣвшіе листы и мысли его кружились вихремъ.

Въ сосѣдней комнатѣ одинъ изъ игроковъ очевидно проигралъ, послышался взрывъ радостнаго смѣха. Янекъ вздохнулъ и поспѣшно вернулся туда.

Нѣсколько минутъ спустя, вошли баронесса фонъ-Драхъ и Ксенія.

Янеку показалось, что горячая ручка графини дрогнула въ его рукѣ.

— Какой пріятный сюрпризъ! Видишь, Ксенія, мы хорошо сдѣлали, что не поѣхали въ театръ! А вы ужъ давно здѣсь, милый Донатъ? Скучали тутъ?

— О нѣтъ, мама! Ему некогда было скучать: я тотчасъ же къ нему вышла!

Жена камергера шутливо хлопнула дочку по вздернутому носу своимъ кружевнымъ платкомъ.

— Какимъ образомъ могло это случиться? Тебѣ не вѣлно докладывать, пока не выду въ гостинную я!

— Да мнѣ никто и не докладывалъ, мама! Я случайно стояла у окна и видѣла, какъ онъ подѣхалъ! Погляди-ка, что я выиграла!

— Ахъ, не легко быть матерью!

— Янекъ, мнѣ надо сказать вамъ два слова...

— Я къ вашимъ услугамъ, Ксенія.

Ксенія провела Янека въ комнату, стѣны которой украшены были портретами предковъ; на столѣ лежалъ объемистый пергаментъ. Ксенія указала на него:

— Принцъ Августъ-Фердинандъ интересуется нашей родословной,—начала она, стараясь казаться спокойной,—и желаетъ убѣдиться, въ какой степени родства состоятъ Динары съ правительствующимъ домомъ. Я велѣла дополнить наше родословное дерево, чтобы показать его принцу.

Ксенія замолчала и поглядѣла на Янека.

— И вы желаете, чтобы я этимъ дѣломъ занялся?

— Поглядите сюда,—сказала она, указывая пальцемъ на послѣдній незаписанный бѣлый щитъ, по другую сторону котораго красовалось ея собственное имя:—неужели представить документъ въ незаконченномъ видѣ?

Губы Янека дрогнули, но фізіономія сохранила прежній безпечный видъ.

— Отецъ завѣщалъ вамъ вписать рядомъ съ вашимъ именемъ имя добровольно избраннаго вами брата: если вамъ не нравится пустой щитъ, вы однимъ взмахомъ пера можете помочь бѣдѣ.

Ксенія съ горечью улыбнулась.

— Имя на подобномъ щитѣ больше ужь не сотрешь ничѣмъ.

— А вамъ кажется, что со стороны сына мятежника будетъ большой жертвой безвозвратно начертать на щитѣ свое имя?

Графиня выпрямилась.

— Янекъ Прошна заставляетъ иногда надъ этимъ призадуматься!

— Развѣ я не согласился, чтобы вы представили меня здѣшнему обществу въ качествѣ графа Динара?

— То есть, покорились этому...—поправила она.

— Въ глазахъ свѣта, я вамъ братъ, Ксенія!

— Да, въ глазахъ свѣта... именно!

— Не я первый порвалъ связь между нами. Я ушелъ по вашему желанію и вернулся по первому вашему зову. Скажите, въ чемъ я погрѣшилъ противъ васъ? Совѣсть моя чиста.

— Вы не исполнили завѣта моего отца!—пылко воскликнула Ксенія:—вы не должны были уходить, покидать меня! Не должны были обращать вниманіе на мое незрѣлое своеволие и недомысліе... На васъ лежалъ долгъ защищать меня, даже противъ моей воли... Развѣ отецъ, въ послѣднемъ письмѣ своемъ, ничего не писалъ вамъ объ этомъ?

Этотъ вопросъ она задала ему чуть слышно и вся вспыхнула. Но Янекъ покачалъ головой.

— Нѣтъ. Письмо касалось прошлаго, а не будущаго. Тѣмъ не менѣе упрекъ вашъ для меня весьма чувствителенъ.—Онъ взялъ ее за обѣ руки:—чего хотите вы отъ меня, Ксенія? Заполнить мною пустой гербовый щитъ? Стоить ли объ этомъ много толковать! Примиренія, душевнаго слиянія между нами? Я честно и открыто пожимаю ваши руки! Я готовъ снова видѣть въ васъ мою милую сестричку и спрашиваю: чтѣ лежитъ у васъ на сердцѣ, Ксенія? Скажите, чтѣмъ могу я доказать вамъ свою преданность?

Лицо ея прояснилось: она высвободила руку; обмакнула перо въ чернила и сѣла за столъ.

— Значить вписать?

Онъ кивнулъ головой: рука ея дрожала, когда она выводила «Янекъ—Стефанъ»...

— Почему Янекъ, а не Гансъ?

— Польскія имена не хуже нѣмецкихъ.— Она бросила перо, встала и положила свои ручки ему на плечи.

— Теперь вы отдались мнѣ, Янекъ!—пошутила она:—мы безповоротно породнились... Вернемся къ доброму старому времени въ замокъ Прошна, когда мы довѣрчиво болтали у камина, въ кабинетѣ суроваго отца, и сочиняли рождественскія сказки... Огонь потрескивалъ, разсыпая кругомъ яркія искры... Слышишь, какъ воетъ подъ окномъ вѣтеръ? Бушуетъ

вьюга, ненастная ночь... а намъ тепло и уютно! О, Янекъ, все стало по старому, я опять кладу голову къ тебѣ на плечо и говорю, какъ бывало: «Янекъ, сдѣлай это для меня»!

Чтобы не поддаться чарующему взгляду, молодой человѣкъ медленно повернулъ голову и поцѣловалъ ея ручку, лежавшую у него на плечахъ.

— Аминь! Пусть все будетъ по старому! Говорите, сестрица, что могу я сдѣлать, чтобы угодить вамъ?

— Во первыхъ, Янекъ, не дѣлайтесь орудіемъ въ рукахъ баронессы фонъ-Гертнеръ!.. Для васъ унижительно занимать мѣсто у ногъ этой интригантки!—въ голосѣ Ксеніи слышалось мучительное безпокойство.

— Баронессы фонъ-Гертнеръ? Не понимаю, за что вы ее не любите!

— Я ненавижу, презираю эту тварь, Янекъ!

— Вы преувеличиваете, Ксенія. Какія нибудь сплетни. Она просто очаровательна, увѣряю васъ!

— Это мой злѣйшій врагъ, Янекъ. Никто въ мірѣ не причинилъ мнѣ столько муки, какъ эта ехидна.

— А предположите, что я нешутя влюбленъ въ эту красавицу? Ксенія поблѣднѣла.

— Президентъ-старикъ серьезно боленъ,—не слѣша, продолжалъ Янекъ;—положимъ, некрасиво разсчитывать на чью либо смерть... Но любовь цѣпляется за всякую надежду.

— Только не это! Только не это, Янекъ!—съ отчаяніемъ взмолилась она.

Онъ покачалъ головой.

— Однако, поставьте себя на мое мѣсто, Ксенія: что сдѣлали бы вы, еслибъ вашъ избранникъ оказался ненавистнымъ для меня, и я сказалъ бы вамъ: ради меня, откажитесь отъ вашей любви?!

Она судорожно ухватила за спинку стула и упавшимъ голосомъ произнесла:

— Вы правы, Янекъ! Не знаю, какимъ образомъ пришла мнѣ въ голову такая безумная мысль. Мы идемъ каждый своей дорогой... Интересы у насъ разные... Ни общаго горя, ни общей радости нѣтъ!.. Но ко всякой мысли надо привыкнуть... даже къ мысли имѣть брата!

.....

Старая горничная Густя давно накинула бѣлый ночной капотъ на плечи своей госпожи и ушла спать, — а та, поникнувъ головой, продолжала сидѣть, словно позабывъ окружающую дѣйствительность. Въ воспоминаніи ея возникла сцена у камина, въ день совершеннолѣтія «кукушкинаго яйца», — вскрытіе чужаго письма, уничтоженіе его... Вмѣстѣ съ нимъ уничтожила она и возможность зарожденія въ сердцѣ Янека «болѣе сладкаго чувства» — о которомъ покойный графъ мечталь наканунѣ смерти!

XXII.

Чучело оленьей головы, съ роскошными вѣтвистыми рогами, много лѣтъ караулившее входъ въ охотничій замокъ «Танненфёрде» — было украшено вѣнкомъ изъ сосновыхъ вѣтокъ; надъ нимъ, съ фронтона, развѣвались два флага. Солнце бросало на землю блѣдныя, холодныя лучи; рѣзкій вѣтеръ колыхалъ вѣтки деревьевъ прилегавшаго къ замку лѣса; листья, шурша, кружились по промерзшей дорогѣ!

Тѣмъ не менѣе необычайное оживленіе царило кругомъ и внутри замка, назначеннаго принцемъ Августомъ-Фердинандомъ сборнымъ пунктомъ для охотниковъ. Собаки радостно подвывали, предчувствуя потѣху, и рвались съ привязи; лѣсничіе и доѣзжачіе, въ зеленыхъ мундирахъ, толпились у замка, или стояли группами, горячо о чемъ-то толкуя; завѣдующій охотой махалъ фуражкой, отдавая послѣднія приказанія и привѣтствуя то и дѣло подѣзжавшихъ охотниковъ, въ яркиихъ, щеголеватыхъ костюмахъ.

Охотничій кружокъ почти исключительно состоялъ изъ офицеровъ уланскаго полка; полковыя дамы, понятно, тоже лихо сидѣли на сѣдлахъ. Онѣ премило выглядѣли въ яркочерныхъ курткахъ, шитыхъ золотомъ, и темныхъ юбкахъ; изящныя шапочки или жокейскія фуражки красовались на подвитыхъ волосахъ; графини Эттисбахъ и Таренбергъ, въ память охотничьихъ подвиговъ своихъ прабабушекъ, обильно напудрили свои кудри.

Экипажи одинъ за другимъ катились по дорогѣ: появились фрау фонъ-Драхъ, съ супругомъ и дочерью, закутанныя въ

великолѣпныя мѣховыя шубы; президентъ фонъ Гертнеръ, жена завѣдующаго охотой, молодая фрейлина ея высочества, — баронесса Цейтлеръ и жена лейтенанта Гоуэра.

Толпа любопытныхъ зрителей густыми шпалерами выстроилась вдоль опушки лѣса, гдѣ, минуя желѣзнодорожное полотно, должна была проскакать охота.

— Охотники въ полномъ комплектѣ, лихая голландка! — таинственно сообщилъ графъ Гекельбергъ своей пріятельницѣ, которая энергично старалась согрѣть дыханіемъ свои озябшія руки. Ярко-красный полуфракъ обтягивалъ ея тучный станъ, такъ что швы трещали при всякомъ ея движеніи; щоки ея отливали синегато-багровымъ оттѣнкомъ, и кончикъ носа соперничалъ съ ними въ яркости красокъ. Сѣрая въ яблокахъ кобыла совсѣмъ оправилась отъ обжоговъ и, съ чувствомъ собственного достоинства, тяжеловѣсно гарцовала по мерзлой почвѣ.

— Вы безповоротно рѣшили не отпускать своего брата изъ плѣна? — спрашивала съ улыбкой Леони фонъ-Гертнеръ, нагибаясь къ самому уху Ксеніи Динаръ.

— Безповоротно, баронесса! — спокойно и громко отвѣтила молодая дѣвушка: — неужели вы желаете лишить меня скромнаго удовольствія, хоть короткое время, поддержать на ниточкѣ птичку, запутавшуюся въ вашихъ сѣтяхъ? Повѣрьте, она быстро оборветъ нитку и вернется къ вамъ!

Янекъ Прошна лавировалъ на своей лошади между группами знакомыхъ и экипажами, привѣтствуя дамъ.

Княгиня Ройссекъ долго не отпускала его; графини Эттибахъ и Таренбергъ пытались вызвать его на комплименты, по поводу ихъ бѣлоснѣжныхъ кудрей, а фрау фонъ-Гофштратенъ, какъ бравый уланъ, крѣпко стиснула его руку, такъ что хрустнули суставы. Эта маленькая шутка напомнила поляку стихотвореньице Гейне, въ которомъ онъ признается, что любить нѣжные поцѣлуи и чувствуетъ отвращеніе къ дружескимъ рукопожатіямъ. Около экипажа баронессы Цейтлеръ онъ сдѣлалъ добровольную, продолжительную остановку, сердечно привѣтствуя фрау фонъ-Гоуэръ, затѣмъ вернулся къ Ксеніи.

По дорогѣ его остановила на минуту Леони.

— Развѣ вамъ нечего рассказать мнѣ о неудавшейся попыткѣ задержать принца, *conte mio*?

— Есть, и много, только не здѣсь...

— А гдѣ же?

— Въ будуарѣ, гдѣ тепло и уютно. «Туда стремлюсь въ твои объятія!» тихо пропѣлъ онъ.

— Такъ приходите, — томно уронила она.

— Позовите!.. Записочку, баронесса, записочку! Автографъ — доказательство любви!

Прошна поѣхалъ къ сестрѣ и больше не обращалъ вниманія на баронессу.

Звонкій трубный звукъ огласилъ лѣсную тишину, привѣтствуя прибытіе Августа-Фердинанда и экипажа его супруги на сборный пунктъ.

Князь Ройссекъ, лейтенантъ Гоуэръ и другіе сопровождали ихъ высочества, а завѣдующій охотою двинулся имъ навстрѣчу. Анна-Регина пріѣхала въ общество графини Кани; принцесса закутана была въ долманъ, обшитый соболями, на головѣ ея красовалась скромная шапочка, съ перомъ и эгреткой. Разительный контрастъ представляла гофмейстерина: подобно яркому тюльпану, сидѣла она рядомъ съ Анной-Региною и кажется воображала, что радостныя привѣтствія толпы вызваны исключительно ея особой, въ красномъ, въ турецкомъ вкусѣ, костюмѣ.

Принцъ сдѣлалъ знакъ завѣдующему охотою и тотъ приказалъ выпускать двухлѣтнихъ кабановъ.

Охотничій рогъ протрубилъ сигналъ къ отбытію; восемнадцать своръ гончихъ были спущены и охота понеслась въ лѣсу.

Экипажъ принцессы пустился по опушкѣ въ объѣздъ, направляясь къ такому пункту, гдѣ непременно должна была пронестись охота.

Вѣтеръ рѣзко свистѣлъ въ прогалинахъ и игралъ золотистыми кудрями Ксеніи; возлѣ нея неотступно скакалъ Прошна, схватывая ея лошадь за поводья, когда мѣстность становилась опасной.

Въ лѣсу стоялъ гулъ, шумъ, топотъ, трескъ; собаки неслись по слѣду, охотники отъ нихъ не отставали.

— Не горячитесь, Ксенія, — сказалъ Янекъ: — еслибъ мы ѣхали менѣе бѣшенымъ аллюромъ, то лучше могли бы насладиться дивною прелестью охоты.

— Ахъ, Янекъ, не надо ѣхать тихо! Мнѣ бы хотѣлось безцѣльно мчаться все впередъ и впередъ, не думая ни о чемъ! Вы со мной, чего мнѣ бояться?

Глаза ея сіяли восторгомъ.

Лѣсъ становился рѣже; передъ ними сверкнула гладкая поверхность озера.

Лай собакъ вдругъ сталъ явственнѣе: кабанъ свернулъ въ сторону и тоже мчался къ озеру.

— Поѣдьте въ объѣздъ, Янекъ, — предложила Ксенія: — мы тамъ отрѣжемъ отступленіе звѣрю!

Янеку пришлось слѣдовать за сестрой, скакавшей по краю болота; тонкій ледяной налетъ звонко разбивался подъ копытами лошадей; мѣстами изъ подъ него выбивалась брызгами вода. Берегъ шелъ покато.

— Ксенія, убавьте шагъ! Дорога опасна!

Но она словно не слыхала, прыгала черезъ кочки, пенъки, и неслась все дальше.

— Шагомъ! — повелительно крикнулъ Янекъ и схватилъ ея лошадь за поводья.

Ксенія широко-раскрытыми глазами уставилась на него.

— Вамъ что за дѣло? Я рискую своей шеей!

— Большое дѣло, пока я вашъ кавалеръ. Пропустите меня впередъ — я буду указывать дорогу.

Странное дѣло! Гордая, своевольная дѣвушка молча опустила голову и послушно поѣхала сзади.

Янекъ оглянулся на нее.

— Вы не сердитесь на мою грубость?

Въ отвѣтъ она только улыбнулась.

— Прежде вы не позволяли мнѣ давать вамъ даже совѣты...

— Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ.

Лай собакъ все отдалялся и отдалялся. Кабанъ кинулся въ противоположную сторону, къ лугамъ.

— Если мы желаемъ поспѣть къ концу, надо послѣшиться! — сказалъ Янекъ, свертывая на дорогу, пересѣкавшую лѣсъ, и перескакивая черезъ срубленное дерево, загородившее путь.

— Гопъ! — Ксенія подняла свою лошадь, та сдѣлала неувѣренный прыжокъ, споткнулась и упала на переднія ноги; но ловкая наѣздница удержалась на сѣдлѣ и гнѣвно вздернула лошадь съ колѣнъ.

— Впередъ! — крикнула она.

— Стопъ! Ни съ мѣста, Ксенія! Лошадь ваша повредила себѣ ногу и скакать не можетъ! — Янекъ слѣзъ съ коня и заботливо осмотрѣлъ ногу споткнувшейся лошади.

— Такъ и есть. Порѣзала себѣ связки... и чего добраго повредила суставъ! Sapristi! — Онъ улыбнулся и пожалъ плечами: — что дѣлать! придется намъ вернуться домой!.. Но вотъ штука: я не имѣю ни малѣйшаго представленія о томъ, гдѣ мы находимся! Думается мнѣ, что надо держаться вотъ этого направленія... Тронемтесь шагкомъ, Ксенія...

Начиналъ порошить снѣгъ.

— Не холодно ли вамъ, Ксенія?

Она безопасно покачала головой.

— Я не легко простужаюсь, Янекъ.

Но онъ остановилъ лошадей.

— Пройдемтесь пѣшкомъ, такъ будетъ безопаснѣе.

Онъ взявъ лошадей за поводья, а другую руку предложилъ сестрѣ.

Снѣжные облака все сгущались; охоты не стало совсѣмъ слышно.

Ускореннымъ шагомъ шли они довольно долгое время. Янекъ не на шутку начиналъ тревожиться за свою спутницу, хотя словами и пробовалъ успокоить ее.

Но она весело разсмѣялась.

— Еслибъ вы только знали, Янекъ, какимъ колоссальнымъ мужествомъ я обладаю! Самое худшее, что можетъ случиться, — это замерзнуть. Но я слышала, что это не мучительная смерть!

— Да вы и на самомъ дѣлѣ прозябли, Ксенія, на вась лица нѣтъ! Пойдите, я прикрою вась хоть чепракомъ...

— Не надо, не надо... Лошади потныя...

Но Янекъ уже разсѣдлалъ охромѣвшую лошадь и, быстро снявъ съ нея чепракъ, насильно закуталъ въ него плечи Ксеніи.

Въ эту минуту явственно послышался лошадиный топотъ и два охотника показались изъ-за поворота дороги.

— Слава богу! — воскликнулъ Янекъ: — скажите, господа, гдѣ бы поскорѣе обогрѣться?

Оказалось, что по близости есть избушка лѣсника, — туда они и направились.

XXIII.

Въ сторожкѣ лѣсника ярко топится печь; санигарь, на окнѣ, спрятали уже головку подъ крылышко; хозяина нѣтъ дома. Только молодая жена его, бѣдно, но чисто одѣтая, сидитъ на

низкой скамеечкѣ у огня и играетъ со своимъ маленькимъ сынишкой; кавалеристъ лихо ѣдетъ на колѣняхъ матери, визжитъ и заливается радостнымъ смѣхомъ.

Шумное вторженіе незнакомаго, залесеннаго смѣгомъ, общества положило конецъ этой игрѣ.

Маленькій Максъ оказался задвинутымъ со своей скамеечкой въ уголокъ, а мать его торопливо носилась взадъ и впередъ по комнатѣ, услуживая чужой дамѣ, которая сѣла у огня въ отцовское кресло, откинула назадъ голову и закрыла глаза.

Мальчуганъ удивленно смотрѣлъ то на нее, то на неожиданныхъ гостей, грѣвшихъ у огня руки. Снигирь, разбуженный шумнымъ нашествіемъ, прыгалъ въ клѣткѣ и растерянно чирикалъ.

Жена лѣсника зажгла висячую лампу и принялась услуживать Ксеніи; предложила ей свой парадный костюмъ, сушила и приводила въ порядокъ ея сырые волосы, принесла пару шерстяныхъ чулокъ и деревянные башмаки.

— Посмотрите, сударыня, новые, теплые чулки. Хоть и грубоваты, но незамѣнимы отъ холода. Я пять лѣтъ служила горничной у баронессы М. въ Данцигѣ, такъ, вѣрите ли, — она поверхъ шелковыхъ надѣвала вотъ точно такіе, когда ѣздила зимой кататься.

Янекъ не вѣрилъ своимъ ушамъ и глазамъ! Надменная графиня Динаръ ласково разговаривала съ услужливой лѣсничихой, позволила ей обуть себя въ грубые чулки и сабо, — и въ довершеніе всего взяла на руки маленькаго Макса, добравшагося не безъ труда до «чужой дамы»!

— Ксенія, что вы? — воскликнулъ Янекъ: — взгляните на мордочку и лапки этого замарашки!

Но Ксенія только улыбнулась и приласкала замарашку.

— Скажите, душа моя, — обратилась она къ женѣ лѣсничаго: — вамъ здѣсь не скучно? Не тянетъ въ городъ?

— Ахъ, милая барыня, — пылко отвѣтила Марта: — разъ что я полюбила моего Франца и счастлива съ нимъ, куда же меня можетъ тянуть? Намъ здѣсь хорошо и ревновать мнѣ его не къ кому... Онъ у меня красавецъ... Въ городѣ дѣвушки влюблялись бы въ него...

Янекъ взглянулъ на Ксенію: она, въ глубокомъ раздумьѣ, низко опустила голову...

Но вот послышался скрипъ полозьевъ: красный отблескъ факеловъ ярко освѣтилъ окрестность. Посланный въ городъ охотникъ исполнилъ порученіе: за графиней Динаръ пріѣхали сани.

— Янекъ, есть у васъ съ собой деньги?— спросила Ксенія:— одолжите мнѣ...

— Мой кошелекъ къ вашимъ услугамъ...

Она взяла кошелекъ, подошла къ маленькому Максу, который усѣлся въ уголкѣ на соломенномъ коврикѣ, и высыпала ему всѣ деньги золотымъ дождемъ на колѣни.

Лѣсничиха такъ и остолбенѣла; затѣмъ заплакала и бросилась цѣловать щедрныя ручки доброй феи.

Ксенія сама сіяла отъ счастья и полноты чувствъ...

Волшебная ночь царила въ лѣсу; вѣтеръ утихъ, снѣгъ пересталъ падать; звѣзды зажглись на небѣ и трепетно заглядывали сквозь вѣтви деревьевъ.

Закутанная въ мягкую шубу ѣхала Ксенія, вмѣстѣ съ Янекомъ, домой. Факелы дымились въ рукахъ скакавшихъ впереди и по бокамъ конюховъ.

Янекъ заботливо поднялъ воротникъ шубы Ксеніи; молодая дѣвушка вздрогнула отъ неожиданности и выпрямилась.

— Не бойтесь, Ксенія, — тихо сказалъ онъ:— между вами и моею рукой толстый воротникъ шубы.

Она ничего не отвѣтила, но сдвинула назадъ воротникъ и ласково прижалась головкой къ его рукѣ.

.....

Уланы завтракаютъ въ казино.

Янекъ Прошна—неразлучный товарищъ ихъ. Вино льется рѣкой.

— Прошна! A la vôtre... залпомъ!

— Отвѣчаю тѣмъ же!

— Смерть и гибель всему лишнему вину на свѣтѣ!

— Bravo!.. Regrat!..

Стаканы чокались, лица разгорались.

— Скажите, Прошна, вы тоже покажете себя у Гоуэровъ?— Гейлеръ-Гюнингенъ нагнулся къ Янеку.

— Какъ же, какъ же!

— Августъ-Фердинандъ издалъ приказъ (въ видѣ просьбы), чтобы наши офицеры присутствовали въ полномъ составѣ... Воображаю злость Гертнерши!

— Вы уже запаслись дамами на танцы? — осведомился Донатъ.

— Нѣтъ еще! Но отсюда я отправлюсь въ виллу Флоріанъ...

— Не Бики ли думаете вы пригласить на котильонъ? — съ тревогой спросилъ Донатъ.

Прошна уклончиво пожалъ плечами.

Этого было достаточно! Пыжій князь черезъ пять минутъ исчезъ и на всѣхъ парахъ летѣлъ къ фонъ-Драхамъ, чтобы заручиться согласіемъ Беатрисы на котильонъ.

XXIV.

Баль, навязанный женѣ лейтенанта Гоуэра непремѣннымъ желаніемъ самаго принца, доставилъ ей немало заботъ, хлопотъ и тревоженій.

Ея небольшая квартирка потребовала массу перемѣщеній и перестановокъ; у пріятельницъ пришлось взять серебро, хрусталь и посуду; обучая официантовъ, бѣдная женщина испортила себѣ не мало крови и поплатилась изряднымъ количествомъ битой посуды.

Но вотъ настала часъ, когда должны распахнуться двери, и хлынетъ въ нихъ общество смѣшанное, недоброжелательное, не желающее сліянiя... При одной мысли объ этомъ, у бѣдныхъ хозяевъ морозъ пробѣгалъ по спинѣ. Имъ предстояло въ своихъ залахъ видѣть форменное сраженіе непріятельскихъ лагерей и рикшетомъ получать уколы и дерзости.

Младшіе уланскіе офицеры явились всѣ вмѣстѣ, официально, издали, щелкали шпорами передъ тоненькой, робѣвшей хозяйкой, въ тюлевомъ, бланжевомъ туалетѣ, склоняли на мгновеніе завитыя головы и тотчасъ занимали позицію у дверей, образуя непроницаемую стѣну, словно готовясь къ бою.

Всѣ входящіе должны были проходить сквозь строй: съ обѣихъ сторонъ ихъ оглядывали холодными, вызывающими взорами: прищуривъ нагло глаза, смотрѣли уланы съ нѣмымъ осужденіемъ и нескрываеомой насмѣшкой.

Совсѣмъ иное дѣло, когда входилъ кто-нибудь изъ «своихъ», надменно закинувъ голову! Графини Эттисбахъ и Таренбергъ вошли въ одно время съ баронессой Леони фонъ-Гертнеръ.

Изъ рядовъ уланъ ихъ привѣтствовали шумными изъявленіями симпатій и восторга, приглашали на котильонъ, острили. Дамы едва успѣли полуснисходительно кивнуть хозяйевамъ, какъ уланы, точно китайской стѣной, отрѣзали ихъ отъ остальнаго общества.

Но лейтенантъ Гоуэръ счелъ своей обязанностью протѣсниться сквозь толпу и привѣтствовать жену президента.

— Разрѣшите мнѣ, баронесса, перезнакомить между собою общество?..

Леони окинула залъ равнодушнымъ взглядомъ и презрительно пожала плечами.

— Mon Dieu, къ чему, любезнѣйшій Гоуэръ? Новыя знакомства такъ несносны. Да и надобности никакой нѣтъ, увѣряю васъ.

Кругомъ послышался сдержанный смѣхъ, а Фландернъ еще нахальнѣе задралъ голову и покрутилъ усь.

— Мы между собой знакомы, и съ насъ этого довольно! — поддакнулъ онъ.

Гоуэръ поклонился и отошелъ.

Въ залу входилъ камергеръ фонъ-Драхъ съ женой и дочерью; за ними слѣдовала графиня Динаръ, подъ руку со своимъ братомъ. Лицо Ксеніи выражало небывалое радостное оживленіе, придававшее особенную чарующую прелесть ея гордой осанкѣ. Бѣлый полковый газъ, наподобіе пѣнистыхъ волнъ, окутывалъ ея фигуру; вышивка серебристыми блестками напоминала капли воды; букетики хмѣля красовались въ волосахъ и на груди.

Офицеры шумно окружили ее и намѣревались отрѣзать ей путь, но Янекъ не выпускалъ ея руки и шутливо, но твердо прокладывалъ дорогу къ хозяйевамъ.

Между Гоуэрами и вновь прибывшими произошелъ теплый обмѣнъ привѣтствій; Бики энергично протолкалась по слѣдамъ Янека, восторженно пожала руку мистриссъ Гоуэръ и нѣсколько разъ повторила, что ужасно рада быть у нея на вечерѣ.

Леони подошла къ Ксеніи и прошептала ей на ухо:

— Не будемъ смѣшиваться съ этимъ сомнительнымъ обществомъ, графиня! Нашъ кружокъ долженъ держаться въ сторонѣ, совершенно особнякомъ! Не танцовать же съ какимъ-нибудь пѣхотинцемъ или артиллеристомъ!

Янекъ въ эту минуту отошелъ отъ хозяйки и быстро приблизился къ Ксеніи.

— Фрау Гоуэръ спрашиваетъ, Ксенія, не желаете ли вы познакомиться съ дамами, въ гостинной?

— Но ни одна изъ нашихъ дамъ не пожелала...—начала было Ксенія.

— Ксенія, я прошу васъ это сдѣлать! — съ удареніемъ произнесъ Янекъ, глядя ей прямо въ глаза.

— Пойдемте!—рѣшительно сказала молодая дѣвушка. Обращенная хозяйка познакомила ее съ дамами другаго кружка.

Въ дверяхъ показалась Гофштратенша, въ роскошномъ штофномъ платьѣ, подъ руку съ супругомъ. Гекедьбергъ басомъ прогудѣлъ:

— Прочь съ дороги! — Среди улановъ начался шумъ и веселье; голландка погрозила вѣромъ своему пріятелю и добродушно, по обыкновенію не стѣсняясь всеобщимъ вниманіемъ, крикнула ему:

— Озорникъ! Уши нарву, тѣмъ и кончится.

Гоуэръ снова подошелъ.

— Господа,—обратился онъ къ уланамъ: — могу я васъ просить занять барышень? Двѣ дочки совѣтника фонъ-Блохвицъ сегодня въ первый разъ выѣзжаютъ... почти ни съ кѣмъ не знакомы...

Фландернъ вставилъ въ глазъ монокль и нагло поглазѣлъ съ минуту на двухъ барышень, сидѣвшихъ въ сторонкѣ, и пожалъ плечами.

— Извините, почтеннѣйшій, я молодыхъ лошадей не объѣзжаю.

Хоть товарищѣй послужилъ ему наградою за острогу.

— Прошу васъ, представьте меня этимъ барышнямъ! — съ изысканной любезностью попросилъ Янекъ и взялъ подъ руку вспыхнувшаго Гоуэра.

— Пропустите-ка меня, ребята, я хочу пробраться къ прочей публикѣ.

— Но... милѣйшая Гофштратенъ... Вы видите, что никто изъ насъ, кромѣ графини Динаръ, которая всегда любитъ шутить, не желаетъ смѣшиваться съ прочимъ... обществомъ! — попробовала остановить голландку Леони.

— Вздоръ! Нелѣпная затѣя! Такіе же люди, какъ и мы съ

вами, душа моя. Посмотрите-ка на того долговязого, широкоплечаго малаго, пѣхотинца! Видите? Прекрасный парень, ей-ей!.. Буду съ нимъ танцовать непремѣнно!..

— Но, ма сѣге, это смѣшно...

— Большое мнѣ дѣло. Смѣйтесь, коли смѣшно. На дняхъ я сама даю балъ и приглашу всѣхъ, у кого есть голова да ноги.

— Вниманье, господа!—закричалъ вдругъ Гекельбергъ.

Всѣ навострили уши.

— Что такое? Что еще нужно этому болтуну?

— Новѣйшій анекдотъ — фактъ про мою пріятельницу, фрау фонъ Гофштратенъ! Слушайте! Любезная и радушная, какъ всегда, она хочетъ задать балъ—monstre...

— На которомъ единственнымъ монстромъ будешь ты! — перебила его голландка.

— Спасибо на ласковомъ словѣ! Но дѣло не въ томъ... Она рѣшила пригласить всѣхъ, безъ изыатія, кто когда либо забрасывалъ карточки въ домъ Гофштратенъ. И вотъ барыня моя опрокинула свою исполинскую алебастровую вазу съ визитными карточками и говорить maître d'отелю: «вотъ вамъ вся куча! Пишите приглашеніе на каждое имя!» Бравый Альбертъ беретъ за перо и буквально исполняетъ приказаніе... Въ числѣ приглашенныхъ оказались...

— Кто же? Кто?

— Генераль Буденбахъ, который ужъ съ полгода поводитъ на кладбищѣ, майоръ фонъ Кирхбахъ, въ 61-мъ году переведенный на югъ, куда ему приглашеніе разумѣется не переслали...

Неистовый хохотъ заглушилъ его разсказъ; а фрау фонъ-Гофштратенъ хладнокровно сказала:

— Эка важность! Развѣ я виновата, что старый Буденбахъ безъ моего разрѣшенія отправился на тотъ свѣтъ? Кто былъ у насъ съ визитомъ, того и зову на балъ. Очень просто!—сказала и круто повернула къ фрау фонъ-Гоуэръ, чтобы спросить, кто такой долговязый малый съ кудрявой головой.

Леони фонъ-Гертнеръ со скучающимъ видомъ опустилась на кресло и подозвала Янека Прошна.

— Я сегодня пріѣхала одна!—тошно сообщила она ему.— Мужу моему нездоровится... А меня сюда влекла таинственная сила...

— Не вѣрю, баронесса...

— Маловѣрный! Какого же вамъ нужно доказательства?

— Вы знаете какого...

Онъ пристально смотрѣлъ ей въ глаза и она, какъ околдованная, не имѣла силъ оторваться отъ его взгляда.

— Хорошо, Прошна. Пусть будетъ по вашему... Слушайте...—онъ нагнулся, и она страстнымъ шепотомъ проговорила:—я буду возвращаться одна...—Но въ эту самую минуту раздались звуки вальса и рѣзкій голосъ графини Кани, отыскивавшей свою «mignonne».

Прошна не дала Леони договорить:

— Осторожность прежде всего, баронесса! У васъ есть карандашъ и карточки... Это замѣнить розовую бумагу... Напишите два-три слова... Буду ждать!

Она кивнула головой. Къ ней подходили Фландернъ и графиня Кани. Искоса взглянувъ на Прошна, Фландернъ звянулъ шпорами передъ Леони:

— Это нашъ вальсъ...

Леони встала и протянула обѣ руки гофмейстерниѣ, а затѣмъ взяла Фландерна подъ руку:

— Всѣмъ офицерамъ передали мою просьбу?

— Конечно! Все идетъ хорошо.

Леони обратилась къ Янеку:

— Вамъ извѣстно, графъ, что мы согласились выразить протестъ и держаться особнякомъ отъ остальнаго общества? Послѣ каждаго танца мы будемъ забираться въ послѣднюю угловую комнату...

— Отлично!—разсмѣялся Янекъ.

Графиня Кани держала себя, какъ королева; сдѣлала милостивый обзоръ комнатъ, снисходительно кивала представляемымъ ей лицамъ, и безъ стѣсненія повернулась спиной къ командиру артиллерійскаго полка. Таковъ былъ, должно быть, царь «сливокъ» общества.

Послѣ каждаго танца, уланы со своими дамами удалялись въ угловую комнату; кромѣ князя Геллеръ-Гюнингена и фрау фонъ-Гофштратенъ, никто изъ уланскаго полка не танцевалъ съ прочими гостями Гоуэровъ; ни одинъ изъ кавалеристовъ не подошелъ съ приглашеніемъ даже къ самой хозяйкѣ. Зато графиня Динаръ, къ изумленію придворнаго кружка, нѣсколько

разъ протанцовала съ пѣхотинцами и артиллеристами, а открыла балъ съ лейтенантомъ Гоуэромъ. Она да «лихая голландка» всѣхъ очаровали.

Въ общемъ все-таки, ни разу раньше, не сказывалось еще такъ наглядно непріязненное отношеніе полковъ, какъ въ этотъ искусственный вечеръ.

Въ разгарѣ бала, Леони прошла мимо Янека и мигнула ему; онъ отошелъ съ нею къ окну и тутъ она торопливо сунула ему въ руку свою карточку.

Янекъ улучилъ минуту и прочелъ на карточкѣ:

«Выходите раньше меня и сядьте въ мою карету. Въ будуарѣ мы останемся съ глазу на глазъ. За скромность горничной и лакея я ручаюсь».

Янекъ спряталъ въ карманъ карточку и замѣтилъ, что двѣ пары глазъ неотступно слѣдили за ними: глаза Ксеніи и Фландерна.

Онъ прямо подошелъ къ Фландерну:

— Вы не танцуете, лейтенантъ?

— Что я за полотѣрь для Гоуэровъ?

— Вы правы. Пойдемте на минутку въ буфетъ, мнѣ надо съ вами кое-о чемъ переговорить.

— Пойдемте, графъ!—не безъ удивленія согласился Фландернъ:—только бы намъ не прозѣвать пріѣзда принца!

— Осталось еще полчаса времени!

Въ комнатѣ, гдѣ устроенъ былъ буфетъ, нѣсколько стариковъ играли въ карты; Янекъ сѣлъ съ Фландерномъ подалше, за столикомъ.

— Не выпьете ли чего нибудь?—предложилъ Прошна.

— Избавьте, графъ! Я не намѣренъ отравляться!

— Такъ приступимъ къ дѣлу. Я буду совершенно откровененъ съ вами. Разсчитываю на ваши рыцарскія чувства...

— Можете положиться!

— Извѣстно вамъ, что Леони оказываетъ мнѣ полное довѣріе?

— Гм...

— Полноте, намъ скрытничать нечего; я знаю, что вы пользуетесь... ея милостями...

— Какими?

— Эхъ, милѣйшій, не притворяйтесь. Вѣдь мнѣ все извѣстно.

— По какому праву осмѣлилась она сообщить вамъ вещи, компрометирующія меня?—гнѣвно вспыхнувъ, спросилъ Фландернъ.

— Это ужъ не знаю! Да и чѣмъ компрометируетъ это васъ? Завтра Леони можетъ овдовѣть—и вы очутитесь счастливымъ супругомъ красивой вдовы президента!

Янекъ говорилъ наудачу, но мѣтко попалъ въ цѣль. Фландернъ такъ и подскочилъ отъ ярости.

— Что вы? Съ чего вы взяли? Это она вообразила? Да она въ матери мнѣ годится! Кромѣ того... съ такимъ грязнымъ прошлымъ...

— Развѣ грязно ея прошлое?

— *Parbleu!* Видала виды на своемъ вѣку! Нѣтъ, слуга покорный. Пошалить—дѣло другое... А жениться! *Bien obligé!* Какъ жена президента, она полезна мнѣ... протекція... вліяніе на принцессу... Да у нея и денегъ нѣтъ никакихъ за душой! Жалованье президента отвѣчаетъ за все! Ха, ха, ха, жениться! Спасибо! Да неужели она сама могла вообразить? И къ вамъ милостива, и еще, можетъ быть, къ двумъ-тремъ счастливицамъ! Не далѣе, какъ сегодня, клялась мнѣ въ вѣрности! — Фландернъ изъ себя выходилъ: — я вѣдь видѣлъ, какъ она вамъ сунула въ руку записочку... А не угодно ли полюбоваться, чтò я сегодня же утромъ получилъ? — Лейтенантъ судорожно вытащилъ бумажникъ, досталъ записочку, писанную почеркомъ Леони, и передалъ ее Янеку. — Нѣтъ, батенька,—продолжалъ онъ, захлебываясь отъ ярости:—на такихъ не женятся! Не на осла напала, пусть успокоится! Звонокъ... Принцъ подъѣхалъ... *Au revoir!*

Фландернъ понесся въ залъ, навстрѣчу принцу, а Янекъ хладнокровно прочелъ записку:

«Въ три часа поѣду по обычной дорогѣ. Прогуливайтесь, я захвачу васъ съ собой въ закрытой каретѣ».

Прошна былъ доволенъ: хитрость его вполнѣ удалась!

Августъ-Фердинандъ, не смотря на гору препятствій и «нездоровье» жены, — явился на балъ своего адъютанта. Уланы встрѣтили его у дверей и, съ княземъ Ройссекомъ во главѣ, тотчасъ же образовали изъ себя свиту его высочества, почти не подпуская къ нему хозяина.

Принцъ привѣтствовалъ фрау Гоуэръ и пожалъ руку кня-

гиди Ройссекъ, стоявшей рядомъ съ нею. Въ ту же минуту дамы придворнаго кружка разноцвѣтнымъ кольцомъ окружили его и не отступали ни на шагъ, также какъ и уланы. Однако принцъ прошелъ по всѣмъ комнатамъ, оказывая любезное вниманіе всѣмъ гостямъ Гоуэровъ, несмотря на молчаливое осужденіе своей свиты.

Искренно веселились на балу только: Бики да Донать. Они были почти неразлучны, танцовали другъ съ другомъ безпрестанно, а для антрактовъ Бики нашла укромный уголокъ, куда оба и забирались. Нѣжно поглядывала Геллеръ-Гюннигенъ на кухню, а та, словно яркій бутончикъ, выступала изъ облаковъ тюлеваго платья. Разговоръ ихъ состоялъ не изъ мудрыхъ изреченій и остротъ, но отъ него вѣяло безыскусственной правдой и чистосердіемъ.

— Ваша талія не толще вашихъ рукъ, Бики!

— Что это, похвала?

— Еще бы! Будь я людодѣдомъ, я бы васъ съѣлъ.

— Они сюда иногда приѣзжаютъ и ѣдятъ живыхъ птицъ! — съ живостью сообщила Бики: — ихъ зовутъ карабамми, — такъ, кажется...

— Вы хотите сказать: карабамми! — важно поправилъ Донать: — это индѣйское племя... по сосѣдству съ Гвіаной... Теперь ихъ здорово подтянули, каналій!

— Ахъ, Донать, вы рѣшительно все знаете.

— Мужчина всегда долженъ превосходить женщину въ знаніи и опытности! — сентенціозно замѣтилъ молодой князь: — только нѣтъ, не все я знаю... А ужасно хотѣлось бы узнать... — Онъ устремилъ на Бики свои красивые глаза, бѣлые зубы задорно сверкнули изъ подъ усовъ.

Бики украдкой поглядывала на него, смущенная, очарованная.

— А я развѣ знаю это?

— Вы знаете! И единственно только вы!

— Такъ говорите же, въ чемъ дѣло?

— Сегодня не скажу... Въ концѣ сезона узнаете. Кстати, Бики, — ленты, во время котильона, выбирайте всегда красныя... Я буду дѣлать то же... Такимъ образомъ мы всегда окажемся вмѣстѣ. Остроумно?

Бики поспѣшно нагнулась и, подъ прикрытіемъ вѣера, со-

общила ему, что всё свои ордена отдасть ему, что, впрочемъ, Донатъ нашель вподнѣ естественнымъ. По этому случаю они съѣди по порціи мороженаго и еще разъ протанцовали вальсъ.

Янекъ подошелъ къ Ксеніи.

— Извѣстно ли вамъ, что сейчасъ получена телеграмма о возстаніи въ Польшѣ?— цѣпнулъ онъ ей.

Ксенія вздрогнула.

— Боже мой! Янекъ... Чѣмъ же это кончится?

— Временное національное управление издадо прокламацію, призывающую всѣхъ вѣрныхъ сыновъ родины къ оружію. Все дворянство, духовенство и городское населеніе на сторонѣ инсургентовъ... Предстоитъ борьба на жизнь и на смерть... Остроленка воспрянетъ и развернетъ знамена!

Смертельный ужасъ выразался въ глазахъ графини Динаръ; она схватила приемнаго брата за руку:

— Янекъ, произойдетъ напрасное и бесполезное кровопролитіе... Польша не возродится... Она обречена на гибель, какъ Марія Стюартъ!

— Не хочу вѣрить этому до послѣдней минуты, Ксенія! Пока есть патріоты, Польша еще не погибла.

— Завтра приходите ко мнѣ пораньше, Янекъ... До прихода гостей сообщите мнѣ всѣ подробности.

— Хорошо... Завтра я пою у васъ... какъ и въ первый вечеръ... такъ будетъ и въ послѣдній!

Сердце Ксеніи сжалось отъ страха. Почему въ послѣдній? Неужели онъ уйдетъ? Примкнетъ къ инсургентамъ? О, какой ужасъ! Какое горе!

Она вопросительно взглянула на него, но онъ круто повернулся и уже исчезъ въ топъ.

XXV.

Княгиня Ройссекъ распростилась съ хозяевами; дамы ея кружка, само собой разумѣется, послѣдовали ея примѣру.

Фрау фонъ-Гофштрагенъ только что успѣла прикрѣпить на груди кудряваго пѣхотинца большой орденъ солнца (съ какимъ-то высокопарнымъ девизомъ), а кудрявый малый поклялся, что вѣкъ будетъ хранить драгоцѣнный сувениръ, — за что получилъ

увѣсистый ударъ вѣромъ по рукѣ и совѣтъ не молоть вздору. Добродушная голландка со всѣми перезнакомилась и разсталась съ обществомъ среди живѣйшихъ и искреннѣйшихъ изъясненій симпатій со всѣхъ сторонъ.

Фландернъ розыскалъ свое пальто въ прихожей, потянулся, зѣвнулъ и презрительно проговорилъ:

— Вотъ такъ повеселились!!

— Хорошо, что хоть вы повеселились, герръ фонъ-Фландернъ! — иронически проговорилъ чей-то голосъ. Лейтенантъ обернулся: позади него стояла сама хозяйка, которая принесла голландкѣ забытый ею вѣрь. Большіе, сверкающіе глаза англичанки гнѣвно смотрѣли на нахала.

Фландернъ пробормоталъ что-то невнятное, а ротмистрша одобрительно замѣтила:

— Такъ, такъ, фрау Гоуэръ, дайте-ка ему хорошаго щелчка по носу! Молокососы заважничали. А я такъ отъ души повеселилась у васъ!

Леони фонъ-Гертнеръ проскользнула въ свою карету и отъ изумленія чуть не выскочила обратно: тамъ никого не было!

Что бы это могло значить? Опеломленная, подѣхала Леони къ своему дому и собиралась подняться по лѣстницѣ, какъ вдругъ передъ ней выросла высокая фигура Янека Прошна.

— Извините, баронесса, — не можете ли вы удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ?

— Разумѣется, шоп ами! — произнесла Леони, задыхаясь отъ волненія. — Джемсъ, посвѣтите намъ и зажгите въ будуарѣ огни.

Тонкими духами пахло въ ея будуарѣ; сквозь зелень тропическихъ растений пробивался свѣтъ отъ стѣнныхъ канделябръ. Леони, улыбаясь, стояла у дивана и протягивала Янеку руки.

— Янекъ! — страстно шептали ея губы.

Но лицо графа было мрачно.

— Къ чему вся эта комедія, баронесса? Не мнѣ принадлежать ваши помыслы, а фонъ-Фландерну!

Руки ея бессильно опустились.

— Что за вздоръ, Прошна? Какое отношеніе имѣеть Фландернъ къ настоящей минутѣ?

— Огромное! Вчера вы играли однимъ поклонникомъ, сегодня забавляетесь съ другимъ!

— Это низкая клевета! Фландернъ ревнуетъ... и сочиняетъ небылицы... Янекъ!—Леони бросилась къ нему на грудь и пыталась заставить его неподвижныя руки обнять ее: — вѣрь мнѣ! Не думай о клеветѣ, взгляни мнѣ въ глаза? Тебя одного люблю я!

Но онъ отстранилъ ее и оттолкнулъ ея руку.

— Можетъ быть, именно эти фразы подготовляли вы для Фландерна, когда поджидали его на обычной дорогѣ, въ закрытой каретѣ? — язвительно спросилъ онъ, досталъ изъ кармана записку и показалъ ей.

— Кому лучше знать, какъ не вамъ, баронесса, что написать пару строкъ бываетъ иногда чрезвычайно опасно?

Съ сверкающими отъ гнѣва глазами нагнулась Леони, прочла и отпрянула назадъ.

— Предательство! Поворное предательство! — простонала она, упала на диванъ и зарыдала.

Янекъ подошелъ къ ней поближе.

— Какая ошибка вашего недюжиннаго ума, баронесса! Какая удивительная ошибка! Вы сами всегда рыли яму ближнему, ставили западни, изоцрялись въ предательствѣ, — и такъ опростоволоситься!

Леони не шевелилась.

— Я въ послѣдній разъ у васъ, баронесса... Примите мой совѣтъ: если вы будете свободны и дѣйствительно влюбитесь, не играйте въ прятки, дѣйствуйте прямо. Заставьте уважать себя!

Она встала съ искаженнымъ, блѣднымъ лицомъ, прижимая руки къ груди, точно удерживаясь отъ искушенія выпцарапать ему глаза.

— Благодарю за совѣтъ, герръ Прошна... Значить, вы не намѣрены зарѣзать меня?

— Ничуть.

— Въ такомъ случаѣ, отдайте мнѣ обѣ записки.

Она растерянно глядѣла на него; но ему снова почудилась комедія.

— Отдамъ... Съ однимъ условіемъ...

— Давайте... Я на все согласна!..

— Мѣна за мѣну, баронесса: вы мнѣ отдадите всѣ записки, которыя писала вамъ Анна-Регина, во время злополучнаго

инцидента съ маркизомъ де-Бранка, а я вамъ возвращу эти два документика!

— Какую цѣнность могутъ имѣть для васъ записки принцессы?..

— Для меня—никакой, зато для Бранка большую!

Въ отвѣтъ послышался язвительный хохоть.

— А! теперь я понимаю. Вы играли роль Мефистофеля! И смѣли еще меня обвинять въ вѣроломствѣ и комедіи! Благодарю! Восхищаюсь, ей-ей! Поздравляю маркива съ искуснымъ другомъ, не брезгающимъ никакими средствами для достиженія цѣли!

— Смѣю напомнить вамъ, баронесса, что становится поздно... Мы затягиваемъ дѣло пустословіемъ...

— На этомъ мы и покончимъ, герръ Прошна!—съ дикимъ торжествомъ перебила Леони:—тѣ записки давно уже сожжены!

— Жалко! А можетъ быть онѣ возрождаются изъ пепла? Жду пять минутъ...

— Не почевать ли собрались здѣсь?

— Почему бы и нѣтъ? Минѣ это не доставить никакихъ неприятностей... У меня имѣется пригласительная записочка отъ васъ...

— Не отдамъ вамъ тѣхъ писемъ! Ни за что! — не помня себя отъ бѣшенства, крикнула Леони.

— Пустыя слова, баронесса. Впрочемъ, какъ хотите. Въ такомъ случаѣ я прямо иду къ президенту фонъ-Гертнеру... Едва ли вамъ поздоровится отъ нашего свиданія! Осмѣянная, выгнанная жена! Разводка, не жалавшая развода! Хорошее положеніе въ свѣтѣ! Повѣрьте, я все взвѣсилъ и не дѣйствую очертя голову. Я знаю, что вы умная женщина и на мои условія согласитесь.

Съ минуту Леони вся тряслась отъ безсиьной ярости; затѣмъ выпрямилась.

— Дайте честное слово, что письма будутъ уничтожены...

— Даю...

— И никто о нихъ не узнаетъ...

— За исключеніемъ того лица, въ интересахъ котораго я дѣйствую.

— А о существованіи моихъ двухъ записокъ никто отъ васъ никогда не узнаетъ?

— Никто, никогда, честное слово.

Укрошенная, побѣжденная, шатаясь, подошла Леони къ письменному столу, дрожащими пальцами достала изъ потайнаго ящика письма Анны-Регины и подала ихъ поляку.

— Берите.

— Всѣ тутъ?

— Всѣ.

— Вотъ ваши записки. Мы квиты. Честь имѣю кланяться.

Съ ненавистью глядѣла Леони на удалявагося пѣвца, котораго за минуту до того страстно любилъ... Блѣдныя губы ея шептали проклятіе, изящныя руки судорожно сжимались...

Ксенія сидитъ въ своей комнатѣ, на низенькомъ креслѣ, передъ каминомъ. На обнаженные плечи ея накинута бѣлая кружевная платокъ, ножки стоятъ на головѣ шкуры темно-бураго медвѣдя. Въ концертномъ залѣ зажжены люстры, канделябры и свѣчи.

Янекъ только что явился; взволнованно пожалъ руки пріемной сестры и сѣлъ рядомъ съ нею, у камина.

— Вы заходили къ дядѣ?

Онъ утвердительно кивнулъ головой и сказалъ:

— У тети Клары мигрень, она не выдетъ къ гостямъ. Бики останется съ матерью... Донать на дежурствѣ.

— Ахъ, какая досада! Генеральша моя еще не вернулась изъ отпуска...

— Вы однѣ примете гостей, Ксенія. Пора привыкать. Августъ-Фердинандъ тоже не будетъ.

— Удивительно. Фрау фонъ-Гофштратенъ тоже почему-то прислала извиненіе...

Янекъ улыбнулся.

— Всѣ мои доброжелатели точно сговорились отсутствовать! Что жъ! Обойдемся безъ нихъ, Ксенія!

— Но баронесса фонъ-Гертнеръ, съ компаніей, будетъ...

Янекъ язвительно захохоталъ.

— Что съ вами, Янекъ? Вы какой-то странный, нервный...

Онъ вздохнулъ.

— Вы правы... Сегодняшній вечеръ имѣетъ для меня рѣшающее значеніе... Кроме того, я все еще нахожусь подъ впечатлѣніемъ тягостной сцены, пережитой мною ночью. Я знаю,

что поступилъ правильно, а все таки меня, до нѣкоторой степени, мучать уколы совѣсти...

— Въ чемъ же вы себя обвиняете?

— Имѣя дѣло съ слабымъ противникомъ, я пустилъ въ ходъ вѣроломное оружіе!

— Я увѣрена, что вамъ не оставалось другаго выбора!— пылко сказала Ксенія.

Онъ схватилъ ея руку и поднесъ къ своимъ губамъ.

— Спасибо, Ксенія, за довѣріе! Да, это вѣрно, выбора у меня не было... Лисицу надо ловить въ западню, а рыбу на удочку.

— Я не понимаю вашихъ загадочныхъ словъ, Янекъ, и мнѣ ихъ не разгадать. Но я убѣждена, что ваша рука никогда не возьмется за недостойное оружіе. Янекъ Прошна никогда не пойдетъ вслѣдъ за знаменемъ, если оно поднято не во имя чести и справедливости!

Онъ блестящими глазами посмотрѣлъ на нее.

— А если зная это будетъ развѣваться среди мятежнаго лагеря повстанцевъ, а Янекъ Прошна броситъ нѣмецкую саблю и возьмется за косу?—Ксенія на минуту закрыла глаза и прижала руки къ груди. Затѣмъ тихо, но отчетливо сказала:

— Если Янекъ Прошна сдѣлается повстанцемъ, то я буду знать, что это прозвище не позорное, и что борьба не вызвана презрѣнными мотивами!

— Ксенія!—онъ опустилсѣ на колѣни и схватилъ ея руки:— но если весь свѣтъ осудитъ мятежника? Если ваша родина поднимется на Польшу? Сохраните ли вы симпатію къ поращенной націи и къ человѣку, боровшемуся за ея свободу!

— Можете ли вы сомнѣваться въ этомъ?

Онъ медленно поднялся съ колѣнъ и вздохнулъ полной грудью.

Гости начинали съѣзжаться; пріѣхала принцесса, со своей обычной свитой; поболтали и отправились ужинать.

Фрау Леони была въ черномъ платьѣ; обѣ онѣ, съ графиней Кани, были чѣмъ-то не то встревожены, не то озлоблены, и еле-еле отвѣтили на изысканное привѣтствіе пріемнаго сына графа Динара.

За ужиномъ, Леони съ злорадствомъ передавала послѣднія извѣстія о польскихъ беспорядкахъ, не жалѣя презрительныхъ выраженій, чтобы заклеить возмутившееся «ничтожество».

Прошна спокойно, съ улыбкой, напомнилъ ея недавнія симпатіи къ польской націи и романическое увлеченіе Августомъ Сильнымъ.

Леони, прищуривъ глаза, оглядѣла говорящаго, словно въ первый разъ замѣтила его присутствіе.

— Не понимаю, какое отношеніе имѣете вы къ польскому бунту, графъ?

— Графъ конечно сочувствуетъ мятежникамъ!— хихикнула графиня Кани.

— Въ всякаго сомнѣнія, графиня. Я полякъ, и горжусь этимъ!

Леони обмѣнялась съ ней многозначительнымъ взглядомъ и ядовито улыбнулась.

— Такъ вы навѣрно тоже встанете въ ряды сражающихся?..— продолжала гофмейстерина.

У Анны-Регины отъ смущенія яркая краска залила все лицо, до корней бѣлокурыхъ волосъ.

— А почему бы и нѣтъ, графиня? Столько разъ приходится изъ вѣжливости и благовоспитанности сдерживать кулаки, когда бы слѣдовало наносить ими удары направо и налево, что, ей-ей, пріятно хоть разъ дать имъ полную волю!

Фландернъ захохоталъ и пробурчалъ: «безподобно!» Анна-Регина схватила Ксенію за руку и, словно извиняясь, сказала:

— Политика—это яблоко раздора здѣшняго общества! Вы видите, что, обсуждая политическія событія, даже пріятельскія отношенія нарушаются!

— Въ настоящую минуту даже польскій церковный гимнъ запрещенъ у насъ!— весело замѣтила графиня Эттисбахъ, желая примирить противниковъ:— это ужъ по моему смѣшно! Всякій воленъ молиться, какъ и о чемъ ему угодно!

— Но не публично!—взглядъ Леони угрожающе остановился на маленькой Эттисбахъ, внесшей диссонансъ своимъ нейтралитетомъ:— разъ воззванія и прокламаціи запрещены въ Германіи, значить въ формѣ молитвы еще неприличнѣе выражать демонстрацію!

— Давно ли, баронесса, вы восхищались національнымъ польскимъ гимномъ? Какъ вкусы ваши измѣнчивы!

Темные глаза Янека горѣли возбужденіемъ.

Когда встали изъ за ужина, княгиня Ройссекъ спросила, намѣренъ ли пѣвецъ усладить ихъ слухъ?

Ксенія, беспокоясь за Янека, хотѣла подойти къ нему и не допустить его къ роялю; но онъ отвѣтилъ княгинѣ:

— Въ настоящую минуту я только и въ состояннн спѣть вамъ національный польскій гимнъ!—и, не дожидаясь одобренія, онъ твердыми шагами подошелъ къ роялю, сѣлъ и необычайно страстно пропѣлъ гимнъ.

Всѣ словно остолбенѣли... Офицеры чувствовали себя неловко и какъ-то невольно сгруппировались въ сторонкѣ; Анна-Регина краснѣла и блѣднѣла; Эттисбахъ волновалась; гофмейстера и Леони злорадно усмѣхались. Въ общемъ эффектъ былъ неожиданный, разнообразный, но полный.

Янекъ кончилъ... Никто не рѣшился аплодировать... Анна-Регина, парализованная взглядомъ баронессы фонъ-Гертнеръ, поспѣшно встала и простилась съ Ксеніей; за ней, въ крайнемъ замѣшательствѣ, послѣдовало все стадо придворныхъ; величественно и побѣдоносно несли головы графиня Кани и Леони, словно ихъ поставили на стражѣ общественной безопасности.

Зала опустѣла...

Янекъ Прошна стоялъ посреди комнаты и съ мрачной ироніей глядѣлъ на дверь; Ксенія не спускала глазъ съ него.

— Сигналь къ бѣгству! Вотъ они, друзья, почитатели моего таланта, поклонники польскаго патриотизма! Вы еще не ушли, Ксенія?

— Янекъ!—воплемъ вырвалось изъ ея груди; она бросилась ему на шею, осыпая его поцѣлуйми, обливаясь слезами:— я съ тобой, Янекъ! Я люблю тебя и никогда не покину, хотя бы весь свѣтъ отвернулся отъ тебя!

— Ксенія! Ты моя! О, какой удачный вечеръ! Такого успѣха я только и желалъ!!

XXVI.

— Принимаетъ сегодня принцесса?

— Такъ точно, графъ. Только что отбыла супруга лейтенанта Гоуэра...

— Кто дежурить?

— Графиня Кани.

Старая фрейлина полулежала въ качалкѣ, въ приемной.

Словно пораженная молніей, вскочила она, когда на дорогѣ показалась высокая фигура Янека. Она поднесла къ глазамъ лорнетъ, какъ будто не вѣря въ правдоподобіе наносимаго принцессѣ невѣроятнаго визита, затѣмъ рѣзко спросила:

— Какъ это могло случиться, что мнѣ не долежили о васъ?

Прошна отвѣсилъ поклонъ:

— Я очень тороплюсь, графиня. Попросите ея высочество принять меня безъ промедленія.

— Очень жаль, ея высочество не принимаетъ.

— Я убѣжденъ, что исключеніе будетъ сдѣлано для меня.

Она смѣрила его взглядомъ съ головы до ногъ.

— Нѣтъ! Революціонные гимны плохой ключъ для такихъ исключеній! Ея высочество возмущена до глубины души, и не я пойду докладывать ей о васъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается войти безъ доклада!

Гофмейстерина величественно стала у порога двери, ведущей въ покои принцессы.

— Образумьтесь!—прошипѣла она:—вамъ же будетъ худо! Распишитесь вонъ въ книжкѣ, что были съ прощальнымъ визитомъ, и то хорошо!

Янекъ быстрымъ движеніемъ руки отстранилъ гофмейстерину, открылъ дверь и проникъ въ комнату Анны-Регины.

Графиня Кани визгливо ахнула. Вдругъ счастливая мысль осѣнила ее; она донесетъ принцу, что Янекъ Прошна отправился на свиданіе съ Анной-Региной! Принцъ необузданно ревнивъ,—кинется къ женѣ и учинить судъ и расправу!

Съ ядовитой улыбкой на поблѣвшихъ губахъ, отправилась графиня по коридорамъ въ кабинетъ принца, — повернула ручку двери и, безъ дальнѣйшихъ церемоній, вошла.

Августъ-Фердинандъ выслушивалъ докладъ Гоуэра; пораженный внезапнымъ появленіемъ гофмейстерины, онъ въ испугѣ вскочилъ съ мѣста.

— Что такое?.. Несчастье?..

— Хуже того!—завопила графиня:—Янекъ Прошна ворвался въ гостинную принцессы, ваше высочество!... И теперь сидитъ у нея!

Принцъ поблѣднѣлъ: онъ не зналъ, что и думать!

— Подобное сообщеніе дѣлаютъ съ глазу на глазъ, гра-

финя!— строго сказалъ онъ:— наконецъ супругу мою не можетъ скомпрометировать визитъ... даже сумашеднаго! Оставайтесь здѣсь, съ лейтенантомъ!..

Августъ-Фердинандъ быстрыми шагами прошелъ по коридору, черезъ дѣтскую, миновалъ рядъ гостинныхъ и остановился у дверей, за которыми слышался разговоръ. Ковры заглушали его шаги; въ вискахъ у него стучало, какъ молотомъ. Каждое слово изъ-за портъеры доходило до его ушей. Затаивъ дыханіе, прислонился онъ къ дверному косяку и прислушался.

— Я знаю, ваше высочество, что вы невинны, чисты и не запятнаны ни словомъ, ни дѣломъ, ни помышленіемъ! Вы лилія небесная! Пара безвредныхъ и... простите смѣлое слово!— необдуманнхъ строчекъ отдали васъ во власть интригантки, которая затягивала на васъ петлю... мучила васъ, угрожала...

Послышалось нѣчто весьма похожее на рыданье.

— О, какъ она меня мучила! Одному Богу извѣстно, какъ я страдала! Ни минуты покоя! Я стала ея игрушкой, рабой! Гдѣ у меня были глаза, когда я довѣрилась ей?

— Почему не рѣшились вы прибѣгнуть къ защитѣ супруга вашего? Полная откровенность спасла бы васъ отъ шантажа зловредной женщины!

Принцесса тихимъ, дрожащимъ голосомъ отвѣчала:

— Я часто думала объ этомъ... Но страхъ и малодушіе удерживали меня! Повѣрилъ ли бы онъ мнѣ? А вдругъ заподозрилъ бы въ обманѣ? Ахъ, графъ, въ томъ-то и несчастье мое, что принцъ, обожаемый мужъ мой, ревнивъ и подозрителенъ! Онъ всѣхъ женщинъ огуломъ обвиняетъ въ коварствѣ и измѣнахъ! Боже, какая мука! Какая можетъ быть откровенность съ нимъ? Онъ все равно не поверитъ мнѣ!

Анна-Регина горько плакала; наконецъ сказала:

— Какъ я вамъ признательна за освобожденіе, графъ! Записки мои у васъ? И вы все таки вѣрите, что я невинна?

— Ни минуты не сомнѣвался, ваше высочество, Богъ мнѣ свидѣтель! Я прочелъ безъисходное горе въ вашихъ глазахъ, доискался его причины и объявилъ подпольную войну баронессѣ фонъ-Гертнеръ.

— О, графъ, и васъ-то я рѣшилась такъ оскорбить вчера!!

— То были не вы, принцесса: въ послѣдній разъ графиня

Кани и баронесса фонъ-Гертнеръ руководили вашими дѣйствіями!

— Чѣмъ отблагодарить васъ?

— Вотъ чѣмъ: въслушайте мои оправданія за вчерашнее мое поведеніе...

— Погодите минуту, графъ, позвольте и мнѣ выслушать! — перебилъ Августъ-Фердинандъ, появляясь на порогѣ и протягивая обѣ руки женѣ своей и заключая ее, трепетавшую отъ страха, въ свои объятія. Анна-Регина пристально поглядѣла ему въ глаза и радостно прижалась къ его груди.

— Я слышалъ весь вашъ разговоръ, — сказалъ принцъ.

Послѣ краткаго перечисленія недоразумѣній и интригъ, такъ долго отравлявшихъ жизнь Анны-Регины и отношенія общества къ придворному кружку, Августъ-Фердинандъ въ волненіи воскликнулъ:

— И все это — дѣло рукъ одной интригантки!.. Вчера вечеромъ, вы, кажется, графъ, не на шутку перепугали все общество революціонными мнѣніями и пѣснями?

Прощна улыбнулся.

— Буря въ стаканѣ воды, ваше высочество! Позвольте мнѣ объяснитьсь передъ вами откровенно...

— Слушаю, слушаю, милѣйшій графъ.

Янекъ, въ короткихъ и сжатыхъ словахъ, рассказалъ всю исторію своей жизни — и заключилъ такъ:

— Я началъ играть комедію съ той минуты, какъ вступилъ въ этотъ городъ. Я, какъ игрокъ, поставилъ все «ва-банкъ»... Я далъ себѣ слово завоевать сердце Ксеніи и... сдержалъ слово!

Августъ-Фердинандъ засмѣялся видимо сочувственно.

— А мятежникъ причемъ? Неужели конецъ романа разыграется въ лагерѣ повстанцевъ?

Янекъ покачалъ головой.

— Родина останется для меня навсегда дорогой и святой! — смѣло сказалъ онъ, — но я не считаю себя вправѣ вступаться въ дѣла Польши! Пусть судьба ея сложится, какъ Богу угодно... Но рука, которая присягнула нѣмецкому знамени и нѣмецкому оружію, никогда ужъ больше не перейдетъ во враждебный Германіи лагерь. Сильна моя любовь къ Польшѣ, но сильнѣе всего голосъ моей чести!

Принцъ, тронутый до глубины души, крѣпко пожалъ Янеку руки.

— Вчерашняя, многимъ показавшаяся безтактной, сцена была мною разыграна вполне сознательно: я хотѣлъ убѣдиться, что Ксенія любитъ меня, несмотря ни на что, и откажется, ради меня, отъ всего свѣта... Теперь я увѣренъ въ ней и увезу ее въ нашъ милый, захолустный замокъ, куда, ребенкомъ, подкинула меня судьба!

Принцъ одобрилъ планъ Янека. Счастливая и радостная Анна-Регина отъ души пожелала ему счастья...

Весна въ полномъ разгарѣ. Деревья и кусты вокругъ замка Прошна подернуты изумрудной дымкой; пробивается травка, распускаются лепесточки, тонкій аромат стелется около старыхъ стѣнъ, обвитыхъ плющемъ. Двери на веранду раскрыты. Ксенія съ мужемъ медленно прогуливаются, толкуя о послѣднихъ событіяхъ въ Польшѣ...

Польша погибла... Исторія ея кончена, роль сыграна.

Отецъ Янека, поручившій когда-то сына графу Динару и намѣревавшійся взять его обратно, «когда Польша вернетъ свое величіе» — не могъ пережить ея подчиненія иноземному владычеству: изможденный, больной и духомъ, и тѣломъ, съ трудомъ дотащился старикъ, въ сопровожденіи вѣрнаго слуги, Алоизія, до замка графа Динара и умеръ на рукахъ сына и невѣстки. Ксенія носитъ трауръ по мятежникѣ, подкинувшемъ «кукушкино яйцо»... Но теперь сдается ей, что старикъ былъ не простой мятежникъ... и она сообщаетъ эти соображенія своему мужу.

— Имя моего злополучнаго отца умерло для свѣта, — говоритъ Янекъ, — а послѣдняя его воля заставляетъ молчать и меня. Но, хоть я и не произнесу печальной тайны, ты сама догадаешься, чей сынъ избранъ тобою въ мужья: вотъ это кольцо снялъ я съ руки покойнаго, — это печать моихъ предковъ!

— Янекъ!... Этотъ гербъ... Корона... Боже великій... Кто же ты?..

Онъ зажалъ ей ротъ поцѣлуемъ:

— Я—Янекъ-Стефанъ Динаръ, счастливый мужъ дорогой моей Ксеніи!

Въ знакомомъ читателямъ сѣверномъ городѣ, многое перемѣнилось. Президентъ фонъ-Гертнеръ неожиданно переведенъ былъ на югъ и вскорѣ умеръ гдѣ-то на водахъ. У красавицы вдовы немало ухаживателей, но желающаго назваться мужемъ—все какъ-то не находится.

Графиня Кани покинула мѣсто гофмейстерины,—никто не знаетъ почему. Въ уланскомъ полку тоже не безъ перемѣнъ: Фландернъ перевелся въ драгуны; князь Ройссекъ получилъ другой полкъ. Сердечныя, товарищескія отношенія установились между всѣми офицерами города, несмотря на различіе полковъ.

Анна-Регина воспрянула духомъ и подняла головку. Всѣ сердца подданныхъ—у ея ногъ.

Князь Геллеръ-Гюнингенъ, въ концѣ сезона, сдѣлалъ предложеніе Беатрисѣ фонъ-Драхъ; свадьба отложена была на два года—и въ девятнадцать лѣтъ Бики получила въ супруги своего несравненнаго Доната. Весело заглянуть иногда въ квартиру молодой парочки! Графъ Гекельбергъ свилъ тамъ себѣ прочное гнѣздо: онъ добрый гений дома, препирается съ юной хозяйкой по поводу заказанныхъ блюдъ и разбитой тарелки, любитъ ея новыми туалетами и бездѣлушками; съ хозяиномъ, рискуя здоровьемъ, участвуетъ въ пробѣ винъ; страшно былъ обиженъ, что не его выбрали въ крестные отцы первенца!

«Лихая голландка» по прежнему весела, общительна, всѣми любима и отважна.

За послѣднія три зимы вилла Флоріанъ снова оживилась: графъ Янекъ Динаръ съ женою сталъ пріѣзжать въ городъ на зимній сезонъ. Но съ появленіемъ первой зелени, ихъ обоихъ неудержимо тянуло въ замокъ Прошна, гдѣ у обоихъ было столько и горькихъ, и радостныхъ воспоминаній.

К О Н Е Ц Ъ .

Осеннею ночью.

Какая мгла виситъ кругомъ,
Какъ эта ночь темна!..
Томится грудь, мертвѣетъ умъ,
Душа тоски полна...

Гдѣ ты теперь, мой милый другъ,
Съ улыбкою родной?
Смѣешься-ль ты или грустишь
За лампою ночной?..

Гдѣ ты теперь?.. Отвѣта нѣтъ...
Уныло ночь молчитъ,—
И грусть растеть въ душѣ моей,
Сильнѣе грудь болитъ...

И.

ВОЗРОЖДЕНИЕ АЗИИ.

(Окончаніе 1).

II.

Разгромъ Китая Японіей въ 1894 году обнаружилъ банкротство колосса, его внутреннюю порчу и его безсиліе возродиться изъ собственныхъ нѣдръ. Эта война, — историческое событіе огромной важности. Съ этой поры Китай въ глазахъ всѣхъ является только соблазнительною добычей или будущимъ вассаломъ.

Въ Китаѣ до сихъ поръ эксплуатировался верхній слой земли, ископаемыя же богатства почти еще не тронуты. Каменноугольный пластъ занимаетъ площадь въ 100,000 кв. километровъ по берегамъ Желтой рѣки, въ равнинахъ Хунана и у склоновъ Шанси. Путешественникъ Рихтхофенъ открылъ въ бассейнѣ Шантунга залежи стораемыхъ матеріаловъ, легко доступныхъ добываію. Въ средней Азіи, въ бассейнахъ Сетмуана и Хуана, на прострaнствѣ болѣе половины Франціи находится нефть. Кои Юнана богаты мѣдью и привлекли французовъ въ Тонкинъ. Драгоценныя металлы находятъ въ разныхъ мѣстахъ. Китайцы, не смотря на древность своей цивилизаціи, едва коснулись этихъ сокровищъ. Богатой жатвой предстоитъ воспользоваться европейцамъ.

Британская Индія, стоящая приблизительно въ аналогичныхъ условіяхъ, но съ болѣе мягкимъ населеніемъ и съ менѣе богатыми земными нѣдрами, имѣетъ вдвое большую внѣшнюю торговлю. Японія, въ 9 разъ меньшая Китая, но европейски просвѣщенная, за 30 лѣтъ увеличила внѣшній обмѣнъ отъ 130 до 1,100 милліоновъ франковъ, что составляетъ болѣе трехъ четвертей китайскаго обмѣна.

Глупость китайскаго правительства, самаго испорченнаго и самаго гордаго, еще болѣе чѣмъ народныя предрассудки мѣшаетъ развитію страны.

1) См. «Наблюд.» 1903 г. № 2.

Повидимому въ самомъ внутреннемъ строѣ Китая, помимо какихъ бы то ни было разрушительныхъ вліяній извнѣ, существуютъ условія естественнаго распада и смерти. Такое впечатлѣніе выносятся при одномъ взглядѣ на столицу небесной имперіи г. Пекинъ. Въ настоящее время овъ — только тѣнь прошедшаго. На каждомъ шагу вы встрѣчаете слѣды разрушенія, число жителей—700—800 т.—съ каждымъ годомъ замѣтно уменьшается. Въ городѣ много покинутыхъ разрушающихся домовъ. Мощные пути исчезаютъ. Стоки нечистотъ, бывшіе прикрытыми, текутъ открыто и часто разливаются болотомъ отъ засоренія отбросами. Стѣны падаютъ. А большая часть ремонтныхъ ассигновокъ остается въ рукахъ чиновниковъ. Когда же императоръ выѣзжаетъ изъ своего дворца въ лѣтнюю резиденцію или для моленія въ храмъ, то все лежащее на пути его проѣзда исправляется на скорую руку. Стѣны красятся до той высоты, которая доступна царскому взгляду, изъ закрытыхъ носилокъ. Всѣ озабочены только сохраненіемъ декораума.

Вольшой торговый путь, ведущій черезъ Монголію, по которому въ продолженіе вѣковъ движутся караваны верблюдовъ съ товарами, говорятъ, былъ когда-то выложенъ гранитными глыбами, которыхъ теперь не осталось и слѣда; дороги и мосты отсутствуютъ.

Императорскій каналъ, тянущійся на 1,500 километровъ отъ Хантчеу до Тянь-Тэня, соединяющій Голубую рѣку съ Желтой и Пейхо,—столицу съ сердцемъ провинціи, съ житницей Китая, обмелѣлъ отъ песковъ и тины.

Побѣда Японіи надъ 400 милліонными китайцами—послѣдняя черта китайскаго паденія. Демократическій, набираемый по экзаменамъ изъ всѣхъ слоевъ народа, мандаринатъ представляетъ собою по принципу идеально справедливое учрежденіе и могъ бы гарантировать подборъ способнѣйшихъ, еслибы китайская наука болѣе соответствовала требованіямъ жизни и еслибы самыя условія службы были болѣе нормальны. Къ сожалѣнію, всѣ мѣста въ Китаѣ покушны. Поэтому значительная часть бѣдняковъ, выдержавшихъ государственные экзамены, остается необезпеченной и принуждена перебиваться какими нибудь ремеслами, мѣста же достаются или богатымъ или тѣмъ, кто сумѣлъ войти въ сдѣлку съ сильными міра, обязавшись выплачивать опредѣленныя суммы изъ будущихъ доходовъ. Все это дѣлаетъ неизбѣжнымъ самое широкое развитіе взяточничества. Какъ образчикъ китайской системы замѣщенія должностей, авторъ приводитъ слѣдующій примѣръ: Постъ шанхайскаго губернатора съ жалованіемъ въ 6 тыс. тaelей (таель=3 фр. 75 сант.) покупается срокомъ на 3 года за 200—

250 тыс. талей. Не въ меньшей степени, чѣмъ модное своекорыстіе, является тормозомъ экономическому развитію страны и непроходимое невѣжество ученыхъ мандариновъ. Уже послѣ японской войны, въ 1897 г., при обсужденіи вопроса о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, одинъ важный мандаринъ совѣтовалъ императору, вмѣсто подражанія нечестивымъ выдумкамъ иностранцевъ, назначить премію за изобрѣтеніе воздушнаго экипажа, везомаго когда-то существовавшими фениксами. Другой не менѣе самовный совѣтникъ протестовалъ противъ допущенія земляныхъ работъ для устройства полотна и противъ забиванія гвоздей въ шпонки, на томъ основаніи, что все это можетъ нарушить покой священныхъ драконовъ, охраняющихъ города имперіи.

Глубокая, убившая всякую работу мысли рутинность китайцевъ и непоколебимый авторитетъ старины дѣлаетъ Китай неспособнымъ усвоить западно-европейскую цивилизацію, но тѣ же самыя причины дѣлаютъ его бессильнымъ и сопротивляться требованіямъ европейцевъ. Китайцы абсолютно миролюбивый народъ, на военныхъ они смотрятъ съ презрѣніемъ и вся ихъ военная организація, по словамъ Леруа-Болье и другихъ знатоковъ востока, всегда останется совершенно бессильной передъ европейскими силами.

Въ Китаѣ введеніе новой промышленности почти невозможно, такъ какъ привлекаетъ вниманіе мандариновъ; вниманіе это окупается взятками, съѣдающими всю выгоду производства.

Но все не прогрессивное можетъ существовать спокойно. Подати сельскаго населенія, съ ограниченными потребностями, очень легки, но тѣмъ чувствительнѣе обложеніе перевозки товаровъ, торговыхъ сдѣлокъ и пр. Все это очень тормозитъ торговлю и косвеннымъ образомъ заставляетъ крестьянъ держаться исключительно натурального хозяйства, ничего не покупая.

Земельный налогъ, по даннымъ нѣмецкаго полномочнаго министра въ Пекинѣ М. де Брандта, изучавшаго Китай, равняется 35 милліонамъ талей (132 милліона франковъ): на сѣверѣ по 9 фр. 25 сент. за гектаръ, а на югѣ по 40 фр. максимумъ за гектаръ, что при интенсивной культурѣ и двухъ годовыхъ жатвахъ—очень не много. Общій бюджетъ по тому же источнику достигаетъ 100 милліоновъ талей или 375 милліоновъ франковъ. М. де Брандтъ распредѣляетъ слѣдующимъ образомъ получки государства:

Taels Hai-Kwan.

Земельный налогъ	35,000,000
Пошлины открытыхъ портовъ (собранныя интернациональной службой пошлинъ)	23,000,000
Право внутр. перевоза (likin)	12,000,000

Мѣстные пошлины на мѣстный опіумъ	10.000,000
Солонная пошлина	10.000,000
Продажа титуловъ и почетныхъ отличій	5.000,000
Налогъ на рисъ	3.000,000
Лиценціатство	2.000,000
	100.000,000

Общественные доходы, собираемые провинціальными казначействами, послѣ извлеченія суммъ на мѣстные нужды, направляются въ Пекинъ. Считаютъ, что треть полученныхъ освобождается въ концѣ концовъ для расходовъ центрального управленія.

По другимъ источникамъ, бюджетъ государственныхъ доходовъ равняется не 375, а 300 милліонамъ франковъ.

Народная китайская масса выноситъ правленіе безъ неудовольствія главнымъ образомъ потому, что дѣйствія его она очень мало чувствуетъ, китайское правительство не путается въ дѣла деревни и прочно стоящей общины, не нарушаетъ вѣковыхъ обычаевъ.

Общественный складъ жизни китайцевъ дѣлаетъ почти невозможнымъ накопленіе большихъ запасовъ, поэтому неврожаи, ежегодно посѣщающіе какую нибудь часть Небесной имперіи, застаютъ населеніе совершенно безпомощнымъ и сопровождаются вымираніемъ сотенъ тысячъ и милліоновъ народа. Вопреки увѣреніямъ кн. Ухтомскаго, опредѣляющаго ежегодный приростъ населенія имперіи въ 20 милліоновъ душъ, оно, не смотря на огромную плодovitость желтой расы, въ дѣйствительности не увеличивается.

Въ настоящее время европейцы, не считая миссіонеровъ, могутъ жить въ 26-ти портахъ Китая и 6-ти городахъ, расположенныхъ на границѣ Индо-Китая.

Въ этихъ мѣстахъ французы, англичане и американцы могутъ арендовать и покупать землю. Въ послѣднее время получили концессіи въ Тянь-Тзинѣ и другихъ портахъ Германія и Японія. Эти иностранныя владѣнія на китайской землѣ образуютъ маленькія республики, подчиненныя только своимъ консуламъ и совершенно независимыя отъ Китая. По послѣднему договору, въ рѣки и каналы допущены европейскіе пароходы, а японцамъ разрѣшенъ ввозъ машинъ съ предоставленіемъ мѣстнымъ японскимъ фабрикантамъ всѣхъ льготъ ввозныхъ иностранныхъ товаровъ.

Это послѣднее обстоятельство особенно важно для Китая перспективой соединенія европейскихъ машинъ, дешеваго ручнаго труда и близости матерьяловъ обработки—хлопка и шелка.

Спустя 3 года послѣ Симонаккаго договора, въ предмѣстьѣ

Шанхай выросло 9 большихъ фабрикъ съ 290,000 веретенами и тридцать шелковыхъ прядильнъ съ 400 bassines (локаними); эта цифра не замедлитъ увеличиться. Въ Тянь-Тзинь возникла шерстяная фабрика. Дешевизна рабочихъ рукъ парализуется дальностью разстояній и неудовлетворительностью путей сообщенія. Въ Шанхай, однако, постепенно стекаются береговые жители Гангъ-Тзе. Среди нихъ много, такъ называемыхъ, «водныхъ куряць», которыми зовется самый бѣдный и презрѣнный классъ Китая, живущій на плоткахъ по рѣкамъ. Заработная плата тѣмъ не менѣе растетъ и въ 1898 г. фабриканты просто отбивали другъ у друга рабочихъ и работницъ. Фабриканты очень одобряютъ китайцевъ, какъ работниковъ. Дѣйствительно, на китайскихъ фабрикахъ порядку и чистоты несравненно больше, чѣмъ въ Россіи, Японіи и чѣмъ было въ Англіи, въ моментъ рожденія промышленности. Китайскіе рабочіе и работницы живутъ большею частью семьями; женщины берутъ на работу десятилѣтнихъ дѣтей, не соглашаясь разстаться съ ними; дѣти помогаютъ, опуская коконы въ кипятокъ. На нѣкоторыхъ фабрикахъ дѣтямъ предоставлено въ день $\frac{1}{2}$ часа на учебу, въ это время прахы, матери и сестры, могутъ учить ихъ работѣ; такая система создаетъ хорошихъ работницъ. Продолжительность работы—12 часовъ, включая сюда $1\frac{1}{4}$ на ѣду — съ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера. На шелковыхъ фабрикахъ, маленькія дѣвочки зарабатываютъ 5 — 6 центовъ (12—15 сантимовъ) въ день въ началѣ работы; когда же онѣ приобретаютъ нѣкоторый навыкъ, ихъ заработокъ поднимается до 8 — 9 центовъ (20 — 23 сантима). Хорошая праха получаетъ 35 — 36 центовъ (около 90 сантимовъ).

Въ 1891 — 1892 годъ заработная плата была вдвое ниже, но съ тѣхъ поръ значительно понизился китайскій курсъ. На бумагопрядильныхъ фабрикахъ дѣти получаютъ минимумъ 10 центовъ (25 сантим.), взрослая работница—25—28 центовъ (62—70 сантимовъ), тогда какъ послѣ Симонаки плата была 20 и 50 сантимовъ. Правда, съ нашей европейской точки зрѣнія это страшно низкая плата, но, чтобы понять истинное значеніе ея для китайцевъ, нужно сравнить ее съ доходностью мѣстнаго ремесленного труда: по словамъ англійскаго консула въ Шанхай, заработокъ мѣстнаго ремесленника въ 1897 году не превышалъ 5-ти франковъ въ мѣсяцъ, т. е. почти въ 4 раза менѣе, чѣмъ сколько зарабатываетъ въ настоящее время работница на фабрикѣ.

Было бы заблужденіемъ думать, что Китай останется страшно низкой заработной платой. Гдѣ есть спросъ на рабочія руки, китайцы умѣютъ спланиваться и добиваться повышенія. Въ 1898

тоту въ Шанхаѣ была стачка возчиковъ тележекъ, противъ муниципальнаго постановленія. Такія же стачки бывають и въ Японіи.

Но западная мануфактура будетъ вознаграждена съ другой стороны: чѣмъ богаче китайцы, тѣмъ больше они покупають. Уже одна доставка машинъ есть важная отрасль ввоза.

Китайцы честные торговцы. Торговля пошлинами сравнительно не велики (5 на 100 ad valorem); главное же затрудненіе торговли—перевозъ товара отъ порта до мѣста назначенія. Это «ликинное право»—внутреннія пошлыны. Единственное средство противъ внутреннихъ пошлынъ—доплата сверхъ всего еще половины ввозной пошлыны, но китайскія власти придумали для товаровъ, снабженныхъ свободнымъ провозомъ, «право прибытія на мѣсто», что совершенно уничтожаетъ выгоду доплаты при въездѣ въ страну.

При такихъ препятствіяхъ и элементарной денежной системѣ, нѣтъ ничего удивительнаго, что торговля страны достигаетъ въ 1895 году только 1,250 милліоновъ франковъ, изъ которыхъ 680 милліоновъ приходится на ввозъ.

Половина обмѣна приходится на четыре предмета: 200 милліоновъ—ввозъ бумажныхъ издѣлій, 120 милліоновъ — ввозъ опиума, 200 милліоновъ—вывозъ шолка, 125 милліоновъ вывозъ чая.

Еще недавно вывозъ чая былъ больше. Индійскій чай сталъ конкурировать съ китайскимъ на европейскомъ рынкѣ, вслѣдствіе улучшеннаго способа заготовки. Это еще убѣдительный доводъ за необходимость нововведеній въ Китаѣ. Движеніе китайскаго обмѣна не увеличится, пока европейцы не возьмутъ въ свои руки эксплуатацію средствъ страны. Объ этомъ и предстоитъ подумать европейцамъ.

Не трудно было заставить открыть нѣкоторые порты, ввести европейскіе методы обработки матерьяловъ и капиталы, но вынесетъ ли «больной человѣкъ» болѣе сильныя средства, которыя ему готовить европейцы, вотъ грозный вопросъ будущаго.

Послѣ войны, самое тяжелое бѣдствіе для Китая—это нарастающее внѣшняго долга. Во время военныхъ дѣйствій онъ возросъ до 170 милліоновъ франковъ. Долгъ былъ обезпеченъ получкой пошлынъ, равняющейся ежегодно 80 милліонамъ франковъ. Далѣе военная контрибуція и различныя преобразованія потребовали расхода еще 1,200 милліоновъ франковъ, при ежегодной уплатѣ процентовъ по 5 за 100—60-ти милліоновъ франковъ. Пошлыны уплачивались серебромъ, а проценты новаго займа должны были уплачиваться золотомъ, что ставитъ платежи еще въ зависимость отъ колебанія курса. Никто не хотѣлъ дать этой суммы Китаю.

Приходилось или повысить налоги на население, или отдать въ руки иностранцевъ эксплуатацію богатствъ страны, сдавая имъ постройку желѣзныхъ дорогъ, нѣдра земли для разработки за легкія обязательства или за раздѣлъ дохода. Первое могло возбудить народное неудовольствіе, второе неминуемо должно было привлечь въ страну иностранцевъ, противъ чего Китай такъ упорно защищался.

Китай могъ встать въ положеніе Египта, т. е. допустить европейцевъ стать хозяевами страны. Онъ сознавалъ опасность и вступилъ въ переговоры съ Японіей о замѣнѣ военной контрибуціи возвращеніемъ Lia-тунга. Петербургъ понялъ нужду Китая и тутъ надо удивляться ловкости русской политики. Еслибы Франція или Англія, наводненные капиталами, сдѣлали Китаю заемъ, нечему было бы удивляться, но какъ Россія, сама имѣющая иностраннаго долга болѣе 6 миллиардовъ франковъ, могла поставить Китай въ денежную зависимость отъ себя! Это мастерской ударъ!—воскликаетъ Леруа-Болье — «и честь его принадлежитъ русскому министру финансовъ, г. Витте, политическая прозорливость, проникательность котораго не уступаетъ его финансовому генію; заемъ оказался очень выгоднымъ для Китая, но тѣмъ не менѣе онъ — тяжелая политическая ошибка. Пекинъ несомнѣнно чувствовалъ опасность, такъ какъ обязательство было подписано въ послѣдній срокъ, когда уже неоткуда было ждать поддержки». Устроенъ Русско-Китайскій банкъ и съ банкомъ связана постройка желѣзной дороги черезъ Китай.

Русскіе не дремали и въ Корей, гдѣ японцы своими реформами надѣлали массу ошибокъ и возстановили противъ себя народъ. И, наконецъ, чаша переполнилась послѣ убійства корейской императрицы. Корейскій императоръ бѣжалъ подъ покровительство Россіи и сдѣлался игрушкой въ ея рукахъ.

Россія съумѣла осторожно и умно отстранить отъ Кореи всѣхъ иностранцевъ. А въ 1896 году, во время коронаціи Николая II, съ Японіей былъ заключенъ договоръ (княземъ Лобановымъ и маршаломъ Iамагата), позволяющій японцамъ имѣть 1000 солдатъ для охраненія телеграфа. Россія тоже получила право провести телеграфную линію и имѣть равное количество военныхъ силъ. Корейскій императоръ въ угоду Россіи приказалъ Корейскую желѣзную дорогу строить одного типа съ Сибирской; по уплатѣ долга Японіи были приглашены русскіе конструкторы для организаціи корейской арміи. Въ обѣихъ странахъ русскій царь сыгралъ роль покровителя побѣжденныхъ отъ злоупотребленій побѣдителей.

Хотя Китай и дрожалъ передъ Россіей, однако дипломатія

Англія въ 1897 году дала свои плоды: Китайъ возволилъ Великобританіи выправить ея границы со стороны Бирманіи, уступилъ часть ханскихъ владѣній, далъ право учредить консульство въ одномъ пунктѣ западнаго Юнана, обязался открыть путь въ эту мѣстность и разрѣшилъ соединеніе будущей Юнанской желѣзной дороги съ Бирманской. Кромѣ того, самое важное, на что согласился Китай—это открытіе западной рѣки Си-Кіангъ, ведущей въ Камтонъ, для европейскихъ судовъ до У-Чеу въ 200 километрахъ отъ Камтона; такимъ образомъ два рѣчные порта Самшу и У-Чеу стали доступны для европейцевъ. Въ Куангъ-Си для торговли открылся новый широкій путь.

Въ 1897 г. Англія съ цѣлью утвердить свое вліяніе предложила китайскому императору въ заемъ недостающіе ему 400 милліоновъ франковъ. Этотъ заемъ былъ бы наименѣе обезпеченнымъ и далъ бы кредиторамъ право вмѣшаться во внутреннюю политику Китая. Какъ условіе займа, былъ присоединенъ списокъ портовъ Тяньенъ-Вана и полуострова Лиа-Тунга, которые должны были открыться для торговли всего міра, но не для кого въ отдѣльности.

Игра была разсчитана вѣрно, но наступило неблагоприятное время года: зима, когда Печилійскій заливъ закрывается льдами и вліяніи Россіи въ Пекинѣ дѣлается исключительнымъ. Угрозы Павлова помѣшали прямому совершенію займа, хотя англичане и получили права рѣчнаго судоходства.

Англійскіе интересы сталкиваются въ Китайѣ съ германскими. Англія стоитъ за открытіе портовъ всѣмъ и возстаётъ противъ «сферъ интересовъ» Германіи.

Несмотря на всѣ эти соперничества, Европа успѣла многого добиться въ Китайѣ: выгодныхъ коммерческихъ концессій, открытія китайскихъ рѣкъ для судоходства въ мѣстахъ договорныхъ портовъ; передачи администраціи пошлиннаго сбора и права «ликінъ» въ долину Янъ-Тзе; совершеніемъ новаго займа въ 400 милліоновъ Европа приобрѣла право при разработкѣ богатствъ страны пользоваться усовершенствованными орудіями запада.

Англичане будутъ эксплуатировать каменноугольные и желѣзные копи въ Шаея, Гононъ; нѣмцы — въ Шанъ-Тунгъ; англичане и французы—въ Юнанъ. Сверхъ того будетъ построено почти десять тысячъ километровъ желѣзныхъ дорогъ.

Кромѣ концессій и захватовъ естественныхъ богатствъ Китая, промышленныя страны Европы интересуются имъ, какъ огромнымъ рынкомъ сбыта товаровъ. Итоги торговыхъ оборотовъ съ Китаемъ въ известной степени предопредѣляютъ политику различныхъ государствъ, заинтересованныхъ экономически въ судьбахъ дальняго Востока.

Въ 1897 году внѣшняя торговля Китая равнялась 366 милліонамъ таселей, или 1.360 милл. франковъ (при размѣнѣ за 1 тасель 3 фр. 75 сант.).

По статистикѣ китайскихъ пошлинъ, въ этой торговлѣ первое мѣсто занимаетъ Англія. Ея обмѣръ на 23.693,400 таселей или 885 милл. франковъ, т. е. болѣе двухъ третей всего количества. При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи мы увидимъ, что британскій обмѣръ равняется только 35 милл. таселей; 33¹/₂ милл. относятся къ колоніямъ, и 150 милл. относятся къ маленькому острову Гонъ-Конгу, производящему и потребляющему очень мало, но служащему транзитнымъ пунктомъ и временнымъ складомъ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ. Черезъ этотъ пунктъ проходятъ все товары въ Россію, Германію, Соединенные Штаты и обратно, благодаря чему все 885 милл. обмѣра приписываются Англіи. Даже внутренняя торговля между сѣверомъ и югомъ проходитъ черезъ Гонъ-Конгъ. Въ Гонъ-Конгѣ нѣтъ статистики пошлинъ и чтобы опредѣлить роль различныхъ государствъ надо обратиться къ статистикѣ Европы и Америки или къ подробной китайской статистикѣ пошлинъ, часто проверяющей свои цифры; такъ эта статистика регистрируетъ ввозъ русскаго керосина на 4.618.000 таселей, тогда какъ весь ввозъ Россіи моремъ равняется только 3.234.000 таселей. По свѣркѣ статистикъ разныхъ странъ, на долю британскаго обмѣра останется 175—180 милл. таселей или ³/₅ всей торговли Китая. Изъ ввоза ³/₄ принадлежитъ Англіи; она царитъ на рынкѣ посредствомъ опиума и бумажныхъ издѣлій. Она ввозитъ 0,65% всего количества тоннъ товара; въ портахъ изъ 636 торговыхъ домовъ 374—англійскіе, изъ 11600 иностранцевъ, проживающихъ въ портахъ, англичанъ 5000. Во всѣхъ портахъ общеупотребительный языкъ англійскій. И надо сказать правду, интересы Англіи въ Китаѣ такъ значительны, что она можетъ тамъ громко говорить.

Англія требуетъ открытыхъ дверей въ Китаѣ; этой теоріи она принесла въ жертву сферы интересовъ, ставя условіемъ Китаю никому не уступать долину и бассейнъ Янъ-Тзе. Эту страну англичане мечтаютъ въ будущемъ присвоить себѣ и сдѣлаться хозяевами не только отъ Капштата до Каира, но отъ Каира до Шанхая. Одинъ британскій журналъ пишетъ: *«развѣ не подчинены уже морально нашему протекторату берега Аравіи и Персидскаго залива. Когда же черезъ Индію и Бирманію мы приобретемъ долину Янъ-Тзе, кто помѣшаетъ намъ пустить желѣзную дорогу, соперничающую съ сибирской, отъ устья Нила до Голубой рѣки?»* Но государственные люди понимаютъ опасность такой мечты, они

сознають, что чрезмѣрная величина Англіи будетъ ея гибелью. Большинство англичанъ удовольствуются правомъ торговли по всему Китаю и помѣщеніемъ капиталовъ на условіяхъ равенства съ другими національностями и при отсутствіи протекціоннаго тарифа. Тогда Англія, довольная своей долей, будетъ не угрозой Китаю, а поможетъ ему возстановить силы. За Англіей по количеству обмѣна съ Китаемъ стоятъ Соединенные Штаты. По китайской статистикѣ пошлины обмѣна простирается на 30 милл. таелей, а по американскимъ официальнымъ даннымъ на 196 милл. франковъ. Главные предметы торговли—керосинъ и бумажныя издѣлія. Торговля общааетъ сильно увеличиться по мѣрѣ спроса въ Китаѣ на американскія машины для обработки матеріаловъ. Въ Китаѣ теперь 32 торговыхъ сѣверо-американскихъ дома и 1564 американца. Морская торговля Соединенныхъ Штатовъ пока незначительна, но она увеличится съ водвореніемъ американцевъ на Филиппинахъ. Сѣверо-американцы уже теперь завистливымъ взглядомъ слѣдятъ за событіями Востока и рассчитываютъ въ будущемъ хозяйничать на Тихомъ океанѣ. Дома они протекціонисты, но въ Китаѣ стоятъ за «открытыя двери», рассчитывая завоевать большую часть рынка своей предприимчивостью. Уже началось охлажденіе ихъ дружбы съ Россіей. Они уже гарантировали себѣ у всѣхъ державъ отсутствіе дифференціальныхъ тарифовъ въ сферахъ интересовъ арендованныхъ земель. Японія по торговлѣ стоитъ на третьемъ мѣстѣ. Въ 1897 году ея обмѣнъ съ Китаемъ достигъ 39 милл. таелей или 142 милл. франковъ. Ея бумажныя издѣлія грозятъ затмить англійскія и индійскія. 700 японцевъ живутъ въ китайскихъ портахъ. У Китая въ настоящее время нѣтъ болѣе преданныхъ друзей.

Такимъ образомъ, сторонниками открытыхъ дверей являются: Англія, Соединенные Штаты и Японія. Британская пресса давно твердитъ о тройственномъ союзѣ на востокъ; и если даже Англія соединится только съ Японіей, сила ихъ на востокъ будетъ, по мнѣнію Леруа-Больё, несокрушимый. По германскимъ статистическимъ даннымъ торговля Германіи опредѣляется 85 милл., изъ которыхъ 58 милл. идетъ на ввозъ. Торговыхъ домовъ въ Китаѣ 104 (въ 1892 году было только 78) и 870 германцевъ дѣлятъ въ Китаѣ выгоды открытыхъ портовъ и «сферъ вліянія». Оставляя за собой право на общественныя работы въ Шанъ-Тунгѣ, нѣмцы успокоили англичанъ, сдѣлавъ Кіо-Тшеу порто-франко.

Какова на Востокъ роль Франціи? Торговля ея достигаетъ 152 милл., франковъ, изъ которыхъ 48 милл. приходится на ввозъ изъ Китая; одного шолку считается на 124 милл. Правда,

французскій Индо-Китай обмѣнивается съ Китаемъ, кромѣ того, на 60 милл., большая часть которыхъ приходится на ввозъ въ Китай риса. Несмотря на это 3-е торговое мѣсто, французы разочарованы своимъ положеніемъ на востокѣ, занимаемымъ уже 40 лѣтъ. У нихъ тамъ только 29 торговыхъ домовъ, между которыми нѣсколько швейцарскихъ подъ французскимъ покровительствомъ. Въ европейскихъ концессіяхъ Шанхая и Ханкуень они «очутились въ хвостѣ». И «защищая на востокѣ чужіе интересы», не получили даже достаточнаго вознагражденія.

Роль Франціи въ Китаѣ не комерческая. Предметы ея производства дорогіе и тонкіе—не для китайскаго рынка; она могла бы вывозить не ткани и пряжу, а ткачей и прядильщиковъ и устроить и развить въ Тонкинѣ, при дешевомъ ручномъ трудѣ, бумажную обрабатывающую промышленность, т. е. могла бы вывозить въ Китай капиталы, какъ это дѣлаетъ въ Индо-Китаѣ.

Несмотря на ихъ дѣятельность и большую чѣмъ у китайцевъ утонченность, не Россіи и Японіи, лишеннымъ капитала, эксплуатировать богатства Китая. Это дѣло принадлежитъ богатымъ и наиболѣе цивилизованнымъ странамъ—Германіи, Соединеннымъ Штатамъ и, главнымъ образомъ, Англии и Франціи. Эти государства должны разработать подземныя богатства и построить желѣзныя дороги.

Еслибы мы не добивались исключительныхъ привилегій, раздражающихъ другія націи,—говорить по этому поводу Леруа-Болье,—а стали бы на сторону открытія портовъ, это было бы выгодно для другихъ и не убыточно для насъ, мы бы могли дѣлать дѣла какъ англичане и нѣмцы со всѣми націями, и помѣщать наши капиталы къ общему благополучію французовъ.

Какъ истый буржуа, онъ великія политическія событія оцѣниваетъ съ точки зрѣнія комерческихъ интересовъ французскихъ капиталистовъ. Верховный политическій идеалъ его заключается, повидимому, въ высокихъ дивидендахъ. Его политика находится въ ближайшемъ родствѣ съ комерческой бухгалтеріей. Интересно, что и съ точки зрѣнія комерческаго благоразумія авторъ высказывается за нераздѣльность Китая. Даже въ видахъ эксплуатаціи его богатствъ поддержка китайскаго правительства, по его мнѣнію, предпочтительнѣе раздѣлу Небесной имперіи. Онъ не вѣритъ въ возможность самостоятельнаго поворота послѣдней навстрѣчу прогрессу, но полагаетъ, что медленное введеніе прогресса, останавливаемое внутреннимъ сопротивленіемъ, принесетъ меньше безпокойствъ и тревоженій, чѣмъ рѣзкій переломъ. Китайское правительство играетъ роль эластичной подушки между попытками ино-

странцовъ и сопротивленіемъ китайскаго народа. Если оно исчезнетъ, начнется анархія. Убытки подавленія возстаній превзойдутъ всѣ выгоды, связанныя для торговли съ политическимъ подчиненіемъ различныхъ частей Китая европейскимъ державамъ. При томъ же, въ случаѣ неизбежнаго расчлененія Китая, установятся различныя «сферы вліяній» и поле дѣятельности наиболее предприимчивыхъ элементовъ значительно сужится. Всѣ надежды авторъ возлагаетъ на постепенное приобщеніе китайцевъ къ европейской цивилизаціи; по характеру своему они—народъ торговый, трудолюбивый и предприимчивый. Железныя дороги будутъ лучшими миссіонерами Китая.

И. Г.

Обзоръ дѣятельности комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.

(Окончаніе).

О необходимости распространенія техническихъ и сельско-хозяйственныхъ знаній въ деревнѣ.—Устройство опытныхъ полей и школъ по молочному хозяйству и животноводству.—Поощреніе и защита коневодства.—Игры, необходимыя для улучшенія нашей сельско-хозяйственной промышленности, предложенныя инж. технологомъ Бересневимъ.—Заботы о репутациі нашего хлѣбнаго экспорта.—Журналъ «Хозяинъ» о нашемъ экспортѣ.—Вопросъ объ организаціи мелкаго кредита.—Нѣмецкая «политика» въ вопросахъ объ оскудѣнннхъ деревннхъ.—О тягости косвенныхъ налоговъ.—Курьезное мнѣніе «Вѣдомостей Сел. Хов. и Промышленности» о центрѣ и окраинахъ.—Мнѣніе бессарабскаго комитета о еврейскомъ землевладѣніи и еврейской арендѣ.—Какъ евреи обходятъ законъ 3 мая 1882 года?—Необходимость заботъ о физическомъ здоровьѣ населенія.—Нужды сибирскихъ инородцевъ въ минусинскомъ комитетѣ.—Устарѣлость особаго инородческаго управленія и необходимость замѣны его русскимъ.—Сговорились ли комитеты въ своихъ взглядахъ на нужды деревни?—Взгляды нѣкоторыхъ публицистовъ на необходимость обязательнаго обученія крестьянскихъ дѣтей грамотѣ.—Мнѣніе костромскаго крестьянина о необходимости народнаго образованія и просвѣщенія.—Составъ комитетовъ и отзывчивость къ нуждамъ деревни.—Инциденты въ тамбовскомъ губернскомъ комитетѣ.—Дѣятельность комитетовъ въ земскихъ и не-земскихъ губерніяхъ.—*Pia desideria* не-земскихъ губерній.—Заключеніе.

Деревня нуждается не въ одной грамотности, не въ одномъ чтеніи по печатному. Ей нужны и другія знанія, тѣсно связанныя и примыкающія къ деревенскому быту, прямо соприкасающіяся съ землею и земледѣльческими промыслами. Земля требуетъ болѣе разумнаго и плѣсообразнаго за собою ухода. Нужно знаніе, не только добытое практическимъ путемъ, но и основанное на теоретическихъ данныхъ и соображеніяхъ. Теперь уже, вслѣдствіе истощенія земли, одного ковырнянія сохой недостаточно.

По вопросу о распространеніи техническихъ сельско-хозяйственныхъ знаній варшавскимъ комитетомъ были приняты слѣдующія резолюціи:

1) Хотя весьма желательно возможное увеличеніе числа высшихъ сельско-хозяйственныхъ институтовъ и учрежденіе въ ближайшемъ будущемъ

сельско-хозяйственного факультета при университете или политехникуме, но, в виду крайне настоятельной нужды в средних и низших земледельческих училищах, комитет признал, что временно новоалександрийская академия могла бы удовлетворить потребностям края, если бы это учреждение постаралось подробнее ознакомиться с нуждами сельско-хозяйственной промышленности и указывало средства для их удовлетворения.

2) Желательно учреждение в Варшавѣ или варшавской губернии правительственной средней сельско-хозяйственной школы с трехлѣтним курсомъ, которая бы принимала окончивших 4 класса гимназии или реального училища; равнымъ образомъ, желательно содѣйствие къ учреждению такихъ среднихъ школъ частными лицами.

3) Необходимо учреждение в варшавской губернии 2—3 сельско-хозяйственныхъ школъ низшаго типа, при содѣйствіи правительства, сельско-хозяйственнымъ союзомъ варшавской губернии, или частными лицами.

4) Желательно также учреждение при низшихъ школахъ попечительныхъ совѣтовъ, состоящихъ изъ мѣстныхъ хозяевъ.

5) Такъ какъ сельско-хозяйственные школы готовить, главнымъ образомъ, управляющихъ имѣніями и мало отвѣчаютъ потребностямъ крестьянъ, то, поэтому, необходимо распространение практическихъ курсовъ (въ родѣ существующихъ пчеловодно-огородническихъ или нѣмецкихъ зимнихъ сельско-хозяйственныхъ).

6) Сверхъ того, для болѣе обширнаго распространения сельско-хозяйственныхъ знаній необходимо: а) устройство бесѣдъ (съ демонстраціей опытовъ) обществами сельско-хозяйственными, огородническими и вообще экономическими; такія бесѣды должны вестись, конечно, на мѣстномъ языкѣ; б) премированіе наиболее выдающихся крестьянскихъ хозяйствъ.

7) Для распространения необходимыхъ техническихъ знаній могли бы быть полезны инструкторы-специалисты по скотоводству, огородничеству, маслослѣлю, сыроваренію и проч.; институтъ такихъ инструкторовъ долженъ быть тѣсно связанъ съ сельско-хозяйственными союзами, которые, для этой цѣли, должны пользоваться содѣйствіемъ правительства.

8) Самымъ, однако, дѣйствительнымъ средствомъ для распространения нужныхъ крестьянамъ знаній было бы учрежденіе сельско-хозяйственныхъ крестьянскихъ кружковъ, товариществъ взаимопомощи, ссудосберегательныхъ кассъ и т. д.

Но крайне недостаточно распространения среди крестьянъ однихъ теоретическихъ знаній по земледѣлю, необходимо, чтобы подъ руками у мужика, на его глазахъ, производились опыты, на практикѣ доказывалась бы цѣлесообразность и преимущества тѣхъ или другихъ теоретическихъ истинъ и разсужденій.

По этому вопросу варшавскій комитетъ постановилъ слѣдующія единогласныя рѣшенія:

1) Желательно устройство, кромѣ существующей опытной станціи въ г. Кутно, еще хотя бы одной такой же въ восточныхъ уѣздахъ варшавской губернии. Инициативу устройства такой станціи необходимо предоставить сельскимъ хозяевамъ, хотя желательна помощь со стороны правительства; равнымъ образомъ, желательно

устройство специальныхъ станцій, какъ-то: для выработки мѣръ борьбы съ вредными насѣкомыми и т. п.

2) Необходимо устройство въ Варшавѣ правительственнаго ветеринарно-бактеріологическаго бюро.

3) Желательно устройство возможно большаго количества опытныхъ полей, гдѣ могли бы устраиваться періодическія демонстраціи для ознакомленія крестьянъ съ результатами опытовъ.

4) Опытныя станціи и поля должны пользоваться помощью и попеченіемъ правительства посредствомъ: а) облегченія ихъ устройства и дѣятельности, б) денежныхъ субсидій, в) отчужденія казенныхъ земель подъ постройки станцій и опытныхъ поля, г) предоставленія древеснаго матеріала изъ казенныхъ лѣсовъ для построекъ станцій.

Наше скотоводство падаетъ, годъ отъ году, все болѣе и болѣе уменьшается количественно и качественно. Эпизоотіи, недостатокъ пастбищъ и луговъ, не даютъ возможности правильно заниматься скотоводствомъ, какъ хозяйственнымъ промысломъ.

Отсутствіе специальныхъ школъ по животноводству, недостатокъ опытныхъ людей также много вредитъ дѣлу. Наши лошади—это тщедушныя и слабосильныя клячи, наши коровы—по своей удожности и молочности напоминаютъ скорѣе козъ. Страшныя эпизоотіи вырываютъ тысячами животныхъ по губерніямъ. Поэтому неудивительно, что вниманіе многихъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности остановилось на этомъ серьезномъ вопросѣ.

Въ донскомъ областномъ комитетѣ, при обсужденіи мѣръ для развитія и улучшенія скотоводства въ области, былъ заслушанъ докладъ А. К. Новикова, въ которомъ предлагалось:

1) учрежденіе школы молочнаго хозяйства; 2) устройство казенныхъ рассадниковъ племеннаго скота; 3) учрежденіе должности инструкторовъ по молочному хозяйству; 4) устройство порайонныхъ выставокъ; 5) заведеніе улучшенныхъ общественныхъ быковъ; 6) учрежденіе при сельскихъ школахъ питомниковъ чистопородныхъ птицъ; 7) распространеніе свѣдѣній по уходу за скотомъ; 8) учрежденіе складовъ для приѣма и продажи молочныхъ продуктовъ; 9) распространеніе травосѣянія; 10) образованіе комитетовъ для наблюденія за развитіемъ скотоводства.

Докладъ вызвалъ продолжительный обмѣнъ мнѣній между членами комитета. Было выяснено, что мѣстную породу лошадей предпочтительнѣе улучшить скрещиваніемъ съ рысистой породой, чтобы выработать типъ упряжной лошади, пригодной не только для сельско-хозяйственныхъ работъ, но и для ремонта артиллеріи. Что

касается молочной породы, то комитетъ высказался за скрещиваніе мѣстной породы, гдѣ представится къ тому надобность, съ сибирскимъ, который пригоденъ какъ для работы, такъ и для откорма. Для улучшенія мѣстныхъ овецъ рекомендовано скрещиваніе съ мясными англійскими породами, какъ дающими много мяса и шерсти.

Комитетъ высказался противъ учрежденія казенныхъ разсадниковъ скота и нашелъ болѣе желательнымъ поощреніе частныхъ предпринимателей въ этомъ дѣлѣ покупкой лучшихъ производителей на сельско-хозяйственныхъ выставкахъ для раздачи ихъ населенію на льготныхъ условіяхъ.

Варшавскому комитету по этому вопросу былъ представленъ докладъ г. Венявскаго, основанный на данныхъ статистическаго комитета.

Обрисовавъ печальное положеніе сельскаго хозяйства въ варшавской губ., докладчикъ заявилъ, что единственнымъ, по его мнѣнію, средствомъ для увеличенія доходности земли является увеличеніе количества удобреній, съ помощью улучшенія и развитія мѣстнаго скотоводства.

Въ виду этого, по мнѣнію докладчика, желательны слѣдующія мѣропріятія:

- 1) Выдача сельско-хозяйственному союзу денежныхъ субсидій на устройство пунктовъ для разведенія скота, учрежденіе инструкторовъ, устройство подвижныхъ выставокъ, премірованіе скота.
- 2) Увеличеніе количества конскихъ заводовъ главнаго управленія государственнаго коннозаводства и принятіе мѣръ къ выработкѣ наилучшаго типа рабочей лошади.
- 3) Принятіе мѣръ противъ конокрадства и замѣна натуральной конской повинности повинностью денежною.
- 4) Закупка министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ для своихъ нуждъ производителей въ мѣстныхъ частныхъ конскихъ заводахъ, гдѣ можно найти таковыхъ производителей высокаго качества и по цѣнамъ болѣе низкимъ, чѣмъ за границей.
- 5) Облегченіе организаціи союзовъ и обществъ, имѣющихъ цѣлью поднятіе скотоводства.
- 6) Правильная организація ветеринарной службы, съ назначеніемъ ветеринаровъ изъ числа лицъ, знакомыхъ съ мѣстными сельско-хозяйственными условіями.
- 7) Открытіе французскихъ и англійскихъ рынковъ, а въ частности, для варшавской губерніи, германской границы, для вывоза продуктовъ скотоводства.
- 8) Для развитія овцеводства, которое годъ отъ году падаетъ, необходимо установленіе таможенной пошлины на заграничную шерсть.
- 9) Правильная организація перевозки скота и продуктовъ скотоводства.
- 10) Поддержаніе заведеній, имѣющихъ цѣлью переработку продуктовъ скотоводства для вывоза за границу.

11) Установленіе соответствующаго вознагражденія за убитый для локализации эпизоотій племенной скотъ.

Всѣ эти пункты были приняты комитетомъ единогласно.

С.-петербургскій комитетъ призналъ вопросъ о животноводствѣ краеугольнымъ для сельскаго хозяйства. По его мнѣнію, одной изъ самыхъ успѣшныхъ въ этомъ отношеніи мѣръ, въ примѣненіи къ крестьянскому хозяйству, было бы возможно большее устройство случайныхъ пунктовъ, на которыхъ находились бы породистые производители.

Инженеръ-технологъ В. И. Бересневъ въ поданной имъ запискѣ въ горбатовскій уѣздный комитетъ о нуждахъ с.-х. пр. предлагаетъ слѣдующія мѣры, которыя, по его мнѣнію, необходимы для улучшенія нашей сельско-хозяйственной промышленности:

1) Допустить безошлинный ввозъ къ намъ такихъ сырыхъ матеріаловъ и издѣлій изъ нихъ, которые у насъ въ Россіи по природнымъ ея условіямъ не могутъ быть добываемы.

2) Запретить частнымъ лицамъ ввозъ къ намъ сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ и издѣлій изъ нихъ, конкурировать съ которыми мѣстная промышленность не въ состояніи. *Необходимый же ввозъ ихъ производитъ правительству*, которое, приобретя эти товары, нормировало бы цѣны ихъ такъ, чтобы нашъ рабочій за свой трудъ могъ получить опредѣленный минимумъ человѣческихъ благъ, и, производя эту нормировку, озаботилось чтобы во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи цѣна эта была одинакова.

3) Запретить частнымъ лицамъ вывозъ отъ насъ сырыхъ и полуобработанныхъ продуктовъ сельскаго хозяйства, *предоставивъ этотъ вывозъ лишь мѣстнымъ органамъ самоуправленія.*

4) Благоустроить мѣстные органы самоуправленія предоставленіемъ избирательныхъ правъ *всѣмъ жителямъ*, достигшимъ извѣстнаго возраста, и поручить этимъ органамъ:

а) *Нормировать цены на продукты сельскаго хозяйства* и издѣлія изъ нихъ, устраивать склады и элеваторы и, если окажутся избытки этихъ продуктовъ, вывозить ихъ за границу. Для этихъ операций, если потребуется, *вводитъ въ каждой мѣстности свои мнѣныя знаки, марки.*

б) *Производить казенные подряды и поставки*, распредѣляя ихъ между мѣстными производителями, и отвѣтствовать за доброкачественность исполненія.

в) Поручить всѣ дѣла по открытію и закрытію фабрикъ и заводовъ, по распоряженію въ нихъ и по надзору за ними.

г) Получать съ фабрикъ всѣ налоги и поборы и расходовать получаемыя суммы *исключительно на нужды и въ пособіе рабочимъ.*

5) Предоставить право каждому заниматься какою ему угодно профессією и по какой угодно спеціальности, не смотря на то, удалось ему или нѣтъ заручиться дипломомъ отъ учебнаго заведенія.

6) Ввести обязательное начальное обученіе и прекратить всякія льготы по образованію по воинской повинности. Усилить льготы по семейному положенію и сократить на одинъ годъ срокъ воинской повинности.

7) Предоставить учебнымъ заведеніямъ исполнять лишь прямое ихъ на-

значение, т. е. доставлять образование. Воспитание же всецѣло предоставить семьѣ, родителямъ.

8) Содѣйствовать широкому развитію промышленнаго и ремесленнаго образованія.

Комисія, избранная маріупольскимъ комитетомъ для разработки вопроса о сбытѣ нашего хлѣба, высказалась противъ элеваторовъ, находя, что для упорядоченія хлѣбной торговли наиболѣе существенное значеніе можетъ имѣть увеличеніе подъѣздныхъ путей, которые бы дали возможность избѣгать скопленія грузовъ въ одно время и полное отсутствіе въ другое. Особенно подробно разработанъ комисіей вопросъ объ экспортѣ. По сообщенію «Придн. кр.», экспортеры утверждаютъ, что

дурная репутація нашего хлѣба за границей далеко не всегда имѣетъ своимъ основаніемъ дѣйствительно плохія его качества, а въ большинствѣ случаевъ лишь желаніе заграничныхъ покупателей сбить ему цѣну. Вслѣдствіе этого при приемѣ хлѣба они очень часто возбуждаютъ споры о несотвѣтствіи его съ заpredанными образцами и привлекаютъ продавцевъ къ арбитражному суду.

Судь этотъ обыкновенно высказывается въ пользу покупателей уже потому, что они тамъ у себя дома; интересы же продавца представляетъ агентъ, который въ томъ или другомъ исходѣ дѣла самъ мало заинтересованъ.

Въ виду такой слабой защищенности русскихъ интересовъ, комисія высказалась за установленіе официальнаго представительства русской торговли за границей. Что же касается различныхъ подмѣсей, умышленно допускаемыхъ иной разъ русскими экспортерами, то для упорядоченія дѣла необходимо учрежденіе инспекціи при отпускѣ хлѣба. Попутно рѣчь касается качества. Оказывается, что обуздывать это зло почти невозможно, такъ какъ его поддерживаютъ скупщики хлѣба, амбарщики.

Комитетъ рекомендуетъ устройство бюро для справокъ о хлѣбныхъ цѣнахъ, во избѣжаніе обмана въ этомъ отношеніи со стороны амбарщиковъ.

Экспортъ нашъ заслуживаетъ особаго вниманія со стороны комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности по многимъ причинамъ. Репутація нашего хлѣба, даже нашей чудной пшеницы, давно уже подорвана. Оказалось, что вмѣстѣ съ хлѣбомъ мы вывозимъ мусоръ, щебень и даже гранитъ. Конечно, эти примѣси довольно выгодны для нашихъ экспортеровъ, большинствомъ которыхъ на югѣ принадлежатъ «къ чертѣ осѣдлости», но что дѣлать, если съ этимъ не хотятъ мириться заграничные купцы, которые настолько наивны, что предпочитаютъ имѣть чистую пшеницу, а не одобренную мусоромъ и щебнемъ. Конечно, со стороны заграничныя это капризы и не болѣе! Но что дѣлать, иногда приходится считаться съ капризами. •

Экспортъ сибирскаго масла, только что начавшійся и дающій громадныя барыши какъ мѣстному населенію, такъ и экспортерамъ, опять таки скомпрометированъ.

Наднѣяхъ за границею были обнаружены въ бочкахъ съ русскимъ масломъ камни, ледъ, земля и пр. Опять скандалъ! Заграница опять капризничаетъ и не хочетъ покупать русскаго масла съ камнями и землей!

Нашъ экспортъ, на которомъ покоится нашъ разсчетный балансъ, заслуживаетъ вниманія комитетовъ и съ другой стороны.

Излишки ли мы вывозимъ за границу или, какъ нѣкоторые утверждаютъ, свою послѣднюю «порцію»?

Въ журналѣ «Хозяинъ» мы находимъ любопытныя данныя о нашемъ экспортѣ за послѣдніе годы. Приводимыя имъ цифры достаточно ярко рисуютъ картину тѣхъ жизненныхъ условій, на почвѣ которыхъ создался нашъ экспортъ, выразившійся особенно въ чрезвычайно быстромъ ростѣ вывоза кожъ, хвостовъ, гривъ и человѣческаго волоса. «До восьмидесятыхъ годовъ,—говоритъ этотъ органъ,

«волосами человѣческими» мы не торговали, лошадей, необходимыхъ для работы, еще цѣнили не за хвостъ и гриву, а хлѣба вывозили за границу столько, сколько оставалось отъ потребленія. Правда, и тогда достатокъ былъ скудный, но хоть обезпечивающій дальнѣйшее хозяйственное производство. Очевидно, что настоящее экономическое положеніе населенія, такъ быстро измѣняющееся въ худшему за послѣдніа двадцать лѣтъ, находится въ зависимости отъ тѣхъ экономическихъ и общественныхъ мѣропріятій, которыя дали плоды совершенно обратныя тѣмъ, какіе отъ нихъ ожидалися инициаторами. Другой причины русскаго разоренія подыскать нельзя, такъ какъ ни почва, ни климатъ Россіи за послѣдніа пятьдесятъ лѣтъ не измѣнились и даже войнѣ за послѣдніа 20 лѣтъ, можно сказать, не было.

Если хроническое недоѣданіе, ради сохраненія выгоднаго торговаго баланса, является результатомъ мѣръ экономическаго характера, то только мѣрами общественнаго характера можно объяснить ростъ вывоза лошадиныхъ хвостовъ и человѣческихъ волосъ, такъ какъ эти «товары» слишкомъ незначительны по цѣнности для цѣлей активнаго баланса; появленіе ихъ на рынкѣ является показателемъ упадка хозяйственной инициативы среди земледѣльческаго населенія и угнетеннаго состоянія личности. Среди малокультурнаго и невѣжественнаго народа продажа человѣческихъ волосъ скрываетъ за собою трагедію, къ которой нельзя легко относиться. Съ волосами у всего человѣчества связана была вѣра въ свою личность: вспомните постриженіе, скальпированіе, отрѣзаніе косъ и тому подобныя символическія формы подчиненія личности. Много нужно перенести крестьянкѣ, чтобы рѣшиться продать свои волосы!

Но какъ ни прискорбны всѣ окружающія насъ явленія жизни русскаго земледѣльца, они всѣ такъ тѣсно другъ съ другомъ связаны, что не можетъ быть сомнѣнія въ ихъ измѣненіи въ лучшему. Вѣдь недоѣданіе населенія не можетъ безгранично возрастать, вѣдь лошадность хозяйства не можетъ быть доведена до нуля. Очевидно, эти процессы должны остановиться и

одновременно остановить развитие причинъ ихъ вызывающихъ, а разъ эти причины будутъ устранены, то, естественно, начнетъ снова возрастать и лошадность хозяйства, и потребление хлѣба населеніемъ, и производительность труда, и покупательныя способности обывателя, а затѣмъ, и платежныя силы... тогда и «человѣческой волосъ» снова перестанетъ быть товаромъ въ нашей международной торговлѣ».

Вопросъ объ организаціи мелкаго кредита для деревни—это вопросъ большой важности. Роль деревенскаго благодѣтеля-кулака слишкомъ тяжела не только для нашего крестьянина, но и для мелкаго землевладѣльца. Раззореніе крестьянина и помѣщика произошло именно потому, что въ нужное, тяжелое время имъ негдѣ было «перехватить» деньжонокъ, а пришлось закабалить себя къ мѣстному ростовщику и кулаку. Эти люди, конечно, за «божескіе» проценты снабжаютъ сельскихъ хозяевъ нужными деньгами. Отсутствие доступнаго кредита тормозитъ всякій прогрессъ и какія-либо улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ.

Какъ уѣздные, такъ и губернскіе комитеты о нуждахъ сел. хоз. пр—сти обратили серьезное вниманіе на вопросъ объ организаціи мелкаго кредита.

Рижскій уѣздный комитетъ призналъ установленіе дешеваго кредита *желательнымъ вообще*, не входя въ подробное обсужденіе способа организаціи его. Вольмарскій уѣздный комитетъ указываетъ, что желательно было бы содѣйствовать болѣе широкому распространенію ссудо-сберегательныхъ кассъ и учрежденію ихъ. Также желательно, чтобы ссудо-сберегательныя кассы имѣли право получать ссуды отъ казны крутовою порукою, но не подъ закладъ цѣнныхъ бумагъ, такъ какъ почтово-сберегательныя кассы отвлекаютъ капиталы отъ мѣстныхъ учреждений мелкаго кредита. Всѣ деньги поступаютъ въ почтово-сберегательныя кассы, а оттуда въ казначейства, откуда только промышленныя предпріятія могутъ получить ссуды подъ векселя; для крестьянъ же это недоступно.

Предсѣдатель папендорфскаго сельско-хозяйственнаго общества заявилъ, что организаціи мелкаго кредита весьма желательна; для организаціи его слѣдовало бы ходатайствовать передъ правительствомъ о разрѣшеніи нуждающимся крестьянамъ получать ссуды изъ казначейства въ размѣрѣ 10 руб. съ талера по 3 проц., причѣмъ каждый нуждающійся проситель заявляетъ о своемъ желаніи получить ссуду мѣстному сходу выборныхъ. По признаніи ходатайства его сходомъ выборныхъ заслуживающимъ удовлетворенія, онъ испрашиваетъ чрезъ посредство комисара по крестьянскимъ дѣламъ разрѣшеніе мѣстнаго губернатора на полученіе денегъ изъ казначейства. Признано также настоятельно необходимымъ учрежденіе въ г. Вольмарѣ уѣзднаго казначейства, такъ какъ вообще

населеніе и въ особенности мелкіе плательщики-крестьяне поставлены отсутствіемъ казначейства въ крайне стѣсненное положеніе, будучи вынужденными обращаться въ казначейства другихъ городовъ, причемъ они лишены возможности пользоваться удобствами банковыхъ операций, открытыхъ при казначействахъ. Кроме того, комисаръ по крестьянскимъ дѣламъ заявилъ, что весьма желательно было бы распространеніе дѣятельности крестьянскаго банка на прибалтійскія губерніи, чѣмъ была бы оказана громадная поддержка крестьянскимъ хозяйствамъ; къ этому мнѣнію присоединился также податной инспекторъ.

Венденскій уѣздный комитетъ, признавая организацию мелкаго кредита необходимой въ видахъ развитія крестьянскаго сельскаго хозяйства, высказался еще въ томъ смыслѣ, что для доставленія крестьянамъ мелкаго кредита требуется открытіе цѣлаго ряда мелкихъ кассъ съ ограниченнымъ кругомъ дѣйствій, причемъ операціи этихъ кассъ должны быть всячески облегчаемы со стороны правительства.

Валкскій уѣздный комитетъ высказался, что организациа народнаго мелкаго кредита и расширеніе такового на меліоративныя цѣли могутъ быть производимы наиболѣе цѣлесообразно учрежденіемъ ссудо-сберегательныхъ кассъ при сельско-хозяйственныхъ обществахъ. Эти кассы должны находиться между собою во взаимныхъ отношеніяхъ, подобно сельско-хозяйственнымъ обществамъ, и должны быть соединены въ уѣздахъ въ товарищества, которыя въ свою очередь соединяются въ одно губернскае кредитное общество, напр., въ лифляндское дворянское земельное кредитное общество. Для успѣшной организации этихъ сельскихъ ссудо-сберегательныхъ кассъ для мелкаго кредита въ пользу сельско-хозяйственныхъ меліораций необходимо, чтобы эти кассы были поставлены въ возможность отпускать ссуды крестьянамъ-хозяевамъ, по возможности, по дешевымъ процентамъ. Но это возможно будетъ только тогда, если правительствомъ всѣ операціи кассъ будутъ освобождены отъ всѣхъ налоговъ, пошлинъ и пр., и если волостнымъ обществамъ будетъ предоставлено право вносить въ такого рода кассы принадлежація имъ деньги, ибо правительственными сберегательными кассами громадныя суммы поставлены внѣ оборота. («Рижск. В.»).

Кстати о комитетахъ о нуждахъ сел.-хоз. пр-сти Прибалтійскаго края. Только что приступившій къ работѣ комитетъ въ г. Верро, по словамъ «Приб. Кр.», прежде всего выдвинулъ вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ будутъ вестись дебаты. Нѣмцы, конечно, высказались за нѣмецкій языкъ.

По этому вопросу, говорить «Postimees», въ данномъ случаѣ уже «надо отдать эстонскому языку гражданское право», ибо въ противномъ случаѣ ни волостные старшины, ни представители сельско-хозяйственныхъ обществъ не могли бы выражать своихъ мнѣній и замѣчаній, почему совѣщаніе конечно не можетъ принести существенной пользы.

Нѣмцы не особенно охотно приступили къ разработкѣ вопроса о нуждахъ сельско-хоз. промышленности. По мнѣнію бароновъ, въ Прибалтійскомъ краѣ все обстоитъ благополучно и не требуетъ никакихъ изслѣдованій и изученій. Средневѣковыя формы землепользованія вполне удовлетворяютъ бароновъ, такъ какъ оно даетъ имъ дешевыя руки безземельныхъ крестьянъ.

Совсѣмъ иное воздѣйствіе оказали прибалтійскіе комитеты на мѣстныя эстонскія газеты и сельско-хозяйственныя общества. По словамъ «Рижск. В.», въ нихъ

«значительно оживилось вниманіе къ хозяйственнымъ вопросамъ, которое прежде поглощалось главнымъ образомъ разными націоналистическими дѣлшками. Въмѣсто прежнихъ рѣчей о Калевалѣ или народныхъ пѣсняхъ, въ настоящее время въ обществахъ провозносятся рѣчи о положеніи крестьянскаго хозяйства, объ улучшеніи быта въ экономическомъ отношеніи, о необходимости учрежденія земледѣльческихъ школъ и т. п. При этомъ выяснилось, что до сихъ поръ сдѣлано очень мало для изученія сельской жизни, и не имѣется самыхъ необходимыхъ свѣдѣній о ней. Занятіе національной идеологіей, собраніе сказокъ и преданій и т. п. модныя націоналистическія предпріятія совершенно отвлекли вниманіе отъ насущнѣйшихъ вопросовъ общественной и экономической жизни, и теперь, когда въ виду постановки на очередь важныхъ экономическихъ вопросовъ потребовались свѣдѣнія о хозяйственномъ положеніи сельскаго люда, эстская интеллигенція стоитъ предъ своими земляками съ пустыми руками и ограничивается сѣтованіями на то, что руководящее земскими дѣлами сословіе держитъ необходимыя свѣдѣнія въ секретѣ».

Прибалтійскіе комитеты хорошо бы сдѣлали, еслибы выяснили всю пользу и необходимость введенія въ краѣ общерусскаго земства вмѣсто нынѣшняго дворянско-феодалнаго строя.

Въ череповецкомъ уѣздномъ комитетѣ А. И. Надеждинымъ былъ предложенъ вопросъ о чрезмѣрной тягости косвенныхъ налоговъ на предметы первой необходимости, какъ чай, сахаръ, керосинъ и т. п. Изъ возникшихъ преній по этому вопросу выяснилось, что косвенные налоги являются безусловно тяжелыми для крестьянскаго населенія, для котораго многіе предметы, несущіе косвенное обложеніе на себѣ, сдѣлались предметами первой необходимости. Выяснилась также тѣсная зависимость роста государственныхъ расходовъ на предметы, ничего не имѣющіе общаго съ

истинными интересами населенія, какъ напр., усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ, покровительство крупной промышленности и пр., — и ростомъ косвеннаго обложенія предметовъ первой необходимости, лежащимъ всею тяжестью на земледѣльческомъ населеніи.

Комисією по вопросу о косвенныхъ налогахъ принята слѣдующая резолюція:

«Комисія выслушала заявленіе одного изъ своихъ членовъ, вызванное подробнымъ обследованіемъ величины косвеннаго обложенія, падающей тяжелой гнетомъ на сельское хозяйство въ особенности и относительно необходимости отмены нѣкоторыхъ изъ нихъ, облагающихъ предметы безусловной необходимости. По мнѣнію комисіи, вопросъ этотъ, тѣсно связанный съ общимъ направлениемъ финансовой и экономической политики министерства финансовъ и съ возрастающими изъ года въ годъ расходами и государственными предпріятіями въ области преимущественно желѣзно-дорожнаго строительства, обслуживающаго не столько современные интересы народнаго хозяйства, сколько потребности искусственно-насажденной крупной капиталистической промышленности, заслуживаетъ особеннаго вниманія уѣзднаго комитета и особаго софѣщанія—потому въ особенности, что величина всѣхъ косвенныхъ налоговъ настолько возросла въ теченіе 10 лѣтъ, что захватила собою не только чистый доходъ сельско-хозяйственной промышленности, не только заработную плату сельско-хозяйственнаго населенія, но и сокращаетъ изъ года въ годъ продовольственныя средства населенія, обреченнаго отказывать себѣ въ необходимомъ количествѣ и надлежащемъ качествѣ продуктовъ, безусловно необходимыхъ для сохраненія жизни. А это, въ свою очередь, отражаясь на болѣзненности и др. неблагоприятныхъ жизненныхъ явленіяхъ, только увеличиваетъ расходы того же населенія по содержанію врачебной помощи и т. п., не говоря уже о той громадной потерѣ, которую несетъ оно отъ общаго пониженія жизненной энергіи и трудоспособности рабочаго сельскаго населенія». («Сѣв. Кр.»).

По вопросу о необходимости пониженія косвенныхъ налоговъ высказались многіе комитеты. Нѣкоторые изъ нихъ высказались о необходимости ввести по всей Россіи прогрессивный подоходный налогъ, чтобы всѣ классы населенія, пропорціонально ихъ доходности, несли и расходы по всѣмъ государственнымъ и общественнымъ дѣламъ. Это необходимо для увеличенія государственныхъ и общественныхъ доходовъ и для справедливаго уравненія всѣхъ классовъ въ Россіи въ ихъ податномъ обложеніи.

Давно уже извѣстно и не для кого не тайна, что нашъ центръ работаетъ на окраины, и что если онъ оскудѣлъ, обнищаль, то во многомъ этому печальному явленію способствовали наши окраины, вытягивающія финансовыя соки изъ населенія центра. Окраины несутъ меньшіе налоги сравнительно съ центромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь многими преимуществами предъ центромъ, благоденствуютъ и процвѣтаютъ. Этого не замѣчаютъ или вѣрнѣе не

хотят замѣчать—еврейскіе, еврействующіе и инородческіе органы печати.

Когда нѣкоторые комитеты вздумали было поднять вопросъ объ уравненіи въ расходахъ на государственныя нужды центра съ окраинами, имъ немедленно же постарались дать отпоръ. «Вѣд. Сел. Хоз. и Промышленности», органъ южно-русскаго земледѣльческаго синдиката, признаетъ «вредной тенденціей» стремленіе къ усиленному обложенію окраинъ въ видахъ облегченія центра.

«Чтобы имѣть возможность понизить налоговыя тягости тамъ, гдѣ онѣ явно не соотвѣтствуютъ платежной способности населенія, ихъ стремятся повысить въ мѣстности, гдѣ установлены нѣкоторые признаки внутренняго благосостоянія. Такимъ путемъ взиманіе доходовъ приводится въ соотвѣтствіе съ налогоспособностью населенія. Этотъ примитивный способъ установленія географической равномерности обложенія приводитъ лишь къ тому, что уравниваетъ угнетенное состояніе всѣхъ мѣстностей страны, не давая возможности ни одной изъ нихъ выбиться изъ состоянія экономическаго упадка».

«Вѣдомости» напоминаютъ о печальныхъ результатахъ, къ какимъ привелъ уже опытъ такого перераспределенія, именно, когда часть снятой подушной подати была переложена на государственныхъ крестьянъ путемъ повышенія ихъ выкупныхъ платежей включеніемъ въ нее прежней оброчной подати.

«Результатомъ подобнаго перераспределенія налоговъ было лишь то, что если благосостояніе помѣщичьихъ крестьянъ послѣ реформъ не обнаружило тенденціи къ повышенію, то благосостояніе государственныхъ крестьянъ, до тѣхъ поръ пользовавшихся сравнительною зажиточностью, стало клониться къ упадку и въ послѣдніе годы подъ влияніемъ этой и многихъ другихъ причинъ сравнялось съ состояніемъ помѣщичьихъ крестьянъ въ одной общей участи раззоренья».

Далѣе газета указываетъ на ошибочность предположенія, будто бы повышеніе налоговой тягости на окраинахъ явилось бы компенсаціей усиленныхъ расходовъ казны, падающихъ на эти губерніи.

«Расходы эти не имѣютъ никакого отношенія собственно къ хозяйственнымъ потребностямъ этихъ мѣстностей, они производятся на западныхъ окраинахъ государства, главнымъ образомъ, вслѣдствіе сосредоточенія въ нихъ большинства военныхъ силъ имперіи, а также вслѣдствіе громадныхъ затратъ по сооруженію крѣпостей и стратегическихъ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ и ихъ содержанію. Преимущественное положеніе южныхъ и юго-западныхъ губерній обуславливается какъ естественными условіями—климатическими, плодородіемъ земли, близостью рынковъ сбыта, такъ развитіемъ сахарной и горной промышленности. Крестьянство юго-западныхъ

губерній и Малороссіи значительно ранѣе, чѣмъ сельское населеніе центра и востока Россіи, ввели въ свое хозяйство денежные обороты и, слѣдовательно, въ большой степени успѣли присноровиться къ сложному денежному хозяйству. И если въ экономическомъ быту населенія этихъ областей замѣчается нѣкоторое, впрочемъ, весьма относительное, процвѣтаніе, то къ нему слѣдуетъ отнестись возможно болѣе бережно, принявъ его за базисъ для дальнѣйшаго сельско-хозяйственнаго прогресса. Что же касается перераспределенія доходовъ и расходовъ казны въ смыслѣ достиженія наибольшей географической равномерности расходовъ, то оно всего лучше можетъ быть достигнуто обращеніемъ излишка обыкновенныхъ доходовъ казны надъ обыкновенными ея расходами *на мѣстные расходы* для, удовлетворенія культурно-хозяйственныхъ потребностей населенія въ наиболѣе имущественно-угнетенныхъ мѣстностяхъ, и прежде всего на поднятіе сельскаго хозяйства и связанныхъ съ нимъ отраслей труда».

Логика «Вѣдомостей» крайне любопытна. По ихъ мнѣнію, уравненіе въ обложеніи окраинъ съ центромъ—это не болѣе, какъ «примитивный способъ установленія географической равномерности обложенія», и онъ «приводитъ лишь къ тому, что уравниваетъ угнетенное состояніе воѣхъ мѣстностей страны, не давая возможности ни одной изъ нихъ выбиться изъ состоянія экономическаго упадка». Удивительное прямолинейное и даже болѣе чѣмъ странное разсужденіе! Дабы окраины процвѣтали, необходимо центръ обложить въ пользу нихъ, иначе окраины «не выбьются изъ состоянія экономическаго упадка». Не пора ли окраины облегчить въ пользу центра. чтобы онъ выбился изъ этого «состоянія экономическаго упадка»? Кажется, довольно поработалъ центръ на окраины! Пора ему отдохнуть, и этотъ отдыхъ онъ вполне заслужилъ.

За послѣднее время общество и печать много трактуютъ о еврейскомъ землевладѣніи и земледѣліи. Пущенный еврейскою и еврействующею печатью слухъ о разрѣшеніи евреямъ высшею правительственною властью покупки земли внѣ «черты осѣдлости» въ размѣрѣ 30 десятинъ оказался только пробнымъ шаромъ. Понятно, что русское общество было взволновано этимъ слухомъ. Нѣкоторые комитеты о нуждахъ сел. хоз. промышленности категорически высказались противъ еврейскаго землевладѣнія, которое является настоящею кабалою для русскаго крестьянина. Много шуму наделали разоблаченія въ бессарабскомъ губернскомъ комитетѣ о еврейской арендѣ помѣщичьихъ и монастырскихъ земель въ Бессарабіи. Не смотря на законъ 3-го мая 1882 г., запрещающій евреямъ брать землю къ аренду, они всетаки ухитрились заарендовать сотни тысячъ десятинъ фиктивнымъ способомъ. Сами же христіане помогаютъ въ этомъ евреямъ, являясь подставными лицами въ рукахъ евреевъ.—Когда былъ поднятъ этотъ вопросъ въ

бессарабскомъ губ. комитетѣ, то на автора вопроса о еврейской арендѣ, г. Щербаня, посыпался градъ упрековъ не только со стороны еврейской, но и еврействующей печати. Въ чемъ только его не обвиняли! Сначала отрицали фактъ существованія еврейской аренды, но когда была доказана наличность этой аренды, стали обвинять г. Щербаня въ ретроградности, въ напрасномъ нападеніи на евреевъ и пр.

«Нов. Вр.» по поводу этой еврейской аренды говоритъ:

«Еще разъ приходится убѣдиться, какъ глубоко іудейское племя пустило корни своей эксплуатаціи, умѣло обойти грозный законъ 3-го мая 1882 г.

«Нельзя поэтому не порадоваться постановленію бессарабскаго губернскаго комитета о нуждахъ сельскаго хозяйства, вызвавшему къ дѣятельности этотъ забытый и обойденный законъ, и остается лишь искренно пожелать, чтобъ о немъ вспомнили и дѣятели нашего юго-западнаго края, гдѣ почти всѣ земли помѣщиковъ изъ русскихъ, а во многихъ случаяхъ и крестьянскія, находятся въ рукахъ евреевъ подъ тѣмъ или инымъ видомъ землевладѣнія. Едва ли однако примѣнимо къ данному вопросу постановленіе означеннаго комитета относительно привлеченія къ уголовной отвѣтственности за мошенничество лицъ, отдающихъ въ аренду земли евреямъ, въ обходъ закона, и совершающихъ на свое имя контракты».

«Лучшимъ средствомъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ признать болѣе, чѣмъ до сего времени, строгое наблюденіе губернской и уѣздной административной власти за точнымъ и неуклоннымъ соблюденіемъ закона 3-го мая 1882 года, такъ какъ этой администраціи безъ всякаго сомнѣнія прекрасно извѣстны всѣ тѣ безчисленные случаи нарушенія этого закона, какіе можно указать на каждомъ шагѣ въ кievской на примѣръ губерніи и которые, къ сожалѣнію, съ молчаливаго согласія власти остаются непрекращенными, разоряя и истощая имѣнія и деморализуя крестьянское населеніе деревни».

По поводу еврейской аренды, князь М. Шаховской пишетъ въ одной газетѣ:

всѣ запреты относительно арендованія земель въ Юго-Западномъ краѣ не имѣютъ значенія и эти явленія вполнѣ заурядныя, весьма распространенныя и, вѣдь всякихъ сомнѣній, угнетающія крестьянское населеніе какъ этого края, такъ и всѣхъ другихъ мѣстъ, гдѣ богатое еврейство усердно ищетъ помѣщенія своихъ капиталовъ въ наивыгоднѣйшія земельныя и глѣсныя предпріятія. При этомъ нужно замѣтить, что сдѣлки по такого рода договорнымъ отношеніямъ не носятъ «идиллическаго» характера: онѣ обставляются на основѣ законовъ гражданскихъ X. т., ч. 1. Ихъ только стараются искусно маскировать, а при практикуемомъ смотрѣніи сквозь пальцы—

успѣшно проводить въ жизнь. Всѣмъ извѣстно, что въ Юго-Западномъ край многія большія по пространству имѣнія принадлежать разнымъ сановникамъ и чиновникамъ, или никогда въ нихъ не проживающимъ, или же наѣзжающимъ въ лѣтніе мѣсяцы на кратковременную побывку. Эти лица хозяйства за свой страхъ и рискъ не ведутъ, а отдаютъ землю въ долгосрочную аренду. Изъ мѣстныхъ обывателей весьма рѣдко находятся такіе, которымъ можно было бы довѣрить арендованіе крупныхъ земельныхъ участковъ, по недостатку у нихъ денежныхъ средствъ; о мѣстныхъ крестьянахъ и говорить нечего. Какъ тѣ, такъ и другіе, хотя бы и имѣли матеріальную возможность стать непосредственными арендаторами, предупредить евреевъ не имѣютъ никакихъ силъ. Въ каждомъ отдѣльно взятомъ случаѣ дѣйствуетъ цѣлый кагалъ, разносторонне освѣдомленный какъ объ удобномъ моментѣ захвата участка для аренды, такъ и положеніи владѣльца во всѣхъ подробностяхъ его нуждъ и даже желаній. Осуществляется сдѣлка такъ: устанавливается цѣна за аренду десятины, сроки платежа, практикуется въ большинствѣ случаевъ четыре срока въ годъ. Когда это условлено и санкціонировано число лѣтъ аренднаго пользованія, владѣлецъ имѣнія выдаетъ одному изъ участвующихъ въ сдѣлкѣ довѣренность на управленіе имѣніемъ, съ указаніемъ въ ней системы управленія или, правильнѣе сказать, главныхъ условій земледѣльства.

Причемъ, если есть въ имѣніи лѣсъ, то или указывается въ довѣренности, что управляющій можетъ пользоваться имъ для ремонта построекъ или мертвого инвентаря, или же совершается отдѣльный договоръ на сведеніе лѣса. Платежъ аренды обеспечивается выдачею векселей на сроки за треть или за четверть года впередъ. Векселя подписываются какъ управляющимъ по довѣренности, такъ и однимъ изъ кагала наиболѣе состоятельнымъ, а въ единоличныхъ арендахъ однимъ управляющимъ по довѣренности, причемъ въ довѣренности дается право частичныхъ передовѣрій, но запрещается переходъ довѣрія цѣликомъ. Вотъ вамъ и фактическій арендный договоръ, прикрытый законнымъ правомъ довѣрять кому угодно и не воспрещающій евреямъ быть управляющими имѣній. На такихъ же условіяхъ поступаютъ въ аренду и винокуренные заводы. Владѣлецъ обезпеченъ векселями: въ случаѣ неплатежа, уничтожается довѣренность, и дѣлу конецъ, а еврей главнымъ образомъ обезпеченъ гомерическою прибылью отъ такого предпріятія, затѣмъ довѣренностью и педантичною акуратностью въ оплатѣ срочныхъ векселей. Это послѣднее обстоятельство вытекаетъ изъ очевидныхъ выгодъ, какія даетъ гешефтъ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ евреи уплачивали по долгосрочной арендѣ отъ 2 до 2 р. 50 к. за десятину. Сдавали крестьянамъ отъ 5 до 6 р. за десятину на одинъ урожай безъ права пастбища по жнивью, за каковое вимали 1 р. съ головы скота мелкаго и крупнаго безразлично. Сѣнокосы сдавались на одинъ укосъ за 10 р. десятина, а если съ отавой, то за 12 р. Кромѣ того существовали особыя доплаты къ арендѣ въ видѣ живности: яиць, куръ, гусей или же выговаривался день, два работы на еврея. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ еврей, самъ не занимающійся земледѣліемъ, отсылалъ такихъ работниковъ въ сосѣднюю польскую экономію, предварительно уговорившись о потребномъ числѣ рабочихъ, рабочихъ дней и платѣ, поступающей всецѣло въ его карманъ. Вотъ и считите, что получалъ еврей или кагалъ, что онъ затрачивалъ и какъ забавлялъ окружное населеніе. Если арендовался большой участокъ, то управляющій выдавалъ довѣренности приказчикамъ, разумѣется, единоплеменникамъ, и сажалъ ихъ по хуторамъ участка.

Приказчики—все евреи, участвующіе въ предпріятіи, и поэтому горой стоящіе за своихъ хозяевъ. Крестьяне были всегда аккуратными плательщиками и добросовѣстными исполнителями всѣхъ тягостей, налагаемыхъ евреями. Они настолько опутаны сѣтью еврейской паутины, что пикнуть не смѣютъ противъ эксплуататорскихъ угнетаній, и всякій протестъ ихъ оставался безъ послѣдствій. Да это и неудивительно: волостной писарь, волостной старшина, сельскій староста на жалованьѣ у евреевъ и поэтому работаютъ ad majorem gloriam іудаизма.

Нѣкоторыми комитетами о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности обращено вниманіе на *физическое здоровье населенія*, которое является не менѣе важнымъ факторомъ хозяйственной дѣятельности крестьянина.

Въ минусинскій сельско-хозяйственный комитетъ былъ внесенъ докладъ врача Г. А. Фридмана о сельской медицинѣ, въ которомъ докладчикъ указалъ, что медицинская и санитарная часть въ уѣздѣ поставлены очень плохо. На огромный уѣздъ всего 7 врачебныхъ пунктовъ. Но эти 7 врачей служатъ не только интересамъ медицины и не только сельскому населенію: они исполняютъ судебно-медицинскія обязанности и обслуживаютъ, кромѣ сельскаго, присковое и заводское населеніе. Что положеніе, несмотря на свою неудовлетворительность, сохраняется долго безъ измѣненія, авторъ считаетъ результатомъ подвѣдомственности дѣла не мѣстному органу самоуправления, а далекому начальству. Мѣры, предлагаемыя врачемъ для улучшенія дѣла, сводятся къ слѣдующему:

- 1) Увеличеніе числа врачебныхъ пунктовъ.
- 2) Освобожденіе врачей отъ судебно-полицейскихъ обязанностей.
- 3) Изъятіе присковъ и заводовъ изъ врачебныхъ участковъ, и обязательное устройство самостоятельныхъ приемныхъ покоевъ при названныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ.
- 4) Передача врачебной части мѣстному органу общественнаго управленія.

Комитетъ единогласно принялъ всѣ предложенія докладчика и постановилъ особенно выдѣлить пунктъ объ освобожденіи врачей отъ судебно-полицейскихъ обязанностей.

Въ этомъ же комитетѣ былъ заслушанъ докладъ инородца Г. П. Чаркова—о содѣйствіи женскому образованію у инородцевъ.

Съ глубокой грустью говоритъ докладчикъ о матеріальномъ и культурномъ убожествѣ массы народа, ютящейся въ разбросанныхъ по огромной степи маленькихъ улусахъ. Никакихъ умственныхъ интересовъ, никакихъ признаковъ культуры: нѣтъ даже стремленія

улучшить жилище и кухню. Единственное развлеченіе—питье, практикуемое во всякое время по всякому поводу—въ праздники, прїѣзды гостей и безъ всякихъ поводовъ. И пьютъ женщины еще усерднѣе мужчинъ. Между тѣмъ, по оригинальному взгляду докладчика, въ настоящій моментъ для инородческаго населенія культурное развитіе женщины еще важнѣе, чѣмъ образованіе мужчины. Она задаетъ тонъ всему быту, она устраиваетъ домъ, въ ея рукахъ—забота о чистотѣ, опрятности въ кухнѣ и—главное, о воспитаніи молодого поколѣнія. Между тѣмъ на все инородческое населеніе *нѣтъ ни одного женскаго училища*. И авторъ выступаетъ съ просьбой объ открытіи хотя-бы одного женскаго училища, для котораго указываетъ на мѣсто—*Чарковскій улусъ*. «Въ программу обученія ученицъ внести: 1) чистоту; 2) чтеніе и пересказъ прочитаннаго; 3) записываніе прихода—расхода по домашности; 4) простое кулинарное искусство; 5) огородничество; 6) домоводство». Во главѣ училища докладчикъ хотѣлъ бы видѣть человѣка, преданнаго дѣлу, способнаго оказать вліяніе и на взрослое населеніе и разсказами объ иныхъ условіяхъ жизни.

Далѣе былъ подвергнутъ тщательному обсужденію вопросъ объ административномъ устройствѣ инородцевъ, способахъ отбыванія податей и повинностей, о судѣ и своеобразныхъ земельныхъ отношеніяхъ у инородцевъ. Было выяснено, что существующія нормы кореннымъ образомъ расходятся съ потребностями жизни.

Управленіе, по закону, состоящее изъ инородныхъ управъ, родовыхъ старостъ и общихъ сходовъ родовичей, въ настоящее время выродилось въ нѣчто совсѣмъ иное: инородныя управы изъ коллегіальныхъ учреждений обратились въ единоличныя, такъ какъ члены ихъ, головы и выборные, отбываютъ свою повинность по очереди; родовые старосты изъ единоличныхъ и самостоятельныхъ должностныхъ лицъ обратились въ чиновниковъ особыхъ порученій при управахъ; общіе сходы родовичей инородныхъ управъ обратились въ представительныя учрежденія, состоящія изъ членовъ управы, родовыхъ старостъ и изъ двухъ довѣренныхъ отъ каждаго рода. Неурядицы являются слѣдствіемъ такого положенія. Должности превращаются въ тягости. Наиболѣе сложны функціи родоваго старосты: «Онъ производитъ дознанія, онъ исполняетъ порученія становаго пристава, онъ приводитъ въ исполненіе рѣшенія мировыхъ судей, онъ является распорядителемъ родовыхъ суммъ, онъ—все... но онъ и ничто, потому что у него одна забота, одна мысль—поскорѣй отдѣлаться отъ непріятной повинности».

Родъ—наименьшая управляемая единица, признаваемая закономъ, разбросанъ по улусамъ, для которыхъ не установлено никакихъ органовъ управленія.

«Каждый улусъ предоставленъ самому себѣ, и инородцы каждого улуса составляютъ, *по обычаю*, улусное общество, которое своими средствами поддерживаетъ въ улусѣ и его земляхъ миръ и ограждаетъ безопасность его членовъ. Распорядительнымъ органомъ улуснаго міра является улусный сходъ, исполнительнымъ его органомъ улусный старшина и десятичники». Признаннаго *закономъ* родового старосты улусъ подчасъ даже *не знаетъ* и управляется своими органами, основанными на обычаѣ. «Такой порядокъ не можетъ быть признанъ нормальнымъ въ государствѣ: органы публичнаго права должны регулироваться *закономъ*, но не *обычаемъ*» — *завѣдываніе повинностями* не гарантируетъ уравнительности и справедливости. Подать подушная и въ лучшемъ случаѣ падаетъ одинаково на бѣдныхъ и богатыхъ; но часто бѣдные платятъ больше богатыхъ. Передъ управой отвѣтственъ за весь родъ родового староста, передъ старостой — сборщики, практикующіе азіатскіе способы выколачиванія. — *Инородскій судъ*, именуемый «словесной расправой», представляетъ въ настоящее время анахронизмъ. Онъ не обезпечиваетъ населенію охраны личности и имущества. Достаточно указать, что *кражи* не составляютъ у инородцевъ уголовного преступленія. На сильнаго человѣка да и на всякаго вора трудно найти управу. Въ лучшемъ случаѣ, послѣ долгихъ мытарствъ по инстанціямъ, получается исполнительный листъ, при помощи котораго нечего взыскать съ вора. — *Земельныя отношенія*: отличаются шаткостью и допускаютъ сосредоточиваніе лучшихъ угодій въ однихъ рукахъ и даже совершенное уплываніе земель изъ инородческихъ рукъ. Преходящее право владѣнія у кочующихъ инородцевъ превращается въ собственность, когда инородецъ становится осѣдлымъ: всѣ захваченныя земли тогда утверждаются за нимъ. Съ другой стороны земли захватываются русскими, «переходятъ въ ихъ владѣніе или же въ завѣдываніе органовъ казеннаго управленія и органы инородческаго управленія являются безсильными въ защитѣ инородческихъ интересовъ». Такъ, «вопреки 37 ст. пол. объ инор. земл., курортъ Ширы и самое озеро изъято изъ владѣнія инородцевъ; мало того, въ 1895 г. енис. казен. палата составила инструкціи абаганской инородной управѣ по хозяйственному завѣдыванію въ лѣчебный сезонъ 1895 г. *казенно-оброчной статей* озера Ширы». Тутъ рѣшеніе важнаго земельного участка сопровождалось наложеніемъ непредусмотрѣнной *закономъ* повинности. Небезпеченность имущества и даже личности отражается гибельнымъ образомъ на бытѣ инородцевъ, убиваетъ предприимчивость, охоту къ честному труду, поощряетъ конокрадство и вообще преступность, деморализуетъ нравы. Въ концѣ-концовъ остается недостигнутой и «музейная задача» — сохраненіе этнографической группы, которое преслѣдовалось установленіемъ исключительныхъ условій жизни для инородцевъ. Инородцы вырождаются, по крайней мѣрѣ, духовно».

Но эти исключительныя условія жизни инородцевъ отражаются вредно и на русскомъ населеніи. Возможность легкой эксплуатаціи слабосильнаго племени является сильнымъ соблазномъ для охотниковъ легкой наживы. Торговцы и промышленники, живущіе и промышляющіе въ инородческихъ кочевьяхъ, прибѣгаютъ къ такимъ приемамъ, которые не могутъ быть терпимы въ обществѣ, въ нормальномъ гражданскомъ обществѣ. «Мнѣ даже кажется, — говорить докладчикъ, — что беззащитное положеніе инородцевъ вредно вліяетъ и на начальство, имѣющее къ нимъ отношеніе, пріучая не

стѣсняться дарованными имъ правами. Взять, на примѣръ, тотъ же поселокъ на озерѣ Шира: онъ нынѣ принадлежитъ управленію государственными имуществами, но когда открывается лѣтній сезонъ, то бирскій родъ абак. инор. управы обязанъ содержать въ поселкѣ ямщиковъ для проѣзжающихъ по дѣламъ службы на Шира чиновниковъ. Крестьянскимъ начальникамъ хорошо извѣстно, во что обходится эта повинность инородцамъ».

Выходъ изъ существующаго положенія вещей докладчикъ видитъ въ полной реорганизаціи инородческаго административнаго строя, суда, вообще всѣхъ юридическихъ нормъ на общегосударственныхъ началахъ. «Принадлежность къ инородцамъ можетъ имѣть лишь значеніе этнографическое, но не юридическое». Мѣстное управленіе инородческое должно быть преобразовано по образцу формъ управленія. Слѣдуетъ упразднить инородныя управы и ввести представительныя учрежденія — *волостныя собранія и волостныя управы* на тѣхъ же началахъ, что и для русскаго населенія. Затѣмъ должно быть учреждено или, вѣрнѣе, признано улусное управленіе.— Инородческій *судъ* долженъ быть замѣненъ введеніемъ судебныхъ уставовъ 1864 г.— Для улаженія земельныхъ отношеній, авторъ рекомендуетъ распредѣлять *степныя земли* по улусамъ (*удобныя земли* уже все равно захвачены частными лицами или отдѣльными улусами).

Комитетъ, послѣ тщательнаго обсужденія даннаго вопроса, единогласно принялъ положенія докладчика г. Д. Е. Лаппо.

Мы обозрѣли только главные вопросы, разсмотрѣнные уѣздными и губернскими комитетами о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Было возбуждено и много другихъ вопросовъ, имѣющихъ въ большинствѣ случаевъ чисто мѣстное значеніе. Въ однихъ комитетахъ говорили о мѣрахъ къ поддержанію виноградарства, садоводства, пчеловодства, въ другихъ—о нуждахъ золотопромышленности, въ третьихъ—о пожарахъ, опустошающихъ соломенную Россію, и пр.

Но гдѣ бы о чемъ бы ни говорили комитеты, какой бы ни поднимался вопросъ, вездѣ приходили къ одному общему заключенію: оскудѣла деревня, обдѣнѣлъ земледѣлецъ и землевладѣлецъ, падаютъ промыслы и пр. Вездѣ также пришли почти къ одному и тому же убѣжденію о необходимости скорѣйшей помощи нашей сельско-хозяйственной промышленности. «Южное Обзорѣніе» выясняетъ наиболѣе характерную черту дѣятельности уѣздныхъ комитетовъ. Газета констатируетъ бросающееся въ глаза явленіе, что

работа комитетовъ почти всюду одинакова. Ни климатическія, ни почвенныя условія, ни разнообразіе земледѣльческихъ культуръ въ разныхъ губерніяхъ и уѣздахъ не исключаютъ того общаго, о чемъ думаютъ и чѣмъ заняты комитеты. Это общее не является исключительнымъ предметомъ вниманія комитетовъ, къ нему присоединяются и частности въ зависимости отъ разнообразныхъ условій различныхъ мѣстностей, но оно рѣзко выдѣляется и доминируетъ надъ всѣми остальными сужденіями. Само собою разумѣется, что юго-западный край съ его сахарными заводами и сѣяніемъ свекловичны имѣть однѣ нужды, Крымъ—съ виноградниками и табачными плантаціями, съ неурегулированнымъ воднымъ правомъ,—другія, наконецъ, чисто земледѣльческія губерніи центра—третьи и т. д. Все это будутъ нужды техническія, специально ошутимыя только въ данной мѣстности. И то, что въ этой области годится для тамбовской губерніи—не годится для таврической и наоборотъ. Эти частныя нужды точно также разбираются, рассматриваются комитетами; по поводу ихъ вносятся докладныя записки, высказываются различныя сужденія и т. п. Но, въ концѣ концовъ, разбирая всѣ эти техническія вопросы, комитеты всетаки приходятъ къ выводу, что для успѣшнаго проведенія въ жизнь различныхъ техническихъ мѣропріятій необходимо нѣчто, что убѣдило бы населеніе въ пользѣ и необходимости подобныхъ мѣропріятій. Такимъ «нѣчто» всѣ комитеты единодушно называютъ народное образованіе, уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями и пр. И со стороны, дѣйствительно, можетъ показаться, что комитеты «сговорились», какъ это и кажется реакціонной печати. Но для провинціи, для ея хозяйства всѣ обсуждаемыя комитетами мѣры составляютъ, выражаясь вульгарно,—шкурный вопросъ. «Сговорилась» сама жизнь, сама исторія мѣстнаго хозяйства, которое отразило на себѣ слѣдствія общихъ причинъ, общихъ всѣмъ мѣстностямъ, независимо отъ того, что Бессарабія разводитъ кукурузу, а Подолія—свеклу, потому что темный хохолъ также небрежно и неумѣло будетъ сѣять эту свеклу, какъ темный молдованинъ кукурузу. Да и дѣтели печати, бросающіе обществу подобные упреки, прекрасно понимаютъ, что ни о какомъ «сговорѣ» не можетъ быть и рѣчи, что сама сила вещей принуждаетъ комитеты, въ составѣ которыхъ немало лицъ официальныхъ,—говорить объ одномъ и томъ же.

Изъ всѣхъ комитетовъ едва ли не единственнымъ исключеніемъ является чернскій, въ которомъ чуть ли не единогласно былъ принятъ докладъ г. Бодиско, опубликованный въ «Москов. Вѣд.». Какъ извѣстно, докладъ этотъ, какъ и самый чернскій комитетъ, былъ занятъ

«не столько сельской промышленностью, сколько вопросами уголовного права. Тамъ трактовалось и о поджигателяхъ, и о конокрадахъ, и о коллективной отвѣтственности крестьянскихъ обществъ за погромы, причемъ проводилась грубѣйшая, ненаучная аналогія между общимъ владѣніемъ землей крестьянскихъ обществъ и общей отвѣтственностью. Послѣдній вопросъ новый: онъ дебатировался еще въ прошломъ году въ казанскомъ земствѣ, причемъ однимъ изъ защитниковъ проекта явился представитель науки права изъ казанскаго университета, и, такимъ образомъ, чернскій комитетъ не сказалъ этимъ своего новаго слова.

Конечно, важно освободить деревню и отъ поджигателей, и отъ конокрадовъ, но неужели же въ этомъ вся суть? Развѣ освобожденная отъ этого

элемента деревни перестанетъ вѣрить въ колдуновъ и знахарей, пить безъ просыпу водку, эксплуатироваться всякими кулаками и пр.? И самый наивный человѣкъ, понятно, не повѣритъ этому».

Не повѣрять, конечно, и «Москов. Вѣд.», которымъ пора, наконецъ, признать, что жизнь сама беретъ въ концѣ концовъ свое. Творчество нуждается въ цѣломъ рядѣ благопріятныхъ условій, и притомъ положительныхъ: предоставить, дать возможность, дать средства, знанія, умѣнье. И чиновники, входящіе въ составъ комитета, и земскіе люди, и мѣстные землевладѣльцы, и крестьяне— всѣ придерживаются въ этомъ общемъ вопросѣ одного мнѣнія.

Нѣкоторые органы нашей печати высказали удивленіе по поводу того, напр., обстоятельства, что въ числѣ мѣръ, содѣйствующихъ поднятію нашего экономическаго уровня, многими комитетами указывалось на введеніе обязательнаго обученія грамотѣ.

Всеобщая грамотность и нужды сельскаго хозяйства—что общаго между ними! восклицаютъ нѣкоторые публицисты. По ихъ мнѣнію, задача комитетовъ не должна выходить изъ предѣловъ техники сельскаго хозяйства; ихъ цѣли—указать такія средства, которыя дали бы возможность превратить разорившуюся деревню въ цвѣтущую и истощенную землю въ плодородную. Эти публицисты пожеланія комитетовъ хотя бы только простой грамотности для нашего крестьянина разсматриваютъ, какъ «вторженіе сельско-хозяйственныхъ комитетовъ въ сферу, не подлежащую ихъ компетенціи».

Говорить такъ—это значитъ или быть кастратомъ мысли, или быть завѣдомо недобросовѣстнымъ. Отрицать полезность грамотности въ XX вѣкѣ—это верхъ глупости! Пора бросить утверждать, что «грамотный плутъ—опаснѣе не грамотнаго».

Не надо забывать, что каждый русскій крестьянинъ, что каждый рабочій дорогою цѣною оплачиваетъ свою неграмотность. Да и государству поголовная неграмотность не дешево обходится, такъ какъ она является большимъ тормазомъ, парализующимъ всякія проявленія государственной энергіи.

Не такъ думаютъ, какъ эти доморощенные публицисты, наши крестьяне о пользѣ грамотности. Большой интересъ представляетъ слѣдующій, приводимый «Сарат. Дн.», отзывъ одного крестьянина, который пишетъ:

«Какое могутъ имѣть значеніе сельско-хозяйственныя знанія безъ общаго, развитія крестьянина? Да будутъ ли это настоящія знанія? Надо прежде всего дать возможность крестьянину понимать окружающія его природныя общественныя и экономическія условія такъ, какъ они есть на самомъ дѣлѣ... Надо приучить крестьянина смотрѣть на окружающее глазами современнаго образованнаго общества. Внутрите прежде, что борьба съ природой не есть «богопротивное» дѣло, а до тѣхъ поръ, пока крестьянинъ еще твердо держится пословицы: «Съвецъ не угодить, если Богъ не уродитъ», никакія зна-

нія не проникнуть въ мужицкую среду. Но это опять не все. Когда крестьянинъ сдѣлается способнымъ воспринимать знанія, тогда дайте ему возможность ихъ примѣнять, дайте ему въ собственность клочокъ земли и пусть онъ будетъ хозяиномъ этого клочка, а не рабомъ, какъ теперь... Есть у крестьянъ земли, купленные при посредствѣ Крестьянскаго банка. Какія бы можно было сдѣлать улучшенія на этой землѣ! Но... два раза въ году эта земля назначается въ продажу за недоимки и еслибы даже были умѣнше и знаніе, то никто не отважится вводить какія-либо улучшенія... О будущемъ (а вѣдь всѣ улучшенія могутъ быть только въ будущемъ) крестьянинъ не думаетъ, онъ старается объ одномъ... взять изъ земли все сразу... надо вносить срочные платежи банку. Гдѣ ужъ тутъ о культурѣ думать»...

Костромская земская управа особенно характерно высказалась по вопросу о необходимости образованія народа. «Населеніе, говорить она, растратило всѣ свои богатства. Почву мы выпахали, лѣса вырубилъ, о табунахъ лошадей остались одни воспоминанія, пушной звѣрь и рыба переводятся»... «Никакія усилія насъ не спасутъ, пока мы не одолѣемъ злѣйшаго нашего врага». «Врагъ этотъ—глубокое невѣжество нашего народа». «Какимъ образомъ,—спрашиваетъ управа въ своемъ докладѣ,—можно распространять сельско-хозяйственныя знанія между людьми абсолютно невѣжественными и въ большинствѣ даже неграмотными»? «Россія нуждается не только въ распространеніи грамотности, на чемъ мы держимся теперь, а именно въ народномъ образованіи и просвѣщеніи».

Въ Новгородѣ крестьяне засвидѣтельствовали, что они готовы лишній годъ посылать своихъ дѣтей въ школу, лишь бы они выходили оттуда «образованнѣе», чѣмъ теперь.

Почти всѣ комитеты въ одинъ голосъ настаиваютъ на необходимости образованія и просвѣщенія крестьянъ и на организаціи цѣлой сѣти сельско-хозяйственныхъ школъ, которыя служили бы потребностямъ деревни. «Земледѣльческая Россія,—говоритъ изюмскій комитетъ,—должна быть покрыта сельско-хозяйственными школами, низшими, средними и высшими».

Съ результатами работы комитетовъ мы покончили. Теперь позволимъ себя сказать нѣсколько словъ относительно той среды и условій, при которыхъ работали комитеты. Среда эта довольно разношерстная. Здѣсь и помѣщикъ, и волостной старшина, и священникъ, и земскій начальникъ, и народный учитель, и крестьянинъ. Всѣ охотно и съ радостью откликнулись на призывъ особаго совѣщанія по сельско-хозяйственной промышленности, учрежденнаго въ Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ,—признаваго, что «едва ли цѣлесообразно предпринимать

какія либо мѣры, не спрося мнѣнія тѣхъ, чьи нужды должны удовлетворить эти мѣры».

Наши земства, являясь представителями населенія, почти всѣ искренно отозвались на этотъ призывъ. Земство фактически представлено въ комитетахъ въ лицѣ его исполнительныхъ органовъ—земскихъ управъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что почти всѣ управы отнеслись къ своему назначенію съ горячимъ сочувствіемъ. Нѣкоторыя изъ управъ, какъ напр., бѣлозерская, желая быть хотя до извѣстной степени вѣрной выразительницей настроенія населенія, обратилась предварительно къ отдѣльнымъ крестьянамъ съ слѣдующимъ извѣщеніемъ.

«По Высочайшему повелѣнію въ настоящее время правительство озабочено улучшеніемъ сельскаго хозяйства у крестьянъ и желаетъ выяснить нужды земледѣльческаго населенія, для чего образованъ особый комитетъ, въ который входитъ и земская управа. Земская управа, прежде чѣмъ предлагать какія-нибудь мѣры, хочетъ знать отъ самихъ крестьянъ, что имъ нужно. Поэтому она проситъ васъ выяснитъ причины крестьянской нужды и сообщить, что, по вашему мнѣнію, нужно сдѣлать для того, чтобы улучшить крестьянское хозяйство. Отвѣтъ просимъ прислать не позднѣе 10 августа».

Съ аналогичнымъ предложеніемъ высказаться таже управа обратилась также къ земскимъ гласнымъ, землевладѣльцамъ, врачамъ, учителямъ, священникамъ и др. представителямъ мѣстнаго общества. Въ своемъ обращеніи ко всѣмъ этимъ лицамъ управа, прежде всего, ссылается на мнѣніе особаго совѣщанія, въ которомъ между прочимъ говорилось:

«Особое совѣщаніе пришло къ заключенію, что для выясненія указанныхъ нуждъ безусловно необходимо опросъ мѣстныхъ людей и учреждений, такъ какъ едва ли цѣлесообразно предпринимать какія-либо мѣры, не спрося мнѣнія тѣхъ, чьи нужды должны удовлетворить эти мѣры, кто близко стоитъ къ земледѣлію и кому лучше всего извѣстны его слабыя стороны и насущныя требованія».

Въ заключительныхъ строкахъ своего обращенія управа выражаетъ надежду, что «въ виду крайней важности затронутаго вопроса для всего населенія бѣлозерскаго уѣзда», тѣ лица, къ которымъ она обращается, «не откажутся принять участіе въ общей работѣ по его выясненію и подѣлиться своими наблюденіями и выводами».

Надежды управы оправдались. Она получила чрезвычайно цѣнные указанія и данныя.

Почти всѣ комитеты нашли нужнымъ пригласить въ засѣданіе крестьянъ, народныхъ учителей и вообще лицъ, близко стоящихъ къ деревнѣ.

Елецкій уѣздный предводитель дворянства А. А. Стаховичъ, открывая засѣданіе комитета, въ своей рѣчи къ собравшимся высказалъ слѣдующія нелишенные глубокаго интереса мысли:

«Кому, как не земским гласнымъ, вѣдать «мѣстныхъ пользы и нужды», составляющія предметъ занятій комитета! Я счелъ, конечно, также своимъ долгомъ пригласить старыхъ елецкихъ гласныхъ, убѣжденныхъ и горячихъ земскихъ дѣателей С. С. Бехтѣва (моего уважаемаго предшественника) и Н. А. Хвостова, которыхъ испытанная на земской службѣ мудрость выдвинула на видныя государственныя посты. Въ виду слабого представительства по закону 1890 года въ земствѣ крестьянъ и въ виду того, что большинство затронутыхъ въ комитетѣ вопросовъ касается ихъ быта и интересовъ, я счелъ необходимымъ пригласить нѣсколько знакомыхъ мнѣ по своей дѣятельности и развитію лицъ крестьянскаго сословія, не состоящихъ гласными. Надѣюсь, что, благодаря этому, работы комитета будутъ менѣ кабинетны и теоретичны, жизненнѣе и тѣмъ самымъ, конечно, плодотворнѣе. Счелъ необходимымъ для всесторонняго освѣщенія разнообразныхъ вопросовъ, затронутыхъ комитетомъ, пригласить для участія въ его работахъ представителей всѣхъ вѣдомствъ и специальностей, соприкасающихся съ деревнею и съ жизненными вопросами, разбираемыми въ докладахъ представленныхъ комитету, столь близко стоящихъ къ народу—духовенство, врачей, земскихъ начальниковъ и полицію, представителей вѣдомства юстиціи и фиска, которые облегчатъ намъ разсмотрѣніе вопросовъ юридическихъ и финансовыхъ. Специалисты ветеринары помогутъ намъ правильно разрѣшить вопросы, касающіеся животноводства. Нельзя не пожалѣть, что въ области наиболѣе близкой къ работамъ комитета—агрономіи,—лишь одинъ специалистъ будетъ съ нами работать. При этомъ съ сожалѣніемъ долженъ установить, что онъ прибылъ изъ чужаго, давковскаго уѣзда, хотя и смежнаго и весьма схожаго во всѣхъ отношеніяхъ съ елецкимъ... Приношу ему свою особую благодарность за отзывчивую готовность помочь своимъ просвѣщеннымъ совѣтомъ чужому уѣзду.

«Всѣмъ извѣстно, что причина созыва Державной Волей Государя Императора особаго совѣщанія и опроса черезъ комитеты насъ, земскихъ, мѣстныхъ людей—въ томъ, что всѣми теперь признана серьезность положенія отъ сильнаго, скажу больше, полнаго упадка коренной русской промышленности—сельскаго хозяйства, составляющаго оплотъ и основаніе экономической, а потому и жизни, вообще, нашего государства. Не нахожу нужнымъ разяснять и доказывать, что мощь, процвѣтаніе нашего отечества тѣсно связаны съ процвѣтаніемъ или, скорѣе, благосостояніемъ сельскаго хозяйства—коренной русской промышленности, которой кормится четвертая пятая населенія, и отъ успѣховъ которой находится въ тѣснѣйшей зависимости благополучіе и благосостояніе и остальной одной пятой русскихъ гражданъ. Это—трусизмъ, которымъ не смѣю задерживать ваше вниманіе. И всѣми признается теперь и не на основаніи голословныхъ только и часто мало основательныхъ корыстныхъ lamentацій нѣкоторыхъ сельскихъ хозяевъ, а на основаніи точныхъ, научнымъ методомъ составленныхъ, статистическихъ обследованій, вполне позитивныхъ точныхъ цифровыхъ выкладокъ и данныхъ, сельское хозяйство, а съ нимъ и благосостояніе дорогаго нашего отечества, падаетъ съ каждымъ годомъ съ тревожною, ужасающею быстротою: приобрѣтшія мировую славу, по своей тучности, наши почвы теряютъ свое плодородіе, истощаются, уносятся въ овраги и судоходныя рѣки, превращая ихъ въ несудоходныя. Количество неудобныхъ земель растетъ въ ужасающей прогрессіи. Земледѣльческое населеніе наше, не дожда, вырождается, вымираютъ и мельчаютъ его дѣти и скотъ. Запасы исчезли. Недороды, голодовки, съ кормленіемъ крестьянъ изъ средствъ казны и земствъ,

потому, сдѣлались явленіемъ самымъ обыденнымъ, они стали повторяться часто даже въ одно десятилѣтіе, а не въ столѣтіе, какъ прежде». («Орл. Вѣстн.»).

При открытіи засѣданій губернскаго комитета о нуждахъ сел. хоз. пр. оренбургскій губернаторъ П. Ф. Барабашевъ въ своей рѣчи высказалъ слѣдующую мысль:

«Большинство (изъ васъ),—обращаясь къ членамъ комитета сказали оны,—откликнулось на мой призывъ и прислало свои отвѣты, которые приведены въ систему и нынѣ подлежатъ вашему свободному обсужденію. Итакъ, *дѣлаются болѣзни*, которой страдаетъ наша деревня, поставлены нашими свѣдущими людьми и ими же предлагаются средства для излѣченія этой болѣзни.

Я надѣюсь, что мы при обсужденіи этихъ вопросовъ поставимъ себѣ за правило всегда чувствовать почву подъ ногами, т. е. мы не будемъ допускать мѣръ и рѣшеній непрактичныхъ и неосуществимыхъ. Для справокъ при обсужденіи вопросовъ члены комитета получаютъ составленный въ распорядительномъ комитетѣ обзоръ современнаго состоянія сельскохозяйственной промышленности въ оренбургской губерніи.

Я выражаю увѣренность, что вы горячо отнесетесь къ предстоящей вамъ работѣ, касающейся существеннѣйшихъ и самыхъ жизненныхъ нуждъ населенія, помня, что въ результатѣ удовлетворительнаго ея выполненія получится благосостояніе сельскаго населенія Россіи.

Нужды его, многочисленныя и крайне разнообразныя, могутъ быть подраздѣлены на три главныя обширныя категоріи: нужды нравственныя, матеріальныя и особыя, которыя не подходятъ подъ двѣ предшествующія категоріи».

Въ тамбовскомъ губернскомъ комитетѣ произошло столкновеніе между предсѣдателемъ, губернаторомъ, и членами, которое подробно описано въ «Тамб. Губ. Вѣд.». Дѣло было такъ. Ю. А. Новосильцевъ просилъ предсѣдателя разъяснить, будетъ ли оглашено постановленіе темниковскаго уѣднаго комитета, предшествовавшее обсужденію вопросовъ, изложенныхъ въ программѣ Особаго Совѣщанія.

«Это руководящее постановленіе, легшее въ основаніе всѣхъ дальнѣйшихъ постановленій темниковскаго комитета, согласно докладу г. Новосильцева, признало, что «правильное разрѣшеніе вопросовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности неразрывно связано съ вопросами общегосударственнаго значенія и это постановленіе извѣстно другимъ уѣзднымъ комитетамъ и принято ими сочувственно».

Предсѣдатель заявилъ, что указанное г. Новосильцевымъ постановленіе темниковскаго комитета, какъ относящееся къ вопросамъ общегосударственнаго значенія, къ прочтенію и обсужденію допущено не будетъ, будетъ лишь приложено къ дѣлу и представлено въ Особое Совѣщаніе. На это заявленіе г. Новосильцевъ отвѣтилъ.

что «при такихъ условіяхъ онъ не считаетъ для себя возможнымъ исполнить возложенное на него Высочайшею волей порученіе, по-чему и считаетъ дальнѣйшее участіе въ трудахъ губернскаго комитета бесполезнымъ».

Къ этому заявленію присоединились В. П. Петрово-Соловово, кв. И. Н. Челокаевъ (губернскій предводитель дворянства) и М. М. Любощинскій. Дальнѣйшія пренія по этому предмету были прекращены предсѣдателемъ, заявившимъ, что «онъ считаетъ вопросъ исчерпаннымъ и пренія, въ особенности въ такой демонстративной формѣ, недопустимыми. Каждый членъ можетъ подать свое мнѣніе, изложить его письменно, и это мнѣніе будетъ вмѣстѣ съ дѣломъ представлено въ Особое Совѣщаніе; дѣйствія же его, какъ предсѣдателя, могутъ быть обжалованы».

На другой день представители дворянства и земства (за исключеніемъ 2-хъ предсѣдателей уѣздныхъ управъ, шацкаго и лебедянскаго) не явились, и комитетъ былъ объявленъ предсѣдателемъ закрытымъ.

Обозрѣвая дѣятельность комитетовъ въ земскихъ и неземскихъ губерніяхъ, мы невольно приходимъ къ заключенію о болѣе плодотворности первыхъ комитетовъ. Земскія губернія въ лицѣ своихъ земскихъ управъ имѣютъ хорошо освѣдомленные съ нуждами деревни органы. Въ этихъ губерніяхъ сравнительно хорошо поставлена земская статистика, цифры и изслѣдованія которой во многомъ помогли комитетамъ; здѣсь есть преданный земскому дѣлу и хорошо организованный кадръ работниковъ. Не то мы видимъ въ неземскихъ губерніяхъ. Тамъ нѣтъ ни хорошо поставленной статистики, ни опытныхъ и освѣдомленныхъ людей.

Газета «Аргонавтъ» указываетъ на неблагопріятныя условія, въ которыя поставлена дѣятельность кавказскихъ комитетовъ, благодаря отсутствію «мѣстныхъ дѣятелей деревни», которые могли бы подѣлиться съ ними своими знаніями. Если такіе дѣятели и есть, то еще вопросъ,

«насколько они близки къ сельской жизни, на чемъ основаны ихъ знанія и могутъ ли они мотивировать свои мнѣнія достаточно убѣдительно для лицъ, стоящихъ внѣ нашей мѣстной, чисто кавказской жизни? Вотъ вопросы, которые возникаютъ при разсмотрѣніи программы особаго совѣщанія съ точки зрѣнія интересовъ Кавказа, съ его разноплеменнымъ составомъ и многообразными естественными, экономическими и бытовыми условіями».

Кавказская деревня не имѣетъ интеллигенціи въ смыслѣ лицъ, постоянно живущихъ, работающихъ въ деревнѣ и практически раздѣляющихъ съ крестьянскимъ населеніемъ его горе и радости. Ни мѣстныя учрежденія, ни общія и хозяйственныя условія не привлекаютъ мѣстнаго интеллигента къ

деревнѣ для постоянного тамъ жительства. Исключенія изъ этого правила весьма рѣдки. Кромѣ администраціи, которая съ трудомъ справляется со своими прямыми обязанностями, во всемъ край нѣтъ ни одного учрежденія, которое было бы призвано заботиться объ экономическихъ нуждахъ мѣстнаго населенія, изучало бы эту жизнь, близко присматривалось бы къ ней. Есть еще шесть агрономовъ министерства земледѣлія для 11 кавказскихъ губерній и областей и по одной должности агронома у терскаго и кубанскаго казачьихъ войскъ. Наконецъ, въ различныхъ частяхъ края найдется, можетъ быть, нѣсколько десятковъ лицъ свободныхъ профессій, болѣе или менѣе близко знакомыхъ съ сельско-хозяйственно-экономическими условіями деревни, благодаря своимъ практическимъ сношеніямъ или теоретическому интересу. Большинство этихъ лицъ мало извѣстны и не настолько авторитетны, чтобы ихъ мнѣнія имѣли особенное значеніе. Кто близко знакомъ съ сельскою жизнью края, тотъ знаетъ, что въ каждой деревнѣ можно найти по нѣсколько человекъ съ большими знаніями окружающей ихъ жизни, но эти носители многовѣковаго опыта и народной мудрости, эти патріархи кавказскаго землевладѣнія далеки отъ всевозможныхъ комисій и комитетовъ».

Газета думаетъ, что не скоро заполнится та пропасть, которая на Кавказѣ отдѣляетъ городъ отъ деревни. Не скоро настанетъ то время, когда городъ будетъ понимать деревню, когда между городскимъ и сельскимъ населеніемъ образуется единеніе и общность интересовъ. Городъ пока беретъ изъ деревни все, что возможно, а деревня молчитъ и работаетъ въ потѣ-лица.

«Во внутреннихъ земскихъ губерніяхъ Россіи городъ имѣлъ возможность оказать великую услугу деревнѣ: онъ далъ ей хорошую рабочую интеллигенцію. Эта рабочая интеллигенція, сглотившись около земскихъ учреждений, обязанныхъ заботиться, главнымъ образомъ, объ экономическихъ нуждахъ крестьянскаго населенія, въ теченіе вотъ уже тридцати лѣтъ вынакаетъ во всевозможныя стороны сельской жизни, изслѣдуетъ и изучаетъ ее. Изыскивая способы улучшенія общихъ и экономическихъ условій народа, земскія учрежденія организовали обширную сѣть общихъ и специально техническихъ школъ, доступныхъ для сельскаго населенія, устроили медицинскую помощь, улучшили пути сообщенія, продовольственное дѣло, стали снабжать крестьянъ лучшими сѣменами и усовершенствованными сельско-хозяйственными машинами и орудіями, губернскіе и уѣздные агрономы и земскіе экономическіе совѣты организовали во многихъ губерніяхъ образцовую агрономическую помощь для земледѣльцевъ, кустари получаютъ техническую помощь и т. д. Такая широкая, всесторонняя дѣятельность связала земскую интеллигенцію прочными, неразрывными узами съ интересами крестьянскаго населенія. Въ лицѣ земскихъ учреждений и ихъ дѣятелей центральныя губерніи имѣютъ не только воплотившіеся и авторитетныхъ знатоковъ сельской жизни, но и искреннихъ и горячихъ защитниковъ крестьянскихъ интересовъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ это необходимо. Ихъ мнѣнія и взгляды, дѣйствительно, являются цѣннымъ приобрѣтеніемъ для реформатора крестьянской жизни, драгоценнымъ матеріаломъ для законодателя.

Кого же мы, кавказцы, можемъ посылать въ наши комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности взаимнѣ земскихъ дѣятелей центральныхъ губерній?

Газета думаетъ, что, при наличныхъ условіяхъ, большинство кавказскихъ губернскихъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности могутъ коснуться важнѣйшихъ вопросовъ, поставленныхъ на ихъ обсужденіе, лишь въ общихъ чертахъ, не имѣя возможности ни достаточно подробно обрисовать существующее положеніе вещей, ни, тѣмъ болѣе, намѣтить надежный путь для практическаго ихъ разрѣшенія.

«Сибирская Жизнь» рисуетъ *plac desideria* «казенныхъ» губерній.

«Въ то время,—говоритъ газета,—какъ сельско-хозяйственные комитеты въ земскихъ губерніяхъ сосредоточили свое вниманіе на обсужденіи вопросовъ по предложенной имъ и значительно ими расширенной программѣ, комитеты «казенныхъ» губерній, т. е. губерній, лишенныхъ земскихъ учреждений, хотя и останавливали свое вниманіе на вопросахъ программы, но разсужденія большинства изъ нихъ по трактованнымъ вопросамъ сводились, въ концѣ-концовъ, къ одному утвержденію, что никакія мѣропріятія по улучшенію сельскаго хозяйства въ ихъ мѣстахъ ни къ чему не приведутъ безъ введенія земскихъ учреждений».

Такъ, напримѣръ, кіевскій уѣздный комитетъ заявилъ, что «упорядочить сельско-хозяйственную промышленность возможно только при существованіи широкаго выборнаго земскаго самоуправленія». Донской областной комитетъ и комитетъ ростовскій на Дону постановили ходатайствовать о введеніи земскихъ учреждений въ Донской области. Предсѣдатель житомирскаго комитета, закрывая послѣднее засѣданіе, между прочимъ сказалъ:

«коснувшись главныхъ причинъ, вызывающихъ общій упадокъ сельскаго хозяйства, я не могу не затронуть еще одного большаго мѣста экономической жизни нашего края, а именно—отсутствія земскихъ учреждений, введеніе коихъ составляетъ предметъ нетерпѣливыхъ ожиданій всѣхъ нашихъ лучшихъ общественныхъ силъ. Культурная работа земства въ области сельско-хозяйственной промышленности признана даже его врагами, и намъ остается только пожелать, чтобы и нашъ забытый край сталъ, наконецъ, ареной этой благотворной работы».

Новгородъ-волинскій комитетъ, находя, что «успѣшное разрѣшеніе назрѣвшихъ въ уѣздѣ потребностей экономической и культурной жизни можетъ осуществиться лишь при самодѣятельности мѣстнаго общества, постоянномъ его контролѣ надъ исполнительными органами, единогласно постановилъ ходатайствовать о введеніи въ волинской губ. земства на общихъ съ земскими губерніями основаніяхъ». Предсѣдатель гродненскаго комитета, при закрытіи его засѣданій, выразилъ пожеланіе, «чтобы возможно скорѣе осуществились надежды комитета видѣть у себя выборное земство, къ которому и перешли бы заботы о нуждахъ мѣстнаго населенія и мѣстнаго сельскаго хозяйства».

Большинство комитетовъ не земскихъ губерній вполне опредѣленно и категорически высказались за земство. Архангельскій комитетъ присоединился къ комитетамъ другихъ не земскихъ губерній и постановилъ ходатайствовать о введеніи въ своей губерніи земства. Газета «Сѣв. Кр.» даетъ поучительную картину того, что представляетъ собою архангельская губернія безъ земства.

Въ ней около $\frac{3}{4}$ дѣтей школьнаго возраста не можетъ попасть въ школу; нѣтъ народныхъ библиотекъ, чтеній, повторительныхъ курсовъ и т. п. Въ дѣлѣ врачебной помощи населенію — 9 больницъ на всю губернію, одна больница на 84,000 кв. верстъ и болѣе чѣмъ на 40,000 населенія. Между Онегой и Архангельскомъ, на разстояніи 240 верстъ ни одной больницы, между Онегой и Кемью на разстояніи болѣе 250 верстъ ни одной больницы и всего одинъ фельдшерскій пунктъ... Въ дорожномъ дѣлѣ и до сихъ поръ половина губерніи во время осенней распутицы отрѣзана на болѣе или менѣе долгій срокъ отъ губернскаго города.

На чемъ же основывается и изъ чего вытекаетъ такое страстное желаніе казенныхъ губерній имѣть у себя земство? Довольно обстоятельный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ членъ комитета ростовскаго-на-Дону, г. С. М. Малышевъ. Онъ говоритъ:

«въ губерніяхъ неземскихъ одна школа приходится на 7,346 человекъ населенія, а въ земскихъ—на 1,919 человекъ; въ первыхъ—одинъ учащійся приходится на 111 чел. населенія, во вторыхъ—на 54 чел. Въ земскихъ губерніяхъ одинъ врачъ приходится на 25—30 тысячъ душъ населенія, съ разъѣздами въ 15—25 верстъ; въ неземскихъ же на 80—90 тыс. человекъ, съ разъѣздами въ 50—70 в. Больничное дѣло въ земскихъ губерніяхъ очень сильно развито, и населеніе привыкло къ нему; больницы обставлены хорошо и подаютъ серьезную помощь, не исключая и больныхъ хирургическихъ. Наоборотъ, въ «казенныхъ» губерніяхъ больницъ мало, и онѣ плохо устроены: врачи, обремененные разъѣздами, ограничиваются больше подачей амбулаторной помощи и часть своихъ обязанностей передаютъ фельдшерамъ, зачастую не весьма высокаго достоинства. Однимъ словомъ, какую бы отрасль земскаго дѣла мы ни взяли, въ каждой изъ нихъ земскіе люди не только проявили солидную дѣятельность, но и придали ей живую форму и правильную организацію».

Такимъ образомъ, у «казенныхъ» губерній есть серьезныя основанія для ихъ *ria desideria*. Нужно надѣяться, что осуществленіе этихъ *ria desideria*—не за горами.

Работы уѣздныхъ и большинства губернскихъ комитетовъ окончены и въ февралѣ мѣсяцѣ онѣ будутъ представлены въ Петербургъ въ особое совѣщаніе. Правда, нѣкоторые губернскіе комитеты не окончили еще своихъ работъ и не дали еще своего заключенія по работамъ уѣздныхъ комитетовъ. Такимъ образомъ, вопросъ о продленіи срока представленія заключеній губернскихъ комитетовъ въ Особое Совѣщаніе требуетъ непремѣннаго разрѣшенія въ утвердительномъ смыслѣ. Нужно думать, имъ это продленіе срока и дано будетъ. Не надо забывать тѣхъ великихъ задачъ, къ разрѣшенію которыхъ были призваны уѣздные и губернскіе комитеты. Нужды деревни и сельско-хозяйственной промыш-

ленности столь обширны, что для выясненія и изученія ихъ требуется много времени.

Особому Совѣщанію, подъ предѣлательствомъ министра финансовъ, предстоитъ трудная и серьезная работа надъ изученіемъ и разработкою того громаднѣйшаго матеріала, который будетъ представленъ ему губернскими комитетами. Много нужно вниманія по этому матеріалу, много нужно терпѣнія, чтобы разобраться въ этомъ матеріалѣ, классифицировать его, много любви нужно къ деревнѣ и русскому народу, чтобы охотно и детально выискнуть въ нужды и потребности нашей бѣдной сельско-хозяйственной промышленности.

Государю было благоугодно поставить во главѣ этого совѣщанія министра финансовъ, съ именемъ котораго русское общество привыкло связывать представление о силѣ и ясности государственнаго ума, о широкомъ починѣ и большой энергіи въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей.

Русское общество, безъ различія сословій и положенія, съ понятнымъ вниманіемъ будетъ ждать рѣшенія особымъ совѣщаніемъ столь насущныхъ и жизненныхъ вопросовъ, затрагивающихъ судьбы 140 миллионнаго народа, обѣднѣшаго, разорившагося, голодающаго и вырождающагося. Въ рукахъ Особаго Совѣщанія въ настоящее время всѣ данныя къ выясненію нуждъ нашей сельско-хозяйственной промышленности, и отъ него зависитъ поднять эту промышленность, возродить русскій народъ.

Уѣздные и губернскіе комитеты работали надъ выясненіемъ нуждъ деревни съ любовью и преданностью. Каждый изъ нихъ при разрѣшеніи вопросовъ столь громадной важности руководствовался лишь важностью поставленной высшимъ правительствомъ задачи, своей совѣстью и своимъ разумѣніемъ. Они высказали полную и искреннюю правду, не затуманенную, не искаженную никакими посторонними соображеніями. Земскіе люди, нужно думать, исполнили свой священный долгъ предъ страной и вполне оправдали довѣріе Монарха, пожелавшаго выслушать мнѣніе мѣстныхъ людей по столь серьезному и жгучему вопросу—вопросу о благосостояніи Россіи.

Не одни земскіе люди, но и все русское общество съ нетерпѣніемъ и съ понятною тревогою въ сердцахъ будетъ ждать заключенія Особаго Совѣщанія по вопросу объ оскуденіи и обѣднѣніи русскаго народа и о средствахъ, способныхъ излѣчить наши язвы, уничтожить причины, породившія столь печальныя явленія.

Дай Богъ, чтобы плоды работы Особаго Совѣщанія были плодотворны и плодоносны. Русскій земледѣлецъ и землевладѣлецъ

не принадлежать къ особой породѣ людей, неспособныхъ къ культурѣ и прогрессу. Русскій народъ создалъ необъятную имперію; онъ перенесъ много крупныхъ и серьезныхъ домокъ въ своемъ бытѣ, хозяйствѣ и деревенскомъ укладѣ. Всѣ политическія и социальныя бѣды и невзгоды онъ вынесъ и всегда возрождался къ новой жизни, какъ сказочный фениксъ изъ пепла.

Теперь онъ оскудѣлъ, обѣднѣлъ, но не настолько, чтобы не возродиться вновь, чтобы не окрѣпнуть, чтобы не заживить свои раны.

Возрожденіе русскаго народа—въ рукахъ Особаго Совѣщанія.

Д. Райскій.

Украинская ночь.

~~~~~

Когда на днѣпровскія воды
Спускается лѣтняя ночь
И, за день уставши, природа
Не можетъ ужь сна превозмочь;
Когда на луга, на поляны,
На воды Днѣпра и на лѣсъ
Глядитъ одиноко Діана
Съ высотъ недоступныхъ небесъ;
И волны чуть слышно играютъ,
И всюду царитъ тишина,—
Русалки тогда выплываютъ
Къ волнамъ съ каменистаго дна.
И слышатся звуки ихъ смѣха,
И пѣсни всю ночь до утра,
И вторить имъ чуткое эхо
Въ сосновомъ лѣсу у Днѣпра.

К.

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ.

Финляндскіе сепаратисты, устраивающіе дикія манифестаціи по адресу своихъ чиновниковъ, оставшихся вѣрными присягѣ и долгу. — Здравый голосъ по адресу сепаратистовъ. — Поляки на русской службѣ. — Русскіе чиновники на окраинахъ. — Русская газета въ роли защитницы евреевъ. — Избіеніе евреевъ кишиневской полиціи. — «Восходъ», открывшій терроръ въ Кишиневѣ. — Фабрикація ангеловъ. — Почему евреи берутъ перевѣсъ надъ христіанами-торговцами? — Польская касса въ рукахъ еврейскихъ литераторовъ. — Кто кого терроризируетъ: Бессарабія евреевъ, или наоборотъ? — Безчисленное количество ревизоровъ... и желѣзнодорожныя катастрофы. — Довля карасей для начальства. — Какъ Кузьма отъучилъ волостнаго старшину брать взятки не за дѣло? — Чрезмѣрное усердіе костромскаго городского. — Печальная исторія съ утопленникомъ. — Вѣсти о недородѣ хлѣба и кормовъ. — Курьезы и раритеты. — Какъ веселятся купеческіе ловеласы въ Ростовѣ-на-Дону? — Какъ учатъ бродячихъ адвокатовъ?

Подъ бокомъ у Петербурга, всего въ какихъ нибудь 30—40 верстахъ отъ столицы русскаго государства, есть «особое» государство съ «особыми» правами и привилегіями. Болѣе 100 лѣтъ существуетъ это «особое» государство, созданное добротой русскихъ государей и приобрѣтенное отъ шведовъ кровью и жизнью русскихъ сыновъ. Дарованныя права и привилегіи этому государству не вызвали ни чувства благодарности у сыновъ этого государства, ни даже простой вѣжливости ни къ государямъ, даровавшимъ милостиво эти права, ни къ народу, на плечахъ котораго выросло, расцвѣло и благоденствуетъ это «особое» государство. Къ дѣйствительнымъ правамъ и привилегіямъ, полученнымъ отъ русскихъ государей, политическіе дѣятели этого «особаго» государства, благодаря разнымъ подтасовкамъ, благодаря равнодушію русскихъ людей къ жизненнымъ интересамъ своего государства, создали цѣлый рядъ фиктивныхъ, призрачныхъ правъ и привилегій. Они нагромодили громадную кучу «мѣстныхъ» особенностей и правъ, построили цѣлый лабиринтъ сложныхъ юридическихъ тонкостей, — они опутали свой народъ, чуждый политики, сѣтью вымысловъ, клеветъ и инсинуацій на русское правительство, они даже съумѣли, выражаясь вульгарно, втереть очки многимъ русскимъ людямъ и нѣкоторымъ органамъ русской печати.

Мы говоримъ о Финляндіи и финляндскихъ сепаратистахъ.

Каждый день газеты и телеграфы приносятъ намъ извѣстія о томъ страшномъ бойкотѣ, которому подвергаются и русскіе люди, проживающіе въ Финляндіи, и предначертанія русскаго правительства, клонящіяся къ объединенію этой завоеванной кровью русскихъ сыновъ окраины съ русскимъ государствомъ, и даже подвергаются бойкоту тѣ финляндскіе политическіе и общественные дѣятели, которые не рѣшаются не исполнить законныхъ требованій русскаго правительства. Бойкотируется все, что такъ или иначе носитъ на себѣ слѣды русскаго вліянія, терроризируются всѣ граждане, рѣшающіеся исполнять требованія русскаго правительства.

Нѣсколько дней тому назадъ, въ Гельсингфорсѣ произошелъ крайне печальный случай грубой, оскорбительной и заранее подготовленной манифестаціи интеллигентной толпы противъ заслуженнаго финляндскаго судебнаго дѣятеля. Подробности этой манифестаціи таковы, что внушаютъ естественное нежеланіе повѣрить, что ихъ могла позволить себѣ толпа людей, притязающихъ на культуру.

Во избѣжаніе неправильныхъ толковъ, редація «Финляндск. Газ.» приводитъ изложеніе событій на основаніи собранныхъ ею и проверенныхъ точно свѣдѣній:

«17 февраля, ко времени прибытія изъ Або вечерняго поѣзда, на гельсингфорскомъ желѣзнодорожномъ вокзалѣ собралась толпа мѣстныхъ интеллигентовъ. Едва только остановился поѣздъ и изъ вагона вышелъ на платформу президентъ императорскаго абоскаго гофгерихта тайный совѣтникъ Стренгъ, какъ собравшіеся окружили его и пріѣхавшаго къ нему на встрѣчу прокурора императорскаго финляндскаго сената дѣйствительнаго статскаго совѣтника Юнона и стали свистать, кричать, плевать и осыпать ихъ невозможными ругательствами. Безчисство толпы дошло до того, что она не позволила Стренгу сѣсть на извозчика и принудила его идти къ ближайшей гостинницѣ пѣшкомъ. Окруженный бушующею толпой 67-лѣтній старикъ-президентъ, спокойно и не торопясь, черезъ площадь прошелъ въ гостиницу *Фениа*, при входѣ въ которую его встрѣтила уже другая толпа интеллигентовъ также со свистками, криками: «измѣнникъ» и всевозможными ругательствами. На требованіе дать ему комнату Стренгъ получилъ отвѣтъ, что ни въ *Фении*, ни въ другой какой-либо гостинницѣ Гельсингфорса онъ помѣщеній не найдетъ. Благодаря содѣйствію полиціи, Стренгу удалось, наконецъ, сѣсть на извозчика и уѣхать къ своимъ роднымъ, у которыхъ онъ и получилъ пріютъ съ престарѣлою своею женой. Нѣсколько интеллигентовъ, однако, послѣдовали за нимъ на изво-

щикахъ и на наружныхъ дверяхъ дома, въ которомъ онъ остановился, прибили заранѣе приготовленное объявленіе съ надписью: Здѣсь остановился измѣнникъ «Стренгъ». Объявленіе это, разумѣется, было тотчасъ же снято полиціей. Спрашивается, въ чемъ провинился передъ гельсингфорскими политиканами почтенный президентъ абоскаго гофгерита, за что встрѣтили они его плевками и криками «измѣнникъ», «продавшійся русскимъ», и почему заблаговременно предувѣдомленные изъ Або о вѣздѣ его въ Гельсингфорсъ главари революціонной партіи приготовили старику-президенту такой оскорбительный приемъ? На всѣ эти вопросы отвѣтъ одинъ: потому что тайный совѣтникъ Стренгъ вмѣстѣ съ двумя членами императорскаго абоскаго гофгерихта отказался примкнуть къ большинству 16 чиновъ гофгерихта, отвергнувшихъ по приказанію агитаторовъ Высочайшее повелѣніе о новомъ порядкѣ преслѣдованія за должностныя преступленія и вслѣдствіе этого уволенныхъ отъ службы безъ пенсіи. Измѣнникомъ онъ объявленъ за то, что остался вѣренъ долгу службы и принесенной имъ вѣрноподанической присягѣ Государю Императору подчиняться законамъ и творить судъ по совѣсти. На языкѣ же главарей «кагала» (во время февральскихъ беспорядковъ 1901 года прокламаціи именовали группу агитаторовъ «тайнымъ патріотическимъ союзомъ», но въ шведскихъ и финскихъ газетахъ тогда же установилось наименованіе «кагала») измѣнникъ не тотъ, что отвергаетъ силу закона и безпрекословно исполняетъ всѣ распоряженія этого кагала, а тотъ, кто чтитъ святость закона и повинуется велѣніямъ верховной власти. Мы думаемъ, что безвинно оскорбленные служители закона найдутъ себѣ утѣшеніе въ сознаніи, что совѣсть ихъ чиста, какъ передъ Царемъ, такъ и передъ отечествомъ и исторіей».

Такая же дикая манифестація по адресу этого вѣрнаго слуги русскаго правительства послѣдовала и при возвращеніи его изъ Гельсингфорса въ Або. По словамъ «Финляндск. газ.», кучка представителей интеллигенціи, среди которой была и учащаяся молодежь, ожидала прихода поѣзда, встрѣтила президента императорскаго абоскаго гофгерихта тайнаго сов. Стренга свистками и оскорбительными криками, затѣмъ, когда онъ сѣлъ въ экипажъ, нѣсколько человекъ гнались за нимъ на извозчикахъ съ ругательствами и свистомъ, но были на полпути задержаны полиціей. Позже кучка людей покушалась произвести манифестацію предъ квартирой президента, но попытка эта устранена мѣрами полиціи.

Итакъ, финляндскіе сепаратисты не ограничиваются бойкотомъ однихъ только русскихъ людей, но начинаютъ травить и своихъ чиновниковъ, оставшихся вѣрными присягѣ и долгу. Это средство

может повліять только на малодушныхъ, на людей же съ развитымъ пониманіемъ своихъ обязанностей оно не окажетъ никакого воздѣйствія.

Дикія манифестаціи, устроенныя въ Гельсингфорсѣ и Або по адресу Стренга, встрѣтили осужденіе въ старофинской газетѣ «Uusi Suometar». Подъ заглавіемъ «Теорія и практика», эта газета (№ 55 отъ 7 марта н. ст.) пишетъ слѣдующее:

Когда нѣсколько времени назадъ обнародовали и распространили извѣстный «народный катехизисъ», нѣкоторые «основозаконные финноманы» возбудили противъ него слабый и, понятно, анонимный протестъ. Этихъ основозаконныхъ финномановъ строго запрещается смѣшивать съ «основозаконными финляндцами». Какъ послѣдніе думаютъ объ этомъ красномъ «катехизисѣ», мы такъ и не знаемъ... Но когда его ученія въ возможнѣйшей полнотѣ и въ безразсуднѣйшей формѣ осуществляютъ на практикѣ, когда даже съ высокопоставленными должностными лицами и ихъ женами, также какъ и съ прочими гражданами, позволяютъ себѣ въ публичныхъ мѣстахъ обращаться до-нельзя дико и грубо, когда пріѣзжимъ препятствуютъ нанимать извозчиковъ и помѣщенія, не говоря уже о прочихъ грубыхъ мерзостяхъ, которыя сплозна совершаются по указаніямъ этого катехизиса,—тогда никто и не пикнетъ, не раздастся даже слабѣйшаго протеста со стороны основозаконныхъ финномановъ и финляндцевъ. Печально и отвратительно видѣть, до чего дошла у насъ дикость. Но еще печальнѣе то, что болѣе разсудительные люди, которые видимо все таки существуютъ, не рѣшаются отдѣлиться отъ безразсудныхъ союзниковъ. Не хотятъ обратить вниманія, что все это доведетъ до общей гибели весь нашъ народъ, виновныхъ и неповинныхъ».

Финская газета хотя и заявляетъ свой протестъ неясно, намеками только, не рѣшаясь открыто высказаться опредѣленно, но, тѣмъ не менѣе, весьма интересны ея указанія на связь послѣднихъ скандальныхъ манифестацій съ поученіями подпольнаго революціоннаго «катехизиса».

Та же газета, чрезъ 3 дня (№ 58), вторично возвращаясь къ гельсингфорской демонстраціи, говорить:

«Изъ года въ годъ въ странѣ нашей упражняются въ самомъ безцеремонномъ и слѣпомъ подстрекательствѣ противъ отдѣльныхъ гражданъ, въ особенности противъ занимающихъ видное положеніе, и даже противъ ихъ женъ и дѣтей. Не спасаетъ, однако, и болѣе скромное общественное положеніе, въ особенности если провѣдаютъ, что тотъ или другой не слѣдуетъ предписаніямъ такъ называемаго «общественнаго мнѣнія». Припомнимъ только, какъ обращались здѣсь, въ Гельсингфорсѣ, да и въ другихъ мѣстахъ, съ подлежащими воинской повинности молодыми людьми во время призыва. Кто былъ виновникомъ тѣхъ постыдныхъ поступковъ? — Конечно «никто». Это, говорятъ, было «непосредственнымъ проявленіемъ оскорбленнаго чувства народнаго правосознанія!» Слѣдуетъ ли этому

продолжаться и впредь, или же безусловною обязанностью болѣе благоразумныхъ гражданъ было препятствовать возобновленію такихъ выходовъ? Если вѣрно послѣднее, то какъ достигнуть предупрежденія повторенія подобныхъ вещей? Несомнѣнно, всего хорошаго можно бы достигнуть, еслибы уважаемые граждане прямо, не скрывая своихъ именъ, провозгласили свое неодобреніе».

Время идетъ, страсти успокаиваются и голосъ разсудка и благоразумія начинаетъ понемногу брать верхъ надъ порывами страсти.

А преобразованія въ Финляндіи идутъ своимъ чередомъ. Какъ объявлено въ «Финл. Газ.», по всеподданнѣйшему докладу финляндскаго генераль-губернатора, Государю Императору благоугодно было 13-го (26) февраля с. г. Высочайше соизволить, чтобы при назначеніи на службу и увольненіи отъ нея коронныхъ фохтовъ и ленсмановъ примѣнялись правила, установленныя на этотъ предметъ для чиновъ полиціи.

Поясняя значеніе этой мѣры, «Финл. Газета» говоритъ:

«Должности коронныхъ фохтовъ и ленсмановъ соотвѣтствуютъ имперскимъ должностямъ уѣзднаго исправника и становаго пристава. Какъ у этихъ послѣднихъ должностныхъ лицъ, такъ и у фохтовъ и ленсмановъ, кромѣ обязанностей чисто полицейскихъ, имѣются еще и обязанности административныя, но тѣмъ не менѣе преобладающій характеръ ихъ дѣятельности чисто полицейскій, а потому причисленіе ихъ къ чинамъ полиціи представляется вполне цѣлесообразнымъ».

Своими дикими манифестаціями противъ Россіи и русской власти, своими нетактичными выходками противъ своихъ чиновниковъ, оставшихся вѣрными своему долгу и присягѣ, финляндцы не достигнуть своихъ цѣлей обособленія своего народа отъ имперіи и не затормозятъ тѣхъ преобразованій и предначертаній, которыя намѣчены Высочайшею властью для объединенія Финляндіи съ русскимъ государствомъ.

Въ Россіи есть вѣдомства, которыя особенно дружелюбно и милостиво относятся къ полякамъ. Въ этихъ вѣдомствахъ, по обыкновенію, болѣе половины служащихъ — это поляки. Сплоченные одною общею идеею, проникнутые одною тенденціею, они представляютъ изъ себя компактную, плотную группу, работающую исключительно «для себя» и «для своихъ» сородичей. Это своего рода кагалъ, который терроризируетъ все не-польское, помогаетъ и выдвигаетъ впередъ только поляковъ. Полякъ-чиновникъ — это существо *suī generis*. Лъстивое, вкрадчивое, покорное и приниженное по виду, но лишь только стоитъ поляку занять отвѣтственный

постъ, онъ высоко поднимаетъ голову, въ немъ рѣзко начинается говорить шляхетская гордость. Въ департаментахъ и правленіяхъ появляются сначала родственники этого высокопоставленнаго поляка, добрые знакомые, земляки и, наконецъ, сородичи. Вопаряется кагалъ, учрежденіе принимаетъ иногда особый отпечатокъ и окраску.

Въ № 35 «Варш. Дн.» любопытное и характерное письмо о полякахъ-чиновникахъ.

«Подборъ служащихъ на привислинскихъ желѣзныхъ дорогахъ вообще и въ службѣ сборовъ въ частности, — говоритъ авторъ письма, — требуетъ желать очень многого. Не буду говорить о томъ процентномъ отношеніи служащихъ поляковъ и русскихъ, которое, по моему мнѣнію, въ силу циркуляра г. министра путей сообщенія, должно соблюдаться, скажу одно, что русскихъ весьма мало, и тою незначительною частью замѣщены низшія должности, всѣ же остальные занимаютъ поляками. Большинство ихъ находятся между собою въ родственныхъ связяхъ, эти же родственники, поступаая на службу, даже не заботились о томъ, что все-таки они будутъ служить въ казенномъ учрежденіи, гдѣ знаніе русскаго языка необходимо; на самомъ же дѣлѣ это ихъ ничуть не смущаетъ, и вы на каждомъ шагу встрѣтите незнакомаго съ русскимъ языкомъ. Вся надежда возлагается, конечно, на wujow или другихъ родственниковъ, которые своимъ вліяніемъ ихъ выручаютъ.

«Такія личности не могутъ серьезно относиться къ своему дѣлу; они смотрятъ на то, какъ бы скорѣе прошли положенные для занятій 6 часовъ и скорѣе бы получить жалованье. Во все же остальное время вы ихъ можете встрѣтить или въ кондитерскихъ, или на варшавскихъ улицахъ, засматривающими подѣ шляпки проходящихъ дамъ.

«Привыкнувъ смотрѣть на все слегка, они преслѣдуютъ одну цѣль: гдѣ бы заполучить денегъ. Отсюда всѣ эти злоупотребленія: кражи документо́въ, подлоги въ счетахъ и пр. Мнѣ кажется, ни на одной изъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ не совершается столько злоупотребленій, сколько на привислинскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Полгода не проходитъ, чтобы не открылось какое-либо дѣло. Хотя бы, для примѣра, взять 1902 годъ. Не кончилось дѣло о подлогахъ въ нѣсколько тысячъ рублей, сдѣланныхъ г. Рачинскимъ, скрывшимся неизвѣстно куда, какъ подѣ конецъ года явились другія: полученіе денегъ съ подложною подписью по наложенному платежу, пропажи отправокъ товаровъ и пр. Подобныя печальныя явленія производятъ удручающее впечатлѣніе на новаго человѣка. Больно и обидно за себя и за другихъ. (Служащій службы сборовъ)».

Наша печать слишкомъ мало занимается поляками-чиновниками,

а этот вопрос заслуживает самого серьезного внимания и освещения.

На наших окраинах царят особые порядки, и люди там, стоящие во главѣ всевозможныхъ управленій, особые люди, мнящие себя маленькими индійскими набобами, неподлежащими никакой ответственности. «Вост. Обзор.» рассказываетъ про невѣроятные почтовые порядки, царящіе въ сибирскихъ городахъ. Въ куйтунскомъ почтово-телеграфномъ отдѣленіи начальникъ послѣдняго — распечатываетъ интересныя для него письма, читаетъ ихъ и потомъ имѣетъ еще нахальство распечатанныя передавать по принадлежности съ усмѣшкою, вскрываетъ при получателяхъ посылки не для пользы службы, а когда видитъ, что можно извлечь изъ посылки пользу для себя. Такъ, напримѣръ, получается посылка съ обменами, таковую вскрываютъ, и несмотря на протесты получательницы большая половина остается у начальства, чѣмъ доводитъ бѣдную получательницу, затратившую свои послѣднія деньги, почти до слезъ, а начальство мило улыбается и подтруниваетъ. Получается посылка съ картинами—вскрывается и опять несмотря на несогласіе получателя отбираются нѣсколько штукъ въ свою пользу. Сдаются цѣнные пакеты, и вотъ начинается чтеніе бумагъ вслухъ такъ, чтобы все слышали. Когда посылаются на дѣйствія его жалобныя телеграммы, то ихъ прочитываютъ также вслухъ и, усмѣхаясь, кладутъ въ карманъ, объявляя, что таковыя отосланы не будутъ. И такимъ инцидентамъ нѣтъ числа. Съ грубымъ обращеніемъ мы какъ бы уже примирились. Неужели нѣтъ узды для такихъ господъ? Внемлите, кому вѣдать должно! Вѣдь есть же законъ для огражденія нашихъ интересовъ, и кому-нибудь да поручено наблюдение за его исполненіемъ. Вы служите гласности, г. редакторъ! не откажите намъ въ оглашеніи названныхъ фактовъ и тѣмъ помогите нашему горю. Все сказанное здѣсь—правда, что и готовы подтвердить подъ присягой».

На окраины отправляются не лучшіе люди, а тѣ, которымъ или не повезло въ центрѣ, или тѣ, которымъ бабушка ворожитъ, и которые желаютъ сдѣлать карьеру форсированнымъ маршемъ. Отъ этого страдаетъ не только дѣло, но вообще престижъ русскаго человѣка и русскаго правительства.

Мы опять объ еврейскомъ вопросѣ и евреяхъ. Есть вещи, о которыхъ нельзя молчать. Еврейскій вопросъ принадлежитъ именно къ числу такихъ острыхъ, жгучихъ вопросовъ, о которыхъ не говорить грѣшно, постыдно и даже преступно. Молчаніе въ этомъ

случаѣ значить не болѣе — какъ нелюбовь къ своему народу, равнодушіе къ его правамъ, попираемымъ на каждомъ шагѣ евреями.

Жидъ развращаетъ русскую публику, сбиваетъ ее съ толку. Онъ забралъ силу въ судѣ, въ адвокатурѣ, въ медицинѣ, а теперь даже и въ прессѣ. Газета въ рукахъ еврея — публициста—это многотысячная аудиторія, жадно прислушивающаяся къ ея мнѣнію и голосу. Еврей-публицистъ работаетъ не въ интересахъ русскаго народа, а исключительно—своего племени.

Когда имѣешь дѣло съ *настоящей* еврейской газетой, то тутъ еще полбѣды. Противникъ выходитъ съ открытымъ лицомъ, слѣдовательно знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Но вотъ бѣда, такъ называемая *еврействующая* печать, работающая съ опущеннымъ забраломъ, тутъ и опытные люди попадаютъ въ просакъ: думаешь русская газета, а въ результатѣ—еврейская. Еврействующія газеты усердно работаютъ ad majorem gloriam іудаизма.

Газета «Русскій Волгарь» недавно выступила противъ «Контрбандистовъ» Эфрона. Эту пьесу и до сихъ поръ еще продолжаютъ терроризировать еврейская и еврействующая печать,—евреи, и юдофилы.

«Пьеса Эфрона «Контрбандисты»,—говоритъ газета,—предначавшаяся къ постановкѣ на сценѣ нижегородскаго театра, мѣстной администраціей не разрѣшена, вслѣдствіе чего снята съ репертуара. И театръ, и публика отъ этого только выиграютъ, хотя было бы пріятнѣе, еслибы изгнаніе такихъ пьесъ являлось, не мѣрами администраціи, а по инициативѣ распорядителей театральнаго дѣла».

Еврействующая пресса охотно занимается «Контрбандистами» Эфрона и молчитъ о настоящихъ контрбандистахъ—евреяхъ: таможенныхъ и контрабандистахъ мысли, еще болѣе опасныхъ и зловредныхъ...

Смѣлость евреевъ нашихъ растетъ не по годамъ, а по днямъ. Они все болѣе и болѣе начинаютъ терроризировать не только русскую публику, но даже полицію. Въ Кишиневѣ недавно произошло настоящее побоище между евреями и полиціей. Недавно, по словамъ «Бессарабца», на улицѣ, примыкающей къ еврейской синагогѣ, произошелъ кровавый бой между евреями и чинами полиціи. Евреи первые стали тѣснить городского, ведшаго въ полицейскій участокъ задержаннаго имъ еврея, и старались освободить изъ рукъ его своего единоплеменника. Городовой былъ роста большаго и—косая сажень въ плечахъ. Поэтому, понадѣясь на себя, онъ не уступалъ навалившимся на него евреямъ. Но они не хотѣли

слушать ни резонъ, ни угрозы закономъ, и все лѣзли и кричали: «Бить его, собаку!» Атакванный городской далъ свистокъ; прибѣжали къ нему на помощь городовые; сопротивление еврейской толпы перешло въ нападеніе; крики: «Бей ихъ!» усилились, городовымъ приходилось или отступить, уступивъ беззаконію нападающихъ, или—бѣжать. Но это было несогласно ни съ ихъ достоинствомъ, ни съ ихъ обязанностью—устранять беспорядокъ. А между тѣмъ толпа все росла и росла, и городовые инстинктивно схватились за рукоятки пашекъ. Это движеніе было замѣчено евреями; оно какъ бы поддало имъ дерзкой отваги, и толпа загудѣла и рванулась, чтобъ смять городскихъ. Но тутъ вновь прибывшій къ нимъ невысокій, но чрезвычайно сильный городской храбро ринулся въ толпу, замѣтилъ въ ней кричавшаго коновода, одѣтаго въ форму ученика торговой школы, и схватилъ его могучей рукой. Какъ ни старались евреи отбить арестованныхъ, городовые крѣпко держали ихъ: одной рукой держа арестованнаго, каждый изъ этихъ молодыхъ другой рукою дѣйствовалъ по головамъ атакующихъ. Но численное превосходство толпы одолевало, и городовые готовы были уже пасть, когда на выручку ихъ явился конный стражникъ. Онъ врѣзался конемъ въ толпу, которая быстро разбѣжалась въ стороны. Но и тутъ, среди общей паники, нашелся одинъ еврей, который не потерялся: онъ вцѣпился въ узду лошади и повисъ на ней, какъ мертвый грузъ, ободряя другихъ призывомъ: «Бей ихъ, проклятыхъ! Бей!»!. Однако, и онъ скоро былъ схваченъ и присоединенъ къ числу тѣхъ, которыхъ арестовали и, хоть и не безъ страшнаго труда, привели таки въ участокъ. Эта борьба длилась почти цѣлый часъ».

Что же это такое? Въ одномъ городѣ (Одессѣ) евреи бьютъ русскихъ, въ другомъ (Шеловѣ) избиваютъ патруль, въ Кишиневѣ евреи бьютъ полицію. И это происходитъ не ночью, не на окраинѣ города, а днемъ и въ центрѣ города. «Эта борьба евреевъ съ полиціей длилась почти цѣлый часъ», какъ замѣчаетъ «Бессарабецъ». Что же дальше будетъ? Когда же будетъ положенъ предѣлъ терроризаціи евреями русскихъ и всего русскаго?!

Наша пресса—еврейская и еврействующая, конечно, замолчала этотъ фактъ, и это понятно: она служить еврею и еврейскому капиталу. Не можетъ же она идти противъ своихъ господъ! Это слишкомъ уже было бы! Ну, а что же молчать русская пресса? Она молчитъ «ради страха іудейска», чтобы ни нажить себѣ въ лицѣ евреевъ враговъ. Вѣдь, евреи не простятъ газетѣ, которая вздумала бы отмѣчать подобные факты, какъ «побоище въ Кишиневѣ евреевъ съ полиціей».

Въ то время, какъ русская печать молчитъ о еврейскихъ подвигахъ, еврейская же усиленно работаетъ на пользу своего племени и всюду становится въ защиту правъ своего народа, хотя бы эти права не подвергались никакому насилію и давленію. Но она всетаки громко и... нахально кричитъ.

Въ Россіи, по словамъ «Восхода», воцарился страшный терроръ... Такой терроръ, какого еще никогда не видѣла русская земля. Въ этой еврейской газетѣ напечатана страшная корреспонденція изъ Кишинева о воцарившемся тамъ террорѣ, потрясающемъ основы, грозящемъ разрушеніемъ всѣмъ государственнымъ, а не однимъ только кишиневскимъ,—устоямъ. Корреспонденцію эту мы приводимъ дословно...

«Кишиневъ. Кучка мелкихъ мастеровыхъ, начитавшись «фобствующей» макулатуры, задумала свести счеты съ евреями. На-дняхъ въ ремесленной управѣ состоялся сходъ ремесленниковъ, мебельныхъ столяровъ, для выработки раскладки цеховыхъ сборовъ. Само собою разумѣется, что большинство явившихся (39 чел.) еврей, а христіанъ явилось всего 14 чел. Эти послѣдніе, по инициативѣ какого-то совершенно посторонняго субъекта—одѣялаго мастера,—рѣшили сдрать со всѣхъ евреевъ-купцовъ, торгующихъ мебелью, по 25 руб. цеховаго сбора. Для этого они, отлично зная, что всѣ торговцы мебелью изъ христіанъ—мастера, торгующіе на основаніи своихъ атестатовъ, а всѣ торговцы-евреи—на основаніи купеческихъ свидѣтельствъ,—предложили обложить «всѣхъ» купцовъ цѣховымъ сборомъ въ 25 руб. съ каждаго, а мастеровъ въ 1 руб.

Еврей, разумѣется, на это не согласился, отклонилъ предложеніе новопеченныхъ «антисемитовъ» и согласился на обложеніе купцовъ 10-ти рублевымъ сборомъ; тѣ же не пожелали поддаться евреямъ, произошелъ горячій обмѣвъ мнѣній и, въ концѣ концовъ, кучка «фобовъ» рѣшила, что на «большинство, состоящее изъ евреевъ, намъ наплевать».. А потому они, большинствомъ 14 голосовъ противъ 39, постановили: установленную ими раскладку «утвердить»...

Возмущенные такимъ образомъ дѣйствіемъ, еврей-мастера обратились съ жалобой и протестомъ противъ раскладки, навязываемой кучкой изъ 14 человекъ всему соходу, къ г. Степанову (ремесленному головѣ). Послѣдній просто изумился поведенію своевольныхъ раскладчиковъ, отказался принять протестъ, заявивъ, что подобнаго рода раскладка—такая нелѣпость, что и протестовать не нужно, и тутъ же предложилъ мастерамъ собраться на другой день для выработки вполне законной раскладки.

Но удивляться ли тому, что 14 мастеровъ-христіанъ своевольничаютъ и терроризируютъ 39 мастеровъ-евреевъ,—когда тутъ сталкиваешься съ фактомъ терроризированія 5—6 христіанами, болѣе или менѣе культурными, 65—70 человекъ-евреевъ, не ремесленниковъ, а людей вполне развитыхъ, среди которыхъ не мало университетски-образованныхъ!.. Существоющій здѣсь «Семейный Кружокъ» насчитываетъ 70—75 членовъ, изъ коихъ 5—6 христіанъ (попавшихъ въ члены «Кружка» по рекомендаціи евреевъ), а остальные—евреи. Подъ влияніемъ той же злобствующей макулатуры, или чего-либо другаго—трудно сказать,—членамъ христіанамъ вдругъ захотѣлось выписать для клуба тогда еще не выходившее, но уже знаменитое «Здямъ»

пресловутаго Крушевана. Понятно, члены-евреи, предвидя, что такого рода съ позволенія сказать, газета ничего кромѣ грязи не принесетъ,—рѣшительно запротестовали противъ покушенія на отравленіе здороваго воздуха общественнаго учрежденія специфическимъ запахомъ «Знамени»; кромѣ того они указали на то, что съ нихъ довольно получающагося въ клубѣ «Бессарабца». Но никакіе резоны не помогли и господа заправила клуба, на манеръ столяровъ, рѣшили «большинствомъ» полтора противъ 65—70 голо-совъ: «наплевать на все и поставить на своемъ». Мало того: они рѣшили прекратить подписку на получаемыя со дня основанія клуба «Одесскія Новости», ибо это «еврейская» газета.

И что же?—нѣкоторые члены, вида подобнаго рода терроръ, беспомощно опустили руки; но большинство приняло выжидательное положеніе въ надеждѣ на то, что этотъ инцидентъ—явленіе, навѣянное послѣдними всплывшими извѣстнаго рода прессы, и скоро пройдетъ.

Поживемъ—увидимъ».

Удивительный терроръ!

Горсточка русскихъ людей не только дерзнула выписать русскія газеты и отказаться отъ чтенія еврейскихъ «Одесск. Нов.», но посмѣла идти противъ жидовъ. Русскіе люди забыли, вѣроятно, что не они, русскіе люди, — предки которыхъ добыли Бессарабію съ Кишиневомъ,—хозяева этой страны, а евреи—эти пришельцы—являются господами и властителями этого края! Русскіе люди забыли, что они «добыли» этотъ край, а... вѣдь расхищаютъ сокровища этого края, эксплуатируютъ жителей его, какъ аборигеновъ, такъ и русскихъ, евреи... «Восходъ» и напоминаетъ русскимъ объ ихъ забывчивости...

Но этимъ дѣло не кончилось. Терроръ христіанъ противъ евреевъ, по словамъ того же «Восхода», и до сихъ поръ продолжается.

Эта газета опять вопіетъ о томъ, что въ Кишиневѣ христіане «терроризируютъ» бѣдныхъ евреевъ. По словамъ ея,

«Бессарабское общество садоводствъ и плодоводства» начинаетъ проявлять симптомы зараженія злокачественнымъ ядомъ юдофобіи. И если этотъ ядъ не отравитъ и не уничтожитъ его окончательно, то во всякомъ случаѣ, надолго отсрочитъ полный расцвѣтъ, обусловливаемый дружнымъ содѣйствіемъ всѣхъ заинтересованныхъ, — безразлично, на какомъ языкѣ каждый изъ такихъ заинтересованныхъ молится Богу.

Существуетъ это общество сравнительно недавно и всегда принимало въ свое лоно всякаго желающаго. Вдругъ, на послѣднемъ общемъ собраніи, стало извѣстнымъ, что членовъ принимаютъ не иначе, какъ посредствомъ закрытой балотировки. Балотировать — такъ балотировать, подумали трое евреевъ—виноградвладѣльцевъ и опытныхъ хозяевъ, изъявившихъ желаніе вступить въ общество. Но представьте себѣ удивленіе этихъ послѣднихъ, когда въ результатѣ всѣ три были «случайно» забалотированы.

Объяснить свое нежеланіе имѣть въ своемъ кругу этихъ лицъ тѣмъ, что они не принесутъ пользы общественному дѣлу,—господа члены-юдофобы не могутъ, ибо у нихъ, я думаю, еще свѣжо въ памяти замѣчаніе чиновника

особыхъ порученій при министерствѣ земледѣлія г. Балласъ, — что если въ Бессарабіи имѣются виноградныя хозяйства, которыя можно поставить образцомъ совершенства прочимъ, — то это еврейскія; о хозяйствѣ и питомникѣ «Е. К. О.» г. Балласъ далъ прямо восторженный отзывъ. Что касается тѣхъ лицъ, которыя пожелали попасть въ члены общества, то и они извѣстны, какъ образцовые сельскіе хозяева; они первые обзавелись американскими филоксерно-устойчивыми лозами, уничтоживъ мѣстныхъ, и слѣдовательно ничего, кромѣ пользы, обществу не принесутъ. Но подите-жь!..

Кто же внесъ этотъ «злоскачественный ядъ юдофобіи» въ Кишиневъ? Оказывается, по словамъ «Восхода», этотъ «ядъ юдофобіи» внесли газеты «Бессарабець» и «Знамя». Мы можемъ поздравить эти газеты и пожелать имъ дальнѣйшаго успѣха на этомъ поприщѣ.

«Фабрикація ангеловъ» продолжается, и этимъ выгоднымъ ремесломъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, занимаются еврейки. Въ Лодзи оперировала еврея Хая-Рухля Вогенъ, 45 лѣтъ, на этомъ поприщѣ. Она занималась вскармливаніемъ незаконнорожденныхъ дѣтей дѣвиць-евреекъ и для этой цѣли открыла тайный пріютъ для воспитанія дѣтей. Недостатка въ желающихъ сбыть съ рукъ вѣб-брачныхъ дѣтей не было, и Вогенъ широко раскрыла предъ ними двери своего «воспитательнаго дома». За вскармливаніе она брала не особенно дорого, отъ 3—5 руб. въ мѣсяцъ, взимая при этомъ плату всегда впередъ, по возможности за нѣсколько мѣсяцевъ. Получивъ деньги вмѣстѣ съ жертвами, обреченными ею уже заранѣе на немедленную смерть, Вогенъ помѣщала ихъ въ канурѣ, и тутъ начиналось «выкармливаніе» дѣтей, причемъ болѣе здоровыя дѣти изнурялись голодомъ, а менѣе здоровыя—питались молокомъ, разбавленнымъ сырою водою. Въ результатѣ получалось то, что дѣти въ нѣсколько дней заболѣвали и умирали; если же попадались такія дѣти, организмъ которыхъ не поддавался быстро дѣйствію голода, то находчивая воспитательница прибѣгала къ вѣрному средству — удушенію, а чтобы не тратиться на похороны, всѣ трупы дѣтей бросались ею въ выгребныя ямы. Такъ Вогенъ фабриковала «ангеловъ» въ теченіе долгаго времени, пока, наконецъ, въ ноябрѣ 1901 года ей не пришлось дать отвѣтъ объ исчезновеніи ребенка С. матери его, которая потребовала возврата сына, отданнаго ею на воспитаніе Вогенъ. Послѣдняя созналась, что ребенокъ С. умеръ и брошенъ ею въ выгребную яму. Когда же полиція явилась въ «пріютъ» Вогенъ, то нашла еще нѣсколько дѣтей уже въ предсмертной агоніи въ люлькахъ, гдѣ завелись черви. По указанію самой Вогенъ, обнаружено было въ выгребныхъ ямахъ еще нѣсколько трупишковъ дѣтей, задушенныхъ и замороженныхъ Рухлею Вогенъ. Привлеченная къ отвѣтственности, Вогенъ не отри-

чала того факта, что она бросала трупы дѣтей въ выгребныя ямы, но не созналась въ удушеніи и умерщвленіи ихъ голодомъ.

Дѣло это было недавно рассмотрѣно въ выѣздной сессіи петровскаго окружнаго суда, въ г. Лодзи. Показаніями цѣлаго ряда свидѣтелей виновность Вогень была вполне установлена. Окружной судъ приговорилъ ее къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на 10 лѣтъ.

«Гродненск. Губ. Вѣдомости» занялись выясненіемъ вопроса о конкуренціи между христіанскими и еврейскими торговцами въ гродненской губерніи. Исслѣдовавъ этотъ вопросъ, газета приходитъ къ самымъ печальнымъ выводамъ.

«Открываемыя въ деревняхъ и мѣстечкахъ христіанскія лавки, — говорятъ газеты, — существуютъ обыкновенно очень короткій срокъ и прекращаютъ свою дѣятельность скорѣе, чѣмъ это было бы желательно. Объясняется это невозможностью *конкурировать съ евреями, которые держатъ въ своихъ рукахъ всю оптовую и мелочную торговлю въ провинціи*, такъ что нѣтъ деревни, въ которой не было бы еврейской лавки. Еврей-торгашъ не только продаетъ, но и покупаетъ все: масло, молоко, птицу, перья, телятъ, хлѣбъ, картофель, солону, овецъ, кожи, волосъ, тряпье, кости, ломъ и т. д. Все это онъ скупаетъ и на всемъ зарабатываетъ, какъ зарабатываетъ еще на факторствѣ, скупкѣ исполнительныхъ листахъ, ростовщичествѣ и на многомъ другомъ. Такимъ образомъ, кругъ его дѣятельности неизмѣримо шире, а заработка значительно больше, чѣмъ у христіанскаго торговца. Еврей, еврейка и даже дѣти всякій день обойдутъ всѣ хаты въ деревнѣ, разнося товары и *чуть не навязывая ихъ*, а взамѣнъ забирая яйца, масло, куръ, гусей и пр. До этого лавочники изъ христіанъ еще не досрости, почему эти передвижныя еврейскія лавочки всегда убиваютъ христіанскую торговлю, если даже въ деревнѣ нѣтъ постоянной еврейской лавки. Сжившись съ крестьянами, еврей знаетъ всѣ ихъ слабости, въ трудную минуту онъ поможетъ и деньгами, и совѣтомъ, и выгнать его изъ деревни невозможно. *Притомъ же у нихъ и солидарность, и дешевый, и долгосрочный кредитъ*. И съ такою-то силою хотятъ тягаться христіанскія лавочки, открываемыя большею частью людьми неопытными и малосостоятельными. Но если даже допустить, что нашъ купецъ обладаетъ и капиталомъ и опытностью, что онъ преодолѣетъ тяжелую конкуренцію съ еврейскими лавочниками, и что христіанское населеніе деревни будетъ брать товары только у него, то и въ такомъ случаѣ христіанская лавка будетъ въ полной зависимости у евреевъ. У кого христіанинъ будетъ покупать товары для лавки? Понятно, только у евреевъ въ ближайшемъ городѣ, такъ какъ покупать больше не у кого. Вслѣдствіе этого, христіанскія лавки представляютъ изъ себя отдѣленія еврейскихъ магазиновъ и складовъ, и вся эта торговля только содѣйствуетъ сбыту еврейскихъ товаровъ. Еврейскому оптовому торговцу даже выгоднѣе сбывать свои товары христіанскому лавочнику, чѣмъ еврейскому. Последнему пришлось бы и уступку сдѣлать, и товаръ дать лучше, и съ болѣе продолжительнымъ срокомъ кредита, съ христіаниномъ же стѣсняться нечего. Такъ можетъ ли при такихъ условіяхъ не только развиваться, но даже существовать христіанская торговля въ деревняхъ?

Практика отвѣчаетъ на это отрицательно».

Бороться съ сплоченнымъ еврейскимъ кагаломъ христіанскому населенію почти невозможно. Кромѣ кагала, у евреевъ еще особая этика, освящающая и оправдывающая всѣ мерзости и гнусности, которыя продѣлываетъ еврей по отношенію къ христіанамъ.

Евреи въ свои цѣпкія руки забираютъ все и вся. Они ничѣмъ не брезгаютъ и ни предъ чѣмъ не останавливаются. Они не только торговлю вырываютъ изъ христіанскихъ рукъ, но и забираютъ въ свои лапы и то, что къ нимъ не имѣетъ никакого отношенія.

Въ Варшавѣ имѣется для вспомошествованія польскимъ бѣднымъ писателямъ «касса литературной взаимопомощи Мановскаго», названная такъ въ честь своего основателя. Евреи сумѣли завладѣть и этой кассой и, конечно, стали выдавать субсидіи не полякамъ, а почти исключительно своимъ единовѣрцамъ. Такой оборотъ дѣла не могъ не вызвать протеста со стороны небольшой части варшавской прессы, еще не ускользнувшей изъ польскихъ рукъ.

«Уже не разъ—писать «Niva Polska»—мы обращали общественное вниманіе на привилегіи, которыми пользуются писатели изъ евреевъ въ кассѣ Мановскаго. Но на сей разъ касса хватила уже черезъ край, она выдала субсидію на изданіе сіонистской книги. Книга эта написана здѣшнимъ врачомъ евреемъ I. M. Іудтомъ».

Разодолжили!! Издавать на польскія деньги жидовскую книгу—изслѣдованія о сіонизмѣ! Другого подобнаго нахальства и трудно себѣ представить! Евреи ничего не дѣлаютъ для христіанъ, а сіонистскую книгу издавать на христіанскія деньги—можно.

Газета «Восходъ» заявляетъ, что, въ виду особенно тягостнаго положенія евреевъ въ Бессарабіи, въ Петербургъ въ непродолжительномъ времени пріѣзжаетъ еврейская депутація изъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, имѣющая цѣлью возбудить ходатайство въ подлежащихъ сферахъ *объ улучшеніи положенія бессарабскихъ евреевъ*. Не лучше ли позаботиться объ улучшеніи положенія бессарабскихъ христіанъ?

Губернскій и уѣздные комитеты о нуждахъ сельско-хозяйств. промышленности съ поразительною ясностью выяснили вопросъ, кто кого угнетаетъ—христіане евреевъ или наоборотъ. Бессарабія трещитъ подъ еврейскимъ гнетомъ, а мѣстное населеніе стонетъ подъ игомъ этого «избраннаго племени».

«У семи нянекъ дитя всегда безъ глаза», говоритъ русская пословица. У станціонныхъ служащихъ «нянекъ—начальства» еще

больше. Всѣхъ ихъ даже не пересчитать. «Каспій» пытается перечислить этихъ «нянекъ» станціонныхъ служащихъ:

Ревизоръ поѣздовъ.

Ревизоръ станціоннаго счетоводства.

Ревизоръ службы движенія.

Ревизоръ службы тяги.

Завѣдующій счетоводствомъ службы движенія.

Завѣдующій техническимъ столомъ службы движенія.

Начальникъ депо.

Начальникъ участка службы пути.

Начальникъ конторъ разныхъ службъ.

Помощникъ начальника службы движенія.

Начальникъ коммерческой службы.

Начальникъ службы сборовъ.

Начальникъ движенія.

Начальникъ тяги.

Начальникъ матеріальной.

Помощникъ начальника дороги.

Начальникъ дороги.

Начальникъ жандармскаго отдѣленія.

Правительственныя контролеры.

Но, вѣдь, у каждаго изъ перечисленныхъ начальниковъ есть помощники, подпомощники и т. д. Всѣ получаютъ жалованье. А крушеніе на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ все увеличивается. Штаты начальства увеличиваются, пропорціонально этому увеличенію растутъ и желѣзнодорожныя катастрофы...

«Сибир. Листъ» сообщаетъ объ интересномъ въ бытовомъ отношеніи дѣлѣ, разбиравшемся у мирового судьи г. Березова—это о «ловлѣ карасей для начальства». Оригинальное это дѣло состоитъ въ слѣдующемъ:

«Въ началѣ осени,—говоритъ газета,—во время рѣкостава, подгородный остякъ, извѣстный всему городу Степка-Неулевскій, наловилъ около двухъ десятковъ карасей. Рыба въ это время не ловилась и свѣжіе караси рѣдкое лакомство для березянь. Степка свѣжихъ карасей несъ въ подарокъ своимъ благопріятелямъ, у которыхъ онъ, во время своихъ частыхъ посѣщеній города, пользуется хлѣбомъ-солью. Навстрѣчу попадаетъ грозный полицейскій стражъ NN и тутъ начинается драма. Стражъ проситъ уступить ему карасей для начальства, которое ихъ любитъ, а ему за это будетъ похвала. Степка категорически отказывается удовлетворить требованіе, мотивируя тѣмъ, что караси имъ предназначены своимъ пріятелямъ, въ числѣ коихъ начальство не состоитъ. Стражъ требуетъ настойчиво, старается отнять карасей—Степка не даетъ, горячится, возвышаетъ голосъ и въ концѣ концовъ, защищая карасей, ругаетъ стража площадно. Въ результатѣ караси изъяты — приняли неприличный для подарка видъ и на Степку составленъ протоколъ за оскорбленіе стража словами, при исполненіи служебной обязанности. Дѣло разбиралось заочно и Степка былъ приговоренъ къ аресту; выходило, какъ будто доставленіе для начальства провизіи даже путемъ

мародерства считается въ Березовѣ исполненіемъ служебной обязанности. Добрые люди посоветовали обжаловать, — при вторичномъ разбирательствѣ Степка отъ наказанія освобожденъ, а стражъ подвергнуть дисциплинарному взысканію».

Не всегда даромъ обходится ловля карасей, хотя бы и для начальства. Какая простота нравовъ!

Намъ припоминается такой фактъ, бывший дѣтъ 15 назадъ въ одномъ изъ большихъ селъ тамбовской губ. Одинъ крестьянинъ вздумалъ отъучить волостнаго старшину отъ взятокъ. Нашъ мужикъ особенно не возмущается взятками; лишь бы только они были за дѣло. Онъ даже не обижается и тогда, когда взятку эту берутъ, напримѣръ, при какихъ либо спорахъ или тяжбахъ и съ праваго, и виноватаго. Онъ возмущается лишь тогда, когда взятку берутъ безъ дѣла, при каждомъ удобномъ и не удобномъ случаѣ. А сельскія власти именно умѣютъ брать за дѣло и безъ дѣла.

Мужичонка, не взрачный и бѣдный, Кузьма рѣшилъ отучить начальство брать взятки. Сдѣлалъ онъ это на сколько просто, на столько же и остроумно. Купилъ гуся; взялъ длинную палку и повѣсилъ этого гуся на конецъ палки, а другой конецъ положилъ на плечо. Съ этой ношей онъ отправился чрезъ все громадное село къ дому волостнаго старшины. По дорогѣ, — а идти пришлось ему около 4 верстѣ! — каждый встрѣчный спрашивалъ его: Кузьма! Куда ты несешь гуся? — Старшинѣ! — невозмутимо отвѣчалъ онъ. По дорогѣ къ начальству, Кузьму разспрашивали про гуся не менѣе 100—125 человекъ. И всѣмъ онъ отвѣчалъ, что несетъ гуся старшинѣ. Но пока онъ добрелъ до дома старшины, послѣдному уже доложили, что ему несутъ гуся... Старшина, конечно, взбѣсился, кричалъ на Кузьму, а гуся все таки взялъ. И этотъ гусь, кажется, былъ послѣднимъ, взятымъ не за дѣло. Кузьма, конечно, не отъучилъ старшину отъ взятокъ, но тѣмъ не менѣе онъ заставилъ его осторожнѣе брать взятки и уже только за дѣло.

Уже много разъ мы писали о томъ, что наша полиція, особенно провинціальная, далеко не стоитъ на высотѣ своего назначенія. — Низшіе чины полиціи, какъ люди полуграмотные, безъ всякаго образованія и невоспитанные, частенько выходятъ за предѣлы предоставленной имъ власти. Провинціальныя газеты почти ежедневно приносятъ намъ прискорбныя извѣстія о самоуправствѣ низшихъ чиновъ.

По сообщенію «Костромск. Листка», въ настоящее время костромскимъ полицеймейстеромъ производится дознаніе по дѣлу

о самоуправствѣ городского Алексѣева, выразившемся въ слѣдующемъ:

14 февраля, около 9 часовъ вечера, на Русиной улицѣ къ приказчику магазина Мухина Пуд—ову, шедшему съ женой и съ своей сестрой, подошелъ городской Алексѣевъ и, обращаясь къ дамамъ, въ весьма грубой формѣ потребовалъ, чтобы онѣ немедленно удалились съ Русиной улицы. На вопросъ г. Пуд—ова о причинахъ такого распорядка, городской отвѣчалъ, что публичнымъ женщинамъ разрѣшается гулять по Русиной улицѣ лишь до известнаго времени, причемъ, послѣ указанія Пуд—ова, что идущія съ нимъ дамы не публичныя женщины, и его жена и сестра, потребовалъ, чтобы жена Пуд—ова отправилась въ участокъ. Многие изъ собравшихся зрителей, а также и проходившій мимо городской пытались разъяснить Алексѣеву его заблужденіе относительно личности г-жи Пуд—овой, но городской упорно стоялъ на своемъ, ссылаясь на то, что отвѣчать за происшедшее будетъ только онъ. Въ участкѣ, куда г. Пуд—овъ съ дамами отправился, недоразумѣніе разъяснилось. Происшедшее еще лишній разъ подтверждаетъ необходимость измѣненія порядка полицейскаго надзора за проститутками, такъ какъ подобные случаи, за послѣднее время принявшіе эпидемическій характеръ, имѣли мѣсто чуть ли не во всѣхъ городахъ российской имперіи.

Это въ Костромѣ. А вотъ и въ Петербургѣ не менѣе печальный фактъ.

22-го іюля 1901 г., въ первомъ часу ночи, около моста чрезъ р. Ждановку, собралась толпа, привлеченная не совсемъ обычнымъ явленіемъ: сторожа парка, стоя на лодкѣ, вытаскивали изъ воды утопленника. Когда трупъ былъ вытасченъ, его положили на рокожку и приставили городского; околоточный надзиратель 2-го уч. Петерб. части отдалъ приказъ никого къ трупу не подпускать.

Однако, одинъ изъ свидѣтелей, по словамъ газетъ никто Бѣлюсовъ отважился спуститься къ мѣсту, гдѣ лежалъ утопленникъ, и даже дотронуться до трупа. Какъ только онъ поднялся на мостъ, всѣ сразу обступили его и градъ вопросовъ посыпался со всѣхъ сторонъ: «Ну, что? Какое? Окоченѣлъ? Теплый? и т. д.». Когда же Бѣлюсовъ отвѣтилъ, что трупъ еще теплый, толпа, какъ одинъ человекъ, разразилась восклицаніемъ о необходимости принять мѣры къ оживленію и почему таковыя до сихъ поръ не предприняты; къ трупу не допускаютъ, а сами пальцемъ шевельнуть не хотятъ, чтобы спасти человека! Раздалось нѣсколько не совсемъ лестныхъ эпитетовъ по адресу полиціи; когда же кто-то передалъ слова околоточнаго: «Что со всякой сволочью хорошеется, полѣзь въ воду, значить туда и дорога, а людямъ спать пора!»—всеобщее негодованіе достигло высшаго предѣла. Преподаватель реального училища Плотниковъ пошелъ узнавать отъ городского фамилію околоточнаго, обѣщая пожаловаться градоначальнику, напечатать въ газетахъ и т. д., и т. д.

Въ это время, по инициативѣ Минина или зрителя парка Баскина, начался сборъ на погребеніе утонувшаго. «Лучше бы о врачѣ позаботиться, чѣмъ о погребеніи того, кто еще можетъ быть живъ»,—заявилъ Плотниковъ, еще разъ пообѣщавшись пожаловаться.

«На меня жаловаться? Я покажу, какъ на меня жаловаться! Посидишь денекъ, другой, такъ узнаешь. Веди на пикетъ!» И не смотря на протесты

Плотникова, предлагавшаго свою визитную карточку, и на его отчаянное сопротивление, онъ былъ буквально поднятъ на воздухъ и такимъ образомъ «внесенъ» на барку, гдѣ былъ устроенъ такъ называемый «спикетъ». Въ качествѣ свидѣтелей при составленіи протокола фигурировали сторожа и городовые; никто изъ публики не былъ допущенъ на барку. Протоколъ начинался съ того, что Плотниковъ, будучи въ безобразно-пьяномъ видѣ, производилъ шумъ и оскорбилъ полицію.

Видъ себя отъ негодованія Плотниковъ сначала было не хотѣлъ подписывать этого протокола, но потомъ рѣшилъ подписать, сдѣлавъ предварительно оговорку. Онъ успѣлъ только написать: «Я въ силу извѣстныхъ правъ долженъ оговориться»... какъ вдругъ является сторожъ и докладываетъ околоточному Минину, что публика скандалитъ, не расходится и требуетъ допустить къ господину, котораго увели. Видя, что его распоряженіе «разгони всѣхъ!» не подѣйствовало, Мининъ пошелъ успокаивать публику. Когда нѣсколько человѣкъ вошло на барку, Плотниковъ со словами: «вотъ какое сочиненіе написано» хотѣлъ было прочесть протоколъ, но Мининъ выхватилъ у него изъ рукъ и спряталъ въ карманъ. Затѣмъ, пожелавъ спокойной ночи, онъ удалился.

Наиболѣе возмущенная часть публики отправилась въ участокъ, гдѣ чуть не была задержана до выясненія личностей, такъ какъ о нихъ съ пикета было уже дано знать по телефону, но, вѣроятно, увидавъ не то, что ожидали, въ участкѣ удовольствовались оставленными адресами. Черезъ нѣкоторое время Плотниковъ заочно былъ приговоренъ мировымъ судьей къ аресту на 14 дней за нарушеніе порядка. Хотя мѣстожителство его и было хорошо извѣстно, но случилось какъ-то такъ, что онъ не получалъ ни одной повѣстки, почему не могъ явиться на судъ и всѣ сроки для обжалованія были имъ пропущены. Злополучный же протоколъ украсился добавленіемъ, сдѣланнымъ рукою Минина: «отъ дальнѣйшихъ объясненій г. Плотниковъ отказался».

19-го февраля въ особомъ присутствіи судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось дѣло уже уволеннаго отъ должности околоточнаго Минина по обвиненію въ бездѣйствіи власти и служебномъ подлогѣ по 1 ч. 341 и 362 ст. ул. о нак.

Передъ судомъ прошелъ цѣлый рядъ свидѣтелей, удостовѣрившихъ, что дѣйствительно по отношенію къ утопленнику абсолютно никакихъ мѣръ принято не было. Находились охотники качать и произвести искусственное дыханіе, но полиція ихъ не допускала. Въ толпѣ раздавались голоса, что трупъ еще теплый; повторялись также слова Минина: «что хороваются и т. д.». Плотниковъ былъ взволнованъ, раздраженъ, но не было ни малѣйшаго намека на нетрезвое состояніе.

По словамъ одного городского, мѣръ къ оживленію утопленника и не требовалось принимать, такъ какъ утопленникъ носилъ *все признаки трупа, даже разлазаться началъ.*

Опредѣленіемъ судебной палаты Мининъ былъ оправданъ по обвиненію въ бездѣйствіи власти, но, признанный виновнымъ въ совершеніи служебнаго подлога, приговоренъ на одинъ годъ въ арестантскія исправительныя отдѣленія съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ.

Печальная вѣсти идутъ изъ провинціи. Кое-гдѣ то народъ, то скотъ голодаетъ. «Русск. Вѣд.» пишутъ изъ Демянска новгородской губ.:

«Осенью крестьяне за недостаткомъ кормовъ третью часть скота събли, надѣясь двѣ трети всетаки прокормить, но надежды не оправдались. Полугнилое сѣно, которымъ приходится кормить скотину, оказываетъ губительное дѣйствіе. Мелкій скотъ околѣваетъ почти до-чиста. Крупный скотъ, преимущественно коровы, болѣетъ, тоже околѣваетъ, хотя и не въ такой сильной степени, какъ мелкій. Отъ безкормицы скотъ околѣваетъ не только у крестьянъ, но и въ помѣщичьихъ хозяйствахъ. Капуста, огурцы и другія огородныя овощи не уродилась; не уродился и картофель. Рожь уродилась плохо: со спорыньей и такого качества, что очень трудно изъ этой ржи испечь хлѣбъ. Этотъ хлѣбъ, какъ и сѣно, вызываетъ болѣзни. Выѣздною врачъ мѣстнаго земства г. Бѣлинъ зарегистрировалъ 20 проц. изъ всего числа посѣтившихъ его больныхъ на почвѣ явнаго голоданія. Но у многихъ крестьянъ хлѣбъ вышелъ весь. Заработки, хотя и были, но ими воспользовались немногіе. Работа заключалась въ возкѣ лѣсныхъ матеріаловъ. Безлошадные бобыли совсѣмъ не могли выйти на работу. Многіе крестьяне питаются тѣмъ, что покупаютъ у нищихъ по 1 к. за фунтъ кусочки. Нѣкоторые крестьяне дошли до такого состоянія, что посылаютъ дѣтей «въ кусочки». Молодая рабочая сила,—парни и дѣвушки,—стремится на заработки и отливаетъ преимущественно въ Петербургъ. Въ Демянскѣ можно нанять прислугу, изъ-за хлѣба, 3 коп. на сутки. Бездѣтныя и малодѣтныя молодыя семьи заколачиваютъ избы и тоже ѣдутъ на заработки. Въ поискахъ за заработками проникаютъ въ Кубанскую область и на Кавказъ».

Изъ Демянска стремятся на Кавказъ, а тамъ тоже не лучше.

По словамъ «Одес. Л.», по всему черноморскому побережью татарское населеніе переживаетъ давно уже не повторявшіяся тяжелыя времена.

„Зима нынѣшняго года почти совершенно перевела по побережью овецъ, которыя служили такимъ подспорьемъ въ хозяйствѣ татарина. И не самая суровость зимы—главная причина этого: природа въ этомъ отношеніи къ намъ милостива и хозяева обыкновенно не знаютъ, чтъ такое кормить овецъ зимою—тутъ онѣ постоянно круглый годъ ходятъ на подножномъ корму. Но небывалая засуха, уничтожившая горныя ручьи и рѣчонки, совершенно оголила землю, такъ что овцы побили уже осенью мелкій кустарникъ, и когда уже нигдѣ ничего не оставалось—ихъ согнали въ города и распродали. Между тѣмъ, горскій татаринъ до сихъ поръ еще носитъ одежду изъ дмотканной пряжи, у него свое сукно, свое полотно, своя шуба и своя шапка. Теперь же, съ почти полнымъ сведеніемъ овцеводства къ нулю, за

всѣмъ этимъ придется ѣхать въ городъ и все это покупать за чистыя денежки. Но раздобыть ихъ въ горахъ не такъ то легко, табаководство еле влечитъ свое существованіе, винодѣліе, особенно у татаръ, не окупаетъ и расходовъ на обработку виноградниковъ и только столовые сорта винограда, отправляемые въ большомъ количествѣ въ Россію, даютъ еще возможность существовать. Но и тутъ, кажется, нужно ожидать сюрпризовъ, такъ какъ многіе сорта винограда пострадали отъ частыхъ и рѣзкихъ колебаній температуры и, можетъ быть, съ наступленіемъ весны, не мало лозъ окажется совершенно погибшими. Одно только утѣшительно, это—обиліе снѣга въ горахъ, что подаетъ надежду на воскрешеніе всѣхъ родниковъ и источниковъ, которые уже больше года пересохли и до сихъ поръ стоятъ сухими. Безъ этого многіе сады, не смотря на то, что минувшимъ лѣтомъ всюду выкопали десятки колодезевъ, окончательно пропадутъ, и хозяева ихъ сдѣлаются нищими».

Голодь въ псковской губерніи, а въ особенности въ островскомъ уѣздѣ, вступилъ уже въ свои права. Въ уѣздѣ открыта подписка въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Земствомъ выписано много хлѣба изъ южныхъ губерній. Нужда въ настоящее время приняла острый характеръ; виды на урожай, судя по дождливой безснѣжной зимѣ, болѣе чѣмъ сомнительны.

Изъ области курьезовъ:

«Астр. В.» приводитъ слѣдующее курьезное свидѣтельство:

«Дано сіе отъ управленія начальника мѣщанкѣ города Царицына Лукерѣ Арепьевнѣ Фирсюковой въ томъ, что она, проживая здѣсь болѣе года, содержитъ домъ терпимости, ни въ чемъ предосудительномъ замѣчена не была, ни къ какимъ тайнымъ сообществамъ не принадлежитъ, подъ судомъ и слѣдствіемъ не была, поведенія добропорядочнаго и *хорошей нравственности*, что удостоверяется подписью и приложеніемъ казенной печати».

Другой курьезъ и изъ другой области:

Въ дѣлопроизводствѣ харьковской уѣздной управы имѣется слѣдующее интересное донесеніе земскаго врача:

«Честь имѣю довести до свѣдѣнія управы, что 18-го февраля 1903 года, въ бытность мою въ селѣ Дементьевкѣ, священникъ с. Дементьевки, Стефановскій, заявилъ мнѣ, что ученики церковно-приходской школы болѣютъ корью и коклюшемъ, а посему онъ проситъ закрыть школу. По наведеннымъ справкамъ у церковнаго старосты и при осмотрѣ больныхъ выяснилось, что въ церковно-приходской школѣ состоитъ одинъ лишь ученикъ, больше въ теченіе года ихъ и не было, и тотъ оказался здоровымъ. Школу же онъ прекратилъ посѣщать по другимъ мотивамъ, а именно: шая, спалилъ свиту, и отецъ запретилъ ему ходить въ школу».

Не везетъ нашимъ церковно-приходскимъ школамъ. Пустуютъ

онѣ въ большинствѣ случаевъ. Бѣдны онѣ; духовенству не до школь, а на наемъ учителей денегъ нѣтъ. Выходить не учење, а одно лишь только мучење. Мучење для обремененнаго семьей и службой духовенства, особаго удовольствія нѣтъ и для учениковъ и для ихъ родителей: ребятишки не много пользы выносятъ для себя изъ церковно-приходской школы.

Гнусное издѣвательство совершено было мѣстными ловеласами въ Ростовѣ-на-Дону надъ одной изъ «рабынь веселья».

«Русскому Сл.» изъ Ростова-на-Дону сообщаютъ:

«Въ печально извѣстномъ далеко за предѣлами Ростова кафе-шантанѣ «Палермо» на дняхъ произошла возмутительная исторія. Компания блестящихъ представителей веселящагося Ростова, въ числѣ коихъ были небезызвѣстные «львы» Золотухинъ и Силковъ, учинили возмутительное насиліе надъ одной изъ шансоетныхъ пѣвиць, Лили Г. Это было сплошное издѣвательство. Сначала шли разпросы изъ области физиологіи въ откровенныхъ выраженіяхъ, затѣмъ, когда смущенная наглостью зазнавшихся покупателей «рабынь веселья» женщина отвѣтила одному изъ нихъ въ рѣзкой формѣ, звонкая пощечина огласила залу «заведенія»: такъ одинъ изъ прожгателей жизни изволилъ пошутить надъ беззащитной пѣвицей. Затѣмъ, въ продолженіе 15-ти минутъ, на глазахъ самого содержателя притона, Чаракчіани, и его помощниковъ, на глазахъ многочисленной публики, произошло мерзостное истязаніе женщины, лежавшей въ глубокомъ обморокѣ на полу, среди грязи и сора. Одинъ изъ компаніи билъ ее ногами, другіе расшнуровывали корсетъ, третьи постепѣнно (подъ предлогомъ оказанія помощи) раздѣвали несчастную... Наконецъ, Лили Г. очутилась въ одной сорочкѣ... Съ дичинной усмѣшкой смотрѣли на несчастную завсегдатая кафе-шантана, равнодушно—хозяйинъ, распорядители, офиціанты; со слезами на глазахъ—глубоко возмущенныя хористки... Послѣднія окружили подругу, закутали въ шаль и увели въ уборную. Былъ составленъ, разумѣется, протоколъ, но результатомъ его явилось то, что опозоренная, униженная Лили Г. (кстати сказать, на другой же день послѣ скандала уѣхавшая за границу) привлечена къ отвѣтственности за нарушеніе тишины и порядка. Лица же, надругавшіяся надъ нею, эти «состоящіе при своемъ капиталѣ» господа вызываются въ судъ въ качествѣ свидѣтелей. Финаль—совершенно нелогичный по здѣсь много и не ждали. Мѣстная печать, въ лицѣ всѣхъ трехъ газетъ, отмѣтила это возмутительное дѣло, но... лучше бы она ужъ совсѣмъ не отмѣчала его. Дѣло въ томъ, что мѣстныя газеты назвали имя и фамилію пострадавшей дѣвушки и умолчали о фамиліяхъ лицъ, учинившихъ насиліе».

Жестокіе еще нравы у насъ!

Г. Петрищевъ рассказываетъ въ «Вѣстн. Юга», что въ прикаспійскихъ солончакахъ развилась и окрѣпла чрезвычайно любопытная профессія: это бродячіе адвокаты.

«Бродячему адвокату необходимо всячески не обнаруживать рода занятій, а потому онъ маскируетъ свою причастность къ міру юристовъ ка-

кимъ либо способомъ,—обыкновенно, торговлей. Бродячій адвокатъ беретъ коробку съ разной галантерейной мелочью и «шляется» по промысламъ. Съ виду онъ—невинный разнощикъ-торговецъ, на самомъ дѣлѣ — защитникъ обиженныхъ; торговецъ—для промышленника и чиновника; защитникъ для рабочаго.

17-го ноября прошлаго года адвокатъ-разнощикъ, по фамилии Михельсонъ, попалъ на промыселъ богатаго рыбопромышленника Мангарова въ Астарѣ. Мангаровъ распозналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и приказалъ персамъ-рабочимъ (русскіе рабочіе бродячаго адвоката не трогаютъ):

— Бей его!

Михельсона мгновенно сбили съ ногъ, на него навалилась толпа... Но какимъ-то чудомъ ему удалось скатиться въ море. Хорошій пловецъ, онъ отбился отъ берега и присталъ къ баракамъ, гдѣ расположенъ отрядъ пограничной стражи. Солдатики спасли его. Мѣстный врачъ подалъ ему помощь. Но урядникъ категорически отказался составить протоколъ, а затѣмъ сдѣланы были попытки засадить Михельсона въ «тигулевку» (то же, что каталажка, чижовка). Отъ «тигулевки» Михельсонъ, при помощи врача, спасся бѣгствомъ... Исторія никакого разслѣдованія не вызвала... Михельсона (дворянинъ по происхожденію и «адвокатъ» по профессіи) пишущему эти строки удалось недавно видѣть. «Отзываются побои,—говоритъ онъ,— а насчетъ суда ничего у меня не выходитъ».

Бродячіе адвокаты, какъ видитъ читатель, полезный народъ для нашего невѣжественнаго и безграмотнаго крестьянина. Велика ли, мала ли приносимая ими польза нашему крестьянину—это не важно.—Любопытно, что народъ ему вѣрить, старается, по мѣрѣ силъ и возможности, защитить его. Но онъ не выгоденъ разнымъ Мангаровымъ, которые приказываютъ бить его.

Неужели некому защитить этихъ несчастныхъ бродячихъ адвокатовъ отъ господъ Мангаровыхъ?

Грустно и тяжело.

Х.

Въ лѣсу.

Чтобы укрыть меня отъ солнечныхъ лучей,
Чтобъ отдохнулъ и я, и спутникъ мой лягавый, —
Тропинка, лентою кружась среди полей,
Меня приводитъ въ лѣсъ тѣнистый, величавый, —
Гдѣ тишь прохладная слегка пробуждена,
И то лишь изрѣдка, птицъ мелодичнымъ свистомъ,
Гдѣ дышетъ стройная, высокая сосна
Благоуханіемъ смолистымъ;
Гдѣ гордо мощные стволы дерѣвъ стоятъ,
Вѣнчаютъ пышно ихъ кудрявыя вершины,
И ясные лучи чрезъ вѣтви ихъ сквозятъ,
Какъ бы чрезъ кружево узорчатой гардины. —
Внизу раскинутый изъ травъ и мху коверъ
Какъ шелковистый плюшь лоснится, зеленѣетъ, —
Все-жь вмѣстѣ — прелестью своею ласкаетъ взоръ
И на душу святымъ покоемъ тихо вѣетъ...
Привѣтно этотъ лѣсъ пришельца осѣнилъ —
И шепчетъ мнѣ таинственную сагу,
Какъ онъ возросъ, какъ онъ, мужая, пилъ
Изъ вѣдръ земли живительную влагу.
Съ какой любовью небеса
Его лелѣли благія:
Спускалася къ нему брилльянтами роса
И перлы сыпались обильно дождевые.
Какою прелестью для сердца и очей,
Въ какія яркія, живыя краски —
Свѣтила дневнаго блистательныхъ лучей
Горячія его одѣли — ласки;
Какъ, возмужавъ, въ себѣ приютъ онъ далъ
И бѣлѣтъ легкой и пушистой,
И подъ навѣсъ дерѣвъ своихъ собралъ
Пернатыхъ хоръ онъ голосистый.

Съ корзинками въ рукахъ и женщиной, и дѣтей
 Манилъ къ себѣ грибной и ягодной порою, —
 Но испытать рядъ черныхъ, грозныхъ дней
 Ему теперь назначено судьбою.

«Ужь громко топоры, — мнѣ скорбно лѣсъ шепталъ, —

Въ сосѣдней рошѣ зазвучали, —

Деревьевъ пышныхъ строй рѣдѣть въ ней грустно сталъ

И эхомъ мы на стоны отвѣчали. —

Ахъ, и меня съ красой тѣнистою моею

Не пощадятъ теперь расчеты челоуѣка, —

И въ нашу глушь проникъ съ жестокостью своею

Духъ предприимчивый практическаго вѣка.

Удары топора готовятся и мнѣ, —

И много ждетъ меня безвременной кручины:

Погибну навсегда въ безжалостномъ огнѣ,

Какъ жертва жалкая безчувственной машины»!..

И. М—скій.

БЕЗЪ ЛИЦА.

(Записки самозванца).

Отъ судебного слѣдователя.

Въ 189* году я служилъ въ губернскомъ городѣ М. Участокъ я имѣлъ довольно большой и постоянно былъ заваленъ дѣлами. Какъ-то зимой, —передъ Рождествомъ, —я, по обыкновенію, съ ранняго утра засѣлъ за работу. Нужно было кое-что пересмотрѣть, дополнить и приготовить для представленія въ окружной судъ. Помню, что морозъ въ этотъ день былъ просто невозможный и у меня, въ камерѣ, несмотря на топившуюся печь, стоялъ сильный холодъ.

— Приходили изъ полиціи, —сказалъ мнѣ мой слуга, внося въ камеру стаканъ горячаго чаю.

— Съ чѣмъ?—спросилъ я.

— Записка отъ пристава.—Онъ далъ мнѣ листокъ бумаги, на которомъ стояло слѣдующее: «Высокоуважаемый Сергѣй Михайловичъ!—Вчерашняго числа задержано, за неимѣніе вида и за странныя дѣйствія, лицо, на мой взглядъ, интересное и оригинальное... Посмѣтрите, сами убѣдитесь! Это лицо сегодня, въ шесть утра, заявило о своемъ желаніи видѣть господина судебного слѣдователя съ тѣмъ, чтобы сообщить «нѣчто важное». Думается мнѣ, что у задержаннаго имѣются данныя для такого желанія, и, зная вашъ интересъ ко всему особенному, спѣшу увѣдомить васъ, чтобы вы заглянули сегодня къ намъ. Я бы отправилъ его на квартиру вашу, но онъ здоровьемъ плохъ, и даже не то, что здоровьемъ, а... Впрочемъ, пріѣзжайте и увидите! Типичъ,—доложу я вамъ,—любопытнѣйшій!—Вашъ доброжелатель Сигизмундовъ».

Я хорошо зналъ Сигизмундова, нашего частнаго пристава, — чловѣка бывалаго, начитаннаго, перемѣниваго нѣсколько службъ, «много видѣвшаго и испытывшаго», поэтому сообщеніе его заинтересовало меня, и я въ тотъ же день, передъ обѣдомъ, поѣхалъ въ часть. Сигизмундова тамъ я не засталъ, но меня сейчасъ провели къ задержанному. Онъ содержался въ небольшой комнаткѣ, возлѣ общей «холодной».

Уже проходя по коридору мимо общаго помѣщенія, я слышалъ чьи-то быстрые, отрывистые шаги. Открыли дверь и я увидѣлъ высокую фигуру, стоящую бокомъ къ намъ, т. е. ко мнѣ и сопровождавшему меня городовому.

— Прикажете провести ёго, ваше высокоблагородіе, въ пріемную? — спросилъ меня городовой.

— Ради бога, не ведите меня отсюда никуда, — раздался вдругъ слабый голосъ: фигура, державшаяся до сихъ поръ неподвижно, обернулась къ намъ лицомъ. Я невольно отступилъ: такъ странно, почти страшно было выраженіе глазъ говорившаго... Да и все въ немъ казалось страннымъ: одѣтъ онъ былъ въ брюки и пиджакъ, но сверху, на пиджакъ, была натянута лѣтняя женская кофта; онъ стоялъ прямо противъ насъ, но глядѣлъ куда-то въ уголь, одну руку держалъ на груди, а другою очень быстро комкалъ рукавъ кофты. Я замѣтилъ, что всего его подергиваетъ, какъ будто онъ не можетъ стоять на одномъ мѣстѣ и порывается идти. Голосъ у него былъ сдавленный, едва слышный, какой бываетъ у людей съ сильно угнетенной душевной сферой, и самъ онъ стоялъ, какъ-то безнадежно опустившись и сгорбившись. Онъ недолго глядѣлъ въ уголь, перевелъ взглядъ на меня и быстро опустилъ глаза въ землю, закрылъ ихъ, — весь вздрогнулъ и снова взглянулъ на меня. Я уловилъ въ его глазахъ выраженіе крайняго высокомерія, презрѣнія ко мнѣ, — говорю *уловилъ*, потому что оно сейчасъ же замѣнилось выраженіемъ какого-то низкаго страха, скорбнаго стыда. Эти два чувства, т. е. полное самоуничженіе и крайнее высокомеріе, чередовались и отражались на испитомъ, нечистомъ лицѣ арестанта непрерывно, оттого-то и впечатлѣніе, производимое имъ, было какое-то безпокойное, какъ я уже говорилъ — страшное!

— Такъ прикажете, ваше высокоблагородіе, перевести ёго? — повторилъ свой вопросъ городовой.

— Нѣтъ, я допрошу здѣсь, — сказала я городовому и велѣла принести табуретку: въ комнатѣ, кромѣ скамьи, ничего не было.

Услышавъ мои слова, арестантъ быстро заходилъ по камерѣ, ходилъ онъ странно, — нагнувъ голову впередъ и сжавъ руки въ кулаки, которые держалъ у груди.

— Успокойтесь, — сказалъ я ему, желая ободрить его и вызвать на объясненія.

Но мои слова произвели совершенно противоположное дѣйствіе: онъ заходилъ еще быстрѣе, держась все время подальше отъ меня и не обращая на меня никакого вниманія.

Городовой принесъ табуретъ, я закрылъ дверь, вынулъ изъ кармана листъ бумаги и карандашъ. Онъ все ходилъ.

— Какъ васъ зовутъ? — громко спросилъ я его.

— Меня зовутъ Ивановымъ, — отвѣтилъ онъ, на минуту замедливъ шагъ.

— Сколько вамъ лѣтъ? Ваше званіе? — я сталъ задавать обычные, при дознаніи, вопросы...

Не привожу здѣсь отвѣтовъ арестованнаго: они были бессмысленны, явно противорѣчили одинъ другому и поражали своей неискусной выдуманностью. Такъ, въ тотъ день я ничего отъ него не добился и приказалъ перевести его въ тюрьму и помѣстить вмѣстѣ съ прочими бродягами и безпаспортными. Однако, уже на слѣдующій день пришлось взять его оттуда и заключить въ отдѣльную камеру, такъ какъ онъ не выносилъ товарищей заключенія, и то въ ярости бросался на нихъ, то прятался отъ нихъ подъ нары. Только чрезъ недѣлю онъ нѣсколько успокоился и опять потребовалъ судебного слѣдователя. — На этотъ разъ я, дѣйствительно, узналъ отъ него кое что важное, т. е. узналъ о такихъ его дѣлахъ, которыя побудили меня начать слѣдствіе, тянувшееся около полугода. Приходилось сообщаться со многими учрежденіями, наводить справки въ различныхъ, часто далекихъ другъ отъ друга, мѣстахъ, вызывать многихъ свидѣтелей...

Ивановъ, — называю его такъ только потому, что онъ при первомъ свиданіи со мной самъ назвалъ себя этимъ именемъ, — въ первое время откровенными признаніями и указаніями помогалъ мнѣ нарисовать ту картину его жизни, которая служила главной моей цѣлью въ этомъ дѣлѣ, но чрезъ мѣсяцъ

сдѣлался замкнутъ, мраченъ, не отвѣчалъ на мои вопросы и вообще проявлялъ сильную душевную угнетенность. Вскорѣ мнѣ передали, что Ивановъ требуетъ бумаги и перьевъ. Ему дали и то и другое. Онъ сразу оживился и сѣлъ писать.

Писалъ онъ не отрываясь и очень сердился, когда ему мѣшали или отвлекали его отъ работы. За писаньемъ проводилъ онъ цѣлые дни, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и требовалъ много бумаги. Исписанные листы пряталъ подъ свою подушку и не хотѣлъ никому ихъ показывать. Окончилъ онъ свою работу за недѣлю до суда и передалъ мнѣ съ просьбой «прочестъ ее и вникнуть въ основанія»... Я взялъ ее и на другой же день услышалъ, что онъ опять тоскуетъ, не ѣсть и все спрашиваетъ: читаю ли я его исповѣдь?

Я прочиталъ его «Исповѣдь» и нахожу довольно интересной для того, чтобы познакомить съ нею и другихъ.

I.

Родился я въ богатой усадьбѣ, въ одной изъ южныхъ губерній.

Отцомъ моимъ былъ графъ Н., а матерью—проживавшая въ домѣ французенка. Такимъ происхожденіемъ объясняютъ, съ одной стороны, унаслѣдованныя мною привычки къ роскоши,—съ другой,—легкомысліе и крайнюю нерасчетливость, причинившія много несчастій въ моей жизни. Французенка, т. е. мать моя, умерла послѣ родовъ, такъ что я не могъ ее знать, но по портрету, оставшемуся въ крапивенскомъ домѣ, видѣлъ, насколько я похожъ на нее: тѣ же голубые глаза, высокій лобъ, тѣ же выющіяся волосы... Такимъ образомъ, я унаслѣдовалъ черты душевныя и физическія своихъ родителей, но, поставленный судьбой и жестокими людьми въ низкое положеніе, видѣлъ отъ тѣхъ и другихъ только страданія.

Замѣчательно, что у меня сохранился въ памяти первый періодъ моей жизни въ Крапивнѣ — до смерти графа; второго же періода, проведеннаго тамъ же до девяти лѣтъ, я почти не помню. Только значительно позже, отчасти изъ разговоровъ съ нѣкоторыми лицами, знавшими Крапивну, и изъ собственныхъ догадокъ я могъ возстановить свое дѣтство и

юность, которая теперь и излагаю, ничего не скрывая и не прибавляя, такъ какъ вижу, что *все пропало...*

Какъ теперь, вижу я графа, т. е. моего отца, баловавшаго и любившаго меня, какъ никто никогда не любилъ. Вижу его кабинетъ съ предметами роскоши и удобства, гдѣ я по цѣлымъ часамъ игралъ на шкурѣ полярнаго медвѣдя у письменнаго стола графа... Вижу его сѣдые усы и грозные глаза... Помню и крапивенскій садъ съ его украшеніями, бесѣдками и статуями, которыя куда-то исчезли сейчасъ послѣ смерти графа. Это первое время моего дѣтства есть какъ бы свѣтлый лучъ моего безотраднaго существованія.

По смерти отца (мнѣ было тогда только пять лѣтъ) остался одинъ наслѣдникъ—Александръ, тогда еще несовершеннолѣтній, учившійся въ Училищѣ правовѣдѣнія. Опекуномъ его былъ назначенъ родной братъ графа, большой кутила и картежникъ. Опека длилась два года и братъ отца моего все это время жилъ въ Крапивнѣ; здѣсь же жилъ и я, сначала въ усадьбѣ, потомъ,—гдѣ приходилось. Опекунъ, конечно, зналъ, кто я, и вначалѣ относился ко мнѣ, какъ долженъ былъ относиться, хоть и къ незаконному, а всетаки сыну своего брата. Въ первый годъ его пребыванія въ Крапивнѣ я оставался въ домѣ, въ одной изъ комнатъ бывшаго камердинера графа, француза Декара. Этотъ Декаръ съ дѣтства служилъ моему отцу и такъ былъ привязанъ къ нему, что послѣ смерти графа не хотѣлъ покинуть мѣста, гдѣ лежитъ прахъ его господина. Французъ былъ очень добръ ко мнѣ въ трезвыя и невозможень въ пьяныя минуты. Онъ научилъ меня грамотѣ — русской и французской, и сообщилъ массу свѣдѣній изъ жизни своей и графа; семи лѣтъ я зналъ многое, чего не знаютъ юноши. Французъ же открылъ мнѣ, чей я сынъ, и говорилъ, что я имѣю нѣкоторое право на часть наслѣдства. Изъ его рассказовъ я познакомился съ той широкой и беззаботной жизнью, которую велъ графъ и его братъ. Когда Декаръ напивался, то любимымъ его наслажденіемъ было дразнить меня и увѣрять, что я сынъ его собственнѣй и Колтухи. «Колтухой» же называлась нѣмая дѣвка, пасшая гусей, безобразная, рыжая и злая, какъ чортъ. Иногда онъ такъ правдиво и искренно рассказывалъ мнѣ про обстановку моего рожденія, что я начиналъ сомнѣваться, чей я сынъ: графа

или Декара и Колтухи. Чѣмъ дальше шло, Декаръ нилъ больше и больше, и все сильнѣе и сильнѣе мучилъ меня: теперь, по его словамъ, выходило, что я неизвѣстно чей ребенокъ, подброшенный въ усадьбу и воспитанный графомъ изъ жалости,—такъ что я не зналъ, чему вѣрить и что думать о своемъ рожденіи. — Опекунъ не обращалъ на меня никакого вниманія — въ нашей усадьбѣ постоянно было полно гостей, прїѣзжали и уѣзжали наши родственники, хотѣвшіе судиться изъ-за наслѣдства, играли въ карты, пили; являлись какія-то незнакомыя никому лица, и всѣ они, вмѣстѣ со мной и французомъ Декаромъ, и еще двумя оставшимися слугами покойнаго отца, кормились и жили около наслѣдства. Такъ шло до тѣхъ поръ, пока не умеръ Декаръ, а это случилось годъ спустя послѣ прїѣзда брата отца. Комнаты Декара очистили и оставили для гостей, — я перешелъ въ одинъ изъ флигелей, къ старухѣ «Ариновнѣ», какъ звали ее въ усадьбѣ. Я не зналъ существа злѣе этой вѣдьмы. Взяла она къ себѣ по ея собственному желанію, съ тѣмъ чтобы было на кого кричать и кому рассказывать о томъ, какая она была красавица въ молодости, какъ любилъ ее покойный графъ и какъ онъ обидѣлъ ее, когда она состарилась. Мнѣ кажется, что это просто была сумасшедшая, повѣрившая, что она была когда-то любовницей графа: иначе она не смѣла бы дѣлать того, что дѣлала. А она каждый день бѣгала къ опекуну, просила выдать ей «слѣдующую часть», кричала о погубившемъ ее негодяѣ и въ злости рвала оранжерейныя цвѣты. Меня, какъ ея сына, она ненавидѣла и потому, можетъ быть, держала при себѣ. Она цѣлыми днями попрекала меня тѣмъ, что страдаетъ изъ-за моей матери, удалившей ее отъ графа.

Нерѣдко она брала меня съ собой въ большой домъ и «знакомила» здѣсь съ роднымъ дядей, т. е. опекуномъ... Въ одно изъ такихъ посѣщеній опекунъ заинтересовался мной и полюбопытствовалъ узнать у управляющаго, кто я. Но управляющій могъ только передать ходившіе о мнѣ слухи,—справились въ церковныхъ книгахъ и оказалось, что я записанъ, какъ «неизвѣстныхъ родителей ребенокъ», названный, не знаю почему, Алексѣемъ *Незнамовымъ*.—Я, конечно, этому тогда не повѣрилъ, какъ не вѣрю и теперь, такъ какъ зналъ и *убѣдился*, что я сынъ графа и даже, можетъ быть, не столь не-

законный, какъ думали всѣ въ Крапивнѣ. Опекунъ приказалъ управляющему кормить и одѣвать меня — и только! Я перешелъ отъ Ариновны въ кухню управляющаго и жить здѣсь, т. е. ѣлъ и пилъ съ лакейскаго стола, помогаль повару, а, между тѣмъ, рядомъ, въ домѣ моего отца, пировали и веселились. Да и самъ управляющій, нѣмецъ Ритшъ, жилъ широко и роскошно! А надо мной смѣялись, называли бродягой, говорили, что меня въ Крапивну ворона принесла! Самъ Ритшъ нерѣдко билъ меня, причеъ всегда говорилъ: «вотъ я тебѣ покажу, какой ты еси графъ!»! Мало-по-малу сталъ я портиться и шалить, и разъ, разсердившись на старшаго сына Ритша, взялъ его сѣдло и закопалъ въ саду. Меня накрыли и выгнали изъ усадьбы. Наступилъ второй періодъ моего дѣтства, самый тяжелый, который я, однако, плохо помню. Помню, что жилъ у крапивенскихъ мужиковъ, а у какихъ, — теперь не могъ бы сказать. Помню, что часто переходилъ съ одного двора на другой, но нигдѣ долго не уживался. Крапивенскіе мужики издавна вели тяжбу изъ-за какой-то земли съ графами Н. и на меня смотрѣли, какъ на принадлежащаго графскому роду, а потому ненавидѣли. Я былъ то па-стухомъ, то нянчилъ малыхъ ребятъ, то работалъ, какъ простой мужикъ, не смотря на мой нѣжный возрастъ. Тяжелую жизнь велъ я тогда и единственнымъ утѣшеніемъ моимъ было забраться въ господскій садъ, въ круглую бесѣдку, и здѣсь вспоминать тѣ французскіе стихи, которымъ училъ меня Декаръ. Усадьба къ тому времени опустѣла, опекунъ уѣхалъ, домъ забили, перемѣнили управляющаго, — всѣ прежніе поумирали и никто изъ новыхъ меня не зналъ... Наконецъ, ни одинъ изъ мужиковъ не хотѣлъ меня принимать, всѣ гнали отъ себя, и я бродилъ голодный и оборванный по деревнѣ, не зная, гдѣ приютиться, не зная, что со мной будетъ и кто я!

Когда мнѣ было одиннадцать лѣтъ, пріѣхалъ въ Крапивну сынъ графа, — *мой братъ!* Я къ этому времени совсѣмъ сѣп-стился и одичалъ, и почти каждый день (было лѣто) проводилъ въ бесѣдкѣ, питаюсь огородными овощами и фруктами. Здѣсь-то и увидѣлъ меня мой братъ. Никогда не забуду, какъ онъ вошелъ въ бесѣдку и взялъ меня за ухо. Не забуду, какъ испугался я и какъ посмотрѣлъ на меня онъ... Не за-

буду, какъ онъ вытеръ платкомъ ту руку, которой взялъ меня за ухо, и въ носъ спросилъ по французски:—Ты что?— Заговорилъ онъ по французски, конечно, по привычкѣ, а не потому что зналъ, что я пойму его. Но я отвѣтилъ ему по французски: «Ровно ничего», — онъ удивился, сѣлъ на скамейку и уже по русски спросилъ меня: «кто ты»? Я молчалъ. Онъ повторилъ свой вопросъ по французски.

— Не знаю,—отвѣчалъ я.

— Какъ не знаешь?—удивился онъ и приподнял брови. Я рассмотрѣлъ его въ эту минуту и нашелъ, что онъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на меня. Это придадо мнѣ смѣлости и я тихо произнесъ:

— Не знаю; говорятъ, что я родился здѣсь,—и я указалъ на большой домъ.

— Здѣсь? — онъ протянулъ это слово и снова ухватилъ меня за ухо.

— Что это значить?—спросилъ онъ и опять приподнял брови; я теперь рассмотрѣлъ, какое у него блѣдное лицо и какой онъ красивый.

— Кто твои родители?

— Не знаю... я здѣсь родился,—упрямо сказалъ я.

Графъ, т. е. мой братъ, внимательно посмотрѣлъ на меня.

— Пойдемъ со мной въ домъ,—сказалъ онъ.

Мы пошли въ домъ и графъ подробно распросилъ меня обо всемъ, что я помнилъ. Я рассказалъ; онъ ничего не отвѣтилъ на это, но приказалъ меня помыть, одѣть и помѣстить въ отдѣльномъ флигелѣ. Здѣсь я прожилъ два мѣсяца. Я каждый день видѣлъ графа, т. е. своего брата, но онъ никогда не говорилъ со мною, не обращалъ на меня никакого вниманія и дѣлалъ это, конечно, потому, что ему было стыдно за нашего отца и самого себя... А черезъ два мѣсяца камердинеръ или, какъ его называли, графскій секретарь, отвезъ меня въ М. и помѣстилъ въ пансіонѣ. Съ тѣхъ поръ я не видѣлъ брата. Секретарь сказалъ мнѣ, что за меня будутъ платить въ пансіонѣ, и совѣтовалъ хорошо вести себя, такъ какъ его господинъ только изъ великодушія и жалости обратилъ на меня вниманіе.

Пансіонъ, въ который поступилъ я, считался аристократическимъ и въ немъ было только десять учениковъ. Всѣ они

были сыновьями лицъ, извѣстныхъ въ М. Здѣсь находились два брата Напрохины, сыновья предводителя дворянства, сынъ доктора-богача и другіе. Меня приняли безъ всякаго экзамена, — по одному письму графа, да и поступилъ я въ низшее отдѣленіе, гдѣ требовалось только умѣнье читать и писать, а этого я во время своихъ скитаній по крапивенскимъ дворамъ не забылъ. Въ пансіонѣ было три отдѣленія: то, въ которое поступилъ я, среднее и высшее. Окончившіе послѣднее поступали въ 5-й классъ гимназіи безъ всякаго экзамена.

Графъ акуратно платилъ за меня; директоръ пансіона, какъ я узналъ позже, былъ чѣмъ-то обязанъ ему (даже долженъ въ деньгахъ)—потому-то такъ легко и былъ принять я. Но на первыхъ же порахъ я почувствовалъ разницу въ обращеніи со мной и другими воспитанниками пансіона. Правда—кормили меня и одѣвали также, какъ другихъ, но называли не иначе какъ: господинъ Незнамовъ, презирали меня (я видѣлъ это ясно) и старались не замѣчать. Потому и спрашивали меня рѣдко; я учился недурно и особенно успѣвалъ во французскомъ языкѣ, но никто не хвалилъ меня за прилежаніе и не порицалъ за лѣность. Вообще учителя пансіона дѣлали видъ, что меня нѣтъ, смотрѣли на меня, какъ на что-то неприятное и постыдное, отъ чего надо скорѣе избавиться.

Такъ относилось ко мнѣ начальство; съ товарищами же было еще хуже. Ни одинъ изъ нихъ не зналъ, кто я, откуда, кто мой отецъ, и они всѣ (девять человекъ) не давали мнѣ покою!

Сначала они думали, что я сынъ какого-то важнаго лица, перемѣнившаго мою фамилію; позже думали—совсѣмъ другое...

Особенно сбивала ихъ съ толку моя проклятая фамилія. Незнамовъ, Незнамовъ,—они раньше произносили ее съ уваженіемъ, а потомъ съ насмѣшкой... Помню, что, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ поступленія въ пансіонъ, я, припертый къ стѣнѣ съ разспросами о моемъ отцѣ, сказалъ, что мой отецъ — извѣстный въ Одессѣ докторъ, и меня на нѣкоторое время оставили въ покоѣ. Но сынъ богача-доктора досталъ гдѣ-то списокъ всѣхъ врачей и уличилъ меня во лжи. Тогда я заявилъ, что отецъ мой былъ военнымъ докторомъ, въ чинѣ полковника, но что онъ уже пять лѣтъ какъ умеръ.

Но сынъ одного военного поймалъ меня на какой-то мелочи, мнѣ и моимъ бокамъ больно досталось за оба обмана; кромѣ того, начальство, узнавъ о послѣднемъ, приказало не спрашивать меня и оставить въ покоѣ. Но это подлило масла въ огонь—меня буквально рвали на части и все изъ-за того, что никто въ М. не зналъ ни меня, ни моего отца... Наконецъ я, выведенный изъ терпѣнія, придумалъ новую ложь и заявилъ, что я сынъ самого директора пансіона, который больше другихъ не обращалъ на меня вниманія. Меня подыали на смѣхъ и «вадули», но начальство ничего объ этомъ не узнало. Спасаясь отъ распросовъ, я успѣлъ побывать сыномъ адмирала, протоіерея и, наконецъ, того, чьимъ я былъ дѣйствительно, т. е. сыномъ графа Н. Это было уже въ 4-мъ классѣ, когда мнѣ исполнилось пятнадцать лѣтъ. — Когда я сказалъ, что я сынъ графа, меня, конечно, осмѣяли, но не побили и стали называть графомъ. Скажу прямо, что это было мнѣ очень и очень пріятно... Позже къ слову «графъ» прибавили *Монтекристо*, но я не обращалъ на это вниманія. Я былъ радъ, что не слышу своей подлой фамиліи, которая какъ бы сама указываетъ на неизвѣстность моего происхожденія. Я такъ привыкъ къ «графу», что обижался, когда меня называли иначе. Ученики замѣтили это и совсѣмъ перестали звать меня такъ,—я разсердился и больно поколотилъ одного изъ нихъ. Онъ пожаловался директору и заварилась каша. Меня позвали къ директору пансіона и онъ спросилъ, правда ли, что я осмѣливаюсь называть себя графомъ.

— Правда!—храбро отвѣтилъ я.

— Откуда вы знаете, что вы графъ? — строго сказалъ онъ мнѣ.

Я молчалъ.

— Можетъ быть, вы князь? — насмѣшливо спросилъ онъ меня и улыбнулся. Никто никогда еще не видѣлъ, чтобы онъ улыбался, и улыбка такъ не шла къ его длинному лицу, что я чуть не бросился на него съ кулаками...

— Я—графъ!—громко произнесъ я.

Онъ пересталъ улыбаться и пристально взглянулъ на меня. Наши взоры встрѣтились. Онъ вдругъ отвернулся и проговорилъ:

— Идите вонъ!

Я ушелъ, но чрезъ три дня меня опять призвали въ ту же громадную комнату и онъ опять спросилъ меня, но уже не улыбаясь, а нахмурившись:—Такъ вы графъ?

— Я—графъ!—гордо отвѣчалъ я...

— Идите!—тихо проговорилъ онъ,—и скажете мнѣ, когда образумитесь.

Это повторилось еще нѣсколько разъ въ теченіе послѣдняго года и все съ тѣмъ же успѣхомъ для него. Передъ самыми выпускными экзаменами директоръ зашелъ въ нашу «старшую» спальню и громко обратился ко мнѣ:—Господинъ Незнамовъ! Вы будете допущены къ экзамену только тогда, когда признаетесь въ вашей упорной лжи.

— Я графъ! — съ вызовомъ крикнулъ я и чуть не заплакалъ.

— Монтекристо,—шепнулъ кто-то сбоку. — Прелестный незнакомецъ, господинъ безъ роду и племени,—послышалось кругомъ, — но я молчалъ. Итакъ я не покорился. Меня исключили изъ пансіона. Это давно уже хотѣли сдѣлать и ждали только удобнаго случая, тѣмъ боже, что мой братъ, графъ Н., неожиданно для всѣхъ застрѣлился. Директоръ, передавая мнѣ мое незнамовское о рожденіи свидѣтельство и «свидѣтельство о прохожденіи курса четырехъ классовъ пансіона», вручилъ 200 рублей и сказалъ, что эти деньги, оставшіяся отъ суммы, назначенной на мое воспитаніе, по праву принадлежатъ мнѣ. Я взялъ ихъ и оставилъ пансіонъ.

Прямо изъ пансіона я отправился въ магазинъ гетоваго платья, гдѣ купилъ штатскую пару и пальто. За эти три штуки съ меня по моей неопытности содрали 80 руб. Здѣсь — въ лавкѣ — я встрѣтился съ оной личностью, которая, внимательно присмотрѣвшись ко мнѣ, спросила: не дворянинъ ли я Безсонинъ? На мой уклончивый отвѣтъ неизвѣстный мнѣ господинъ (прекрасно одѣтый и представительный) ничего не сказалъ и ушелъ изъ магазина.

Когда же я,—во всемъ новомъ; — оставилъ лавку и шелъ по тротуару, онъ, т. е. заговорившій со мной, подошелъ ко мнѣ и вступилъ въ разговоръ. Такъ какъ лицо его и манеры внушали мнѣ полное довѣріе, то я подробно и откровенно рассказалъ ему всю свою жизнь. Тогда онъ назвалъ себя. — Я дворянинъ Парееновъ,—сказалъ онъ, — нигдѣ не служу, но

отстаиваю по возможности интересы дворянскаго сословія. Вы очень заинтересовали меня своимъ сходствомъ съ дворяниномъ Безсонымъ, часто гостившимъ у графа Н., гдѣ я съ нимъ встрѣчался. Это сходство наводитъ меня на нѣкоторыя мысли, касающіяся васъ... Но передать ихъ вамъ я пока не могу, скажу только, что вы ошибаетесь, считая себя сыномъ графа Н. Для выясненія вашего происхожденія, совѣтую немедленно поѣхать въ Крапивенскую усадьбу, гдѣ живетъ теперь бывшій опекунъ вашъ. Отъ него вы можете узнать всю правду и, кромѣ того, онъ долженъ исполнить обязательства, принятія графомъ Н. въ отношеніи дворянина Безсонова... И я самъ поѣду съ вами, такъ какъ желаю помочь вамъ въ вашихъ розыскахъ.

Итакъ мы поѣхали... Но въ первой же деревнѣ, гдѣ остановились на ночлегъ, мой спутникъ исчезъ и съ нимъ вмѣстѣ исчезло мое новое пальто. Не знаю, какъ объяснить поведеніе этого человѣка; скажу только, что его слова о знакомствѣ дворянина Безсонова съ графомъ Н. и мое поразительное сходство съ нимъ совсѣмъ сбили меня съ толку... Я не зналъ, чему вѣрить, и терялся въ догадкахъ... Вѣрнѣе всего, что мой новый знакомый захватилъ мое пальто по ошибкѣ, такъ какъ бывшія со мной деньги остались при мнѣ; впрочемъ, онѣ лежали у меня въ жилетѣ, въ которомъ я спалъ. Покинулъ же онъ меня, должно быть, вслѣдствіе какого нибудь неотложнаго обстоятельства, встрѣтившагося въ деревнѣ, въ которой мы ночевали.

Въ Крапивенской усадьбѣ не было никого. Домъ попрежнему стоялъ наглухо забытымъ и при немъ жилъ сторожъ. На мой вопросъ, гдѣ теперь братъ графа, онъ отвѣчалъ мнѣ, что Крапивна продана купцу, а опекунъ за границей. Въ самой Крапивнѣ меня никто не помнилъ. Нашелся только одинъ изъ родственниковъ бывшаго кучера графа, который сообщилъ мнѣ, что отлично знаетъ меня, что я сынъ графа и его законной жены,—и выпросилъ рубль на водку. Я нанялъ лошадей въ уѣздный городъ К., въ 15-и верстахъ отъ Крапивны, чтобы быть близко отъ мѣста своего рожденія и поискать тамъ какихъ нибудь занятій.

Пріѣхавъ въ К., я нанялъ за пять рублей въ мѣсяцъ комнату у мѣщанина Михайлы и сталъ осматриваться. К. былъ

и есть небольшой уѣздный городокъ, грязный, жидовскій, въ сорока верстахъ отъ желѣзной дороги. Высшая часть общества, т. е. чиновники по значительнѣе, живутъ весело и хорошо, бѣдные люди бѣдствуютъ, какъ вездѣ. Всѣ въ немъ знаютъ другъ друга такъ хорошо, какъ самихъ себя. Все общество дѣлится на классы по состоянію и положенію и попасть изъ одного въ другой очень трудно. Всѣ доврѣяютъ только своимъ, бываютъ только у своихъ... Можете поэтому судить, какъ трудно было найти занятія мнѣ, съ моимъ «незнамовскимъ свидѣтельствомъ», лицу всѣмъ неизвѣстному и даже не знающему, кто онъ и кто его родители!—и это въ городѣ, гдѣ, знакомясь съ молодымъ человѣкомъ, прежде всего спрашиваютъ:

— Гдѣ изволите служить? Кто вашъ батюшка ¹⁾? Во многихъ домахъ, въ которые я заходилъ съ просьбой дать мнѣ какую нибудь работу,—урокъ или переписку,—меня подозрительно оглядывали и отвѣчали прямымъ отказомъ или замѣчали съ насмѣшкой:

— Вы намъ неизвѣстны-съ!

Былъ я въ казначействѣ, управѣ, полицейскомъ управленіи и другихъ учрежденіяхъ, но вездѣ было полно и, кромѣ того, меня никто не зналъ, вотъ въ чемъ была главная бѣда! Когда меня спрашивали, гдѣ я учился, жилъ до сихъ поръ, я говорилъ, что окончилъ шесть классовъ гимназіи, но свидѣтельство, выданное ею, потерялъ и показывалъ свое *незнамовское*. Смотрѣвшіе въ него пожимали плечами, говорили мнѣ: — «Да съ эдакой бумагой васъ, батенька, никуда не примутъ!» — А другой достать я нигдѣ не могъ... И вотъ, чтобы какъ нибудь успѣть и зарекомендовать себя, пустилъ я слухъ чрезъ своего хозяина и жидовъ, что я, молъ, случайно попалъ въ К.—по

---

¹⁾ У меня есть основанія предполагать, что весь первый періодъ жизни Незнамова до города К.—а, какъ онъ изображенъ въ запискахъ, есть плодъ богатой фантазіи автора. Графское происхожденіе его больше чѣмъ сомнительно. То, что онъ называетъ своимъ „незнамовскимъ свидѣтельствомъ“, было, должно быть, свидѣтельствомъ Воспитательнаго дома, въ которомъ онъ получилъ первоначальное воспитаніе. Отданный затѣмъ къ одному изъ крестьянъ села Крапивны для такъ называемаго *кормленія*—онъ могъ присмотрѣться къ жизни въ господской усадьбѣ и познакомиться съ тѣми ея подробностями, о которыхъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ.

Примѣч. судебнаго слѣдователя.

гоненію противниковъ графа, и, какъ одинъ изъ наслѣдниковъ, скоро получу часть графскаго наслѣдства, а пока долженъ жить въ бѣдности.

Въ К., какъ и другихъ уѣздныхъ городахъ, если у кого вечеромъ заболитъ животъ, то на другой день утромъ всё знаютъ объ этомъ,—такъ и мои слова быстро разнеслись по городу, но желаемаго дѣйствія не оказали. Правда, благодаря имъ, я познакомился съ однимъ семействомъ (о немъ скажу ниже), но мѣста всетаки не получиль. Мнѣ не довѣряли или просто разсуждали такъ:—«Что будетъ,—еще неизвѣстно, а мы посмотримъ, чтобы не остаться въ дуракахъ!»—И я продолжалъ жить, одинъ, какъ прежде, расходуя свои деньги на квартиру, столъ и прочее... Цѣлые дни я бродилъ по К., приглядываясь къ его жизни. А жили въ немъ,—нужно сказать, тѣ, кто имѣлъ деньги,—очень разнообразно. Постоянно устраивались пикники, вечера—танцевальныя и карточные, гулянья... По воскресеньямъ на бульварѣ играла музыка,—молодые люди, хорошо одѣтые и веселые, ухаживали за барышнями...

И мелкіе чиновники устраивали пирушки, ѣздили за 7 верстъ на пивоваренный заводъ, и хотя работали крѣпко, но имѣли свои удовольствія. Былъ въ К. и клубъ, гдѣ прекрасно кормили, стояла роскошная мебель, бильярдъ; по вечерамъ въ немъ было полно—и всё нарядные, оживленные. Однимъ словомъ, каждый имѣлъ свое общество, находилъ развлеченія, — одинъ я слонялся по городу и съ тоской и завистью смотрѣлъ кругомъ... Усталый приходилъ домой, ложился на кровать и думалъ о томъ, какъ бы и мнѣ пожить, а не пропадать въ моей берлогѣ!

Канура эта была тѣсная, грязная, рядомъ съ печкой, гдѣ жена Михайлы варила обѣдъ, и у меня всегда болѣла голова отъ угара и чада, а за стѣной слышались ругательства Михайлы, его жены и сына. Переѣхать квартиру я не могъ, такъ какъ, приѣхавъ въ К., по легкомыслію заказалъ дорогой костюмъ, купилъ часы и еще кой-какія вещи, главнымъ образомъ туалетныя; Михайлу, за столъ и квартиру, я платилъ въ мѣсяць 12 рублей, и у меня оставалось еще рублей сорокъ, такъ что нужно было быть бережливымъ и оставаться у Михайлы.

Этотъ Михайло, старикъ лѣтъ 70-ти, ничѣмъ не занимался

и ничего не дѣлалъ, чѣмъ очень гордился. Онъ былъ шляхтичъ, или мѣщанинъ города К—а, и этимъ тоже очень гордился. У него было гдѣ-то припрятано нѣсколько сотъ рублей и вотъ изъ-за этихъ-то денегъ и выходили ссоры съ женою и сыномъ. Михайло подозрѣвалъ всѣхъ, что хотятъ украсть у него деньги, и потому ругалъ весь мѣръ, а жена и сынъ,—дубина тридцати лѣтъ, кравшій у отца табакъ,—приставали къ нему, чтобы онъ открылъ, гдѣ лежитъ «капиталъ». Сынъ спрашивалъ очень вѣжливо и называлъ отца не иначе, какъ «мой родитель», жена кричала и бранилась. Михайло отвѣчалъ женѣ и сыну страшными ругательствами, упоминалъ попутно про замужнюю дочь, его зятя и ребенка, а затѣмъ пристегивалъ сюда всѣхъ, кого только зналъ,—такимъ образомъ туда, т. е. въ этотъ списокъ, попадали: какой-то генералъ Онучевъ (Михайло служилъ въ военной службѣ), всѣ жители К., и я, подъ названіемъ «безроднаго, безыменнаго», который объѣдаетъ и опииваетъ его, благороднаго шляхтича. Вспомнивъ обо мнѣ, Михайло являлся въ мою канурку и просилъ на выпивку. Я, чтобы отвязаться отъ него, давалъ. Выпивши, Михайло усаживался на крылечкѣ и жаловался (громко, чтобы сосѣди слышали) на то, что онъ ходитъ въ грязной рубашкѣ и что его когда-то обидѣла какая-то «черноброва», но, впрочемъ, «ужасная стерва»... Все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не являлся сынъ и говорилъ:—«Родитель! прошу васъ выдать мнѣ 30 копѣекъ на неотложное дѣло!» или «оказать доброту и одолжить табаку на папиросу!» Тогда опять начиналась руготня, крики и я долженъ былъ все это слышать и переносить.

Такъ тянулось три мѣсяца. Никто не хотѣлъ водить со мною знакомства, потому что не знали, кто я и что за человекъ! Всѣ въ К. были на своихъ мѣстахъ, служили, имѣли своихъ родителей, всѣ дѣлали свое дѣло и были довольны. Къ служившимъ даже на маленькой должности относились съ почтеніемъ и уваженіемъ; всѣмъ, носившимъ кокарду, евреи кланялись, занимали имъ деньги, и Михайло ругалъ ихъ только за глаза, меня же въ лицо бранилъ и кричалъ о моемъ «безыменствѣ и безродствѣ»,—и все потому, что я не имѣлъ никакого опредѣленнаго мѣста и человѣческаго свидѣтельства.—Между тѣмъ, въ городѣ, хотя и не познакомились со мной, но

заинтересовались. Встрѣчая какихъ нибудь барышень, я часто слышалъ, какъ онѣ говорили:

«Это—тотъ, знаешь,—неизвѣстный, графчикъ!»—Онѣ смѣялись и бросали на меня лукавые взгляды. Я убѣдился позже, что, занимая я тогда самое маленькое мѣстечко, носи какой нибудь значокъ или форменныя пуговицы, онѣ бы съ удовольствіемъ погуляли со мной, но я не имѣлъ ни кокарды, ничего не имѣлъ,—я былъ—Незнамовъ. Сосѣди Михайлы никогда не кланялись мнѣ при встрѣчахъ, хотя тоже выпивали (вмѣстѣ съ нимъ) на мои деньги, и, говоря о мнѣ, выражались такъ:—«А чортъ его знаетъ, кто онъ такой!—Живеть, а что дѣлаетъ—неизвѣстно».—Больше другихъ заинтересовались мной евреи, которые разнюхивали, кто я и есть ли у меня деньги. Одинъ изъ нихъ ѣздилъ даже въ Крапивну, но ничего тамъ не узналъ. Приѣхавъ назадъ въ К., онъ распустилъ слухи, что я вовсе не графскій сынъ и всѣхъ только обманываю. Послѣ этого мнѣ стало еще хуже и тяжелѣе: надо мной прямо въ глаза смѣялись, Михайло увеличилъ плату за квартиру, и полицейскій надзиратель нѣсколько разъ требовалъ къ себѣ и спрашивалъ, кто я и чѣмъ занимаюсь. Какъ будто я зналъ объ этомъ больше, чѣмъ онъ самъ!...

Приближалась зима, у меня не было денегъ и я ходилъ въ одномъ пиджакѣ, а въ городѣ веселились по прежнему,—приѣхалъ какой-то фокусникъ и показывалъ въ клубѣ удивительныя фокусы.—Тогда-то я познакомился съ семействомъ *Сахара Медовича*.—Такъ называли въ К.—одного отставнаго чиновника,—жившаго пенсіей и обремененнаго громаднымъ семействомъ. Жена его умерла, подаривъ послѣдняго Сашу (которому въ то время было три года), и онъ остался самъ съ 8-ю дѣтьми: 5-ю дѣвочками и тремя мальчиками. Пенсію получалъ онъ самую маленькую, другихъ доходовъ не имѣлъ никакихъ, а жилъ довольно опрятно, и дѣвочки его содержались чистенько. Какъ онъ ухитрялся это дѣлать—Господь его вѣдаетъ! Сахаръ Медовичъ былъ еще совсѣмъ бодрый старичокъ, маленькій, выбритый и гладенькій, съ добрыми ласковыми глазками, маленькими ручками и короткими даже для его туловища, немного кривыми ножками. Весь онъ словно дѣйствовалъ посредствомъ какого-то скрытаго въ немъ механизма, и имѣлъ привычку, говоря что либо, дѣлать поясни-

тельные движенія руками, ртомъ, ногами и всѣми частями туловища. Выходило очень потѣшно, словно его кто за шнурокъ дергаетъ, и у насъ въ К. надъ нимъ потѣшались. Былъ онъ очень здоровъ, никогда не болѣлъ и служить бы еще могъ, но ему почему-то не давали мѣста, хотя онъ ежедневно отправлялъ «прошенія» въ разныя губерніи и города и согласенъ былъ занять какое угодно мѣсто. На эти прошенія и марки къ нимъ онъ тратилъ много,—для него, конечно,—денегъ, и такъ ужъ привыкъ занимать «на марочку». Легковѣренъ онъ былъ въ высшей степени и обмануть его ничего не стоило. Вначалѣ надъ нимъ въ городѣ шутили, обманывали его, присылая извѣщенія о томъ, что онъ получилъ наслѣдство, оказался дальнимъ родственникомъ Бисмарка и проч., а послѣ бросили: — жаль стало. Благодаря своему легковѣрію, онъ и познакомился со мной. Слухи о моемъ странномъ положеніи и таинственномъ происхожденіи дошли до него, конечно, изъ первыхъ, потому что онъ, если не работалъ дома надъ прошеніями,—все ковылялъ по городу, развѣдывая, нѣтъ ли чего новаго. Узнавъ, что я родственникъ и даже, можетъ быть, сынъ графа Н., могу получить наслѣдство,—онъ свято этому повѣрилъ и возложилъ на меня и мое наслѣдство громадныя надежды. Кромѣ того, какъ увидите дальше, Сахару Медовичу было выгодно познакомиться со мной, и онъ рѣшилъ взять меня у Михайлы и поселить въ своемъ семействѣ. Онъ очень ловко устроилъ то и другое, и скоро я водворился въ небольшой комнатѣ, гдѣ спалъ онъ самъ и три его сына.

II.

Сахаръ Медовичъ (фамилія его была *Зайончковскій*) жилъ въ собственномъ домикѣ изъ 4 комнатъ, съ небольшимъ огородомъ. Одну занимали мы съ мальчиками, въ другой, самой большой, помѣщался «женскій персоналъ» (какъ говорилъ Сахаръ Медовичъ) его семейства, въ третьей обѣдали и работали, четвертая была для гостей. Вездѣ была поразительная чистота, что особенно поражало при такомъ количествѣ дѣтей, но Сахаръ Медовичъ, можно сказать, былъ помѣшанъ на чистотѣ и чего она ему и его семьѣ стоила,—я понялъ, только

проживъ три года съ ними. Двѣ старшія дочки готовили ѣсть, убирали комнаты, шили, штопали и, то и дѣло, посылали записки къ тѣмъ, въ кого онѣ были влюблены. А влюбляясь онѣ постоянно, то въ прошедшаго мимо писаря, то въ кадета, пріѣхавшаго на каникулы въ К., то, наконецъ, въ сосѣдняго дворника. Вообразивъ себя влюбленными, онѣ начинали *страдать*, т. е. вдыхали, пѣли романсы, шептались до тѣхъ поръ пока не получался отвѣтъ на ихъ записку. Тогда онѣ мѣняли предметъ своего увлеченія и передавали записку другому. Если же *предметъ*, отвѣтивъ на посланіе, проходилъ мимо ихъ квартиры или старался заговорить съ Катей или Машей, то онѣ пугались, прятались и молили Бога, чтобы онъ скорѣе ушелъ. Отецъ зналъ объ этой странности дочерей, но не обращалъ на нее вниманія, — впрочемъ, и времени у него на это не было. Вставъ по утру и узнавъ, что Петѣ нужны сапоги и нѣтъ дровъ, онъ немедленно отправлялся за тѣмъ и другимъ — и доставалъ! Тамъ займетъ, тутъ наобѣщаетъ гору, — вотъ купецъ и отпустить въ долгъ, а Зайончковскому только этого и нужно — былъ онъ весь въ долгу, какъ въ шелку, и нимало это его не беспокоило: чтѣ съ него возьмешь, въ самомъ дѣлѣ? — Помогали ему тоже нѣкоторые, — когда стала подрастать третья дочка, Сонечка, — ну, да объ этомъ особенно. — Такъ раздобывъ нужное, приходилъ онъ домой и, водворивъ порядокъ среди «меньшей братіи», принимался за дѣла, т. е. провѣрялъ и складывалъ по порядку почтовыхъ расписки отъ посланныхъ прошеній, дѣлалъ то-же самое съ копіями прошеній, и, пронумеровавъ анонимныя письма (а получалъ онъ ихъ пропасть: потѣшались, какъ я уже говорилъ, надъ нимъ), складывалъ все это въ свой семейный архивъ, т. е. въ особый шкафъ, гдѣ лежали только бумаги, касающіяся его и его семейства. Сонечка (она, какъ и старшія дочки, окончила двухклассное училище) была его секретаремъ и ключъ отъ шкафа держала у себя въ боковомъ карманчикѣ. Провѣривъ архивъ, Сахаръ Медовичъ садился читать газету, которую давалъ ему клубный лакей, и возлѣ него помѣщалась Сонечка съ карандашомъ и записывала то изъ газеты, что казалось важнымъ отцу. Извѣстіе о пропажѣ собаки, за нахождение которой обѣщана награда, объявленіе о солидномъ коммерческомъ предпріятіи, объ открывшемся фонтанѣ нефти

въ Баку и проч. и проч. Отмѣтки Сонечки перерабатывались, дополнялись замѣчаніями отца и тоже отправлялись въ архивъ... Съ какой цѣлью?—Богъ его знаетъ. Не думалъ же Сахаръ Медовичъ, сидя въ К., получить вознагражденіе за собаку, потерянную въ Петербургѣ? Отъ нищеты, я думаю, все это продѣлывалось,—отъ этихъ просьбъ о займѣ, отъ униженій... Фантазія у Сахара Медовича очень легко разыгрывалась и все, что говорило о наградѣ, о денежной операціи, манило и привлекало его, какъ свѣтъ мотылька.

Пообѣдавъ, Сахаръ Медовичъ спалъ, клеилъ коробочки, спрашивалъ уроки тѣхъ, что учились въ училищѣ, писалъ и приготовлялъ къ отправкѣ на завтра прошенія и ждалъ гостей. Зная его бѣдность, немногіе ходили къ нему, но ужь разъ кто попалъ, оставался доволенъ. Не успѣетъ гость опомниться, какъ на колѣняхъ его уже сидятъ Паша и Коля, сзади на шею виситъ Поля и Саша, рядомъ оретъ Сеня, вздыхаютъ старшія дочки и, распростершись надъ всѣми ними, стоитъ надъ гостемъ Сахаръ Медовичъ, размахиваетъ руками и всѣмъ туловищемъ, и говорить, говорить. Умѣлъ онъ говорить безъ конца и о чемъ угодно, а больше о своей семьѣ. Хозяинъ онъ былъ гостепріимный въ высшей степени, даже слишкомъ: захочетъ гость встать, Сахаръ Медовичъ ему помогаетъ и тянетъ съ кресла, захочетъ зѣвнуть, — онъ и свой ротъ разѣваетъ такъ, какъ будто разорвать его хочетъ. Угостить чаемъ и непременно потребуешь, чтобы гость выпилъ стакановъ 10—12, а чай, конечно, слабый и неважный.

Получивъ пенсію за мѣсяць, Зайончковскій устраивалъ пирушку и звалъ ближайшихъ знакомыхъ. И хлопоталъ же онъ въ этотъ день! Гости придутъ, и уйдутъ, а Сахаръ Медовичъ ручки потираетъ отъ удовольствія: и онъ человѣкъ, значить, какъ другіе, коли бываютъ у него гости. Цѣлую ночь не уснетъ, ходитъ по комнатамъ и мечтаетъ, какъ онъ слѣдующій разъ продѣлаетъ то-же самое.

Жалкій и несчастный былъ человѣкъ, а все отъ бѣдности! Сразу вышло какъ-то само собой, что я сталъ и за чистотой половъ смотрѣть, и воду носилъ изъ колодца, и уроки спрашивалъ у младшихъ, и секретарствовалъ за Сонечку. Однимъ словомъ, на меня ввалили три четверти работы, исполняемой всѣмъ семействомъ Сахара Медовича, но я не ропталъ на это.

Я думаю, что на первых порах и самъ Зайончковскій, и его дочери повѣрили тому, что я дѣйствительно графъ, получу наслѣдство и проч. Повѣрили всѣ — кромѣ Сонечки. Эта пятнадцатилѣтняя красавица, все время моего жительства подъ кровомъ Зайончковскаго, терзала и мучила меня самымъ ужаснымъ образомъ. Все въ ней дразнило и раздражало меня: и ея сѣрые глаза, становившіеся вдругъ изъ грустныхъ лукавыми, и нижняя пухленькая губка, которую она, удерживая душившій ее смѣхъ, такъ крѣпко закусывала, и задорная прядь волосъ, налѣзавшая на глаза... Эта прядь была немного свѣтлѣе остальныхъ волосъ — выходило очень странно и красиво, — и звали Сонечку за нее «мѣченной». Больше всего мучила меня ея улыбка: задумается иной разъ такъ глубоко, глаза печальные, — и вдругъ улыбается... Чему? Богъ ее знаетъ! Тому, что сама только видитъ и знаетъ; — вотъ этотъ-то уголокъ, куда не пускала она никого, и терзала меня — хотѣлось заглянуть въ него, узнать, чтѣ въ немъ... Не знаю, была ли это любовь; я любилъ многихъ женщинъ, но никогда не испытывалъ такого чувства стѣсненія и безпокойства, какъ въ присутствіи Сонечки. Я, не задумываясь, бросился бы за нее въ огонь, но я убилъ бы ее самою въ минуты раздраженія. Сонечка знала это и всегда убѣгала, когда видѣла, что я *перестаю быть графомъ*, какъ она говорила. Она называла меня всегда — «нашъ несчастный графъ, нашъ благородный графъ», и все это серьезно, хотя меньше другихъ вѣрила тому, что я графъ. Всю свою работу, т. е. секретарство при отцѣ, уроки съ младшими — она возложила на меня... Кромѣ того, я обязанъ былъ исполнять всѣ ея капризы и нѣсколько разъ въ день чистилъ ея порванныя, но заплатанныя башмачки. Она заставляла меня по цѣлымъ часамъ стоять въ углу съ закрытыми глазами, подъ предлогомъ, что хочетъ рисовать «графа, обдумывающаго самоубійство», искать подъ кроватью булавку, которая лежала у нея въ карманѣ, и проч. и проч. Главная моя пытка наступала тогда, когда Сонечка, бывало, пройдетъ мимо меня и, такъ невзначай, проронитъ: «Любезный графъ, я ходила въ городъ»... — т. е. это значило: «у меня въ пыли ботинки, почисти ихъ»!.. Помню, — разъ, уже чрезъ годъ моей жизни у Зайончковскаго, я чистилъ ей башмачки, а она проводила рукой по моимъ вихрамъ и приговаривала: «развѣ графы носятъ такъ волосы? Нужно вотъ

такъ!» и она пребольно дернула меня за волосы. Я опалѣлъ и, не помня себя, вцѣпился зубами въ ея ножку, вцѣпился не шутя, какъ звѣрь... Сонечка слабо вскрикнула, — я посмотрѣлъ на нее, она на меня... Лицо ея чуть поблѣднѣло, она вся какъ-то съежилась — и вдругъ улыбунулась *своей* улыбкой... Я бросилъ сапожныя щетки и убѣжалъ въ огородъ, гдѣ зачѣмъ-то вырвалъ нѣсколько бураковъ. И что же? Она сама привела отца и показала ему, что я надѣлалъ, а онъ разсказалъ мнѣ все, что зналъ о пользѣ бураковъ самъ и его родственники до третьяго колѣна. Всѣ видѣли власть Сонечки надо мной, но находили это естественнымъ; впрочемъ, вся семья была подъ этой властью, смотрѣла на Сонечку, какъ на божество, которому нужно поклоняться.

Я всюду слѣдовалъ за своей мучительницей: ходилъ за ней съ корзиной въ рукахъ на базаръ, сторожилъ ея пробужденіе и засыпалъ не раньше, чѣмъ затихнетъ все въ комнатѣ «женскаго персонала».

Въ то же время я кололъ дрова, подметалъ комнаты и спаль на сундукъ, рядомъ съ Колей и Петей... Самъ Зайончковскій, уже въ концѣ первой зимы, смотрѣлъ на меня, какъ на лакея, который за столъ и квартиру долженъ дѣлать все, что прикажутъ. Ълъ я впроголодь — нечего было ѣсть; всю зиму щеголялъ въ одномъ пиджакѣ и совсѣмъ обносился. Дѣти Сахара Медовича дѣлали меня своей лошадю, били палкой, когда я не хотѣлъ скакать на четверенькахъ; Катя и Маша посылали со своими записками; отецъ ихъ изводилъ меня своимъ секретарствомъ, — гости его смѣялись надо мной и называли камердинеромъ... Въ городъ страшно было показаться, потому что жида и уличные мальчишки бѣжали за мной и кричали: «паршивый графъ» и проч. Но я все терпѣлъ и ни за что бы не ушелъ отъ Зайончковскихъ! — Такъ дѣло шло до Пасхи слѣдующаго года, до того времени, когда я получилъ съ почты денежный пакетъ на сто рублей. Не знаю, кто прислалъ мнѣ эти деньги; полагаю, что одинъ изъ родственниковъ графа. Письмо было изъ Москвы, отъ г. Андреева — Незнамову. Эти сто рублей перевернули все въ городѣ и у Зайончковскихъ: мальчики перестали бѣгать за мной, жида кланялись недѣли двѣ послѣ получки денегъ... Я въ тотъ же день не мылъ половъ и спалъ на кровати, на мѣстѣ Коли и Пети, которые перешли на мой

сундукъ, но башмачки Сонечки продолжалъ чистить! Не знаю, почему Сахаръ Медовичъ вообразилъ, что я съ этихъ поръ буду каждый мѣсяцъ получать по 100 рублей, и онъ, взявъ деньги у меня, распорядился по своему: купилъ мнѣ платье и немного бѣлья, сдѣлалъ подарки дѣтямъ, а на остальные устроилъ пирушку на славу. Народу набралось много: всѣмъ интересно было видѣть Сахара Медовича съ деньгами въ карманѣ; явилась откуда-то скрипка и затѣялись танцы... Я выпилъ нѣсколько рюмокъ водки, захмѣлѣлъ и чуть не подрался съ однимъ чиновникомъ изъ полицейскаго управленія, вздумавшимъ ухаживать за Сонечкой. Сонечка же сама успокоила меня тѣмъ, что «графъ не станетъ драться съ простымъ смертнымъ», — я бросилъ чиновника, но за ужиномъ напалъ пропасть о томъ, что въ непродолжительномъ времени получу громадную сумму, что въ К. былъ проѣздомъ инкогнито мой опекунъ—графъ и т. п. Не знаю, многіе ли повѣрили этому, но Зайончковскій несомнѣнно повѣрилъ, ибо, когда Паша и Коля сѣли, по обыкновенію, на колѣни одного изъ гостей, а Саша обхватилъ его шею сзади, то Сахаръ Медовичъ, распластавшись надъ этимъ гостемъ, клялся не оставить его въ тяжелыя минуты и обѣщалъ помочь ему деньгами — «вотъ на этихъ дняхъ», — при этомъ Зайончковскій развелъ руками въ сторбны и ударилъ кого-то по щекѣ, — и всѣ разсмѣялись. Помню, что одна Сонечка не смѣялась.

Еще нѣсколько дней послѣ пирушки мы пили чай съ печеньемъ, Сахаръ Медовичъ потиралъ ручки и все ждалъ чего-то, но скоро вышли остатки моихъ денегъ, новыхъ я не получалъ, костюмъ мой какъ-то очень быстро испачкался, истрепался, и все вошло въ прежнюю колею.

III.

Спустя четыре мѣсяца послѣ полученія мною денегъ, мы праздновали день рожденія Сонечки. Ей исполнилось тогда 16 лѣтъ. Въ цѣломъ К. не было дѣвушки красивѣе ея, а потому неудивительно, что у ней находились ухаживатели—молодые чиновники. Всѣ они, завидя Сонечку гдѣ-нибудь на улицѣ, подходила къ ней и вступали въ разговоръ, въ которомъ ста-

рались ее сконфузить или, наоборотъ, наговорить пріятныхъ вещей. Сонечка, придя домой, потѣшалась надъ ними, передразнивала ихъ, и мы смѣялись, хотя я готовъ былъ убить каждаго изъ нихъ. Но вотъ, въ тотъ день рожденія Сонечки, былъ въ гостяхъ у насъ акцизный контролеръ, нѣкто Дягилевъ, красивый, рослый брюнетъ. О немъ шла въ городѣ молва, какъ объ ужасномъ кутилѣ, но человѣкѣ состоятельномъ. Сонечка сразу приглянулась ему, но онъ былъ малый опытный, искусный въ ухаживаніи и потому виду не подалъ, что она нравится ему. Онъ совсѣмъ не говорилъ съ нею; а если говорилъ, то такъ-небрежно, словно нехотя. Сонечку это и заинтересовало: почему *есть* ухаживаютъ за ней, а *онъ* нѣтъ, и стала она съ нимъ кокетничать напропалую, но онъ хоть бы что — держать свою линію. Тогда Сонечка стала задумываться и загрустила. Бываль онъ у насъ рѣдко и каждый разъ приносилъ старшимъ сестрамъ то цвѣты, то конфекты, а ей ничего. Сонечка тоже дѣлаетъ видъ, что и она «ничего», а сама ходитъ блѣдная и сквозь слезы говоритъ: «графъ, ходила я въ городъ»... А графъ, т. е. я, въ это время, отъ мученій совсѣмъ съ ума сошелъ: ничего не дѣлаю, Зайончковскому грублю, при гостяхъ ѣмъ все, что на столѣ лежитъ; завижу на улицѣ Дягилева, чуть съ кулаками на него не лѣзу... Только началъ я примѣчать, что Сонечка повеселѣла и стала каждый день изъ дому уходить... Пропадаетъ недолго, возвращается вся розовая и улыбается той, «своей» улыбкой... Узналъ я, что гуляетъ она съ Дягилевымъ, и сказалъ объ этомъ Сахару Медовичу. Онъ былъ страшно строгъ насчетъ чести «женскаго персонала», призвалъ Сонечку къ себѣ и имѣлъ съ ней долгій разговоръ. Я стоялъ за дверью и все слышалъ.

Говорилъ больше отецъ, а дочь молчала.

Говорилъ онъ много, а главное было то, что дѣвушку очень легко увлечь и погубить, что на свѣтѣ есть много лицъ «мужскаго персонала», которые этимъ только и занимаются, и что «уважаемый господинъ контролеръ» одинъ изъ числа ихъ...

— Тебѣ нужно положительнаго человѣка, солиднаго, а не вертопраха, — труженика, а не мота! — закончилъ Сахаръ Медовичъ.

— Такого, какъ графъ, — расхохоталась вдругъ Сонечка.

— Какой графъ? — удивился отецъ, но, понявъ, что рѣчь идетъ обо мнѣ, тоже разсмѣялся.

Мнѣ показалось, что у меня въ эту минуту вся кровь ушла куда-то изъ тѣла, похолодѣлъ я, — такъ мнѣ стало жутко и обидно. Молча вышелъ я въ огородъ, легъ тамъ на землю и такъ пролежалъ долго, думая о себѣ и своемъ положеніи.

Что я, въ самомъ дѣлѣ? — говорилъ я себѣ, — я хуже чѣмъ всякій уличный мальчишка. Нѣтъ у меня никого, кто бы меня пожалѣлъ, всѣ надо мной смѣются; работаю, какъ всѣ, а живу... Сонечка меня мучить, выдетъ скоро замужъ и мнѣ еще хуже станетъ... И гдѣ же конецъ? Невидно его! — Лежалъ я и такъ думалъ, а кругомъ меня словно темная ночь повисла и на сердцѣ что-то легло... Однако я не плакалъ; всталъ, иду назадъ въ домъ, смотрю — на крылечкѣ сидитъ Сонечка. Увидѣла меня, присмотрѣлась — видъ у меня былъ, должно быть, нехорошій, — и ласково такъ спрашиваетъ: — «что съ вами, графъ»?

Я ничего ей не сказалъ, прохожу мимо и вдругъ, какъ слышалъ близко ея милое дыханіе, повалился ей въ ноги, схватилъ платье, цѣлую и плачу...

Ревѣлъ я тогда, а не плакалъ, ревѣлъ, какъ быкъ, а она гладитъ меня по головѣ и говоритъ: — «бѣдный, бѣдный»... Все бы отдалъ я тогда, чтобы она всегда меня такъ гладила и говорила такъ ласково: «бѣдный, бѣдный»! И вспало мнѣ тогда на мысль во что бы ни стало быть всегда при Сонечкѣ и выбиться въ люди...

Живя у Зайончковскихъ, я не переставалъ хлопотать и старался раздобыть какое нибудь занятіе, но всѣ мои попытки оканчивались неудачей. Много вредило мнѣ мое званіе «сахарнаго и медоваго секретаря». И какъ обидно и горько было мнѣ пресмыкаться въ бѣдности и униженіи, когда люди ниже меня и по воспитанію и по способностямъ занимали хоршія мѣста, получали жалованье... Успѣхи въ чистописаніи и рисованіи, которые я оказывалъ въ пансіонѣ, не приводили ни къ чему. Правда, — ни одна бумага въ К. не была такъ красиво написана, какъ прошенія Зайончковскаго; правда — я нарисовалъ портреты Паши и Кати, Коли и Пети, Сени и Поли, и ими закрыли трещины въ стѣнахъ, но что же изъ того?

Но вотъ (въ концѣ втораго года жизни у Зайончковскихъ) услышалъ я, что мировой посредникъ ищетъ писца, который бы писалъ очень красиво, такъ какъ требуется для весьма важ-

ной работы,—переписки бумагъ по крестьянскимъ дѣламъ, идущимъ на Высочайшее утверждение. Не говоря ничего Зайончковскимъ, я почистился, какъ могъ, и отправился къ господину Иванюку, т. е. мировому посреднику. Онъ спалъ и мнѣ часа два пришлось просидѣть въ передней съ глупымъ лакеемъ, который писалъ въ углу и смотрѣлъ на меня такъ, какъ будто я собирался что нибудь украсть.

Наконецъ, проснулся его баринъ, сталъ пить чай...

Доложилъ тотъ о мнѣ. Я вошелъ въ спальню (здѣсь онъ пилъ чай) и однимъ духомъ сказалъ все о себѣ: что пишу отлично, не дѣлаю ошибокъ, могу работать двадцать часовъ въ сутки и за самую маленькую плату, что я очень нуждаюсь и проч. и проч. Посредникъ какъ будто не слушалъ меня и кисло смотрѣлъ въ сторону. Когда я кончилъ, онъ тяжело поднялся съ мѣста, вынулъ изъ кармана какую-то бумагу и сунулъ мнѣ въ руки.

— Тутъ многіе приходили уже,—сказалъ онъ,—да никуда не годятся... Перепишите! Не здѣсь, а тамъ въ кабинетѣ. — Онъ открылъ дверь въ сосѣднюю комнату и указалъ мнѣ на стулъ за большимъ, заваленнымъ бумагами, столомъ. — Бумага—вотъ.

Никогда не старался я такъ выводить буквы, какъ въ этотъ разъ, и написалъ (а чтò, ей Богу,—не зналъ), артистически. Я подаль свою работу посреднику. Онъ все время стоялъ у меня за спиной и тяжело сопѣлъ. Взявъ отъ меня мою работу, г. Иванюкъ отошелъ съ нею къ окну и долго разглядывалъ ее, а у меня сердце билось, какъ у пойманной мышки.

— Да,—протянулъ онъ, — такъ вы приходите ужо, — писать будете въ моемъ присутствіи, съ десяти утра.

— Завтра приходитъ?—спросилъ я.

— Да...

Съ этого времени я каждый день работалъ у посредника до обѣда, т. е. до 3-хъ часовъ. Иногда мнѣ приходилось ждать очень долго, пока онъ встанетъ; работу онъ давалъ мнѣ по частямъ, т. е. на одинъ день.

Пока онъ бывалъ дома, я сидѣлъ въ кабинетѣ въ его присутствіи, когда же онъ уходилъ, то оставлялъ своего лакея, который садился за маленькій столикъ у окна и все время писалъ, искоса поглядывая на меня. Писалъ онъ на клочкахъ

бумаги страшный вздоръ, въ родѣ того, что «по такой-то бумагѣ, за такимъ-то нумеромъ, выдать такому-то 100 руб. вознагражденія»,—или «приглашаются члены общества трезвости на такое-то число»,—и подписывалъ каждую бумагу своимъ полнымъ именемъ. Его присутствіе въ комнатѣ, гдѣ я работалъ, страшно оскорбляло меня. какъ будто меня нельзя было оставить одного! Позже я сталъ приходить на работу и вечеромъ, и опять этотъ дуракъ писалъ рядомъ свои рѣшенія и постановленія. Кромѣ этого и разносити пакетовъ онъ ничего не дѣлалъ. Въ комнатахъ былъ ужасный безпорядокъ и грязь. Служили еще у г. Иванюка кухарка и прачка, и тѣ тоже ничего не дѣлали и обкрадывали своего господина ужаснымъ образомъ. А онъ съ утра до вечера игралъ въ карты: въ клубѣ, въ гостяхъ и у себя дома. Получая большое жалованье, онъ всегда нѣуждался въ деньгахъ и занималъ у жидовъ, и тѣ вѣчно бродили возлѣ его квартиры. Никогда ни съ кѣмъ онъ не говорилъ,—слышалъ я, что у него жена когда-то сбѣжала и что онъ съ тѣхъ поръ ударился въ картежъ. Говорили также, что онъ очень «умный господинъ», но *ума* этого я не видѣлъ,—видѣлъ только, что онъ постоянно съ картами въ рукахъ и держитъ ихъ такъ, словно въ нихъ все спасенье.

У Зайончковскихъ были очень довольны тѣмъ, что я занимаюсь у посредника. Сахаръ Медовичъ строилъ на моихъ занятіяхъ какіе-то воздушные замки и началъ пріятно раскланиваться съ посредникомъ.

Конечно, онъ рассчитывалъ призанять у меня, когда я получу заработную плату. Между тѣмъ, время шло, подвигалась осень, у меня не было пальто, посредникъ не платилъ мнѣ ничего, а работы оказывалось еще на много времени. — Наступилъ ноябрь и я, придя разъ къ г. Иванюку, почувствовалъ, что у меня лихорадка. Когда посредникъ вынулъ изъ стола бумаги и положилъ ихъ на столъ, я увидѣлъ, что работать въ этотъ день не могу, и сказалъ ему объ этомъ.

Онъ мелькомъ взглянулъ на меня и равнодушно спросилъ:—А что?

— Я простудился, у меня лихорадка,—отвѣчалъ я.

Онъ все равнодушно смотрѣлъ на меня и жевалъ губами.

— У меня нѣтъ пальто: холодно,—замѣтилъ я тихо, стуча.

зубами. Онъ еще разъ взглянулъ на меня и вдругъ покраснѣлъ, смутился, все лицо его сморщилось и онъ весь сдѣлался какой-то жалкій.

— Ахъ...—Онъ набралъ воздуха въ ротъ, порылся въ карманѣ, вынулъ изъ него толстый бумажникъ (наканунѣ, какъ я узналъ позже, онъ сильно выигралъ) и торопливо сталъ рыться въ немъ; досталъ сторублевую бумажку, развернулъ ее и бросилъ назадъ.

Послѣ вынулъ двѣ десятирублевки, помялъ ихъ въ рукѣ, и съ досадой запихалъ въ бумажникъ. Тогда, словно разсердившись на самого себя, опять вынулъ сто рублей и положилъ ихъ на столъ.

— Такъ вы того, пальто... сшейте, и вообще, что нужно. а отработаете потомъ...—И онъ ушелъ въ спальню.

Я взялъ сторублевку, зажалъ ее въ рукѣ и бросился домой.—Все, что было послѣ, помню, какъ въ туманѣ.

Помню, что мы всѣ чуть не плакали отъ восторга и любви къ посреднику, что Сахаръ Медовичъ подбрасывалъ сторублевку и ловилъ ее ртомъ, что Сонечка шепнула мнѣ на ухо:— «какой вы, графъ, сегодня интересный — у васъ глаза какъ звѣзды горять!»! Дальше помню, что я вдругъ сдѣлался ребенкомъ и лежалъ въ кровати, въ углу комнаты стоялъ посредникъ и не сводилъ съ меня глазъ, а возлѣ сидѣла и низко наклонялась надо мной Сонечка, и я весь дрожалъ и изнемогалъ отъ какого-то сладкаго, недужнаго томленія.

Три недѣли пролежалъ я въ горячкѣ, а потомъ снова принялся за работу у г. Иванюка. И онъ по прежнему не говорилъ со мной, а только въ кабинетѣ работалъ я уже самъ, а лакей писалъ гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ.

Съ утра, — до 10 часовъ и придя отъ посредника, — я по прежнему исполнялъ у Зайончковскихъ всѣ домашнія работы только секретарствомъ опять занялась Сонечка. Она все хорошѣла и развивалась. Познакомилась съ дочерьми уѣзднаго доктора и съ ними бывала во многихъ домахъ, и даже въ клубѣ, на вечерахъ.

Меня это ужасно мучило, но слѣдить за ней я, конечно, не могъ. Хотя я писалъ превосходно и посредникъ вполнѣ довѣрялъ мнѣ, а все же я былъ попрежнему *Незнамовъ*...

Между тѣмъ,—долженъ сказать правду, — я въ это время

выровнялся и на меня нерѣдко заглядывались барышни и дамы. Новый костюмъ и черное пальто очень хорошо сидѣли на моей высокой и стройной фигурѣ, но что же, когда я нигдѣ не бывалъ и меня знали только какъ — Незнамова. Чтобы какъ нибудь выдвинуться, обратить на себя вниманіе, сталъ я продѣлывать такую штуку.

Какъ только узнаю, что посредникъ гдѣ нибудь въ гостяхъ, беру бумаги, которыя переписываю, складываю ихъ въ портфельчикъ (нарочно заказалъ для этого) и отправляюсь туда, гдѣ онъ. Тамъ же, извинившись, вызываю по неотложному дѣлу посредника въ переднюю и спрашиваю у него объясненія неразобраннаго якобы мѣста. Онъ пробурчитъ что-то, кисло посмотритъ на меня, а все же разъяснитъ. Часто призывалъ онъ меня къ себѣ, въ такихъ случаяхъ, въ комнату, гдѣ игралъ въ карты, а здѣсь бывали и дамы... И вотъ мнѣ пришлось вспомнить, какъ у графа раскланивались гости, входя въ первый разъ въ домъ. Такимъ образомъ, я нѣсколько разъ былъ въ домѣ доктора, гдѣ заставлялъ Сонечку въ обществѣ дѣвицъ и дамъ. Сонечка дѣлала видъ, что не знаетъ меня, и о чемъ-то шепталась съ дѣвицами, а я быстро уходилъ. Зато какъ тоскливо и одиноко чувствовалъ я себя, послѣ этого, въ кабинетѣ посредника или на сундукѣ, рядомъ съ Колей и Петей. Какъ бы мнѣ хотѣлось тоже сидѣть въ свѣтлой комнатѣ, среди общества, быть всегда возлѣ Сонечки, впереди всѣхъ окружавшихъ ее молодыхъ людей... Такъ какъ появляться всегда въ одномъ и томъ же костюмѣ въ различныхъ домахъ было неудобно, то я заказалъ другой—въ кредитъ, увѣрив портнаго, что служу секретаремъ у посредника, получаю 45 руб. въ мѣсяцъ жалованья, и что къ Рождеству отдамъ долгъ. Кромѣ того, я досталъ въ кредитъ же въ лавкѣ Морейнеса шапку и кое-что изъ мелочей, и успѣлъ убѣдить дурака-лакея г. Иванюка, чтобы занялъ мнѣ пять рублей до слѣдующей получки отъ его барина. По внѣшности я сдѣлался совсѣмъ приличнымъ молодымъ человекомъ, но никогда еще не чувствовалъ себя такимъ ничтожествомъ, такъ какъ зналъ, что сними съ меня мой новый костюмъ,—и окажется прежній Незнамовъ... Послѣ Рождества Дягилевъ, неожиданно для всѣхъ, сдѣлалъ Сонечкѣ предложеніе,—и, къ еще большему удивленію всего города, Сахаръ Медовичъ не сразу согласился выдать за него дочь. Не знаю,

разсчитывалъ ли онъ на болѣе выгодную партію или просто хотѣлъ поломаться, только поставилъ условіемъ, что выдастъ Сонечку только чрезъ полтора года, а пока пусть-де познакомятся и узнаютъ другъ друга. Но Дягилевъ, какъ женихъ, постоянно бывалъ въ домѣ, привозилъ Сонечкѣ подарки, занималъ деньги отцу... И начались у нихъ пирушки и «вечеринки», катанья и гулянья.

Дягилевъ не разставался съ Сонечкой, она же на меня и вниманія не обращала, даже перестала давать чистить ботинки,—не до того ей было. Каково же было мнѣ?—А у меня, какъ на зло, пошли непріятности: жады приставали съ долгами—по улицѣ нельзя было пройти; появились у насъ тогда въ городѣ анонимныя письма, получалъ ихъ наибольше Зайончковскій (и пряталъ, конечно, въ свой архивъ), и все говорилось въ нихъ нехорошее про Дягилева,—приписывали же ихъ мнѣ, такъ какъ были написаны очень красиво, хотя не моимъ почеркомъ, но я умѣлъ, какъ угодно, измѣнить почеркъ и всѣ знали объ этомъ. Къ тому же денегъ у меня въ то время не было ни копѣйки и я еще не отработалъ ста рублей у посредника, а у него выходили какія-то непріятности по службѣ (изъ-за картъ) и онъ хотѣлъ переводиться.—На масляницѣ устроили въ клубѣ маскарадъ, на которомъ была Сонечка съ отцомъ и Дягилевымъ. Я съ вечера дежурилъ у подъѣзда клуба, чтобы увидѣть ее, но не знаю, какъ упустилъ моментъ, когда они подѣхали къ клубу. Увидѣлъ я ее только въ четыре часа ночи, когда отецъ ея былъ уже дома, а я продолжалъ топтаться на тротуарѣ. Сонечка вышла подъ руку съ Дягилевымъ и сѣла въ его сани... Я приблизился къ нимъ,—Дягилевъ замѣтилъ меня и что-то шепнулъ Сонечкѣ. Она обернулась и посмотрѣла на меня. Какъ теперь вижу ея блѣдное лицо, полное вопроса и робкаго счастья. Лошади дернули и покатили, но не въ ту часть города, гдѣ жили Зайончковскіе, а туда—къ Дягилеву. Я бросился за нимъ и не отставалъ, хотя лошади бѣжали очень быстро. Я видѣлъ, самъ видѣлъ, какъ выпрыгнула изъ саней она и вбѣжала на крылечко, и какъ поспѣшилъ за нею Дягилевъ. Дверь захлопнулась, и когда я, запыхавшійся и смертельно усталый, подбѣжалъ къ ней, то услышалъ только щелканіе замка. Я принялся со всей силы колотить кулаками въ дверь, рвалъ ее, но ничего не могъ сдѣлать. Въ это время

открылась форточка окна, выходящаго во дворъ, и раздался голосъ Дягилева:

— Степанъ, Степанъ! Прогони его или позови городоваго.— Кто-то громко разсмѣялся въ домѣ и мнѣ показалось, что голосъ Сонечки говорить:—Это графъ!

Все помутилось у меня въ головѣ и я сдѣлался самъ не свой. Словно вошла въ меня какая-то сила и наполнила всего, и я дѣлалъ не то, что самъ хотѣлъ, а что она велѣла. Только на другой день узналъ я, что въ эту ночь кричалъ и вылъ на улицѣ, валялся на снѣгу предъ окнами Дягилева, былъ у посредника, разбросалъ зачѣмъ-то у него бумаги въ кабинетѣ, разбудилъ Сахара Медовича и тащилъ его куда-то, а когда онъ не хотѣлъ идти, ударилъ его... Говорили также мнѣ, что съ Дягилевымъ была тогда не Сонечка, а какой-то прежній его предметъ, но я не вѣрю этому,—хотя прибавлю, что я, какъ будто, видѣлъ въ эту ночь Сонечку на отцовской квартирѣ, но опять скажу—одѣтую по маскарадному. Вырвавшись отъ кричаваго и испуганнаго Сахара Медовича, я бросился опять къ Дягилеву, но здѣсь меня уже ждали и пригрозили участкомъ... Что было дальше—не знаю, но на слѣдующее утро я проснулся на прежней квартирѣ у Михайлы, среди своихъ разбросанныхъ вещей; возлѣ меня валялась пустая бутылка отъ водки, а за стѣной слышался голосъ хозяина, ругавшаго генерала Онучева.

Я остался жить у Михайлы. Черезъ недѣлю уволили посредника за небрежности въ служебныхъ дѣлахъ и я потерялъ работу. Новый посредникъ пріѣхалъ очень не скоро и со своимъ письмоводителемъ.

IV.

Я глазъ не показывалъ на улицу и проводилъ все время, лежа на скамейкѣ, служившей мнѣ кроватью, и обдумывая, что мнѣ дѣлать. У меня не было ни копѣйки, зато были часы, старый костюмъ и еще кое что, что можно было продать. Съ просьбой сдѣлать это я обратился къ Михайлѣ; онъ очень охотно и скоро продалъ часы. Спустя нѣкоторое время, пошелъ костюмъ, а тамъ и прочее. Когда Михайло увидѣлъ, что про-

давать больше нечего и что я не получаю ниоткуда денегъ, онъ сочинилъ какую-то пѣсню о «безродномъ, бесплодномъ, который же лежитъ, а въ карманѣ у него свиститъ», и въ перемѣшку съ ругательствами угощаль меня этой пѣсней съ утра до вечера, но ѣсть давалъ. Прошло два мѣсяца, за ними еще два, опять наступило лѣто, а я продолжалъ лежать въ своей канурѣ и все думалъ, но ничего не придумалъ.—О Сонечкѣ я всѣми силами старался не вспоминать, хотя, бывало, какъ услышу что нибудь про нее (въ семьѣ Михайлы говорили о Зайончковскихъ, т. е. больше ругали ихъ), такъ у меня сердце и падаетъ куда-то и падаетъ... Никуда я не ходилъ, чтобы не видѣть ея, и извѣстій отъ нихъ никакихъ не получалъ. И сталъ я забывать о ней и уходить въ свою нищету и несчастье, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше погружался я туда и казалось мнѣ, что несчастнѣе и жалче меня и на свѣтѣ нѣтъ, что всякій меня можетъ обидѣть, и сталъ я бояться людей,—ей Богу! Лежу у себя и думаю: «вы тамъ веселитесь, наслаждаетесь, а я здѣсь страдаю и буду страдать,—и такъ мнѣ и надо. Пусть!—потому что такой человекъ ужъ я несчастный».—Привелъ какъ-то мнѣ сынъ Михайлы одного мужика, чтобы написалъ я ему прошеніе въ сѣздъ мировыхъ судей. Прошеніе я кое-какъ составилъ, хотя не совсѣмъ по формѣ, мужикъ далъ за это пѣлковый; я послалъ за водкой и мы распили ее вмѣстѣ съ Михайлой и мужикомъ. Потомъ подвернулся другой мужикъ—и ему написалъ какую-то бумагу,—стали приходять ко мнѣ съ разными прошеніями и я напрактиковался въ ихъ составленіи. Деньги тратилъ на водку; пили мы всё: т. е. Михайла, его жена и сынъ. И каждый разъ, выпивъ, я совсѣмъ забывалъ, что я и гдѣ я! Мнѣ казалось въ такія минуты, что надо только потерпѣть и придетъ счастье, а послѣ выпивки еще грязнѣе становилось кругомъ.—Видѣлъ я какъ-то изъ своего окна Зайончковскаго и у него былъ такой видъ, какъ будто весь міръ принадлежитъ ему, да онъ не можетъ, къ сожалѣнію, взять его изъ за короткихъ своихъ ручекъ; понималъ я, что онъ сіяетъ такъ отъ счастья Сонечки, и совсѣмъ упалъ духомъ. Разъ лѣтомъ вышелъ я подъ вечеръ прогуляться и, выбравшись за городъ, встрѣтилъ здѣсь Дягилева и Сонечку. Боже, какая она была нарядная, веселая, счастливая! Какъ только увидѣлъ я ее, такъ все во мнѣ и поднялось, и понималъ я, что

люблю ее больше прежняго, люблю теперь съ мукой, со злобой... Они не замѣтили меня и прошли мимо, и мнѣ казалось тогда, что *все* проходить такъ мимо меня, и что я стою одинъ-гдѣ-то въ сторонѣ, въ черной, глухой ямѣ... Я побѣждалъ домой, выпросилъ у Михайлы нѣсколько копѣекъ на водку и напился пьянъ. А утромъ опять грязь обступила меня. Боялся я тогда людей и ненавидѣлъ ихъ. Стою, бывало, у окна и смотрю, ѣдетъ или идетъ кто-либо, а я про себя думаю:— «хорошо тебѣ,—ты получаешь жалованье, живешь въ своемъ домѣ, имѣешь свое занятіе, свое имя, а побывалъ бы ты въ моей шкурѣ!»—И кулакомъ погрожу вслѣдъ.—Когда наступила осень, я совсѣмъ одичалъ и износился. Такъ, только-кажусь другимъ, что человекъ, а самъ чувствую, что не человекъ я, а чортъ знаетъ что... И еще хуже боюсь, и еще хуже злобствую...

Въ это-то время понадобилось нашему господину исправнику сдѣлать подарокъ своей дочери,—окончившей гимназію. Хотѣлъ онъ подарить ей роскошный альбомъ и поставить на первомъ листѣ соответствующую надпись.—Спросилъ у себя въ полицейскомъ управленіи, кто бы могъ это сдѣлать; кто-то вспомнилъ обо мнѣ, какъ объ артистѣ письма, и исправникъ прислалъ за мной собственныхъ лошадей и экипажъ. Но я, конечно, не поѣхалъ: видъ у меня былъ больно нехорошій. Тогда онъ прислалъ ко мнѣ человека спросить, почему не хочу явиться къ нему. Я отвѣтилъ, что не могу явиться потому, что боюсь своимъ костюмомъ и общимъ видомъ неприятно подѣйствовать на него и его семью. Исправнику мой отвѣтъ понравился и онъ самъ пріѣхалъ за мной, привезъ къ себѣ и, показавъ альбомъ, спросилъ, могу ли я украсить его соответствующимъ рисункомъ и подписью. Я отвѣтилъ, что могу, и даже въ какомъ нибудь особенномъ стилѣ, но что на это нужно нѣсколько дней. Тогда онъ далъ мнѣ записку въ лавку и тамъ мнѣ отпустили въ кредитъ подержанную пару и рубашку,—и даже не спросили о старомъ долгѣ. Работу я выполнилъ превосходно и господинъ исправникъ, видя мое бѣдственное положеніе, далъ мнѣ мѣсто писца въ полицейскомъ управленіи. Служилъ я по вольному найму и мѣсто занималъ самое маленькое. Я, по положенію, былъ выше только одного мальчишки 14 лѣтъ, племянника столоначальника. Это обстоятель-

ство, въ виду моихъ способностей, было крайне обидно для меня, но приходилось терпѣть. Получалъ я въ мѣсяцъ 12 р. жалованья и всѣ они шли Михайлѣ.—Какъ только получилъ я это мѣсто, меня опять стали мучить кредиторы, но я отдѣлывался отъ нихъ такимъ образомъ: явится какой нибудь за долгомъ, а я, не давая сказать ему ни слова, прошу занять мнѣ еще рубля два, три. И дѣйствовало:—отставали. Исправникъ почти никогда не бывалъ въ полицейскомъ управленіи; онъ велъ широкую жизнь и все вывозилъ своихъ дочекъ: въ гости, на гулянья, вечера и проч. Должность помощника исправника оставалась вакантной и вся власть и сила были въ рукахъ секретаря, котораго всѣ ужасно боялись. Секретарь этотъ былъ дока по дѣламъ и держалъ насъ въ желѣзныхъ рукахъ, но съ нимъ часто происходили запои и тогда онъ терялъ бумаги, позволялъ дѣлать, чтó угодно, и не являлся на службу. Такихъ періодовъ запоя ждали у насъ съ нетерпѣніемъ и отдыхали во время ихъ; послѣ же работали вдвое, а самъ секретарь только отписывался по поводу допущенныхъ неправильностей и сжималъ насъ еще крѣпче. Начальникомъ стола, гдѣ я работалъ, былъ нѣкто Сонинъ, молодой человекъ, на прекрасномъ счету у начальства, акуратный и точный въ высшей степени,—во второмъ уже чинѣ. Ненавидѣлъ я его всей душой и завидовалъ ему отъ всего сердца... И въ самомъ дѣлѣ: человекъ безъ всякаго образованія, способностей—и сумѣлъ такъ устроиться! Былъ онъ глупъ, какъ пробка, но очень расчетливъ и практиченъ, все дѣлалъ не спѣша и точно... За эту-то точность въ дѣйствіяхъ я его ненавидѣлъ и считалъ счастливымъ человекомъ. Сонинъ уже четыре года, какъ собирался жениться, но все откладывалъ свадьбу, пока не приобрѣтетъ необходимой, по его мнѣнію, обстановки для семейной жизни. Вотъ этой-то «обстановочкой» онъ занимался все свободное отъ службы время: ходилъ по городу и узнавалъ, не продается ли гдѣ что либо изъ мебели, прицѣпывался къ ней въ лавкѣ, а то увидить въ домѣ у кого нибудь интересную вещицу и выпросить ее. Такъ собиралъ онъ обстановку и всѣ въ полицейскомъ управленіи знали ее наперечетъ и интересовались ею. Видѣлъ и я ее, заходя вечеромъ съ бумагами къ Сониному, и долженъ сказать, что обстановка была хоть секретарю въ пору. Сонинъ терпѣть меня не могъ, а относился

ко мнѣ вѣжливо и холодно, заваливалъ меня работой и, обращаясь ко мнѣ, говорилъ всегда такъ:—Вы, вы... господинъ... все забываю, какъ васъ зовутъ,—потрудитесь переписать эту бумажку.—И именно скажете «бумажку», а въ ней 20 листовъ. Всѣ прочіе мои сослуживцы смотрѣли на меня свысока и съ завистью къ моей красотѣ, такъ какъ, не смотря на ужасныя условія жизни, пьянство и страданія, я былъ выше ихъ всѣхъ головою, строень и ловокъ... А глаза у меня были такіе, что ни одна женщина не могла вынести ихъ взгляда. Что значитъ благородное происхожденіе и дворянская кровь ¹⁾! Всѣ служащіе въ полицейскомъ управленіи отлично знали другъ друга съ дѣтства, нѣкоторые изъ нихъ были даже въ родствѣ, каждый изъ нихъ имѣлъ свое общество,—я одинъ былъ *чужой*, одинъ безъ роду и племени, незаконнорожденный... чортъ знаетъ что! Меня чуждались и презирали, и я чуждался всѣхъ и ненавидѣлъ, и не имѣлъ уголка, въ которомъ могъ бы выплакать свои огорченія, свое одиночество. Ожесточался я все больше и больше, но вида не показывалъ, а терпѣлъ, терпѣлъ...

У насъ было заведено, что каждый проситель, являющійся за справкой или документомъ, *самъ отъ себя* приносилъ благодарность тому столу, гдѣ получалъ необходимое. За нашимъ столомъ работало четверо: Сонинъ, я, старичокъ, съ дѣтства служившій въ управленіи и прозванный за это «мхомъ», и мальчишка, племянникъ другого столоначальника. Сонинъ почти всю «благодарность» забиралъ самъ, давая иной разъ по 20, 30 коп. мальчишкѣ. Мнѣ же и «мху» не доставалось ничего. Поэтому я сталъ являться въ управленіе въ послѣобѣденное время, когда тамъ никого не бывало изъ служащихъ, а просители, по неопытности, все таки забѣгали... И, такимъ образомъ, собиралось у меня по пять, шесть рублей въ мѣсяцъ, но я немного увлекся и у меня вышли непріятности съ Сонинымъ, который сдѣлалъ мнѣ выговоръ и назвалъ меня «сомнительнымъ господиномъ». Я не стерпѣлъ обиды и прошелся насчетъ обстановочки. Сонинъ пожаловался секретарю, а тотъ пригрозилъ уволить, если я не извинюсь предъ Сонинымъ публично. Скрѣпя сердце, долженъ былъ я—графскій сынъ—

¹⁾ Незнакомъ, очевидно, гордится своимъ непризнаннымъ аристократическимъ происхожденіемъ. „Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало“.

Прим. судебн. слѣд.

сдѣлать это, но что я вынесъ тогда, одинъ Богъ знаетъ! Послѣ этого меня совсѣмъ уже чуждались, я лишился доходовъ, дома Михайло ругался за долгъ, день свадьбы Сонечки былъ назначенъ чрезъ мѣсяць,—а во мнѣ было столько силъ и столько горя, что я долженъ былъ куда нибудь унести, разсѣять его. И вотъ, въ одно весеннее утро, когда такъ хорошо и радостно было кругомъ, когда все жило и наслаждалось, я, идя въ полицейское управленіе, повстрѣчалъ одного изъ своихъ кредиторовъ. Нужно же было, чтобы подошла къ намъ она—Сонечка. Кредиторъ ругалъ меня и требовалъ денегъ,—я покорно стоялъ предъ жидомъ и что-то говорилъ ему, но какъ только поравнялась съ нами она и чуть примѣтно улыбнулась, закусивъ свою пухленькую нижнюю губку,—какъ вдругъ меня что-то словно подбросило на воздухъ... Я подскочилъ къ еврею, схватилъ его за воротъ и крикнулъ:—Какъ ты смѣешь приставать ко мнѣ, поганый жидъ, ты знаешь, кто я, знаешь?—Я трясъ еврея, а онъ—уже испуганный—дрожалъ въ моихъ рукахъ и пятился назадъ. Кругомъ стали собираться любопытные, оставилась и Сонечка, и съ удивленіемъ смотрѣла на меня, но мнѣ было все равно: я чувствовалъ въ себѣ силу, чувствовалъ, что ничего не боюсь, и сдѣлалось мнѣ радостно и свободно, какъ никогда.—Знаешь, знаешь, кто я?—продолжалъ я кричать и сильнѣй давить своего кредитора.—Я графскій сынъ, я—графъ! Понимаешь это? Я—графъ!—Я толкнулъ еврея такъ, что онъ чуть не упалъ, а самъ пошелъ въ управленіе. Всѣ кругомъ молчали, Сонечка во всѣ глаза глядѣла на меня, точно видѣла въ первый разъ. Но странно,—въ тотъ моментъ она какъ бы потеряла для меня часть своей прелести. Что-то отвлекло меня отъ нея, отъ всего прошлаго и толкало впередъ.

Въ это время нашъ секретарь какъ разъ запилъ и въ управленіи былъ ужасный безпорядокъ. Сонинъ пошелъ въ лавку, гдѣ продавалась какая-то особенная кровать, и за нашимъ столомъ сидѣли только «мохъ» и тотъ мальчишка. Я съ шумомъ отодвинулъ свой стулъ, громко высморкался и сѣлъ у окна, въ уголкѣ, какъ всегда, а ближе къ «мху» — по срединѣ стола. Мальчишка фыркнулъ, но я не обратилъ на него вниманія и сталъ что-то напѣвать про себя (тихонько, конечно!). «Мохъ» ротъ отъ удивленія раскрылъ, смотреть на меня, и я тоже ротъ раскрылъ и

смотрю на него. А мальчишка хохочет и злится и изумляется... Сила же меня какая-то все толкает и толкает... Вынулъ я бумаги изъ своего ящика, бросилъ ихъ на столъ, но не пишу, а въ окошко гляжу. И такъ я ничего въ тотъ день не дѣлалъ. Когда всѣ ушли домой, прошелся я по комнатамъ управленія, подошелъ къ секретарскому столу и вижу, что печать полицейскаго управленія, которая должна быть всегда подъ замкомъ, лежитъ возлѣ стола, на этажеркѣ, а тутъ же книга съ бланками для паспортовъ... Раскрылъ я книгу, оторвалъ одинъ чистый бланкъ и шутя пишу на немъ: — Выданъ сей билетъ (это напечатано), а я дополняю: «потомственному гр. Александру Александровичу Борису» — и дальше; проставилъ я какой-то нумеръ, число, годъ, расписался за исправника и печать приложилъ въ указанномъ мѣстѣ. Быстро дѣлаю все это и думаю, что «*гр.*» можно принять за графа и гражданина, и кажется мнѣ, что я въ самомъ дѣлѣ Александръ Александровичъ Борисовъ, и я уже совсѣмъ никого не боюсь. Однако, вошелъ въ присутствіе сторожъ и я бросилъ книгу и печать на прежнее мѣсто, а записанный бланкъ паспорта спряталъ въ карманъ.

Сторожъ ничего, смотреть на меня, а мнѣ страшно стало; ну, а какъ вышелъ на улицу, опять не боюсь, опять проснулся во мнѣ Александръ Александровичъ Борисовъ.

Цѣлый день бродилъ я по улицамъ. Уже вечеромъ нашелъ еврея, которому тайно отъ Михайлы продалъ жилетъ, двѣ рубахи и опять сталъ слоняться... Гдѣ-то играла гармоника, гуляющихъ было пропасть, оживленіе всюду, какъ никогда, и ночь такая заманчивая и радостная. Прохожу я мимо квартиры Сонины. У него свѣтъ, а самого дома нѣтъ.

Я его, т. е. Сонины, въ тотъ день еще не видѣлъ и хотѣлось мнѣ, чтобы онъ повстрѣчался со мной и узналъ меня такимъ, какимъ я теперь сдѣлался. Зашелъ я къ нему; на столѣ горитъ лампа и рядомъ лежитъ новая форменная фуражка, выписанная изъ губернскаго города для свадьбы. Примѣрилъ я фуражку, посмотрѣлъ въ зеркало и удивился, какъ хорошо мнѣ съ кокардой (я, какъ вольный писецъ, не имѣлъ права носить ее).

Ну, думаю, — имѣю я форменный паспортъ, такъ возьму и форменную фуражку, и оставилъ ее на головѣ, а свою

спрятать въ карманъ. Заторопился я выйти изъ сонинской квартиры и, проходя мимо столика, сбросилъ съ него какую-то вазочку и пѣтушка, купленнаго для обстановочки. Упали они на полъ, я ихъ растопталъ, смялъ и съ хохотомъ выбѣжалъ на улицу. Иду дальше — мимо аптеки, управы — всюду сидятъ и работаютъ; подумалъ я, что мнѣ тоже завтра нужно идти въ управленіе и писать — тоска взяла меня, но не надолго: опять пробудился во мнѣ Александръ Александровичъ Борисовъ и я, т. е. онъ, тогда же рѣшилъ, что писать больше не буду, но чтѣ сдѣлаю, еще самъ не знаю...

Прохожу мимо почтовой станціи, слышу позвякиванье колокольчика... Вижу — прикащикъ Янкель стоитъ, не узналъ меня и кланяется... Обрадовало меня это!

— Есть, — говорю — лошади?..

— Есть, — отвѣчаетъ: — Вамъ по открытому листу?

— По открытому, — но прогоны плачу, — сказалъ я ему и вошелъ на почтовый дворъ.

— Куда лошадей? — спросилъ меня Янкель.

— Въ Бабкино! Давайте пару! — называю Бабкино, хотя дорога къ нему прескверная, — такъ какъ начинается оно съ той же буквы, что и моя новая фамилія.

Янкель побѣжалъ сказать ямщику, чтобы запрягалъ; я же тревожусь и жду чего-то... Ну-съ, заплатилъ я изъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи вещей, но въ книгѣ не расписался, — сказалъ, что спѣшу, сѣлъ на повозку и лошади скоро вынесли меня за городъ. Вотъ тутъ-то я разомъ успокоился, какъ будто другой человекъ сталъ: забылъ все прошлое, про Сонечку не вспоминаю и все сдается мнѣ, что будетъ еще она впереди и что ѣду я къ ней.

Ѣду я въ Бабкино и радуюсь, хотя денегъ у меня рубль, вещей никакихъ и спереди — ничего... Радуюсь своему освобожденію отъ К., отъ всего, чтѣ я пережилъ тамъ.

— Скорѣй погоняй! — кричу ямщику, — къ 12 часамъ надо быть въ Бабкинѣ. — Онъ погоняетъ, а я въ *самомъ дѣлѣ* думаю, что въ 12 часовъ надо быть въ Бабкинѣ, и думаю только объ этомъ, а ни о чемъ изъ прошлаго — и легче мнѣ.

Пріѣхали мы въ Бабкино. Село это маленькое и глухое, станція на краю села. Насилу добудились хозяина. Выходитъ на дворъ мужикъ старый, престарый, съ бельмомъ на глазу, чешется по всѣмъ мѣстамъ и говоритъ:

— Нѣтъ коней! и некому ѣхать,—а самъ меня оглядываетъ и соображаетъ, кто я.—Мой ямщикъ отѣхалъ дальше во дворъ и я слышу, что хозяинъ его спрашиваетъ, кого онъ привезъ.

— А кто его знаетъ,—отвѣчаетъ,—пріѣхалъ такъ, что никто не видѣлъ, откуда... А, должно быть, изъ судейскихъ, гнался очень.

— Надо дать коней!—говоритъ хозяинъ совсѣмъ уже другимъ голосомъ.

— А есть?

— Уси дома, та нѣтъ сына, а мини не хочется ѣхать.

Меня кто-то какъ будто толкнулъ.

— Давай лошадей,—закричалъ я громко.—Скорѣй! Знаешь, кто я? Членъ окружнаго суда!

Слышу: — зачесался старикъ еще сильнѣе и побѣжалъ въ конюшню.

Такъ я выѣхалъ изъ Бабкина «членомъ окружнаго суда» и вотъ что замѣчательно, что повѣрилъ я самъ этому и сдѣлалось мнѣ еще лучше. Старикъ везетъ,—не шелохнетъ, даромъ, что съ бѣльмомъ, а ночь темная. Послѣ, уже совсѣмъ случайно, я узналъ, что былъ онъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, и сильно меня испугался: даже прогоновъ не взялъ и только на плотинѣ спросилъ:—куды прикажете: въ Безсоновку или Оратое?

Безсоновка—это село въ 10-ти верстахъ, а Оратое—мѣстечко въ 18-ти. Мнѣ расчетъ ѣхать въ Оратое, чтобы быть дѣльше отъ К., потому я говорю старику:—вези въ Оратое!

Такъ я въ два часа ночи подѣхалъ къ Оратому членомъ окружнаго суда, а какъ это вышло — Богъ его знаетъ! Самособой вышло и сложилось!

Подѣзжаемъ мы къ Оратому, видимъ—огни всюду, крикъ слышится, гвалтъ... На улицахъ жидовъ пропасть. Кричатъ и плачутъ... А въ сторонѣ кто-то пѣсни оретъ.

— Куда прикажете — на почту или у заѣздъ? — спросилъ меня старикъ.

— Въ заѣздъ,—сказалъ я ему.

Вѣхали мы въ какую-то узкую улицу и стали. Дальше ѣхать—нельзя: толпа евреевъ окружила повозку, кричатъ что-то, ихъ женщины плачутъ и ко мнѣ руки простираютъ.

— Что здѣсь такое?—спрашиваю я старика.

— А тутъ же кацапы жидовъ бьютъ,—отвѣчаетъ,—и теперь, мабуть, разбили лавку.

Ну,—думаю,—влетѣлъ я.

А еврей уже и на повозкѣ сидятъ, и старика спрашиваютъ:— Кого привезъ?—Съ окружнаго суда,—отвѣчаетъ.

Какъ услышали это они, такъ и заорали: — Ваше благородіе! запретите, уже пятый разъ разбиваютъ лавки Боруха и Сруля. Мы ничего не виноваты, что сахаръ и хлѣбъ дороже сталь... Урядника нѣтъ, сотскихъ нѣтъ, никого нѣтъ!

— Ваше высокоблагородіе! Они у меня на тысячу рублей сдѣлали шкodu, — кричить какой-то еврей и чуть на меня не лѣзетъ.

— Не вѣрьте ему!—галдитъ другой:—у него пустяки, а у меня двѣ бочки съ виномъ разбили, и съ сахаромъ.

— Прочь, — кричатъ еще другіе, — не мѣшайте господину окружному проѣхать—пусть ѣдетъ къ Моверу и разсудитъ все, какъ слѣдуетъ!

— Пусть ѣдетъ, пусть ѣдетъ!—рѣшили всѣ жида.

Одинъ изъ нихъ взялъ возжи у старика, повернулъ куда-то налѣво,—мы чуть не опрокинулись, но еврей руками поддержали телѣгу, сбросили съ козелъ возницу, посадили другаго и, не отступая отъ повозки, проводили насъ къ Моверу. Едва я сошелъ съ почтовой повозки, какъ меня чуть не разорвали на части: одинъ тянетъ въ одну сторону, другой—въ другую; одинъ кричитъ о деньгахъ, другой о сахарѣ, а жидовки ревутъ и подбрасываютъ въ воздухъ дѣтей... А тѣ тоже орутъ. Только подскочилъ ко мнѣ какой-то юркій, рыжій жидокъ, растолкалъ всѣхъ и проводилъ въ горницу.—Я буду помогать вамъ рѣшать дѣло,—сказалъ онъ мнѣ и затворилъ дверь. Еврей ломается въ нее, а тотъ рыжій ругается съ ними и кричитъ, что господинъ окружной, т. е. я, выбралъ его въ секретари, и все будетъ хорошо, если они будутъ слушаться его—Янкеля, потому что онъ, хотя бѣдный человекъ, но имѣетъ хитрую голову. Я между тѣмъ соображаю, что мнѣ дѣлать. Урядника нѣтъ,—отчего бы мнѣ и не позабавиться... Я отстранилъ Янкеля отъ двери, открылъ ее и говорю: — я буду разбирать жалобы по очереди...

— По очереди, по очереди,—галдятъ за дверью,—ай, большой умъ, справедливый членъ,—и проч. и проч. И ругаются тутъ же, и дерутся, кому идти первому.

Я затворилъ дверь на крючокъ, велѣлъ Янкелю достать перо и бумага, зажечь еще одну свѣчку и принести воды—

въ горлѣ у меня пересохло. Но вотъ открылась дверь, откуда-то сбоку, — и въ номеръ вошелъ какой-то почтенный еврей съ большой сѣдой бородой, а за нимъ молодая жиловка съ подносомъ, на которомъ было двѣ бутылки вина, сласти и закуска. Кланяется еврей (за нимъ кланяется и Янкель), смотритъ на меня пронизательно и говоритъ тихо: — ай, какой молодой — и уже членъ. — Я догадался, что это хозяинъ заѣзда — Моверъ, наускаю на себя важность и говорю: — Поставьте вино сюда, на столъ, а остальное уберите! Некогда мнѣ закусывать — дѣла пропасть.

Поклонился Моверъ (за нимъ и Янкель) и ушелъ. Ушла и еврейка. Выпилъ я два стакана вина, сѣлъ за столъ, разложилъ бумагу и говорю Янкелю: — Впускай обиженныхъ по очереди! — И только я это сказалъ, какъ дверь соскочила съ петель и въ комнату ввалилась и упала цѣлая куча евреевъ.

— Я первый, — кричить одинъ. — Нѣтъ, врешь, не ты, а я, — оретъ другой. Бросились къ моему столу и теребятъ меня за рукава. Янкель ничего не можетъ съ ними подѣлать... Вошелъ опять Моверъ и разомъ всѣхъ успокоилъ: слушались его... Такъ дверь и осталась выломанной, но тишина наступила такая, что слышны были сверчки въ сѣняхъ.

Началъ я записывать жалобы и записывалъ до семи утра. Собралъ такимъ образомъ болѣе 300 рублей ¹⁾, я приказалъ Янкелю найти лошадей до станціи желѣзной дороги и съ трудомъ выбрался изъ этого мѣстечка.

V.

Приѣхавъ въ большой городъ, О., я остановился въ гостиницѣ «Парижъ», въ небольшомъ, но порядочномъ номерѣ, предъявилъ свой билетъ на имя Борисова, приобрѣлъ два хорошихъ костюма, лѣтнее пальто и бѣлье. Устроившись въ номерѣ, я сталъ гулять и осматривать городъ. — Былъ я прекрасно одѣтъ, свѣжъ и чувствовалъ бы себя прекрасно, еслибы не проклятая мысль о томъ, что все это кончится очень скоро и я опять останусь прежнимъ Незнамовымъ... Иду по улицѣ

¹⁾ Вполнѣ понятная стѣдливая лаконичность!

Примѣч. судебн. слѣдов.

на меня заглядываются женщины и шепчуть: — какой красавец! — а у меня сердце сжимается отъ мысли, что моя красота и способности пропадают даромъ... Ни съ кѣмъ я даже познакомиться не могу: что я скажу? Кто я? Чиновникъ? — Нѣтъ! не имѣю никакихъ занятій... Помѣщикъ? — такъ сейчасъ же обнаружится, потому что чрезъ мѣсяць выдутъ деньги и тогда — кончено.

Завидоваль я тогда всѣмъ, кто спокоенъ за будущее, знаетъ, что ему нужно дѣлать... Гуляю по улицамъ, встрѣчаю пропасть народу, дѣлаю видъ, что и я иду по дѣлу, а самъ думаю: — вотъ пошелъ военный докторъ, а вотъ офицеръ, — а тамъ купецъ ѣдетъ — всѣ они знаютъ, куда идутъ и зачѣмъ! Докторъ идетъ къ больному и получить за визитъ, офицеръ женится на богатой, только одинъ я никуда не пойду и ничего не сдѣлаю... И хотѣлось мнѣ въ такія минуты быть не то, что докторомъ или офицеромъ, а извощикомъ, что сидитъ на своихъ дрожжахъ, со своимъ кнутомъ въ рукахъ... И сдѣлался бы я тогда извощикомъ, еслибы не мое происхожденіе, мѣшавшее мнѣ унизить себя и свою дворянскую честь!

Захотѣлось мнѣ устроиться твердо, прочно, — такъ, чтобы всякому могъ я въ глаза сказать: кто я, чѣмъ занимаюсь и чѣмъ живу. Сталъ я искать мѣста, заходить въ конторы, агентства и учрежденія, но вездѣ было полно и принимали только съ рекомендаціями, а у меня никакой рекомендаціи, конечно, не было.

Спустя двѣ недѣли послѣ моего приѣзда въ О. мнѣ предъявили въ гостинницѣ счетъ въ изрядную сумму, между тѣмъ у меня не было уже ни копѣйки. Пришлось продать купленные недавно вещи. Я уплатилъ по счету и рѣшилъ нанять квартиру гдѣ нибудь въ частномъ домѣ и скоро нашелъ ее, на одной изъ главныхъ улицъ, въ меблированныхъ комнатахъ нѣмки *Пирсъ*. Такъ какъ у меня не оставалось ничего изъ вещей, а на новую квартиру мнѣ хотѣлось явиться, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, то я купилъ большую корзину и чемоданъ, которые набилъ грязнымъ бѣльемъ и булыжниками, принесенными подъ пальто съ улицы. — Съ этими вещами я и переѣхалъ. Мнѣ пришлось дать хозяйкѣ задатокъ — три рубля и то съ тѣмъ условіемъ, чтобы уплатить остальные на этой же недѣлѣ.

Пирсъ была еще не старая женщина, но страшно суровая и строгая. За своими жильцами она слѣдила, какъ за дѣтьми; смотрѣла, чтобы они не кутили, ложились рано спать и не приводили къ себѣ женщинъ. Жильцами у ней были все какіе-то отставные полковники и маіоры, дряхлые и больные: всѣ они слушались хозяйки и проводили время въ томъ, что играли въ карты или чистили свои медали и ордена. Понятно, что я не могъ долго прожить въ такой скучной обстановкѣ, и уже на третій день повздорилъ съ хозяйкой,—изъ за того, что она не хотѣла пустить ко мнѣ молодой прачки, пришедшей за грязнымъ бѣльемъ. Я довольно грубо обошелся съ Пирсъ—она расплакалась и противъ меня ополчились всѣ ея жильцы. Я вынужденъ былъ переѣхать въ другое мѣсто, въ номера Богданова, которые примѣтилъ раньше. Здѣсь я въ два слова нанялъ номеръ за 8 рублей въ мѣсяцъ, перетащилъ свои вещи и быстро освоился съ новой квартирой. Она была прямой противоположностью квартиры Пирсъ. Самъ хозяинъ, купецъ Богдановъ, разбитый параличемъ старикъ не выходилъ изъ своей комнаты,—а всѣми дѣлами завѣдывалъ его тридцатилѣтній сынъ Степа, пьяница и дуракъ. Неудивительно, что дѣла этихъ «номеровъ» велись отвратительно и небрежно: всюду былъ безпорядокъ, грязь; жильцы платили за квартиру, когда хотѣли, пьянствовали и безчинствовали, прислуга держалась не долго и ничего не дѣлала. Самъ Степа все время проводилъ за буфетной стойкой (при номерахъ былъ и трактиръ) и выпивалъ то, что требовали посѣтителі. Спросить, напримѣръ, гость рюмку водки—и Степа вслѣдъ за нимъ выпьетъ рюмку. А подойдутъ къ стойкѣ три гостя и каждый выпьетъ по рюмкѣ—Степа и въ себя выльетъ три. Такая привычка была у чело-вѣка и никакъ онъ бросить ее не могъ, сколько ни пилила его жена за это. Она же, т. е. жена Степы, кое-какъ и поддерживала существованіе номеровъ, безъ нея дѣло давно бы рухнуло.—У Богданова было много жильцовъ: студенты, швейки и такъ дѣвицы, чиновники и военные, былъ даже какой-то монахъ, не то разстрига—дьяконъ, выходившій только по ночамъ и спавшій днемъ. Человѣкъ, думавшій работать дома, не могъ бы жить здѣсь. Жильцы постоянно то съѣзжали, то пріѣзжали, пьянствовали и кутили. Всегда шумъ, пѣсни и крики. Бывали и драки. Я часто просыпался ночью, потому

что за стѣной кто нибудь оралъ *караулъ* или падалъ съ лѣстницы, которая начиналась у порога моей комнаты. Ровно въ три часа ночи на лѣстницѣ слышалась ругань жены Степы: въ это время онъ возвращался изъ трактира. Богдановскій домъ хорошо знали въ городѣ и за нимъ учрежденъ былъ спеціальнй полицейскій надзоръ. Мнѣ жилось здѣсь недурно: я имѣлъ столъ и квартиру—въ кредитъ—и обѣщаль заплатить, когда найду мѣсто. Но неожиданно Степа умеръ: въ трактирѣ кутила какая то компанія и ему пришлось выпить страшное количество различныхъ напитковъ. Послѣ его смерти завѣдываніе дѣлами взялъ на себя братъ стараго Богданова и сразу потребовалъ съ жильцовъ деньги, которыя они были должны за квартиру и столъ, а нежелавшимъ платить предложилъ съѣхать. Долженъ былъ убраться отсюда и я. Послѣ Богданова я перемѣнилъ еще нѣсколько квартиръ, но жилъ въ каждой не болѣе трехъ, четырехъ дней. Приѣду, свалю корзину и чемоданъ и нанимаю за какую угодно цѣну, но деньги обѣщаю отдать на дняхъ, но, конечно, не плачу. Мнѣ предложить съѣхать и я переѣзжаю на новую, гдѣ повторяется то-же самое.—Хозяинъ послѣдней квартиры, на которую я попалъ, оказался страшной бестіей и потребовалъ денегъ сейчасъ же впередъ за мѣсяць. Я сказалъ, что заплачу въ тотъ же день, и ушелъ бродить по городу. Вернувшись около шести часовъ вечера, я засталъ въ моей комнатѣ такую картину: какія-то незнакомыя мнѣ личности стояли и сидѣли въ разныхъ мѣстахъ... Слышался громкій смѣхъ и восклицанія удивленія. Самъ хозяинъ, мужчина громаднаго роста, съ лицомъ злаго индюка, сидѣлъ на корточкахъ предъ моей корзиной и выбрасывалъ изъ нея бѣлье и завернутые въ нее камни, сопровождая появленіе каждого страшной бранью.— Я подбѣжалъ къ хозяину, схватилъ его за руку и крикнулъ:— Какъ вы смѣете трогать мои вещи?—Увидѣвъ меня, онъ сталъ ругаться еще сильнѣе и яростно разбрасывалъ по полу мои вещи. Кругомъ хохотали прямо мнѣ въ лицо. Я стоялъ у корзины, не зная, чтѣ мнѣ дѣлать.

— Денегъ не платить, видна птица по полету... Шаромыжникъ, набилъ камнями, думаетъ этимъ обмануть, жуликъ, — продолжалъ между тѣмъ хозяинъ. Это я не могъ уже вынести и толкнулъ его со всей силы.

. . . . .

Умолчу о томъ униженіи, которому меня подвергли.

Послѣ этого я нашель уголь у какой-то вдовы; уплатилъ ей впередъ за недѣлю и остался буквально безъ копейки!

Принужденный крайностью, я продалъ часть бѣлья и скоро израсходовалъ деньги—на свѣчи, спички и ѣду.

Продалъ и остальное бѣлье и эту выручку проѣлъ!

Пришелъ день, когда я, усталый, голодный, слонялся по улицамъ. не зная, что мнѣ дѣлать, что меня ожидаетъ. Мнѣ казалось тогда, что я одинъ только во всемъ мірѣ покинутъ и одинокъ, что я самый несчастнѣйшій и жалкій человекъ! А кругомъ смѣялись сытые и довольные люди, которые знали, куда и зачѣмъ они идутъ.—Я не ѣлъ три дня и все плялся по О.—Въ послѣдній день этихъ ужасныхъ мученій, попалъ я, самъ не знаю какъ, за мостъ, въ предмѣстье *Болванку*, населенную бѣдными евреями. Былъ уже вечеръ. Керосиновые фонари слабо освѣщали грязныя и узкія улицы. Я шелъ, можно сказать, машинально, останавливаясь зачѣмъ-то у воротъ и дверей еврейскихъ домовъ, и не замѣчалъ, что за мной слѣдуетъ какой-то еврей. Я остановился у фонаря и смотрѣлъ на тускло горѣвшую лампу. Тогда слѣдовавшій за мной подошелъ ко мнѣ и, отвѣшивая низкій поклонъ, произнесъ:—Можетъ, пану квартира нужна?—Я взглянулъ на говорившаго и при свѣтѣ фонаря увидѣлъ тощаго еврейчика, лѣтъ 20-ти, рыжаго, съ непомѣрно-длиннымъ лицомъ, на которомъ я, къ удивленію своему, прочелъ глубокій укоръ себѣ.

— Можетъ, пану квартира нужна? — повторилъ вопросъ молодой еврей.

— Квартира? а у тебя есть квартира? со столомъ? — быстро спросилъ я, чувствуя почему-то, что мнѣ надо не выпустать изъ рукъ этого еврейчика.

— У насъ все есть,—громко подхватилъ онъ и потянулъ меня за рукавъ.—Пусть панъ идетъ и увидитъ,—и еврей побѣжалъ впередъ, оглядываясь, иду ли я, и ежеминутно повторяя:—панъ такой квартиры въ цѣломъ О. не найдетъ: все, что угодно есть! есть диванъ, самоваръ, печка, столъ и лампа... мы можемъ сготовить для пана щуку и всякое кушанье! Пусть панъ посмотритъ, я знаю,—панъ останется доволенъ.

Мы подошли къ небольшому, но казавшемуся чрезмѣрно

длиннымъ, дому, прошли грязный дворикъ, и мой спутникъ открылъ низкую дверь, выходившую на этотъ дворъ.

— Пожалуйте, — говорилъ онъ, — пожалуйста: здѣсь пану будетъ отлично, — и юркнулъ въ дверь. Я послѣдовалъ за нимъ.

Въ большой комнатѣ на деревянномъ столѣ горѣла, или вѣрнѣе коптила лампочка. Въ углу были свалены самыя разнообразныя вещи: треногій диванъ, стулъ, похожій на тѣ, на которыхъ катаются по льду, какіе-то искусственные цвѣты, лампы, старая одежда, картины и проч. Какъ я узналъ потомъ, семья *Ицка* занималась, между прочимъ, приѣмомъ въ закладъ вещей и онѣ-то и валялись здѣсь въ углу. — По срединѣ комнаты, прямо на полу, была свалена рыба (отъ нея шель отвратительный запахъ), дальше по сторонамъ виднѣлись кочаны капусты, морковь и другія овощи. Среди всего этого, т. е. вещей въ углу, овощей и рыбы, спало нѣсколько евреевъ — молодыхъ и старыхъ. Разглядѣть ихъ хорошо я не могъ, видѣлъ только чью-то рыжую бороду, выглядывавшую изъ подъ шубы, нѣсколько паръ дѣтскихъ ногъ и веснушчатое лицо молодой еврейки съ раскрытымъ ртомъ, у котораго лежалъ, точно готовясь прыгнуть въ него, буракъ... Вошедшій со мной еврейчикъ подошелъ къ столу, поправилъ лампочку и крикнулъ что-то по еврейски. Спавшіе завозились на своихъ мѣстахъ. Рыжая борода повернулась бокомъ, появилась откуда-то грязная рука, ухватила за эту бороду — рыба зашевелилась — и съ полу поднялся громадный еврей, точь въ точь похожій на того, что меня привелъ. Не спрашивая, кто я, зачѣмъ пришелъ, онъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло. — Вотъ здѣсь отлично будетъ, — заговорилъ онъ сильнымъ басомъ, — мы все достанемъ...

— И шукку свѣжую сваримъ, съ лукомъ, съ перцемъ, — произнесла, поднимаясь съ полу, худая еврейка, тоже, къ удивленію моему, похожая на остальныхъ евреевъ. Я убѣдился, что имѣю дѣло съ членами одной семьи.

— И карася, — пробасилъ ея мужъ.

— И даже коропа! — подхватилъ сынъ.

Хотя упоминаніе о карасѣ, коропѣ и шукѣ раздражало мой пустой желудокъ, но куча рыбы и число дѣтскихъ ногъ вовсе не тѣшили меня.

— Гдѣ же здѣсь жить, развѣ здѣсь можно жить — среди

этой грязи и вони, — сказалъ я, отшвыривая ногой попавшую подъ нее овощъ.

— Грязно, воняетъ?.. — искренно удивились евреи и, подступивъ ко мнѣ, быстро, но внимательно осмотрѣли меня съ ногъ до головы. — На мнѣ была фуражка съ кокардой, похищенная у Сонины. — Осмотрѣвъ меня, они со всѣхъ ногъ бросились въ дверь налѣво, не говоря ни слова и точно дѣйствуя по взаимному молчаливому соглашенію, и всѣ исчезли за этой дверью.

— Пожалуйте, — раздалось оттуда; на порогѣ показался старый еврей и рукой пригласилъ меня зайти туда.

Къ моему удивленію сосѣдняя комната оказалась чистенькой и недурно мебелированной, съ кроватью и матрацомъ и прочими необходимыми принадлежностями.

— Что же вы сразу не показали мнѣ этой комнаты? — спросилъ я. — Какая цѣна ей въ мѣсяцъ?

Евреи не отвѣчали и вступили въ ожесточенную перебранку.

— Ша, ша! — крикнулъ наконецъ старый еврей. — Ша, — повторилъ онъ и погрозилъ кулакомъ сыну и женѣ.

— 15 рублей въ мѣсяцъ, — проговорилъ отецъ, подходя ко мнѣ и пытливо заглядывая въ лицо мнѣ.

Я сразу согласился на эту цѣну и просилъ поскорѣе приготовить что нибудь закусить, такъ какъ я сильно усталъ съ дороги. Евреи удивились моему согласію, но тотчасъ же заволновались и засуетились и начали такъ шумѣть, что подняли на ноги всѣхъ сосѣдей, пришедшихъ узнать, что за оказія у Ицка... Но Ицко безъ церемоніи выпроваживалъ ихъ и говорилъ, что онъ никого теперь не боится, потому что квартиру у него — самую лучшую въ городѣ — нанялъ «чиновникъ съ особымъ порученіемъ». На слѣдующій день я перевезъ къ Ицкѣ свою корзину съ камнями (извоцику заплатили мои хозяева), обѣщалъ внести плату за квартиру на-дняхъ и поселился рядомъ съ комнатой, въ которой жилъ онъ и его семья. — Семья эта состояла изъ 7 человекъ и ничѣмъ опредѣленнымъ не занималась, или точнѣе — занималась всѣмъ, что наклеивалось: покупала краденныя вещи, принимала ихъ въ залогъ, торговала чѣмъ могла, закупала на базарѣ продукты и перепродавала ихъ потомъ съ барышомъ. Ицко съ

сыномъ Мойше были комисіонерами, посыльными, свидѣтелями въ судѣ по найму и проч. и проч. Хозяйка продавала безпатентную водку и необандероленный табакъ, рекомендовала прислугу... Младшіе члены во всемъ помогали старшимъ и учились у нихъ плутнямъ. Семья была страшно жадна и за нѣсколько копѣекъ совершила бы всѣ 7 смертныхъ грѣховъ, еслибы только знала, что это пройдетъ ей даромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они отличались крайнимъ легковѣріемъ. Я сказалъ имъ, что пріѣхалъ въ О. «по особому дѣлу», и жилъ у нихъ въ кредитъ, ничего не дѣлая, и даже не выходя первое время изъ квартиры. Денегъ съ меня они не спрашивали и исполняли всѣ мои требованія: доставали мнѣ папирсы, сахаръ и даже принесли мнѣ немного новаго бѣлья и калоши. Донимало только меня любопытство ихъ и всей улицы. Слова «по особому дѣлу» заставили ихъ видѣть во мнѣ какого-то чиновника, присланнаго слѣдить за ними. Но замѣчательно, что они вовсе не скрывали отъ меня своихъ плутичь, какъ будто видѣли во мнѣ своего человѣка. На мой счетъ строились всевозможныя догадки; меня, если я выходилъ, провожали сотни глазъ и подробно разбирали мою фигуру, лицо и костюмъ. Я предъявилъ паспортъ на имя Борисова, но они продолжали допытываться, кто я. Особенно надоѣдалъ Мойше. Онъ часто являлся ко мнѣ въ комнату, вздыхалъ, стоналъ, смотрѣлъ на меня съ укоромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ловко задавалъ мнѣ такіе вопросы, отвѣчая на которые я долженъ былъ выяснитъ свое званіе.

— Ты видѣлъ мой паспортъ!—кричалъ я ему,—чего-жь тебѣ еще надо?

— Что-жь паспортъ?—съ пренебреженіемъ говорилъ онъ:—паспортъ всякій можно имѣть...

— Може панъ акцизный чиновникъ?—тихо и таинственно спросилъ онъ разъ меня.

— Да, да, я—акцизный чиновникъ!—выведенный изъ терпѣнія крикнулъ я ему.

— Я такъ сразу думалъ!—съ торжествомъ заявилъ онъ.

Къ вечеру всѣ на Балванкѣ знали, что я акцизный чиновникъ. Зачѣмъ я живу на окраинѣ города—этому никто не удивлялся. Всякія дѣла могутъ быть у акцизнаго чиновника,—сказалъ какъ-то Ицко своему сосѣду—русскому, на вопросъ,

почему я поселился у него, а не живу въ городѣ. Въ концѣ концовъ всѣ твердо повѣрили, что я акцизный чиновникъ, и стали удивляться, почему я не ношу акцизной шапки и не дѣйствую, т. е. не составляю протоколовъ по кабакамъ, не слѣжу за продажей табаку и проч., и мнѣ пришлось продать (тайкомъ отъ Ицки) калоши и 2 рубахи, и купить акцизную фуражку. Чтобы показать, что я, дѣйствительно, акцизный,— я въ тотъ же день—уже въ новой шапкѣ—зашелъ въ одинъ трактиръ и заявилъ, что, если впредь увижу трактиръ открытымъ позже 12 часовъ ночи, то составлю протоколъ. Я увѣренъ, что еслибы со мной не было громадной, всегда запертой корзины, то я не имѣлъ бы кредита и не пользовался бы тѣмъ уваженіемъ, которое оказывали мнѣ здѣсь всѣ. Я не знаю, чтò, какія богатства предполагала семья Ицки въ корзину, нагруженной камнями, завернутыми въ бумагу и тряпки... Знаю только, что они глазъ нея не спускали, берегли ее и, входя въ комнату, осматривались: есть ли корзина. Въ первые дни моего пребыванія въ ихъ домѣ они подвергнули ее самому тщательному осмотру, разобрали, изъ чего она сдѣлана, сколько вѣситъ и даже передрались тутъ же, на корзину, изъ-за предполагаемой ея стоимости. Нѣтъ сомнѣнія—они не разъ пытались открыть ее, но замокъ былъ секретный, замысловатый и они еще не нашли ключа и секрета открывать его, въ чемъ, конечно, успѣли бы, проживи я у Ицки дольше.

Итакъ я жилъ у Ицки со своей корзиной, пилъ и ѣлъ вволю, правда—кормили меня все рыбой и давали какое-то «пейсашное» вино, — но развѣ достаточно человѣку быть только сытымъ!—Сталъ я задумываться о себѣ, своемъ будущемъ и къ рюмочкѣ прибѣгнулъ—водку сталъ доставать мнѣ. Ицко въ кредитъ. Вотъ разъ, подвыпивши, вышелъ я ночью погулять. Прохожу мимо трактира Иванова, гдѣ уже былъ разъ,—а тамъ шумъ, крикъ и пѣсни... Разобрала меня злоба: знаю, что уже больше 12, а онъ торгуетъ! Взбѣсило меня такое нахальство, раздосадовало и невниманіе акцизнаго вѣдомства. Берутъ жалованье, а не смотрятъ! Захотѣлось мнѣ пугнуть Иванова и хотъ самому принести какую-нибудь пользу казнѣ! Зашелъ я въ трактиръ и составилъ протоколъ—формуто ихъ зналъ хорошо: не одинъ въ К. видѣлъ. Полиціи, правда, не вызывалъ,—чтò не по правилу,—но свидѣтели, пившіе

тамъ же, на протоколѣ расписались. Утѣшило меня это обстоятельство, какъ будто я впрямь акцизникъ и пользу казнѣ приношу... Взялъ я протоколъ и выхожу изъ трактира. Только что переступилъ порогъ, слышу, чья-то рука трогаетъ меня за плечо. Оглядываюсь: Ивановъ!—Ты, ваше благородіе, протоколъ отдай, а вотъ это возьми лучше,—шепчетъ онъ и тычетъ мнѣ въ руку какую-то бумажку... Занятый своими мыслями, я машинально отдалъ ему протоколъ и взялъ бумажку. Подхожу къ фонарю, смотрю, а это—десятирублевка... Я ту ночь провелъ не у Ицки; захотѣлось мнѣ отвести душу въ городѣ: давно не имѣлъ я денегъ въ рукахъ!—На другой день всѣ на Болванкѣ узнали о протоколѣ и еще ниже стали мнѣ кланяться. Рѣшилъ я тогда позабавиться и сталъ заходить въ разныя харчевни, постоянные дворы и кабаки. Тамъ напугаю штрафомъ, пожурю за «несоблюденіе правилъ», тамъ составлю протоколъ, а тамъ только загляну, чтобы видѣли акцизную шапку... Въ трехъ мѣстахъ отъ меня откупились и просили не заходить цѣлый мѣсяць (изъ этихъ денегъ я уплатилъ долгъ Ицкѣ); въ одномъ хозяйнѣ—больной и злой какой-то—самъ звалъ полицію и не пускалъ меня, когда я хотѣлъ уйти, а въ одномъ, такъ просто гости, пьяные мастеровые, хотѣли побить... Разъ, путешествуя такимъ образомъ, зашелъ я очень далеко, до крайней хаты Болванки, повернулъ назадъ, вижу, ѣдетъ мнѣ навстрѣчу Ицко, поровнялся со мною, остановилъ лошадь, прыгнувъ съ телѣги, подошелъ ко мнѣ и тихо говорить:—Что панъ все тутъ ревизуетъ, тутъ пана уже всѣ знаютъ и не боятся... Поѣдемъ въ село Мирку,—говорить,—я ѣду туда за огурцами; пять верстъ всего, а народъ тамъ—ухъ какой богатый!.. Кабакъ держитъ еврейка Рохля; женщина, —правиль, извѣстно, не соблюдаетъ.—Говорить онъ такъ и съ меня глазъ не спускаетъ. Смотрю я на него и думаю: что за чортъ? *Знаетъ или не знаетъ?* А онъ и глазомъ не моргнетъ: поѣдемъ, — говорить, — большую ревизию можно сдѣлать.

— Знаетъ!—рѣшилъ я...—Э, все равно!—Поѣхали мы въ Мирку и бѣдную Рохлю такъ напугали, что она чуть не умерла... Ѣздили мы потомъ и въ Рогузку, и въ Бѣдное! Везло намъ съ Ицкой и, какъ полагаю, благодаря тому, что ѣздилъ я съ нимъ, мнѣ и вѣрили... Жидъ онъ былъ прена-

хальный и враль немилосердно, да къ тому же зналь, куда можно было ѣздить!

Однако, бывали и неприятности...

Ѣздить я на эти ревизіи, чтобы быть смѣлѣе, всегда выпивши и водку съ собой бралъ. Подъѣзжаешь къ селу, глотнешь и смотришь гоголемъ... И полицію призывать сталъ. Ну да какая полиція въ селѣ: сотскіе да десятскіе! Покажи имъ кокарду, такъ и хватаются за шапки. Наскочили разъ мы и на урядника, да урядникъ былъ какой-то особенный, — пуганный, маленькій и робкій; я же, хвативъ лишнее, дѣйствовалъ въ тотъ разъ не то что смѣло, а просто дерзко! Видь же у меня, не смотря на мои девятнадцать лѣтъ, былъ важный, а ростъ и осанка такія, что всѣ молодыя жидовки прицмокивали, когда я проходилъ по Болванкѣ.

Зато какъ мучился я, просыпаясь по утрамъ, когда вспоминалъ все, что надѣлалъ наканунѣ! И стыдно мнѣ, и больно, и вижу, что негоденъ я никуда и что нѣтъ мнѣ, выхода... Кажется, бывало, что я самый пропацій человекъ, самый ужасный злодѣй, и такъ мнѣ станеть противно самого себя, что не хочу головы высунуть изъ подъ одѣяла. Однако, было у меня и лѣкарство отъ моихъ мученій: тутъ же въ постели выпьешь хорошо и опять чувствуешь себя молодцомъ! Куда и страхи дѣнутся? Сейчасъ одѣваться и кричу жидамъ:—давайте самоваръ и закусить!—А тамъ еще выпьешь и самъ уже говоришь Ицкѣ:—а гдѣ бы намъ сегодня ревизію сдѣлать?—Часто доходилъ я просто до отчаянія. Заберешься въ какое-нибудь село, сейчасъ въ кабакъ. — Документы гдѣ? — Не по формѣ—взять добавочное свидѣтельство! Что? Ты еще противорѣчить? Сейчасъ протоколь! Гдѣ моя печать? — А печати у меня никакой нѣтъ... И какъ не поймали тогда... Полагаю, что попали мы все на такихъ, что вели дѣло не чисто, а у такого, у самого глаза отъ страха велики — и сходило. — Составишь протоколь—откупятся; въ другое мѣсто, а тамъ снова: шапки долой! Гдѣ моя печать?—И вѣдь удовольствіе находилъ я не только въ томъ, что деньги возьмешь, а и то было пріятно, что хотя на время забудешься, что ты не Незнамовъ, и вообразишь, что въ самомъ дѣлѣ чиновникъ, радѣющій о пользѣ казны. И чѣмъ отчаяннѣе дѣйствовалъ я, тѣмъ лучше забы-

валь, кто я, тѣмъ больше радовался, вотъ какъ дѣти радуются, когда играютъ въ взрослыхъ.

Однако скоро мнѣ пришлось убираться изъ Болванки, ибо на улицахъ ея появился другой акцизный и одинъ видъ его нагналъ на меня такого страху, что я, бросивъ свои вещи, покинулъ квартиру Ицки съ двадцатью рублями въ карманѣ, заработанными во время послѣдней ревизіи.

Я пошелъ въ часть города, противоположную Болванкѣ, и сталъ искать квартиру. Просмотрѣлъ ихъ много, но всѣ не подходили. Наконецъ прохожу мимо чистенькаго домика съ садикомъ и вижу, не на воротахъ, а такъ, на специальномъ столбикѣ печатное объявленіе: отдается одна комната со столомъ и всѣми удобствами для вполне порядочнаго человѣка; звонить съ парадной двери. Заинтересовало меня это объявленіе: дай, думаю, зайду, посмотрю, не гожусь ли я въ порядочные люди.—Позвонилъ—открываетъ мнѣ двери высокая, сѣдая старуха, вся въ черномъ, и строго спрашиваетъ:—Вамъ что угодно? — Взглянулъ я въ лицо старухи: холодное, какъ камень, только глаза пытливо на меня смотрять, словно хотять въ самомъ дѣлѣ узнать, порядочный ли я человѣкъ.—Такъ и такъ,—говорю,—комнату хочу нанять.—Она осмотрѣла меня еще разъ съ ногъ до головы (я былъ одѣтъ вполне прилично), вздохнула и говоритъ:—пожалуйте! Комната вотъ здѣсь,—и открываетъ дверь изъ передней направо. Мы вошли въ нее: комната чистенькая, веселая, все въ порядкѣ; цвѣты на окнахъ, а окна выходятъ въ садъ... Тишина и миръ кругомъ... И грустно мнѣ отчего-то стало, а хозяйка говоритъ:—цѣна комнаты со столомъ — 25 р., а безъ стола — 15. Я живу въ этомъ домѣ вдвоемъ съ мужемъ и прислуги у насъ нѣтъ. Для жильца у насъ очень хорошо, но мы съ мужемъ требуемъ, чтобы...—И стала она мнѣ условія диктовать: нельзя приходить позже девяти, а вставать позже 8-го утра; играть—на чемъ угодно—можно, но шума и кутежа не допускается; выходить изъ комнаты можно только вполне одѣтымъ и т. д. Выговариваетъ она слова чисто и правильно, но вижу, что не русская.—Куда мнѣ такая квартира,—соображаю я,—здѣсь институткѣ жить... А не хочется уходить изъ комнаты, такъ въ ней отраднo, и старуха сама понравилась мнѣ, разсудительная и чистая... — Нѣтъ, думаю — на зло самому себѣ найму

эту квартиру, и если тутъ не устроюсь, то нигдѣ не устроюсь...

— Хорошо,—сказалъ я,—я нанимаю у васъ комнату, безъ стола,—и вынулъ изъ кармана деньги.

— Постоите,—останавливаетъ меня хозяйка,—много у васъ вещей? Чѣмъ вы занимаетесь?—Покраснѣлъ я,—чувствовалъ, что покраснѣлъ, и отвѣтилъ: — Ищу какого-нибудь мѣста... я прїѣхалъ изъ К... вещи мои придутъ позже... Вы, сударыня, не безпокойтесь, я буду примѣрнымъ жильцомъ и всѣ ваши требованія въ точности исполнять буду.

— Потрудитесь зайти еще разъ вечеромъ, я переговорю съ сэромъ Джономъ,—отвѣтила мнѣ хозяйка.

— Въ которомъ часу?

— Въ семь часовъ 25 минутъ. Мы всегда въ это время чай пьемъ.

Ровно въ семь часовъ 25 минутъ я явился и познакомился съ мужемъ хозяйки, сэромъ Джономъ. Напился у нихъ чаю и остался ночевать.

Сэръ Джонъ Уинкгэмъ, или попросту Джонъ, какъ называла его жена, такой же высокій и сѣдой, какъ мистрисъ Тау, только съ предобрими и грустными глазами, былъ англичанинъ. Его отецъ переѣхалъ на жительство въ Россію и основалъ въ О. торговую фирму. Сюда же прибылъ позже братъ отца сэра Джона со своей дочкой Тау. Сэръ Джонъ еще очень молодымъ женился на своей двоюродной сестрѣ и имѣлъ отъ нея одного сына, который умеръ 19-ти лѣтъ. Вотъ и все, что я зналъ о прошломъ своихъ хозяевъ: они были не словоохотливы, а въ особенности не любили говорить о себѣ. Я зналъ, что сэръ Джонъ и его жена безмѣрно любили своего сына и послѣ его смерти замкнулись въ своемъ домикѣ, на глухой, отдаленной улицѣ. — Многое въ ихъ жизни было для меня странно и непонятно... Я зналъ, что сэръ Джонъ—хозяинъ небольшой, но прекрасно-поставленной фирмы, но прислуги не держать и самъ смотреть за домомъ и садомъ, а жена его убираетъ въ комнатахъ. Никого они никогда не принимали, говорили въ будни по русски, а въ воскресенье обязательно по англійски; съ людьми держали себя холодно и какъ будто непривѣтливо, но всѣ деньги тратили на дѣла благотворительности. Любили они и уважали они другъ друга до смѣшнаго:

каждое утро сэръ Джонъ подходилъ къ рукѣ жены и она цѣловала ето въ голову, а въ воскресенье они цѣловались въ губы и долго гуляли подъ руку по комнатамъ и саду. Называли они другъ друга—мистрисъ Тау и сэръ Джонъ.—«Мистеръ Джонъ, передайте мнѣ, пожалуйста, горчицу», или «вашъ супъ, мистрисъ Тау, сегодня великолѣпенъ».—Благодарствую, сэръ Джонъ.

Чистоту и порядокъ они держали такіе, что мнѣ трудно было не отставать отъ нихъ въ этомъ отношеніи. Я самъ убиралъ свою комнату—мнѣ стыдно было бы пользоваться услугами мистрисъ Тау. Позже я помогаль сэру Джону въ его заботахъ о дворѣ и садѣ, и меня,—графа,—часто можно было видѣть съ метлой въ рукахъ! Для другихъ я ни за что на свѣтѣ не пошелъ бы на такое униженіе, но для Уинкгэмовъ былъ готовъ на все, потому что полюбилъ ихъ всей душой и уважалъ за доброту ко мнѣ. Они со своей стороны полюбили меня. Уинкгэмы сразу повѣрили, что я пріѣхалъ изъ К., ищу мѣста, и, убѣдившись по моему поведенію, что я «вполнѣ порядочный человекъ», сэръ Джонъ сталъ подыскивать для меня (какъ узналъ, увы, позже) занятіе, — не у себя въ конторѣ фирмы, а въ другихъ мѣстахъ, и, сложись мои обстоятельства иначе, не тяготѣй надо мной злой рокъ, я бы пошелъ совсѣмъ по иному пути...

Обѣдалъ я, пока были деньги, гдѣ попало, больше по трактирамъ, но дома говорилъ, что нашелъ столъ помѣсячно въ кухмистерской. Иные дни приходилось и не обѣдать, а довольствоваться чаемъ, къ которому подавался бѣлый хлѣбъ, молоко, масло и ветчина. Мистрисъ Тау, видя, что мои вещи не прибываютъ, поняла, въ чемъ дѣло, и очень ловко подарила мнѣ необходимое бѣлье въ *день моего ангела*... Много другихъ вещей, необходимыхъ для холостаго человекъ, хозяйка *случайно* забывала въ моей комнатѣ и онѣ становились моею собственностью... Думаю, что ея любовь ко мнѣ была ничто иное, какъ любовь къ ея покойному сыну, перенесенная на меня по сходству съ нимъ: самъ сэръ Джонъ сказалъ мнѣ, что я очень похожъ на Ричарда...

Мнѣ очень хорошо жилось у Уинкгэмовъ и я всѣми силами старался отплатить имъ за добро, оказываемое мнѣ. — Когда вышли всѣ мои деньги, я двѣ недѣли сидѣлъ безъ обѣда, но

не подавалъ вида хозяевамъ, что я голоденъ. У нихъ я чни за что не согласился бы даромъ обѣдать, и они, понимая это по своей деликатности, не приглашали меня на обѣдъ... Но мистрисъ Тау скоро замѣтила, что я хожу голоденъ, и запечалилась... И вотъ съ тѣмъ, чтобы успокоить добрую старушку, да кстати и развлечься немного, я рѣшилъ попробовать стараго, т. е. надѣть акцизную фуражку и раздобыть деньжонокъ ревизіей, но—отвыкъ ли я отъ подобнаго дѣла или потому, что не былъ подъ хмѣлькомъ, — мнѣ не везло и я, посѣтивъ около пяти кабаковъ, не только не составилъ протокола, но самъ чуть не попалъ въ исторію... Однако, въ одномъ мѣстѣ таки выгорѣло: сорвалъ пять рублей и сталъ обѣдать. Позже навѣдался я (уже выпивъ отъ скуки) въ одно село и, назвавшись чиновникомъ контрольной палаты, славно заработалъ и купилъ теплое пальто, а мистрисъ Тау сказалъ, что нашелъ письменную работу, и она, видя меня сытымъ и съ деньгами,—повеселѣла ¹⁾. Приближалась осень. Уинкэмъ совсѣмъ привыкли ко мнѣ. Сэру Джону обѣщали дать мнѣ мѣсто съ января мѣсяца (въ 1,000 руб. жалованья!!), а мистрисъ Тау поговаривала о томъ, что не дурно было бы усыновить меня... Я же ничего этого тогда не зналъ... Уинкэмъ, какъ нарочно, стали относиться ко мнѣ какъ будто холоднѣе, а я, думая, что они узнали кое-что изъ моего прошлаго, тоже началъ ихъ чуждаться... На самомъ же дѣлѣ они, желая усыновить меня, невольно вспоминали о своемъ Ричардѣ и потому были печальны... Кромѣ того—думаю—старики хотѣли испытать меня и не выказывали явно своего расположенія ко мнѣ. Какъ-то разъ, въ концѣ сентября, я зашелъ въ одну лавочку купить спичекъ и увидѣлъ здѣсь дѣвицу, уже не первой молодости и свѣжести, но нарядно одѣтую, и сразу обратившую на меня вниманіе. Я купилъ спичекъ и повернулся, чтобы уйти, какъ вдругъ дѣвица уронила свертокъ, который былъ у нея въ рукахъ. Сдѣлала она это, конечно, нарочно. Я понялъ ее, поднялъ свер-

¹⁾ Авторъ записки, вообще крайне скромный и краткій въ описаніяхъ своихъ „ревизій“, дѣлаго ряда женитѣль и прочей широкой дѣятельности, тщательно избѣгаетъ такихъ выраженій, какъ побои, удары... и замѣняетъ ихъ „неприятнымъ столкновеніемъ“, „неудачей“ и проч.—Несомнѣнно, что въ періодъ его жизни отъ Индии до Уинкэмъ было и то и другое.

токъ и, возвращая ей, замѣтилъ вполголоса:—слабыя женскія ручки.

Она покраснѣла, сказала «мерси-съ» и опустила глазки.

— Слабыя ручки—сердце сильное,—произнесла незнакомка и съ улыбкой посмотрѣла на меня.

Меня поразило, что говоритъ она, какъ маленькія дѣти говорятъ: сюсюкая и чуть-чуть пришепетывая, что было странно при ея некрасивомъ и немолодомъ лицѣ.

— Сильное сердце сильно любить, сильно страдаетъ... Не-хорошо имѣть сильное сердце,—сказалъ я громче, между тѣмъ какъ лавочникъ, не обращая на насъ вниманія, занялся какимъ-то новымъ покупателемъ. Дѣвица сѣла на стулъ у прилавка и проговорила съ чувствомъ: — Каменное сердце не знаетъ ни горечи, ни ранъ, — и посмотрѣла на меня такъ, какъ будто говорила о мнѣ. Я ничего не отвѣчалъ, но смотрѣлъ на нее, не спуская глазъ.

Она меня забавляла и мнѣ хотѣлось испытать, что изъ нашей бесѣды выдетъ: я хорошо зналъ силу и вліяніе своихъ глазъ на женщину,—недаромъ я унаслѣдовалъ ихъ отъ графа Н., считавшаго свои побѣды надъ женщинами сотнями. Дѣвица не долго выдерживала мой взоръ, — потупила глаза—и вдругъ заторопилась:—Ахъ, Боже мой!—мнѣ пора домой!

— Можно васъ проводить?—тихо спросилъ я ее.

— Ни за что!—отвѣчала она и быстро вышла изъ лавки.

Захлопнувшаяся дверь выбила у нея изъ рукъ одинъ изъ свертковъ, но моя незнакомка не замѣтила этого и продолжала идти по улицѣ. Я, съ поднятымъ сверткомъ въ рукахъ, догналъ ее, поровнялся съ ней и, приподымая шляпу, серьезно произнесъ: — Что значить судьба! Мнѣ, видно, суждено идти съ вами рядомъ,—и я передалъ ей ея потерю.

— Ахъ, спасибо!—воскликнула она,—еслибы не вы, мнѣ бы дома досталось за потерянный миндаль...

— Развѣ можно сердиться на такое прелестное существо!

Дѣвица молчала, но замедлила шагъ...

Такъ познакомился я съ Еленой Николаевной Сумцовой, узналъ, гдѣ она живетъ съ родителями, узналъ, что у нихъ большой домъ и садъ, что ей очень скучно и что подружки у ней «все такія пустыя» и проч. и проч.

Прощаясь съ дѣвицей, я взялъ съ нея слово быть на слѣдующій день, въ полдень, въ лавочкѣ, гдѣ мы встрѣтились...

На другой день я, придя въ лавочку, уже засталъ ее здѣсь и опять проводилъ... А потомъ мы отправились въ городской садъ, — короче говоря, — я каждый день видѣлся съ Еленой Сумцовой и скоро влюбилъ ее въ себя. И въ этомъ не было ничего удивительнаго: дѣвица она была перезрѣлая, собой некрасивая, начиталась много о страсти и о мужчинахъ и тянуло ее къ нимъ сильно, я же тогда былъ въ полномъ расцвѣтѣ и зналъ (по врожденному, унаслѣдованному дару) слабыя стороны женскаго сердца. Влюбилась она въ меня безъ памяти, безъ удержу, такъ что я на первыхъ порахъ даже испугался, но когда узналъ положеніе ея родителей, то сдѣлалъ видъ, что тоже безмѣрно влюбленъ въ нее, но сказалъ, что изъ-за матеріальнаго положенія «не могу идти рядомъ съ ней всю жизнь». — О ея родителяхъ и ихъ состояніи я узналъ отъ лавочника, у котораго впервые встрѣтился съ Еленой. — Оказалось, что Сумцовъ служилъ въ интендантствѣ, уволенъ былъ по прошенію и съ капиталомъ, получаетъ изрядный пансіонъ, имѣетъ домъ и флигель; кромѣ того, тайно даетъ деньги въ ростъ и вообще «операторъ», — какъ выразился лавочникъ, — жена его не ходитъ вслѣдствіе чрезмѣрной тучности, отъ которой лѣжится миндальнымъ киселемъ, а дочь почему-то не выходитъ замужъ, хотя «женишки и набѣгаютъ». — Псовъ онъ любить — страсть, — добавилъ къ своему сообщенію лавочникъ и я рѣшилъ дѣйствовать быстро и энергично.

Взявъ у Уинкэмовъ ихъ японскую собачку *Лога*, я явился съ нею въ домъ Сумцовыхъ. Встрѣтилъ меня самъ хозяинъ, маленькій, тощій человекъ съ рыжей рѣдкой бородкой, любопытными, косо поставленными глазами и прилизанными волосами.

На видъ онъ былъ очень моложавъ и я бы никогда не назвалъ его отцомъ Елены. вмѣстѣ съ нимъ выбѣжала цѣлая стая псовъ разнаго возраста, роста и вида, и, окруживъ меня, стала лаять. — Лога я держалъ на рукахъ. Хозяинъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня и, не унимая псовъ, съ любопытствомъ смотрѣлъ на меня и Лога. Я не растерялся и заявилъ ему, что имѣю рѣдкой породы собачку, кото-

рой я ни за какія деньги никому бы не отдалъ, такъ какъ она есть единственная память о моемъ славномъ прошломъ, о моихъ незабвенныхъ родителяхъ, потерявшихъ все, кромѣ чести и этой собачки; что извѣстный знатокъ видѣлъ ее, т. е. собачку, и опредѣлилъ принадлежность ея къ вымирающему роду японскихъ узкоголовыхъ, но... (тутъ я сдѣлалъ паузу)... почти трагическія обстоятельства жизни заставляють меня уступить Лога въ чужія руки... — Затѣмъ я прибавилъ, что много слышалъ «объ уважаемомъ хозяинѣ», какъ великомъ цѣнителѣ и знатокѣ благородныхъ друзей человѣка, объ его истинно человѣческомъ отношеніи къ этимъ бѣднымъ животнымъ,—и предложилъ купить мою рѣдкую собачку.

Хозяинъ съ любопытствомъ выслушалъ меня, внимательно осмотрѣлъ меня и Лога, и тогда произнесъ въ носъ:—Прошу садиться!

Я сѣлъ. Псы окружили мой стулъ и съ ожиданіемъ смотрѣли на Лога.

— Такъ вы говорите, что вы сынъ...

— Графа Н., — громко произнесъ я. Дверь комнаты, въ которой мы были, закрипѣла и за ней мелькнуло платье. Я догадался, что это Елена.

— Такъ-съ... И ваши родители потеряли все состояніе?

— Да, все, кромѣ чести,—грустно сказалъ я.

— И вы говорите...—началь опять хозяинъ и добрый часъ разспрашивалъ меня о томъ, о чемъ я уже говорилъ ему, т. е. о родителяхъ, ихъ чести и проч.

Логъ началъ выказывать признаки нетерпѣнія, платье за дверью мелькало чаще и чаще... Наконецъ Сумцовъ, пожевавъ губами, пожелалъ «досконально» осмотрѣть собачку. Когда же и это было исполнено, онъ осторожно опустилъ Лога на полъ и произнесъ:

— Да, собачка хорошая, породистая...

— Десять рублей! Больше не дамъ! — сердито и отрывисто произнесъ онъ вдругъ и глаза его приняли злое и свирѣрое выраженіе: въ немъ любовь къ псамъ боролась со скупостью.

— Хорошо,—согласился я.

Логъ, окруженный новыми знакомыми, тоскливо смотрѣлъ на меня. Хозяинъ погладилъ его по головѣ и прогнусивъ:—познакомься съ нимъ! — подвинулъ его къ громадному догу.

Тотъ зарычалъ и Логъ, перепрыгнувъ чрезъ дога, вскочилъ ко мнѣ на колѣни.

— Папа,—раздался за дверью голосъ Елены,—ему нужно дать молока... Иначе онъ не привыкнетъ.

— Давай, дѣточка, сюда! — крикнулъ отецъ, — да скажи мамѣ, что уже 12 часовъ, пора ей кисель ѣсть.

Вошла Елена съ блюдечкомъ молока, украдкой взглянула на меня, поставила блюдечко на полъ и стала звать къ себѣ Лога. Я снялъ его съ колѣнъ и поставилъ возлѣ молока, сказавъ по англійски: *миль!*

— На какомъ языкѣ вы говорите?—поинтересовался хозяинъ.

— На англійскомъ,—отвѣтилъ я, садясь въ кресло.

Елена занялась Логомъ.

— Трудный языкъ? — опять съ любопытствомъ спросилъ Сумцовъ, садясь противъ меня.

— Не такой, какъ французскій.

— Вы и тотъ знаете?

— Знаю, я уже въ три года говорилъ по французски.

— Въ три года?—съ жаднымъ любопытствомъ переспросилъ хозяинъ.

— Да, за мной съ этого времени ухаживали бонны.

— Бонны, а кто такія? — интересовался хозяинъ и мнѣ приходилось врать напрапалу.

Въ такомъ родѣ, разговоръ продолжался довольно долго.

Елена все возилась съ Логомъ. Видя, что въ этотъ визитъ ничего путнаго не добьешься и взявъ 10 руб., которые хозяинъ, прежде чѣмъ отдать мнѣ, долго мялъ въ рукахъ, чтобы убѣдиться, что передаетъ мнѣ одну, а не двѣ бумажки,—я откланялся и просилъ разрѣшенія прийти на дняхъ и взглянуть на Лога.

Однако, быть еще разъ у Сумцова мнѣ не пришлось. Логъ въ тотъ же день удралъ отъ него и прибѣжалъ къ Уинкгаммъ (подлая собачонка! съ тѣхъ поръ не хотѣла идти ко мнѣ), а Елена, встрѣтившись со мной, передала, что ея отецъ называетъ меня мошенникомъ и грозитъ сыскать чрезъ полицію съ тѣмъ, чтобы возвратитъ 10 руб., такъ какъ я со своей собакой занимаюсь «надувательствомъ честныхъ людей».

Къ Сумцову я больше не являлся. Изъ разказовъ Елены и лавочника я убѣдился, что онъ смотритъ на нее, какъ на ребенка, и поэтому, а также изъ нежеланія давать приданое, не выдаетъ ее замужъ, — за меня-то, значить, ни въ какомъ случаѣ не отдастъ,—и рѣшилъ жениться на Еленѣ тайно, а затѣмъ явиться съ повинной къ отцу. Елена была готова на все изъ-за безумной страсти ко мнѣ.

Въ это время она, — противъ моихъ желаній и вопреки настойчивымъ просьбамъ, — закладывала свои вещи и дѣлала мнѣ подарки, а то и такъ, незамѣтно для меня, засовывала бумажки въ карманы моего пальто...

Передаю вкратцѣ все, что послѣдовало дальше, такъ какъ воспоминанія объ этомъ періодѣ жизни особенно тяжелы для меня. Я открылъ Уинкгамъ, что полюбилъ, за прекрасныя внутреннія качества, дѣвушку, имѣлъ несчастье увлечь ее и не вижу другого выхода, какъ тайно жениться на ней.

— Надо спасти бѣдную жертву и вырвать ее изъ того омута, гдѣ она живетъ! — такъ закончилъ я свой разказъ. Уинкгамы, услышавъ повѣсть моей любви, опечалились, но скоро рѣшили, чтобы сэръ Джонъ самъ отправился къ Сумцову и постарался уладить дѣло, т. е. убѣдить его выдать за меня замужъ дочь.—Тогда-то сэръ Джонъ сообщилъ мнѣ, что съ 1-го января я получу, благодаря его содѣйствію, мѣсто и что онъ не прочь усыновить меня. Я испугался, чтобы Уинкгамъ въ самомъ дѣлѣ не вздумалъ пойти къ Сумцову, и сталъ дѣйствовать самостоятельно. Сказавъ сэру Джону, что Сумцовъ заболѣлъ, я съ согласія Елены подыскалъ въ одномъ селѣ попа и здѣсь обвѣнчался съ дочерью Сумцова. Деньги на расходы, наемъ брачныхъ свидѣтелей и прочее достала Елена, взявшая у матери (тайно отъ нея) два дорогіе браслета и заложившая ихъ въ ссудной кассѣ. Такъ вступилъ я въ первый законный бракъ, въ глухомъ селѣ, въ ненастный осенній вечеръ.

Шаферами у насъ были наняты лакеи изъ знакомаго ресторана. Я предъявилъ свой борисовскій документъ; бумаги же Елены были всѣ у нея на рукахъ. Прямо изъ церкви мы отправились назадъ въ городъ. Я съ Еленой переночевалъ въ гостинницѣ и на другой же день мы явились къ Сумцову.

Въ домъ насъ пустили... пустили и въ гостинную. Когда

же къ намъ никто не выходилъ и Елена отправилась во внутреннія комнаты посмотреть, гдѣ отецъ,—и я остался одинъ,—неожиданно появился изъ прихожей полицейскій приставъ въ сопровожденіи Ицки и двухъ городовыхъ...

В. Романовъ ¹⁾).

(Продолженіе будетъ).

---

¹⁾ Рассказъ этотъ принадлежитъ перу В. В. Романова, напечатаннаго въ журналѣ «Наблюдатель», нѣсколько лѣтъ назадъ, романъ: «Въ чертъ осадлости», гдѣ обнаружилъ полное знакомство съ этимъ любопытнымъ краемъ.

Ред.

ВОЛНА.

По глади широкой, по глади родной
Безбрежного моря весенной порой
Она покатила на вольный просторъ
Туда, гдѣ, сквозь дымку, бѣлветъ цѣпь горъ;
Туда, гдѣ надъ зеркаломъ трепетныхъ водъ
Жемчужныхъ тучъ бродить вдали хороводъ,
Гдѣ въ ясной лазури, алѣя, горя,
Какъ радуга, блестя цвѣтами заря...

И долго съ немолчною пѣсней своей,
Подъ теплымъ сіяньемъ полдневныхъ лучей,
Свободно носилась по морю она,
Отваги, и силы, и блеска полна;
Тревожно стремилась въ дни свѣтлой весны,
Къ далекимъ предѣламъ безвѣстной страны,—
Пока о суровый гранитный утесъ
Она не разбила подъ брызгами слезъ!..

Н.

ТАЙНСТВЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ.

Романъ Жоржа Онэ.

(Продолженіе ¹⁾).

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, въ продолженіе которыхъ Бодуэнъ устраивался на заводѣ, онъ съ изумленіемъ замѣтилъ, что Марсель, бывшій сначала очень спокойнымъ, понемногу переходилъ къ крайнему возбужденію. Молодой человѣкъ, проводившій обыкновенно время въ занятіяхъ въ своей лабораторіи, вдругъ куда-то собрался раннимъ утромъ и вернулся домой только поздною ночью. Лабораторія была заброшена, и заводъ безконтрольно довѣренъ Кардезу, потому что исчезновенія эти стали происходить ежедневно. И чтó было замѣчательнѣе всего, такъ это перемѣна Марселя не только въ привычкахъ, но и въ наружности. Онъ сталъ одѣваться съ изысканной простотой. Вся фізіономія его преобразилась: глаза сверкали, онъ почти постоянно улыбался, даже голосъ его сталъ еще больше вибрировать. Бодуэнъ догадался, что тутъ пахнетъ женщиной. Служа у генерала де-Тремона, онъ понабашковался въ этомъ отношеніи. Ему было знакомо это едва сдерживаемое волненіе сластолюбца. Да! тутъ опять замѣшалась женщина.

Невозможно, чтобы онъ могъ ошибиться. Бодуэнъ сталъ задумываться. Какимъ образомъ ухитрился его молодой баринъ въ кого-то влюбиться въ такомъ мѣстечкѣ, которое находится совсѣмъ на виду? Онъ началъ исподтишка наблюдать. Онъ свелъ знакомство съ хозяиномъ отеля «Золотой

---

¹⁾ См. «Наблюдатель» текущаго года № 2.

левъ», бывшимъ поваромъ, а теперь носящимъ по воскресеньямъ въ своей петличкѣ желтую или красную ленточку, привезенную имъ изъ Тонкина.

Бодуэнъ часто велъ съ ними бесѣду, попивая мѣстное вино, и выслушивалъ отъ него разныя деревенскія новости. Онъ спросилъ его, не появилось ли тутъ какихъ нибудь иностранцевъ?

Нѣтъ ли въ его отелѣ вновь прїѣхавшихъ? Не прогуливается ли по городу какая нибудь прїѣзжая хорошенькая женщина?

Патронъ отвѣчалъ на всѣ его вопросы категорически. Во всѣхъ этихъ свѣдѣніяхъ Бодуэнъ не усматривалъ ни малѣйшаго слѣда, что могло бы навести его на догадку о причинѣ необычайнаго волненія Марсея.

Ни одна женщина изъ тѣхъ, которыхъ онъ тутъ видѣлъ, не имѣла въ себѣ ничего такого, чтобы могло завлечь хоть кого нибудь.

Ни одна юбка не была достойна того, чтобы наслѣдникъ Барадье и Граффа стали гоняться за ней. Оставалось начать розыски въ окрестностяхъ.

— Тутъ въ одной виллѣ у обрыва появились молодой господинъ съ дамой, они тамъ и живутъ, — сказалъ ему какъ-то патронъ. Но оба, и тотъ и другая, въ глубокомъ траурѣ, не прїѣзжаютъ совсѣмъ въ городъ и живутъ почти отшельнической жизнью. Три раза они заказывали себѣ коляску, чтобы сдѣлать прогулку по окрестностямъ. Молодая дама ни разу не появлялась въ Арсѣ и я не могу сказать, хороша она собой или дурна. Кучеръ, возившій ихъ, сказалъ, — что она очень грустна, очень вѣжлива, и говорятъ они другъ другу на *вы*. Онъ думаетъ, что это братъ и сестра. Но во всякомъ случаѣ они не французы.

Дальше Бодуэнъ ничего не узналъ, но и этого было довольно. Онъ далъ себѣ слово прослѣдить за своимъ господиномъ, чтобы узнать о цѣли его прогулокъ. Трауръ и грусть молодой дамы казались ему недостаточной гарантіей на то, чтобы молодой Марсель не могъ въ нее влюбиться. Напротивъ, онъ отнесся недоувѣрчиво къ иностранцамъ, называвшимся братомъ и сестрой.

На другой день его пріятель изъ «Золотаго льва» сказалъ ему:— У меня есть для васъ новости насчетъ обитателей виллы. Молодой человѣкъ уѣхалъ сегодня утромъ. Онъ спросилъ себѣ карету на желѣзную дорогу и отправился въ Парижъ, а молодая дама осталась одна.

Бодуэнъ замѣтилъ, что съ этого самаго дня Марсель сталъ приходитъ домой еще позже, и, чистя его платье, онъ замѣтилъ, что къ нему пристало нѣсколько стебельковъ моху, какъ будто его баринъ сидѣлъ гдѣ нибудь въ лѣсу. На другой день, около двухъ часовъ, молодой человѣкъ вышелъ изъ дому. Бодуэнъ, рѣшившій наблюдать за нимъ, раньше его прошелъ къ обрыву и притаился тамъ, желая увѣриться, что Марсель совершаетъ свои прогулки именно въ эту сторону. Черезъ полчаса онъ увидалъ Марселя, съ палкой подъ мышкой, одѣтаго въ сѣрый костюмъ, въ перчаткахъ, въ хорошенькой соломенной шляпѣ. Лицо у него было очень оживленное, глаза сверкали.

«Вотъ и ты, мой голубчикъ, и кажется направляешься къ своей прелестницѣ! — подумалъ Бодуэнъ. — Въ противномъ случаѣ, ты не выступалъ бы такъ бодро и весело».

Онъ пропустилъ впередъ молодаго человѣка, и осторожно послѣдовалъ за нимъ. И, дѣйствительно, Марсель шелъ именно къ той виллѣ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ познакомился съ г-жей Віолой, жизнь его перевернулась вверхъ дномъ. Онъ больше не думалъ ни о химіи, ни о своихъ родныхъ. Для него не существовало ничего больше, кромѣ его прекрасной итальянки. Еслибъ дядя Граффъ увидалъ теперь своего племянника, то онъ могъ бы сказать: «Ну, мой красавчикъ тронулся. Его кто-то опять подстрѣляетъ!» Дядюшкѣ былъ хорошо знакомъ этотъ лихорадочный видъ его племянника, когда Марсель становился неспособнымъ думать о чемъ нибудь иномъ, кромѣ дамы своего сердца, и готовъ былъ на всевозможныя сумасбродства, чтобы завладѣть ею.

Этотъ пылкій юноша съ математической точностью прелѣдовалъ предметъ своей страсти по всѣмъ правиламъ атаки, и тутъ онъ ужъ ничѣмъ не брезговалъ и шелъ на все. Самое лучшее свойство влюбчивости этого мальчика то, что, обожая новую женщину, онъ всякій разъ совершенно позабывалъ о всѣхъ своихъ прежнихъ пассіяхъ.

Г-жѣ Віолѣ достаточно было провести полдня съ молодымъ человѣкомъ, чтобы завладѣть всѣми его помыслами. Она показала столько прелести, скромности и нѣкотораго особаго очарованія, что Цезарь, прекрасно знавшій, на что способна эта комедіантка, и тотъ смутился. Ея искусство обманывать было доведено до генія. Два часа, проведенныхъ Марселемъ въ виллѣ, пролетѣли для него незамѣтно, какъ сонъ, и влюбленный молодой человѣкъ долженъ былъ уходить, когда ему казалось, что онъ только что вошелъ сюда. Віола по просьбѣ своего брата, усѣлась за пьянино и прочувствованнымъ, звучнымъ голосомъ, артистически пропѣла нѣсколько пѣсенокъ: Марсель, самъ настоящій музыкантъ, съ успѣхомъ аккомпанировалъ ей. По ея просьбѣ Цезарь запоздалъ со своимъ отъѣздомъ и отправился гулять послѣ обѣда съ Марселемъ и г-жей Віолой по лѣсу.

Вечеромъ Цезарь съ улыбкой указалъ Марселю на розовое и оживленное лицо сестры:

— Посмотрите, какъ на нее хорошо дѣйствуетъ развлеченіе; теперь ее трудно узнать. Ахъ, еслибъ она могла каждый день забывать такимъ образомъ свое горе, то здоровье быстро вернулось бы къ ней вмѣстѣ съ силой и веселостью.

— Не уѣзжайте въ такомъ случаѣ и оставайтесь!— отвѣчалъ Марсель.

— Э! это конечно не благодаря мнѣ, она такъ повеселѣла,—какъ бы необдуманно вырвалось у итальянца. И онъ сейчасъ же спохватился, что сказалъ неосторожность.

— Видите ли, въ подобныхъ случаяхъ посторонніе люди лучше родственниковъ обладаютъ даромъ облегчать страданія.

— Но, повидимому, ваша сестра вовсе не больна! Посмотрите на ея поступъ: какъ она легка и свободна.

— Да, въ настоящую минуту она взяла въ руки свои нервы. Но сегодня же вечеромъ она опять впадетъ въ свое обычное меланхолическое настроеніе. Въ подобныхъ случаяхъ отъ нея трудно добиться слова.

— Если вы разрѣшите мнѣ приходить ее навѣщать, то для меня будетъ большимъ удовольствіемъ стараться развлечь ее.

Итальянецъ съ жаромъ пожалъ руки Марсея.

— Благодарю васъ за доброе участіе, но, пожалуй, это по-

кажется для васъ обременительнымъ. Вы ее мало знаете: она капризна, какъ ребенокъ.

Они не имѣли возможности продолжать дальнѣйшій разговоръ на эту тему, такъ какъ г-жа Віола вернулась къ нимъ и оглядѣла ихъ вопросительнымъ взглядомъ своихъ ясныхъ глазъ.

— Какой вы тутъ составляете заговоръ?

— Графъ Цезарь жалуется мнѣ на васъ, сударыня. Дѣло идетъ объ расположеніи вашего духа. Съ завтрашняго же дня я буду считать своимъ долгомъ наблюдать за тѣмъ, чтобъ не измѣнялось ваше веселое настроеніе. Но вамъ слѣдуетъ довѣриться моей тирани.

На эту фразу она отвѣтила серьезнымъ и проникновеннымъ голосомъ:

— Да, онъ правъ. Меня не слѣдуетъ оставлять одну. Когда возлѣ меня никого нѣтъ, то голова моя начинаетъ усиленно работать, и въ ней зарождаются самыя мрачныя мысли. Будьте же моимъ другомъ. Цезарь скоро вернется назадъ и тогда мы опять примемся за наши прогулки по лѣсу. А до тѣхъ поръ навѣщайте меня въ виллѣ, тамъ вы всегда найдете хороший приѣмъ.—Графъ Агостини уѣхалъ, а Марсель продолжалъ приходить въ виллу навѣщать прекрасную Анету.

Подходя къ виллѣ, онъ невольно ускорялъ шаги, и лицо его разгоралось отъ быстрой ходьбы. Ему хотѣлось бы имѣть крылья, чтобы летѣть къ той, которая его ожидала. Но, подойдя къ виллѣ очень близко, онъ вдругъ услышалъ голосъ г-жи Віолы. Она пѣла въ салонѣ, окна котораго были открыты настежь, и голосъ ея звучалъ такой сильной страстью и артистической выразительностью, что Марсель задрожалъ отъ ревности, невольно его охватившей. Но вдругъ голосъ прервался, какъ бы отъ сдерживаемыхъ рыданій. Марселю почудилось, что сердце пѣвицы разорвалось на части отъ горя, и онъ бѣгомъ кинулся черезъ садъ въ салонъ. У пьянино сидѣла г-жа Віола и горько плакала.

При видѣ этого, Марсель громко вскрикнулъ, и молодая женщина быстро поднялась съ мѣста. Она нахмурилась и, представившись сильно сконфуженной тѣмъ, что молодой чевѣкъ засталъ ее въ такомъ состояніи, протягивая руку Марселю, тихо проговорила:

— Извините меня. Мнѣ не слѣдовало бы пѣть, когда я одна. Это навѣваетъ на меня разныя тяжелыя воспоминанія.

— Боже мой! Но что же это такое? Довѣрьтесь же, наконецъ, мнѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ, не требуйте этого!— Она захлопнула пианино, и, вызвавъ на свое лицо веселое выраженіе, быстро проговорила:

— Не будемъ больше говорить объ этомъ. Займитесь лучше вами.

Она взглянула на Марселя съ видомъ трогательнаго участія.

— Какъ вы разгорячились отъ слишкомъ скорой ходьбы. Я васъ буду бранить, если вы будете такъ неосторожны. Однако, не надо оставаться долго въ этомъ залѣ; тутъ нѣсколько свѣжо: и вы можете простудиться. Пойдемте лучше въ садъ.

Онъ послушно послѣдовалъ за ней. Они прошли по узенькимъ аллеякамъ и затѣмъ усѣлись подъ кустами лилій и розъ, въ душистой тѣни, разговаривая обо всемъ, кромѣ того, что ихъ обоихъ дѣйствительно занимало въ эту минуту.

Между тѣмъ, Бодуэнъ не выпускалъ изъ виду своего господина. Когда Марсель вошелъ въ виллу, слуга тоже осторожно прокрался. Такъ какъ пѣніе Віолы вскорѣ прекратилось при появленіи Марселя, то Бодуэнъ не имѣлъ времени его слышать. Онъ, однако, остерегся подходить къ самой калиткѣ, а сталъ красться вдоль стѣны, возлѣ которой росли большія деревья. Притаившись за однимъ кустомъ, на разстояніи тридцати метровъ отъ того мѣста, гдѣ сидѣли, спиной къ нему, молодой человѣкъ и прекрасная вдовушка, — онъ могъ кое-что услышать изъ ихъ разговора.

Бодуэнъ раздумывалъ: кто бы такая была эта дьявольская женщина? Одѣта она во все черное; повидимому, молода; талія очень стройная.

«Право, можно бы сказать про г. Марселя, что у него чутье лисицы, такъ ловко умѣетъ онъ разыскивать курятники. Въ такое глухое время, когда еще и сезонъ не начинался, а ужъ этотъ лакомка прилѣпился къ юбкѣ и принять въ домѣ, какъ свой. А, онъ не теряетъ даромъ времени! Но не подстраиваютъ ли ему западню? Зачѣмъ пожаловала сюда эта инѣстранка, и какой интересъ заставляетъ ее завести знакомство съ г. Марселемъ? О чемъ говорятъ они тутъ, почти у меня на глазахъ?»

Конечно, не объ дѣлахъ! Въ такомъ случаѣ, значить о любви? Въ чемъ, однако, суть разговора между этимъ красавцемъ и этой хорошенькой женщиной. Но любовь — это приманка на концѣ удочки. Рыба видитъ только приманку; крючокъ скрытъ и появляется только въ извѣстный моментъ».

Пока онъ такъ разсуждалъ, оба собесѣдника продолжали свой разговоръ. Они сидѣли неподвижно другъ возлѣ друга и даже звукъ ихъ голосовъ едва доходилъ до слуха Бодуэна. Черезъ часъ они поднялись, и молодая женщина обернулась лицомъ къ соглядатаю. Онъ съ восторгомъ сталъ ее разглядывать, потому что никогда въ жизни не видалъ болѣе прелестнаго существа; но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ долженъ былъ сознаться, что раньше никогда ее не видалъ. Но онъ старался уловить какое-то сходство. Ту женщину въ Ванвахъ онъ видѣлъ только въ темнотѣ, и, конечно, не могъ бы ее узнать, но могъ бы распознать по какимъ-то особеннымъ духамъ; ея голосъ еще и до сихъ поръ точно раздавался въ его ухахъ.

Онъ подумалъ: «Ахъ, еслибъ я могъ слышать голосъ этой женщины. Достаточно было бы трехъ словъ, чтобы я ее узналъ». При этой мысли вдругъ почувствовалъ приливъ радости.

Группа уже проходила въ десяти шагахъ отъ того мѣста, гдѣ засѣлъ подъ кустомъ Бодуэнъ. Они разговаривали, насколько не стѣсняясь и не подозрѣвая, что ихъ кто-нибудь подслушиваетъ.

Въ Бодуэнѣ проснулось чувство истаго солдата, поджидающаго намѣченную добычу; онъ наострилъ слухъ, какъ только могъ, и вотъ услышалъ, какъ Марсель произнесъ, продолжая начатый разговоръ:

— Теперь, когда вы свободны, думаете ли вы осуществить эти давнишнія мечты?

На это женщина отвѣчала нѣжнымъ, ласкающимъ слухъ голосомъ, съ итальянскимъ акцентомъ:

— Къ чему? Я уже стара для этого. Мнѣ двадцать семь лѣтъ. Моя жизнь окончена. Артистическіе успѣхи не имѣли бы для меня никакого значенія. Пѣть въ театрѣ публично, привлекать на себя всѣ взгляды... О нѣтъ! Объ этомъ я уже не думаю.

— И однако, вы могли бы имѣть успѣхъ?

— Ради кого?

Они прошли мимо и Бодуэнъ, настраивая свою память, стараясь возстановить свои воспоминанія, долженъ былъ признаться самому себѣ, что ни тонъ голоса, ни произношеніе этой женщины въ траурѣ не напоминали ему ту, которая носила повсюду съ собой смерть. Онъ увидалъ, какъ прогуливающіеся скрылись наконецъ въ домѣ; затѣмъ онъ услыхалъ звуки рояля и горячій, чистый голосъ молодой итальянки.

Тогда Бодуэнъ вышелъ изъ своей засады, и задумчивый и озабоченный вернулся въ Арсъ. Придя въ контору почтъ и телеграфовъ, онъ взялъ листокъ бумаги и написалъ такого рода депешу:

«Лафорэ, агенту военнаго министра, улица Сень-Доминика, въ Парижѣ. Приѣзжайте въ Арсъ, около Труа. Спросите обо мнѣ на заводѣ. Бодуэнъ».

Онъ заплатилъ, видѣлъ, какъ отослали его телеграмму, и нѣсколько успокоенный, вернулся къ своему господину. Въ семь часовъ вернулся и Марсель, молча пообѣдалъ, и сейчасъ же послѣ обѣда отправился въ свою лабораторію, откуда долго до слуха Бодуэна раздавались его шаги взадъ и впередъ, почти до самой ночи.

Въ это же время, м-ше Віола сидѣла въ маленькомъ салонѣ, держа папирску въ своихъ прекрасныхъ зубкахъ, между тѣмъ какъ услужливая камеристка раскладывала передъ ней карты. Эта сухая, маленькая брюнетка, черная и загорѣвшая, какъ истая южанка, была скорѣе ея повѣренной, чѣмъ служанкой, и находилась при ней уже въ продолженіе десяти лѣтъ. Ея настоящее имя было Милона, но ея никогда не звали иначе, какъ Мило. Первые свои дни она провела въ Карпатахъ, въ цыганскомъ лагерѣ. Мать ея умерла въ какой-то канавѣ, оставивъ ее лѣтъ двѣнадцати, въ страшной нищетѣ и во власти одного разбойника изъ этой цыганской шайки, очарованнаго рано созрѣвшей граціей этого ребенка. Софія, проѣздомъ черезъ Триэсть, остановившись въ какой-то тавернѣ, сдѣлалась свидѣтельницей страшной ссоры, происходившей между Милоной и ея свирѣпымъ вздыхателемъ. Малютка гордо и дерзко смотрѣла на своего молодого возлюбленнаго, старавшагося ея увести насильно съ собой, и на всѣ его угрозы отвѣчала рѣзкимъ отказомъ, сопровождаемымъ презрительнымъ взглядомъ. Вся банда была на сторонѣ юнаго претендента. Но

Милона все продолжала сопротивляться, пока, наконецъ, начальникъ банды, сѣдой патріархъ, не подошелъ къ дѣвчкѣ и не принялся ее увѣщевать. Софія, облокотясь объ подоконникъ, съ интересомъ наблюдала за этой сценой, проникаясь понемногу симпатіей къ этому гордому ребенку, отказывающемуся повиноваться капризамъ мужчины. Казалось, она понимала ихъ языкъ и улыбалась ихъ цвѣтистымъ выраженіямъ.

— Милона, — говорилъ знаменитый грабитель куръ, — ты не поступаешь такъ, какъ слѣдуетъ. Ты отталкиваешь Замбо, одного изъ нашихъ дѣтей, который въ тебя влюбленъ, — потому что ты слушала ласковыя рѣчи этого гусарчика, который слѣдовалъ за тобой вплоть до этого мѣста. Ты знаешь, однако, что это собака, врагъ нашей расы; онъ возьметъ тебя, а затѣмъ бросить, даже не вознаградивъ тебя за твою любовь. Твоя мать, умирая, поручила тебя мнѣ. Я платилъ за твою пищу, я выучилъ тебя гадать на картахъ, читать по рукѣ, составлять любовныя напитки. Неужели ты окажешься такой неблагодарной и не будешь женой моего племянничка Замбо?

— Я его не люблю! — сухо отвѣчала дѣвочка.

— Но онъ тебя любить.

— Какое мнѣ дѣло!

— Но если ты будешь сопротивляться, то онъ тебя убьетъ.

— Это ужъ мое дѣло.

— Значить, ты хочешь покинуть нашу труппу?

— Да. Мнѣ надоѣла разбойничья жизнь, полная грабежей, и надоѣло быть одѣтой въ лохмотья.

— Въ такомъ случаѣ, дай намъ выкупъ за твою свободу!

— У меня нѣтъ денегъ. Подождите немного, и гусаръ осыплетъ меня ими.

При этихъ словахъ черный Замбо свирѣпо подступилъ къ ребенку и прорычалъ:

— Пусть это будетъ твое послѣднее слово! — И, вытащивъ длинный ножъ, онъ кинулся съ нимъ на Милону.

Въ этотъ самый моментъ баронесса Софія издала особый свистъ, привлекшій вниманіе всей банды, и вдругъ заговорила на языкѣ этихъ разбойниковъ.

— Довольно! Я сейчасъ позову полицію. Ты требуешь, старикъ, денегъ отъ этой малютки?

— Да, ваша милость.

— Сколько?

— Двадцать дукатовъ золотомъ.

— Грабитель!

— Не менѣе, ваше сіятельство.

Кошелекъ упалъ къ ногамъ патріарха, который поднялъ его съ ловкостью жонглера. Онъ сосчиталъ деньги, приложилъ руку къ сердцу и сказалъ Милонѣ:

— Поблагодари твою благородную благодѣтельницу. Ты свободна!

— Иди сюда, малютка,—сказала Софія.

Милона не заставила себя ждать и, сопровождаемая воплями отверженнаго вздыхателя, кинулась въ гостинницу. Окно баронессы захлопнулось, между тѣмъ какъ цыгане старались утѣшить Замбо и убѣдить его, что дѣвушку найти гораздо легче, чѣмъ дукаты, которыхъ хватить на цѣлый годъ.

Съ этой самой встрѣчи Милона привязалась всѣмъ сердцемъ къ своей освободительницѣ. Она сочувствовала ей во всякой враждѣ, была повѣренной въ ея любовныхъ дѣлахъ, а за исключеніемъ нѣкоторыхъ ужасныхъ секретовъ, которые Софія никому не повѣряла, знала всѣ подробности изъ жизни своей госпожи. Въ настоящую минуту Софія задумалась надъ расположенными передъ ней картами:

— Король на сердцѣ, девятка пикъ и трефовый валетъ,—проговорила Милона, показывая пальцемъ на карты.—Затѣмъ трефовая дама и семерка пикъ. Карты отвѣчаютъ все одно и тоже. Вы не будете имѣть удачи!

(Продолженіе будетъ).

ПРИЗРАКЪ.

Ты знаешь ли?.. Съ тѣнями ночи
Порой онъ входитъ — и глядитъ:
И неподвижны его очи,
И безотраденъ его видъ;

Уста не выронять упрека,
Не кинетъ вздоха эта грудь —
И темный взглядъ, одинъ, жестоко
Къ твоей тоскѣ отыщеть пути!..

Всему, чего душа алкала
Чѣмъ сердце билось до сихъ поръ,
Всѣмъ грезамъ свѣтлымъ идеала
Ты въ немъ узнаешь приговоръ.

И, какъ цвѣты, умрутъ надежды,
Огнемъ сомнѣнья сожжены,
Для прежнихъ сновъ сомкнешь ты вѣжды —
Ушли серебряные сны!..

О, если онъ, съ тѣнями ночи,
Къ тебѣ подкрался — не блѣднѣй!
Въ его безжизненные очи,
Мой другъ и братъ, гляди смѣлѣй —

И въ сердцѣ пламень животворный
Зажги негаснущимъ костромъ,
Чтобъ духъ сомнѣнья, призракъ черный,
Какъ черный дымъ, растаялъ въ немъ!

К. И.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Проектъ реформъ объ умиротвореніи Македоніи.—Недовѣріе болгаръ и сербовъ къ Турціи.—Какъ Турція проводитъ реформы и получаетъ за это благодарственные меморандумы?—Взглядъ интеллигентныхъ турокъ на реформы.—Туркофильство германской офиціозной прессы.—Турція въ котяхъ германскаго орла.—Англійская и французская печать о проектѣ реформъ.—Проекты австрійскихъ агентовъ въ Македоніи и запросъ депутата въ венгерскомъ парламентѣ.—Тревожныя извѣстія изъ Китая.—Слухи о новыхъ политическихъ союзныхъ комбинаціяхъ.—Улучшеніе отношеній между Англійей и Франціей.—Дефицитъ во Франціи и его причины.

Происходящія въ настоящее время событія на Балканскомъ полуостровѣ не сходятъ со столбцовъ всѣхъ западно-европейскихъ газетъ. Особенное вниманіе печати и общества обратилъ на себя проектъ реформъ въ Македоніи, предложенный Россіей и Австріей. Всѣ, кому дѣйствительно близки и дороги интересы христіанскаго населенія Македоніи, съ чувствомъ удовлетворенія и облегченія отнеслись къ нему. Правительственное сообщеніе весьма энергично подчеркиваетъ, насколько близка Россіи судьба единовѣрнаго ей населенія и насколько улучшеніе его участи составляетъ предметъ ея неуспянныхъ заботъ. Проектъ реформъ представленъ султану съ полнаго одобренія остальныхъ державъ, подписавшихъ берлинскій трактатъ. Турецкій султанъ немедленно же принялъ предложенныя реформы и уже далъ категорическое приказаніе немедленно приступить къ исполненію проекта.

«Россія и Австро-Венгрія,—говорится въ правительственномъ сообщеніи,—какъ державы, наиболѣе заинтересованныя въ сохраненіи мира на Балканскомъ полуостровѣ, не могли не быть обезпечены подобнымъ положеніемъ дѣлъ, могущимъ привести къ серьезнымъ осложненіямъ. Для того, чтобы избѣгнуть столь нежелательнаго исхода смутъ, происходящихъ въ Македоніи и Старой Сербіи, необходимо было устранить самый источникъ, кроющійся не въ чемъ иномъ, какъ въ неудовлетворительности условій жизни христіанскаго населенія этихъ областей».

Во главѣ введенія реформъ остается то самое должностное лицо, которому поручилъ эту задачу султанъ, т. е. главный инспекторъ. Онъ назначается на 3 года, и турецкое правительство до истечения этого срока не можетъ его смѣнить. Ему предоставляется право, въ случаѣ надобности, «пользоваться содѣйствіемъ отоманскихъ войскъ на всемъ пространствѣ трехъ вилайетовъ (солунскомъ, коссовскомъ и монастырскомъ), безъ обязательства всякій разъ обращаться за разрѣшеніемъ къ центральному правительству». Главный инспекторъ можетъ быть христіаниномъ, можетъ быть и магометаниномъ, турецкимъ подданнымъ.

Второй серьезной гарантіей является полное преобразование жандармеріи, полиціи и института сельскихъ стражниковъ. Христіане будутъ составлять 20% числа всѣхъ жандармовъ и полицейскихъ. Сельскими стражниками были до сихъ поръ почти повсемѣстно въ Македоніи и Старой Сербіи албанцы, которые являются главными виновниками смуты и насилій.

Третья гарантія—это упорядоченіе сбора податей и раслѣдованіе налоговъ прежде всего на нужды каждаго даннаго вилайета. Доходъ будетъ принимать и расходовать не турецкая казна, а Отоманскій банкъ, правленіе котораго находится въ Парижѣ. Сборъ главного налога—десятины будетъ совершаться на новыхъ основаніяхъ, при которыхъ прежнія возмутительныя злоупотребленія оптовыхъ откупщиковъ будутъ немыслимы.

Для успокоенія умовъ христіанскаго населенія и возвращенія бѣглецовъ на родину султанъ долженъ объявить полную и немедленную амнистию всѣмъ осужденнымъ, обвиненнымъ и заподозрѣннымъ въ политическихъ преступленіяхъ.

Русско-австрійскій проектъ реформъ, одобренный Турціей, принять весьма благосклонно греками и румынами, имѣющими, какъ извѣстно, значительные интересы въ Македоніи, но представляющими тамъ ничтожное меньшинство населенія. Какъ греки, такъ и румыны убѣдились, что ихъ интересы будутъ соблюдены. Зато въ Сербіи и Болгаріи опубликованный проектъ вызвалъ глубокое разочарованіе въ самыхъ широкихъ кругахъ. Болгары, по словамъ вѣнскихъ газетъ, не только обманулись въ своихъ надеждахъ, но прямо «потрясены» объявленнымъ проектомъ, точно катастрофой.

Самая большая и популярная софійская газета «Вечерняя Почта» не падаетъ по адресу реформъ самыхъ рѣзкихъ выраженій, усматривая въ нихъ ни больше, ни меньше какъ «международный динизмъ» Европы (!?). Органъ покойнаго Каравелова «Прѣлорецъ» называетъ ихъ «лакированными султанскими реформами». Офиціозная «Болгарія» отзывается въ сдержанныхъ, но весьма двусмысленныхъ выраженіяхъ и полагаетъ, что образъ дѣйствій македонскаго населенія покажетъ, насколько державы поняли его нужды. Подъ напоромъ возбужденнаго обществен-

наго мнѣнія официальныхъ сферъ, по выраженію «N. Fr. Presse», «вьются вьюномъ, точно отъ боли въ желудкѣ», всячески стараясь избѣгать прямого отвѣта на запросы со всѣхъ сторонъ. Въ народномъ собраніи Даневъ заявилъ, что обсуждать проектъ рано: слѣдуетъ подождать, какія будутъ послѣдствія введенія реформъ. Изъ Софіи сообщаютъ, будто положеніе министерства и русофильской партіи поколеблено. Цанковисты имѣли неосторожность дать избирателямъ весьма смѣлыя обѣщанія именемъ Россіи и теперь расплачиваются за свою опрометчивость. Большинство населенія считаетъ реформы крайне ограниченными, недостаточными и главное лишенными всякихъ (?) гарантій. «Вечерняя Почта», въ статьѣ, озаглавленной «Gouverner c'est prѣvoir», требуетъ отставки Данева и предлагаетъ болгарамъ обратиться къ другимъ державамъ. Особеннымъ сочувствіемъ пользуется въ данный моментъ Франція, выказавшая въ Желтой книгѣ такую готовность идти на встрѣчу болгарскимъ вождѣльникамъ. Болѣе всего волнуются македонскіе эмигранты и ближе стоящіе къ нимъ болгарскіе круги. Болѣе серьезные дѣятели однако признаютъ, что при добросовѣстномъ и скоромъ проведеніи предложенныя реформы могутъ существенно улучшить положеніе македонскаго населенія, но довѣрія къ способности и доброй волѣ турокъ не высказываютъ.

Настроеніе въ Сербіи относительно болѣе спокойно, чѣмъ въ Болгаріи. Сербовъ особенно беспокоятъ албанцы, истребляющіе населеніе старой Сербіи. Почти вся сербская печать выражаетъ разочарованіе по поводу того, что разоруженіе албанцевъ въ проектѣ реформъ не предусмотрено.

Въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ «N. Fr. Presse» Цинцаръ Марковичъ заявилъ, «что въ русско-австрійскій проектъ включена только самая незначительная часть того, что сербское правительство считаетъ неизбежно необходимымъ и непредотвратимымъ для достиженія той же цѣли. Успѣхъ проекта будетъ зависеть всецѣло отъ энергіи и постоянства дѣйствій Россіи и Австріи. Несомнѣнно, что стоящій подъ извѣстнымъ контролемъ державъ главный инспекторъ будетъ въ состояніи достичь, если захочетъ, многого въ теченіе трехъ лѣтъ, на которые онъ назначенъ. Однако въ высшей степени желательно, чтобы были устранены явныя препятствія къ его плодотворной дѣятельности. Главному инспектору будетъ крайне трудно противодѣйствовать съ успѣхомъ дерзости совершенно дикаго вооруженнаго албанскаго населенія, противъ котораго сербы въ Старой Сербіи беззащитны. Также было бы желательно, чтобы сдѣланъ былъ дальнѣйшій шагъ въ установленіи равноправности христіанскаго населенія съ магометанами и допущено его участіе въ администраціи и въ судѣ. Наконецъ желательна полная отмѣна откупной системы въ сборѣ десятины». Словомъ, всѣ пункты проекта реформъ, по словамъ Цинцара Марковича, крайне недостаточны.

Тѣмъ не менѣе сербскій министръ-президентъ заявилъ, что, желая сохранить добрыя отношенія къ Турціи, Сербія будетъ спокойно и вполне лояльно выжидать результатовъ, предпринятыхъ Россіей и Австріей, шаговъ.

Реформы реформами, а избиеніе христіанъ въ Македоніи и старой Сербіи продолжается. Ипекскій корреспондентъ новосадской «Заставы», описывая въ самыхъ мрачныхъ краскахъ невыносимо тяжелое положеніе сербскаго народа въ Старой Сербіи, слѣдующимъ образомъ рисуетъ происходящее теперь въ европейскихъ провинціяхъ Турціи:

«Въ Старой Сербіи и Македоніи снова начала преливаться кровь. Больше не говорятъ уже о томъ или другомъ изъ отдѣльныхъ убійствъ, давно сдѣланныхъ самымъ обыкновеннымъ явленіемъ: въ настоящее время злобою дня стала общая кровопролитная борьба возставшихъ. Потухшее было пламя возстанія снова разгорѣлось. Предсказаніе, что съ первымъ весеннимъ лучемъ солнца возстаніе возобновится, сбылось.

«Несмотря на то, что турецкое войско значительно усилено, болгарскіе повстанческіе отряды появились вдругъ, точно они выросли изъ подъ земли. Появились они всюду: гдѣ въ большемъ, гдѣ въ меньшемъ количествѣ, но всё хорошо вооруженные. Между ними и турецкимъ войскомъ началась отчаянная борьба. Произошли уже серьезныя сраженія, въ большинствѣ которыхъ повстанцы оказались побѣдителями, и это, конечно, еще больше ободрило и подкрѣпило духъ повстанцевъ.

«Наряду съ этой открытой борьбой, происходящей между повстанцами и турецкимъ войскомъ, начались въ высшей степени дикія неистовства албанцевъ надъ христіанами...

«Турецкое войско, словно проголодавшееся стадо саранчи, наводнило сербскія селенія и предалось безшабашному грабежу. Беззащитную сербскую райю выгоняютъ изъ ея собственныхъ домовъ, и несчастные христіане-сербы вынуждены ночевать подъ открытымъ небомъ, между тѣмъ какъ турецкіе солдаты нѣжатся въ ихъ постеляхъ. Христіане вынуждены кормиться одними кореньями или голодать, въ то время какъ турецкіе солдаты съ жадностью истребляютъ ихъ продовольствіе.

«Гдѣ нѣтъ турецкаго солдата, тамъ доканчиваетъ его разрушительное дѣло дикій албанецъ... Не довольствуясь грабежемъ скота и посягательствомъ на честь женщинъ и дѣтей, дикій албанецъ и турокъ, въ довершеніе всего, предають огню оставшіяся голыя стѣны крестьянскихъ домиковъ и, такимъ образомъ, несчастная райя остается, въ буквальномъ смыслѣ слова, безъ хлѣба и крова. Если кто-нибудь изъ пострадавшихъ осмѣлится пожаловаться властямъ, то послѣднія принимаютъ учить его «уму-разуму», конечно, по турецкой системѣ»...

Особенно волнуется битолійскій вилайетъ. Турецкое правительство, покончивъ съ насажденіемъ тамъ реформъ, требуетъ отъ христіанскаго

населенія выраженія благодарности въ видѣ петицій и адресовъ. Населеніе отказывается подписывать подносимые ему заранѣ написанные адреса. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣло доходитъ до кровавыхъ схватокъ.

Такъ, напр., являются въ с. Велгуще, находящееся на четверть часа разстоянія отъ гор. Охрида, турецкія власти въ сопровожденіи 80 жандармовъ и солдатъ и требуютъ отъ селяковъ подписать махзаръ (адресъ); селяки отказываются. Турецкіе реформаторы настаиваютъ, но наконецъ теряютъ терпѣніе; видятъ, что съ гяурами добромъ пива не сварить, и приступаютъ къ болѣе рѣшительнымъ средствамъ, чтобы заставить неблагодарныхъ христіанскихъ собакъ выразить благодарность султану за его неисчислимыя милости. Селяки взбунтовались, схватили оружіе (а такое у нихъ вездѣ спрятано), и начинается форменное сраженіе, давшее въ результатъ около 10-ти турецкихъ труповъ и нѣсколько убитыхъ селяковъ; турки отступили. Что дальше произошло, здѣсь объ этомъ не имѣется свѣдѣній...

Еще большее столкновеніе произошло вблизи села Конскаго, расположеннаго въ живописной мѣстности на берегу Рѣсенскаго озера, въ 8—9 верстахъ отъ гор. Рѣсена. Турецкіе полицейскіе сыщики проникли здѣсь повстанческую банду (чету) изъ 10-ти человекъ, принадлежащую къ внутренней организаціи, тайно собрали изъ города Рѣсена и околныхъ селъ около 300 человекъ турокъ-жителей, съ ними окружили повстанцевъ; эти заняли позицію и вмѣстѣ съ селяками изъ сел. Конскаго начали защищаться. Цѣлый день происходила перестрѣлка, къ вечеру прислѣбла другая банда повстанцевъ; она быстро собираетъ, въ свою очередь, окрестное христіанское населеніе и окружаетъ турокъ вторымъ кольцомъ; турки очутились между двума огнями; такимъ образомъ сраженіе продолжалось 20 часовъ (съ вечера, цѣлую ночь до слѣдующаго ранняго обѣда), послѣ чего четники и христіанское населеніе разошлись; также ушли и турки. Убито и ранено турокъ около 30 человекъ, повстанцевъ и селяковъ 7—8 чел.

Въ другихъ мѣстностяхъ турецкія власти продолжаютъ искать оружіе, при этомъ жандармы и солдаты убиваютъ, грабятъ, бьютъ населеніе, безчестятъ женщинъ; въ особенности много безчинствуютъ въ Друшайскихъ селахъ и въ Разложскихъ.

Ни Болгарія, ни Сербія не довѣряютъ турецкому правительству, что оно искренно и честно желаетъ проведенія предложенныхъ Россіей и Австріей реформъ въ Македоніи. Ему даже не довѣряютъ тогда, когда оно по своей инициативѣ проводитъ реформы въ тѣхъ округахъ, которые не предусмотрены австро-русскимъ проектомъ реформъ.

«Какъ извѣстно, — говоритъ «Indépendance Roumaine», — программа реформъ, разработанная Австро-Венгерією и Россією, должна быть примѣнена лишь въ македонскихъ вилайетахъ: солунскомъ, монастырскомъ и

коссовскомъ. Эта привилегія дается населенію лишь трехъ вилайетовъ въ то время, какъ другія области Европейской Турціи по прежнему будутъ страдать подъ нестерпимымъ гнетомъ прежняго режима».

Сознавая все неудобство такой несправедливости, султанъ рѣшилъ, по собственной инициативѣ, распространить реформы еще и на адрианопольскій, скутарійскій и янинскій вилайеты. Слѣдовало ожидать, что столь великодушное рѣшеніе встрѣтитъ въ Европѣ восторженный приемъ. Случилось, однако, наоборотъ: печать, особенно французская, не довѣряетъ намѣреніямъ султана и видитъ въ нихъ западню; она увѣряетъ, будто султанъ приказалъ ввести реформы въ адрианопольскомъ, скутарійскомъ и янинскомъ вилайетахъ, прекрасно зная, что албанцы никогда не позволятъ христіанамъ принять участие въ управленіи краемъ, что они скорѣе возстанутъ, чѣмъ допустить преобразование жандармеріи на основаніи австро-русской программы. Возстаніе албанцевъ вызвало бы, очевидно, рядъ внутреннихъ осложненій, при которыхъ введеніе реформъ стало бы невысказаннымъ и откладывалось бы со дня на день, пока, наконецъ, ни въ Македоніи, ни въ Албаніи ничего бы не было измѣнено.

Но разсуждать такимъ образомъ—значитъ клеветать на султана, что въ настоящее время ничѣмъ не оправдывается. Если вводимыя по совѣту и настоянію державъ реформы могутъ дать хорошіе результаты въ Македоніи, то непонятно, почему онѣ не приведутъ къ такимъ же счастливымъ послѣдствіямъ въ другихъ провинціяхъ турецкой имперіи, гдѣ администрація неудовлетворительна.

Негодуютъ на турковъ, когда они упрямо отказываются вводить какія бы то ни было реформы, и опять недовольны ими, когда они уступаютъ во всемъ и являются великодушнѣе даже, чѣмъ могли ожидать!

Но не одни христіане Македоніи и старой Сербіи не довѣряютъ Турціи. Ихъ этому научилъ историческій многовѣковой опытъ. Отоманское правительство обыкновенно на словахъ и на бумагѣ обѣщаетъ очень многое, но на дѣлѣ ничего изъ обѣщаннаго не исполняетъ. Сотрудникъ бѣлградской «Штампы» передаетъ любопытную бесѣду съ однимъ интеллигентнымъ туркомъ по поводу македонскихъ реформъ:

«Чего вы требуете?—воскликнулъ турокъ.—Вы требуете, чтобы вамъ дали свободу и права, которыми пользуются граждане цивилизованныхъ государствъ? Но если мы, турки, сдѣлаемъ это, развѣ тѣмъ самымъ мы собственноручно не подпишемъ смертный себѣ приговоръ? Образованный и интеллигентный сербъ никогда не сдѣлается турецкимъ патриотомъ, а всегда будетъ стремиться къ объединенію съ независимыми сербскими государствами... А что будетъ съ нами, когда у всѣхъ принявшихъ исламъ христіанъ, которыхъ связываетъ съ нами теперь только одна религія, просветится національное самосознаніе? Исламъ и Турція — синонимы; одно безъ другого не можетъ существовать въ Европѣ. Чисто

турецкій элементъ, на которомъ могло бы держаться турецкое государство, исчезъ еще въ XV вѣкѣ, и еслибы не та новая струя, которую принесли съ собою принявшіе магометанство христіане, давно пропалъ бы и самый слѣдъ европейской Турціи. Нынѣшнюю Турцію создали не турки—братья по крови, но магометане—братья по вѣрѣ... Вотъ почему мы будемъ существовать въ своемъ государствѣ только до тѣхъ поръ, пока насъ будетъ объединять вѣра и пока эта вѣра будетъ служить выраженіемъ національности. Когда всему настанетъ конецъ, когда у серба-магометанина проснется національное чувство, тогда Турція погибнетъ. Вотъ почему мы никогда не допустимъ, чтобы народъ просвѣщался и развивалъ свое національное самосознаніе: вѣдь въ этомъ — наша смерть! Развѣ оккупационное правительство Босніи и Герцоговины не поступаетъ точно такъ же, какъ и мы, хотя оно и мнитъ себя представителемъ образцоваго, цивилизованнаго государства? Развѣ вы не видите, что это правительство всячески поддерживаетъ понятіе о національности по вѣроисповѣданію и что оно боится объединенія сербскаго элемента христіанскаго и магометанскаго вѣроисповѣданій? Развѣ вы не видите, какъ оккупационное правительство явно извращаетъ истину, утверждая, что босніецъ не сербъ, т. е. иными словами, что сербъ — не сербъ?.. Мы, турки, по крайней мѣрѣ, не запрещаемъ православнымъ сербамъ называться сербами, а магометане, слава Богу, считаютъ величайшимъ оскорбленіемъ для себя, если кто-нибудь скажетъ имъ, что они отуреченные сербы. Вообще, вамъ, сербамъ, нельзя и не должно давать того, чего вы требуете. Необходимо, чтобы васъ еще больше угнетали и унижали: только тогда вы сдѣлаетесь послушной райей. Вотъ почему намъ нѣтъ ни малѣйшаго расчета вводить какія бы то ни было реформы, хотя у насъ, у турокъ, хватило бы и силы, и авторитета, чтобы ввести эти реформы»...

Можетъ быть, Турція скорѣе и лучше выполнила предложенныя ей Россіей и Австріей проекты реформъ, еслибы она видѣла, что Европа, вся, искренно желаетъ реформъ. На самомъ же дѣлѣ этого единенія нѣтъ. Германская печать нашла нужнымъ облечься въ тогу туркофильства, доказывая, «что въ несчастной Македоніи ничего особеннаго не происходитъ, а Болгарія, которой очень хочется воевать съ Турціей, старается вовлечь въ эту войну европейскія державы».

Официальная и хорошо освѣдомленная газета «Kölnische Zeitung» на дняхъ обратилась къ Европѣ съ слѣдующими словами:

«Протестъ противъ турецкихъ вооруженій, съ которымъ обратилась Болгарія къ европейскимъ правительствамъ, не заслуживаетъ никакого вниманія; въ немъ можно видѣть только попытку оправдать частичную мобилизацію, къ которой приступила сама Болгарія. Въ немалой мѣрѣ отвѣтственность за нынѣшнее острое положеніе падаетъ на европейскую

дипломатію, содѣйствованшую усиленію всеобщей тревоги своими грозными заявленіями. Въ официальныхъ нотахъ то и дѣло повторялись фразы о всеобщемъ возстаніи, которое вотъ-вотъ вспыхнетъ въ Македоніи, и, однако, теперь доказано, что подобное возстаніе совершенно невозможно и немыслимо. Конечно, бродячія шайки могутъ въ томъ или другомъ округѣ македонской провинціи начать партизанскую войну, но съ ними турецкое правительство живо справится при помощи военной силы, къ которой оно, въ сущности, до сихъ поръ еще не прибѣгло. Ни греки, ни румыны, ни сербы не явятся на помощь Болгаріи, которую они всѣ глубоко ненавидятъ. Все это хорошо знаютъ профессиональные революціонеры, и вотъ почему они неустанно вопіютъ о турецкихъ жестокостяхъ: имъ нужно вызвать въ Европѣ взрывъ негодованія противъ Турціи, имъ нужно повторить то, что происходило въ 1876 году. Всѣ эти извѣстія о жестокостяхъ—сплошная ложь, хотя несомнѣнно, что турецкіе жандармы и вообще мусульмане расправляются съ виновниками беспорядковъ. Въ моментъ, когда въ Македоніи вводятся реформы, весьма важно избѣгать всего, что могло бы подвергнуть опасности тысячи жизней и вызвать серьезные осложненія въ Европѣ».

Такого же почти мнѣнія на македонскій вопросъ придерживаются всѣ германскіе офиціозы. Другого мнѣнія отъ нихъ и трудно ожидать. Германія—другъ Турціи; германскій императоръ уже не разъ предъ лицомъ всего міра громко говорилъ о своей дружбѣ съ турецкимъ султаномъ. За эту дружбу германскую, правда, Турціи приходится дорого платить. Но въ Ильдизъ-Кіоскѣ на это не обращаютъ вниманія. Такъ заняты только сегодняшнимъ днемъ, а что завтра будетъ, ихъ не интересуетъ. За свою дружбу Германія получила отъ Турціи Багдадскую желѣзную дорогу, а съ нею вмѣстѣ и право на эксплуатацію богатствъ Малой Азіи. Германія все больше и больше забираетъ въ свои лапы Турцію. Поэтому неудивительно, что германская офиціозная пресса туркофильствуетъ и высказывается противъ сербовъ и болгарь. Отъ Турціи она уже получила за свою дружбу очень много и въ будущемъ на многое можетъ рассчитывать. А что ей могутъ дать сербы и болгары? Даже нѣкоторые англійскіе органы, которые трудно заподозрить въ особенныхъ симпатіяхъ къ славянамъ, высказываются сочувственно къ проекту реформъ, предложенныхъ Россіей и Австріей.

Лондонская «Daily Mail» въ отвѣтъ рейнскому офиціозу вотъ что пишетъ:

«Кого хотятъ обмануть подобными заявленіями и зачѣмъ вообще это систематическое извращеніе правды? Если бы въ Македоніи дѣло такъ именно обстояло, если бы тамъ, кромѣ бродячихъ шайкъ, ничто не угрожало миру, то для какой цѣли двѣ великія державы, поддержанныя всѣми другими, взяли-бы именно теперь за разрѣшеніе македонскаго вопроса. Развѣ въ Петербургѣ, Вѣнѣ, Парижѣ и Лондонѣ руководящіе и политиче-

скіе круги хуже освѣдомлены, чѣмъ въ редакціяхъ иныхъ нѣмецкихъ газетъ? Вездѣ во всей Европѣ твердятъ одно и то же, указываютъ на одинъ и тотъ же фактъ, на паразитальное сходство нынѣшняго положенія съ тѣмъ, которое въ 1876 году привело къ войнѣ. Въ русскомъ правительственномъ сообщеніи, въ «Желтой книгѣ» французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, наконецъ, въ рѣчахъ министровъ и отвѣтственныхъ дипломатовъ указываютъ на опасность возстанія въ Македоніи, не скрываютъ, что движеніе въ этой провинціи никогда не принимало столь ужасающихъ размѣровъ, какъ на этотъ разъ; для однихъ лишь нѣмецкихъ офицеровъ никакой опасности нѣтъ, они не видятъ ничего, кромѣ «бродячихъ шаекъ», нагнавшихъ страхъ на всю Европу и одурачившихъ ее.

Французская печать, по поводу событій, происходящихъ въ настоящее время на Балканскомъ полуостровѣ, также придерживается взгляда, совершенно противоположнаго тому, что говорятъ германскіе офицеры. О мобилизаціи турецкой арміи говоритъ вся французская министерская печать. По словамъ французскихъ газетъ, въ Македонію недавно прибыли 14 турецкихъ батальоновъ и сверхъ того мобилизуются 2-й и 3-й армейскіе корпуса, главные квартиры которыхъ находятся въ Адриано-полѣ, Солоникахъ и Монастырѣ.

«Не слѣдуетъ упускать изъ виду, — говоритъ по этому поводу «Temps», — что, создавъ подъ знамена одни лишь резервы двухъ армейскихъ корпусовъ, Турція получаетъ въ свое распоряженіе 128 батальоновъ редифовъ; все это — выходцы изъ Малой Азіи, мусульмане, народъ фанатизированный, ненавидящій христіанъ... Мы знаемъ, что въ Константинополѣ въ военномъ министерствѣ, подъ предѣлательствомъ Ризы-паши, ежедневно происходятъ военныя совѣщанія, точно Турція въ самомъ дѣлѣ находится наканунѣ войны. Не только Эдхемъ-паша, начальникъ главнаго штаба, но всѣ командиры армейскихъ корпусовъ, расположенныхъ въ европейской Турціи, находятся въ постоянномъ непосредственномъ общеніи съ султанскимъ дворцомъ. Словомъ, мы чувствуемъ, что надъ Македоніей и надъ Балканскимъ полуостровомъ пронесется страшный циклонъ; мы знаемъ, что на прошлой недѣлѣ турецкимъ адмиралтействомъ получены инструкціи относительно заготовки транспортныхъ средствъ, рассчитанныхъ на 300 тысячъ человекъ».

Странное извѣстіе сообщаетъ «Београдске Новине» о роли австрійскихъ агентовъ въ Македоніи. Въ эту газету телеграфируютъ изъ Скопья, что австрійскіе агенты, теперь, больше чѣмъ когда-либо, подстрекають албанцевъ къ тому, чтобы они не подчинялись объявленнымъ реформамъ. Эти агенты заставляютъ албанцевъ подписывать меморандумъ, который будетъ представленъ султану и европейскимъ державамъ и въ которомъ заявляется, что албанцы довольны своимъ положеніемъ и не нуждаются ни въ какихъ реформахъ.

«Београдске Новине», сообщившее это извѣстіе — австрофильскій органъ... «Что сей сонъ значить»?.. Неужели Австрія ведетъ двойную игру?..

Въ Венгріи по македонскому вопросу также разыгралась парламентская интермедія. Тамъ г. Шеллю пришлось держать отвѣтъ на запросъ депутата крайней лѣвой, г. Шавольскаго, который пожелалъ узнать, состоялись ли въ Вѣнѣ, во время пребыванія тамъ графа Ламздорфа, какія-либо соглашения, измѣняющія русско-австрійское соглашение, состоявшееся въ Петербургѣ весной 1897 г., и если такового измѣненія не произошло, то «какъ согласовать предпріятыя въ послѣднее время опасныя для неприкосновенности Турціи агитаціи и возстанія съ упомянутымъ петербургскимъ соглашеніемъ, цѣль котораго состояла именно въ охраненіи неприкосновенности турецкаго верховенства?». Г. Шавольскій, судя по фамиліи—полякъ, опасается, чтобы Австро-Венгрія не попалась въ ловушку, содѣйствуя Россіи въ достиженіи ея плановъ и довольствуясь, со своей стороны, вознагражденіемъ въ видѣ такой чечевичной похлебки, какою представлялась въ 1877 г. оккупация Босніи и Герцеговины.

Извѣстія о положеніи дѣлъ въ Китаѣ становятся все болѣе и болѣе тревожными. Китайскимъ большимъ кулакамъ европейскія газеты снова принуждены удѣлять много мѣста на своихъ столбцахъ. Ранѣе ходили слухи о мятежѣ, подготовленномъ Дунъ Фу-Сіаномъ и принцемъ Туаномъ, а теперь начинаютъ уже говорить объ одномъ возстаніи противъ иностранцевъ, тайно поощряемомъ будто бы самимъ китайскимъ правительствомъ въ лицѣ императрицы-регентши и ея ближайшихъ совѣтниковъ. Въ «Memorial Diplomatique» появилось сообщеніе, что китайскіе военные отряды, общій численный составъ которыхъ доходитъ до 6,000 человекъ и которые были набраны съ удивительной быстротой, займутъ всѣ важныя стратегическіе пункты на сѣверо-востокѣ отъ Пекина.

Эти китайскія войска обучаются по европейски и снабжаются ружьями новѣйшаго образца.

Форты на морскомъ побережьи и на рѣкахъ инспектируются и вооружаются.

Лондонскія газеты печатаютъ частныя сообщенія изъ Пекина, Шанхая и Тянь-Дзиня о быстромъ ростѣ боксерскаго движенія въ среднихъ и южныхъ провинціяхъ Китая. Сильное впечатлѣніе въ Англіи и на материкѣ Европы произвело письмо тяньдзинскаго корреспондента «Standard». Если вѣрить извѣстіямъ названнаго лондонскаго офиціоза, державы, соперничающія на Дальнемъ Востокѣ, находятся наканунѣ новыхъ осложненій, по сравненію съ которыми событія 1900 г. должны быть признаны идилліей.

Въ дополненіе къ сообщенію «Standard» приводимъ телеграмму «New-York-Herald» изъ С.-Франциско.

„Д-ръ Робертъ Кольманъ, который долгое время былъ личнымъ врачомъ Ли-Хун-Чанга и врачомъ при китайскомъ императорскомъ дворѣ въ Пекинѣ, только что прибылъ изъ Китая въ С.-Франциско.

Она заявляет, что въ Китаѣ неминуемо и въ очень скоромъ времени разразится новое возстаніе противъ иностранцевъ, послѣдствія котораго будутъ ужасны.

Китайскій императорскій дворъ или, вѣрнѣе, всесильные въ немъ китайская императрица-регентша и Юнгъ-Лу подготавливаютъ это возстаніе, подобно тому какъ подготавливали они и прежнее возстаніе 1900 года. Они считаютъ новое возстаніе необходимымъ и единственнымъ способомъ «для спасенія своего лица».

Если даже это «спасеніе лица» будетъ угрожать имъ потерей власти или жизни, то и въ такомъ случаѣ они не откажутся отъ своихъ замысловъ. «Спасти свое лицо» они могутъ, лишь уничтоживъ въ Пекинѣ новый вооруженный кварталъ иностранныхъ посольствъ.

У иностранныхъ союзниковъ былъ удобный моментъ для удаленія съ трона въ Китаѣ манчжурской династїи, причемъ, они могли-бы, также съ хорошими результатами, возвратить власть и благонамѣренному юному императору.

Они, союзники, не сдѣлали тогда ничего подобнаго, а допустили возвратиться въ Пекинъ вѣроломную императрицу-мать и ея главнаго министра Юнгъ-Лу, какъ побѣдителей, съ триумфомъ и пышными церемонїями, и опять начать, и въ болѣе широкихъ размѣрахъ, козни противъ иностранцевъ.

Та легкость, съ какой китайскій императрицѣ удалось избавиться отъ смертной казни главныхъ вождей возстанія 1900 года, добрыя услуги С.-А. Соединенныхъ Штатовъ въ пользу уменьшенія потребованнаго державами отъ Китая военнаго вознагражденія и наконецъ недавнее согласіе С.-А. Соединенныхъ Штатовъ получать вознагражденіе по серебрянной валютѣ вмѣсто золотой, вопреки условїямъ мирнаго протокола, все это лишь ускорило наступленіе смуты, которая въ противномъ случаѣ назрѣвала-бы много медленнѣе послѣ событїй 1900 года.

Всѣ китайскіе торговые классы населенія въ портовыхъ городахъ и многія молодяія китайскія административныя лица не сочувствуютъ подготовленію возстанія противъ иностранцевъ, но императрица-регентша не слушается никакихъ совѣтовъ, несогласныхъ съ ея замыслами, а кромѣ того примѣръ обезглавленія, по ея приказу, Хсу-Чин-Ченга, Ян-Хуана и Джуан-Чанла, прогрессивныхъ и дѣльныхъ министровъ, въ 1900 году за совѣты, несогласные съ мнѣніемъ Юнгъ-Лу, терроризуетъ теперь всѣхъ китайскихъ сановниковъ, дружественно настроенныхъ по отношенію къ иностранцамъ.

Если существующее положеніе въ Китаѣ не будетъ измѣнено, то намъ слѣдуетъ ожидать близкаго возстанія съ ужасами, которые превзойдутъ то, что было въ 1900 году, потому что теперь возстаніе вспыхнетъ въ болѣе широкомъ районѣ, и никто, исповѣдующій христіанскую религію или находящійся въ близкихъ сношенїяхъ съ иностранцами, не будетъ пощаженъ».

Подобныя извѣстія не могутъ не внушать самой сильной тревоги всѣмъ заинтересованнымъ въ сохраненїи мира на Дальнемъ Востокѣ, а въ особенности намъ, какъ непосредственнымъ сосѣдямъ Китая, на которыхъ всего чувствительнѣе отражаются всякія неурядицы въ Поднебесной имперїи.

Еслибы эти тревожныя извѣстія объ опасности, угрожающей чужестранцамъ въ Срединной имперїи, исходили исключительно изъ англій-

ских источниковъ, то къ нимъ позволительно было бы относиться съ большимъ скептицизмомъ. Въ сожалѣнію, объ этой опасности говорить въ Парижѣ, въ Вашингтонѣ, въ Берлинѣ и другихъ городахъ. Въ свою очередь русскія газеты, издающіяся въ Портъ-Артурѣ и Владивостокѣ, неустанно въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ говорятъ о дѣятельности принца Туана, Дуи-Фу-Сіана и др. вождей боксерскаго движенія. Правительственныя войска, посылаемыя вице-королями для усмиренія боксеровъ, то и дѣло присоединяются къ бунтовщикамъ, въ большинствѣ случаевъ прекрасно вооруженныхъ. О боевой готовности китайскихъ большихъ кулаковъ заботятся бельгійцы и нѣмцы, доставляющіе въ Китай ружья новѣйшей системы, контрабанднымъ путемъ, вопреки пекинскаго мирнаго протокола. Эта торговля, надняхъ съ авторитетной стороны названная «самоубійствомъ по комерческому способу», несомнѣнно, даетъ громадные барыши.

Необходимо, чтобы событія не застали насъ врасплохъ, необходимо теперь же принять серьезныя мѣры.

Изъ донесеній китайскаго миссіонера въ Сы-Чуанѣ, Гебриана, французскому посланнику въ Пекинѣ «Bullet. du Comité de l'Asie Française» приводятся слѣдующія выдержки:

Мятежное движеніе въ той области стоило уже жизни двумъ-тремъ тысячамъ китайцевъ-христіанъ. 5,000—6,000 китайцевъ-католиковъ совершенно разорены и лишены крова. Понесенные ими убытки достигаютъ нѣсколькихъ милліоновъ франковъ. Власти безсильны подавить движеніе, и есть основаніе предполагать, что онѣ потворствуютъ мятежникамъ. Всѣ либеральныя мандарины отставлены отъ должности и замѣнены ненавистниками иностранцевъ. Въ числѣ послѣднихъ находится даотай южнаго Сычуана, принимавшій дѣятельное участіе въ избиеніи христіанъ 1898—1899 гг. Хотя «Священный» указъ строго воспрещаетъ образованіе тайныхъ обществъ; тѣмъ не менѣе, ихъ въ Китаѣ очень много и у всѣхъ одинъ общій девизъ: «смерть иностранцамъ». Для обмѣна мыслей члены каждаго общества имѣютъ свой условный языкъ, на которомъ могутъ объясняться въ присутствіи постороннихъ. безъ всякаго риска быть заподозренными въ чемъ-нибудь. Въ снабженіи мятежниковъ оружіемъ и боевыми припасами нѣтъ никакихъ затрудненій. Общее возстаніе весною въ южномъ Китаѣ съ ужасными для христіанъ послѣдствіями можно считать несомнѣннымъ.

Этотъ же органъ извлекъ ихъ доклада англійскаго миссіонера въ Шанхаѣ, Гильберта Вальша, слѣдующія выдержки:

«Ошибается, кто думаетъ, будто въ Китаѣ проявляется серьезное стремленіе вступить на путь прогресса. Самъ императоръ, дѣйствительно, достаточно проникнутъ либеральными идеями въ смыслѣ преобразованія Китая на европейскій ладъ. Но его доброе желаніе наталкивается на

враждебность къ европеизму со стороны мандариновъ. Такъ, напр., императоръ издалъ эдиктъ объ открытіи въ провинціяхъ низшихъ и среднихъ школъ съ европейскою программю, а также университетовъ. Но мандарины, воспользовавшись особенностью китайскаго языка, не дѣлающаго различія между формами единственнаго и множественнаго чиселъ, умышленно исказили смыслъ эдикта, открывъ въ каждой провинціи по одной низшей и одной средней школѣ. А вмѣсто основанія университетовъ, мандарины дали громкое названіе существовавшимъ китайскимъ училищамъ, переименовавъ ихъ въ «храмы китайскаго и европейскаго просвѣщенія», и оставивъ всю систему китайскаго рутиннаго образованія безъ всякаго измѣненія. Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ даже воспретили употребленіе выраженій: «пять частей свѣта, международное право и пр.», считая оскорбительнымъ подведеніе китайцевъ подъ общій съ иностранцами уровень и причисленіе Китая къ какой-либо части свѣта. Назначеніе миссіонеровъ преподавателями въ высшихъ китайскихъ училищахъ, согласно требованію императора, также не было принято мандаринами и китайскими педагогами. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ императору они заявили, что какого бы миссіонера ни приняли преподавателемъ въ китайскомъ училищѣ, кромѣ совращенія обучающихся съ пути истины, онъ ихъ ничему другому не научить».

Caveant consules!..

На политическомъ горизонтѣ замѣчается стремленіе къ образованію новыхъ группъ союзовъ. Время—лучшій врачъ. Оно залѣчиваетъ самыя тяжелыя и глубокія раны. Испѣлило оно и ту глубокую рану, которая нанесла Германія Франціи, отрѣзавъ отъ нея послѣ неудачной для нея франко-прусской войны двѣ провинціи: Эльзасъ и Лотарингію. Казалось, что французы никогда не забудутъ этой раны, и время не явится ея врачомъ.

Но на дѣлѣ выходитъ иное. Идея отмщенія, реванша, въ сердцахъ французовъ постепенно ослабѣваетъ подъ вліяніемъ различныхъ причинъ. Правда, идею реванша иногда бряцаютъ, но въ сознаніи политическихъ дѣятелей и народа она постепенно гаснетъ.

Многіе политическіе дѣятели не стѣсняясь говорятъ о сближеніи съ Германіей. Въ Германіи замѣчается приблизительно подобное же движеніе. Идея Бисмарка объ окончательномъ разгромѣ Франціи начинаетъ отходить въ область преданій. Пренебрежительное отношеніе къ французскому народу исчезло.

Личныя отношенія между правителями Франціи и Германіи установились очень хорошія. Бывшій французскій министръ-президентъ Вальдекъ-Руссо посѣтилъ берлинскій дворъ и былъ принятъ императоромъ Вильгельмомъ очень хорошо.

Франція идетъ рука объ руку съ Германіей въ Турціи, особенно въ постройкѣ Багдадской ж. д. Экономическіе интересы заглушаютъ политику, а нужно согласиться, что общность экономическихъ интересовъ германскаго и французскаго народовъ не подлежатъ болѣе сомнѣнію.

Во Франціи нѣкоторые политическіе дѣятели открыто заговорили о союзѣ съ Германіей: одни о двойственномъ—Франція и Германія, а другіе— о тройственномъ, со включеніемъ въ него и Россіи.

Слухи о примиреніи Франціи съ Германіей—это не болѣе какъ первая ласточка, которая хотя и не дѣлаетъ весны, но тѣмъ не менѣе указываетъ на извѣстныя перемены и новыя теченія въ воздухѣ.

Новое теченіе замѣтно во Франціи и по отношенію къ Англіи.

4 марта нов. ст. французскій посоль въ Лондонѣ Камбонъ на ежегодномъ банкетѣ «Ассоціаціи торговыхъ палатъ Соединеннаго Королевства» сказалъ рѣчь объ отношеніяхъ Франціи къ Англіи. Предсѣдатель банкета лордъ Эвбюри сказалъ по-французски, что Англію и Францію соединяютъ сердечныя отношенія. Англійскіе и французскіе солдаты бокъ о бокъ сражались въ Крыму (т. е. противъ русскихъ) и въ Китаѣ. Обѣ націи стремятся къ одинаковымъ цѣлямъ, а именно къ сохраненію мира, и т. п.

Камбонъ, благодаря лорда Эвбюри за любезность, что рѣчь была произнесена по-французски, съ своей стороны сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Вполнѣ истинно, что я считаю первымъ своимъ долгомъ—работать въ цѣляхъ развитія добрыхъ отношеній между нашими странами.

Не одна только Англія, но также и Франція заинтересована въ томъ, чтобы существовали эти добрыя отношенія, чтобы оказывалось взаимное финансовое, торговое и промышленное содѣйствіе.

Въ этомъ заинтересованъ весь міръ и было бы посягательствомъ на самый прогрессъ всякое стараніе отстранить одну отъ другой эти двѣ великія націи, которыя такъ часто соединялись для того, чтобы дать въ мірѣ побѣду принципамъ справедливости и свободы.

Вы представляете самыя живыя и настоятельныя интересы Великобританіи и вы знаете лучше, чѣмъ кто-либо, какую ужасную пертурбацію въ дѣлахъ всего земнаго шара создало-бы возникновеніе разлада между англійской и французской націями. Все въ меньшей и меньшей степени націи руководятся вопросами самолюбія и вопросами династическаго честолюбія. Все менѣе и менѣе націи выказываютъ расположеніе къ авантюрамъ. Онѣ знаютъ, какія могутъ быть потери, но не предвидятъ выгоды.

Онѣ чувствуютъ, что необходимы одна другой, и съ каждымъ днемъ становится все замѣтнѣе и замѣтнѣе стремленіе къ союзу въ цѣляхъ осуществленія великихъ предпріятій.

Между Франціей и Англіей я, право, не усматриваю существованія никакого серьезнаго вопроса, который могъ-бы ихъ поссорить, и напротивъ вижу весьма значительныя интересы, которые могутъ и должны соединить ихъ. Наши торговли и наши промышленности не конкурируютъ одна съ другой, такъ какъ предметы производства различны, а наши финансовыя рынки одинъ безъ другого испытали бы величайшія затрудненія.

Таковы истины, которыя известны всѣмъ въ дѣловомъ мѣрѣ и которыя слѣдуетъ какъ можно чаще ставить на видъ общественному мнѣнію въ моменты его заблужденія. Мы, Франція и Англія, другъ другу нужны. У насъ нѣтъ никакихъ серьезныхъ поводовъ къ несогласіямъ, и мы всегда должны стремиться къ соглашенію нашихъ интересовъ и должны проникаться взаимнымъ уваженіемъ, какъ подобаешь двумъ великимъ націямъ.

Я очень счастливъ тѣмъ, что представился здѣсь случай привѣтствовать вашего предсѣдателя, лорда Эвбюри, который принадлежитъ къ числу самыхъ убѣжденныхъ и ревностныхъ поборниковъ сближенія Франціи и Англіи, и подымая въ честь его бокалъ, пью за сохраненіе и развитіе добрыхъ отношеній между нашими отечествами».

Для насъ русскихъ эта рѣчь французскаго посла г. Камбона, является безтактной. Неужели онъ не замѣтилъ безтактнаго историческаго воспоминанія лорда Эвбюри о томъ, какъ «англійскіе солдаты бою о боку сражались въ Крыму», т. е. противъ Россіи, которая, вѣдь, теперь является союзницей Франціи...

«Миръ только тогда будетъ прочнымъ, когда всѣ значительныя государства въ Европѣ раздѣлятся на группы союзовъ», пишетъ въ «Nineteenth Century» Деметріусъ Бульжеръ.

Пока существуютъ только два союза — франко-русскій и тройственный, но вѣроятно другія государства постепенно, когда война станетъ, особенно для небольшихъ странъ, почти невозможной или во всякомъ случаѣ слишкомъ разорительной, примкнутъ къ этимъ двумъ группамъ государствъ. Такими вѣроятными нашими союзниками Бульжеръ считаетъ Голландію и Бельгію, и сильнымъ толчкомъ къ этому онъ признаетъ англо-бургскую войну, которая показала, что, какъ бы отчаянно ни бился слабый съ сильнымъ, побѣда остается всегда на сторонѣ сильнаго. Поэтому-то бургская пропаганда и имѣла такой успѣхъ у двухъ сосѣднихъ государствъ.

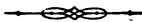
Бельгійцы и голландцы видѣли, какъ двѣ маленькія республики были поглощены Англіей. Ихъ географическое положеніе между Франціей и Германіей еще болѣе дѣлаетъ вѣроятнымъ подобное предположеніе. Своими силами защититъ себя противъ натиска этихъ могущественныхъ государствъ онъ не можетъ, и имъ волей неволей придется примкнуть къ какому либо союзу — тройственному или двойственному.

По мнѣнію Бульжера, эти государства должны скорѣе примкнуть къ двойственному союзу и вотъ почему: Франція не опасна Голландіи, по своей малой наклонности къ имперіалистической политикѣ, между тѣмъ какъ Германія съ ея колониальной политикой является для нея очень опасной. — «Ни одинъ человекъ, — говоритъ Бульжеръ, — который былъ въ Голландіи и разсуждалъ о политикѣ, не можетъ сомнѣваться въ направленіи голландской политики отъ Германіи къ Франціи». — Въ Бельгіи еще болѣе замѣтно теченіе къ Франціи. Нѣмцевъ въ Бельгіи боятся и не любятъ. Притомъ Бельгія очень сильно заинтересована Россіей, ея рѣками и ея богатствами.

По мнѣнію Бульжера, должна существовать такая политическая комбинація: Россія—Голландія—Бельгія и Франція, охватывающая германскія границы почти съ трехъ фланговъ. Эта комбинація заставитъ Германію сильно разочароваться въ возможности какихъ либо захватовъ, мирныхъ или съ помощью военной силы.

Франція, какъ одна изъ богатѣйшихъ странъ въ Европѣ, обыкновенно заключала свой бюджетный годъ блестяще. Но за послѣднія 4—5 лѣтъ положеніе дѣлъ измѣнилось, и мы видимъ, что эта богатая страна стала заключать бюджетъ дефицитами. Послѣдній отчетъ, недавно представленный палатѣ депутатовъ, съ точностью устанавливаетъ, что за истекшій годъ противъ смѣтныхъ назначеній получился недоборъ въ 88 мил. фр., хотя, по сравненію съ данными 1902 г., поступления дали увеличеніе въ 21,5 мил. фр. До сихъ поръ господствовало убѣжденіе, что плохое состояніе французскихъ финансовъ обусловливается исключительно пониженіемъ доходности налоговъ, въ зависимости отъ значительнаго кризиса и неподвижной численности населенія. Но съ этимъ едва ли можно согласиться. Конечно, промышленный кризисъ не могъ не отразиться на карманахъ французовъ. Но, по нашему мнѣнію, тутъ замѣшаны болѣе серьезныя причины. Здѣсь видно вліяніе евреевъ, того дрейфусизма, которыя потрясли Францію и отвлекли ее вниманіе отъ промышленной и коммерческой дѣятельности. Занявшись Дрейфусомъ, французскій народъ незамѣтно для себя сталъ сходить съ пути экономическаго и коммерческаго первенства между европейскими народами, сталъ понемногу терять промышленные и торговые рынки.

По нашему мнѣнію, это одна изъ главныхъ причинъ дефицитовъ во французскомъ бюджетѣ.

НОВЫЯ КНИГИ.

А. Смѣрягинъ. Интеллигенція и народъ. Спб. 1903 г.

Предъ вами болѣе чѣмъ интересная книга. Авторомъ ея высказано много горькихъ истинъ и справедливыхъ упрековъ по адресу русскаго народа и русскоѣ интеллигенціи.

На основаніи опубликованныхъ въ свое время фактовъ и извѣстій въ періодической прессѣ, авторъ нарисовалъ печальную картину разложенія русскаго народа, гніенія деревни и развращенія интеллигенціи. Картина, нарисованная авторомъ, очень печальна. И нельзя не сказать, чтобы она не отвѣчала дѣйствительности. Можетъ быть, краски сгущены; можетъ быть, картина деревенской жизни нарисована на специально

подготовленномъ темномъ фонѣ... Нѣтъ, и этого нельзя сказать. Авторъ вполне добросовѣстно пользуется находящимся въ его рукахъ матеріаломъ. Онъ не утрируетъ, не сгущаетъ краски.

«Многіе думаютъ,—говоритъ г. Смиргинъ,—что русскіе интеллигенты стоятъ неизмѣримо выше народа и въ умственномъ, и въ нравственномъ, и въ религіозномъ отношеніяхъ и отъ души желаютъ успѣха ихъ просвѣтительной дѣятельности. Что же въ дѣйствительности представляетъ собою наша интеллигенція, какъ она живетъ, каковыя ея вѣрованія и убѣжденія?»..

Въ жизни интеллигентныхъ людей всюду нравственный и религіозный упадокъ, нравственная пустота, скука и недовольство своимъ положеніемъ. Громадное большинство нашего образованнаго общества совсѣмъ забыло цѣль земной жизни—достиженіе царства небеснаго, и потому свободное отъ занятій время проводятъ не въ церкви и дѣлахъ благочестія, а въ театрахъ и клубахъ, карточной игрѣ, за бутылкой вина. Всюду поклоненіе золотому тельцу, погоня за наживой, удовольствіями и тысячными окладами жалованья. Въмѣсто принципа христіанской любви къ Богу и ближнимъ и торжества идеи братства во Христѣ, укрѣпляется азычскій принципъ «борьбы за существованіе», угнетеніе и приниженіе ближняго—и все это болышею частью подъ прикрытіемъ громкихъ фразъ о свободѣ, равенствѣ и братствѣ людей. Почти вездѣ обманъ, ложь и фальсификація не только вещей и предметовъ, но даже и чувствъ. Видимое пороку благочестіе—нерѣдко напускное фарисейство».

Вотъ какими красками авторъ характеризуетъ русскую интеллигенцію. Нельзя сказать, чтобы эта характеристика была преувеличена и не отвѣчала дѣйствительности.

«Громкія слова о благѣ народномъ въ устахъ нашей интеллигенціи, говоритъ онъ, лишь красивая, модная вывѣска, а на самомъ дѣлѣ большинство ихъ, какъ гробы, окрашенные снаружи, внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты. Прекрасной иллюстраціей можетъ служить результатъ опроса докторомъ Порошинымъ въ Казани 67 падшихъ дѣвушекъ. Получились такія данныя объ развращеніи: 36 т. е., болѣе половины, были развращены до 17 лѣтъ, 4—въ 12 лѣтъ, 4—въ 13 лѣтъ, 4—въ 14 лѣтъ, 8—въ 15 лѣтъ, и 15—въ 16 лѣтъ. Развратителями являются по этой таблицѣ, главнымъ образомъ, интеллигентные люди, учащаяся молодежь и т. п. Изъ 4-хъ 12-лѣтнихъ дѣвочекъ 3 развращены интеллигентами, которые обращались къ своднямъ. Въ рубракахъ читаемъ: «инженеръ—чрезъ сводню», «учитель—продала тетеза», «дворянинъ», «студентъ—нахлѣбникъ», «гимназистъ—подпоилъ». Относительно 14, 15 и 16-ти лѣтнихъ читаемъ: «студентъ лицея», «студентъ-ветеринаръ», «продалъ помѣщику отецъ» и пр.

Грустная и тяжелая картина нарисована авторомъ, и, повторяемъ, что утрировокъ нѣтъ, краски не сгущены...

Вячеславъ Ивановъ. Кормчія звѣзды. Книга Лирики. Спб. 1903 г.

Предъ нами маленькій изящно изданный томикъ стиховъ, принадлежачій перу Вячеслава Иванова, хорошо, вѣроятно, извѣстнаго въ кругу своихъ знакомыхъ...

Этотъ Вячеславъ Ивановъ задался благою и похвальною цѣлью дискредитировать увлеченье поэзіею съ одной стороны, а съ другой—показать, что писать стихи вещь нетрудная и для этого ненужно быть не только художественно-образованнымъ человѣкомъ, но даже совсѣмъ не требуется быть грамотнымъ.

Томикъ его стиховъ распадается на 16 отдѣловъ съ очень милыми и своеобразными наименованіями. Чтобы быть справедливымъ къ г. Иванову, мы приводимъ названія всѣхъ этихъ отдѣловъ.

Вотъ они:

1) Порывъ и грани; 2) Діонису; 3) Райская мать; 4) Цвѣты сумерекъ; 5) Геспериды; 6) Thalassia; 7) Орады; 8) Сонеты; 9) Итальянскіе сонеты; 10) Парижскія эпиграммы; 11) Дистихи; 12) Сфинксъ; 13) Врата; 14) Міры возможнаго; 15) Evia; 16) Suspiria.

Въ каждомъ отдѣлѣ по нѣсколько стихотвореній, съ очень любопытными заглавіями. Такъ, въ отдѣлѣ «Дистихи» мы находимъ стихотворенія: «Veste detracta», «День и Ночь», «Laeta», «Гнома», «Эпителия», «Мистика», «Эпифанія», «Тихій Віасъ», «Девятнадцатое Февраля», «Лазаре, гряди вонъ!» «Самомсканіе», «Подражаніе Природѣ», «Tat Twam Asi»...

Въ другихъ отдѣлахъ мы находимъ не менѣе любопытныя названія стихотвореній: «Зеркало Чайнія», «Зеркало Эроса», «Ступени Волги», «Таормина», «Посталгія», «Ногготъ Vasui» и пр. и пр.

Въ первомъ своемъ стихотвореніи, подъ названіемъ «Красота», посвященномъ Владимиру Сергѣевичу Соловьеву, Вячеславъ Ивановъ говоритъ:

— Тайна мнѣ самой и тайна міру,
Я, въ моеи обители земной,
Се, гряду по свѣтлому эфиру;
Кто мой ликъ узрѣлъ,
Тотъ навѣкъ прозрѣлъ —
Дальній міръ навѣкъ предъ нимъ иной!»
«Радостно по цвѣтоносной Геѣ
Я иду, не вѣдая—куда.
Я служу съ улыбкой Адрастей,
Благосклонно-дѣвственно—чужда (?).
Я ношу кольцо
И мое лицо —
Кроткій лучъ таинственнаго Да».

А вотъ какъ поэтично описываетъ нашъ авторъ «Парить съ высоты»:

«Тотъ не любить чловѣка,
Сердце—городъ, кто тебя
Озираетъ не любя,—
О, горящее отъ вѣка!
Неопально-пылкій тернъ!

Страстныхъ рудъ плавиный горнъ»!

Въ стихотвореніи—«Лазаре, гради вонъ!»! авторъ восклицаетъ:

«Кличь себя самъ, и немолчно зови, доколѣ далекій

Изъ заповѣдныхъ глубинъ: «Вотъ—я!»! послушишь отвѣтъ»!

Довольно поэзіи!..

Послѣдняя четверть XIX ст. и начало XX ст.—прямо таки обильна сборниками стиховъ. Стиховъ въ настоящее время не пишетъ только лѣнивый или совсѣмъ неграмотный. Проза требуетъ мысли, известнаго умѣнья логически и грамматически связывать предложенія между собою, въ стихахъ—ничего этого не требуется. Тутъ нужно одно только умѣнье «рифмовать». Правда, настоящая поэзія требуетъ мысли, логики, знанія жизни, поэтичнаго воображенія, но вѣдь, мы говоримъ не о настоящей поэзіи, а о рифмѣ, объ умѣньѣ подбирать созвучныя окончанія. Современные поэты,—а сколько ихъ въ настоящее время расплодилось! — въ громадѣйшемъ большинствѣ случаевъ — это невѣды, полуобразованные люди, не сумѣвшіе пристроиться ни къ какому дѣлу. Есть пословица: «На безрыбѣ и ракъ—рыба». Такъ и тутъ: «При бездѣльѣ и писаніе стиховъ дѣло».

Читаютъ произведенія современныхъ поэтовъ они сами, ихъ родные, ихъ близкіе и знакомые. Пользу отъ нихъ получаютъ бумажныя фабрики, типографіи, брошюровщики и пр.; а пытаются ими моль, тля и всевозможныя грызущія животныя.

Книжные магазины буквально завалены стихотворною макулатурою, которой никто не интересуется и никто не покупаетъ.

М. Е. Соколовъ. Пѣсни А. С. Пушкина и крестьянъ Саратовской губерніи о Стенькѣ Разинѣ. Саратовъ. 1902 г.

Стенька Разинъ—герой Поволжья—оставилъ послѣ себя громадное впечатлѣніе въ умахъ крестьянскаго населенія. Народъ его имя и дѣянія запечатлѣлъ въ сказкахъ, преданіяхъ и во всевозможныхъ поэтическихъ сказаніяхъ и пѣсняхъ.

Г. Соколовъ приводитъ намъ три пѣсни о Стенькѣ, сохранившіяся у крестьянъ саратовской губ. Пѣсни эти прекрасны и отъ нихъ вѣетъ живую народную поэзію, безъискусвенною и безхитростною. Народная пѣсня, по глубинѣ своей, по образности и поэтичности, далеко оставляетъ за собою стихотворенія современныхъ нашихъ стихослогателей.

«Охъ, мы пойдемъ-те-ка, братцы, на круты горы гуляти,

Охъ, мы поглядимъ-те, братцы, внизъ по Волгѣ!
 Ой д'ужь что-то, что это у насъ сдѣлалось на Волгѣ?
 Солучилось, сдѣлалось большое вотъ несчастье,
 Несчастьице сдѣлалось большое, вотъ не малое!
 Не чернымъ... не чернымъ-то зачернѣлось, зачернѣлось,
 Зачернѣлись, зачернѣлись у насъ два стружечика,
 Эй два стружечка они черныя, оба смолявые,
 Смолявые стружки были воровскіе, воровскіе...
 Охъ, важъ въ одномъ-то стружечкѣ самъ Степанъ гулягъ... И т. д.

Народъ поетъ пѣсню не вездѣ одинаково.

По словамъ г. Соколова, существуетъ въ саратовской губ. до 50 вариантовъ пѣсенъ о Стенькѣ Разинѣ.

Г. Соколовъ приводитъ въ параллель съ народными пѣснями о Стенькѣ Разинѣ и стихотворенія А. С. Пушкина, посвященныя тому же лицу. Онъ пытается доказать, что Пушкинъ въ этихъ стихотвореніяхъ является не поэтомъ художникомъ, а подражателемъ народнымъ пѣснямъ: «Цѣлые стихи, отдѣльныя выраженія и поэтические образы этихъ пѣсенъ, но его словамъ, почти съ буквальною точностью выхвачены изъ народныхъ пѣсенъ и только приложены къ Стенькѣ Разину и обстоятельствамъ его жизни». Въ пѣсняхъ Пушкина, посвященныхъ Разину, онъ видитъ только перепѣвъ народныхъ мотивовъ.

Для доказательства этой своей мысли г. Соколовъ приводитъ очень удачныя сопоставленія и примѣры изъ стихотвореній Пушкина и изъ пѣсенъ крестьянъ саратовской губ. о Стенькѣ Разинѣ. Но выводъ откуда совсемъ не тотъ, который хочетъ навязать читателю г. Соколовъ.

По нашему мнѣнію, выводъ здѣсь одинъ только можно сдѣлать, что нашъ гениальный поэтъ прекрасно зналъ народную русскую пѣсню и глубоко понималъ народную душу, вследствие чего ему не составляло труда народнымъ языкомъ и народными образами очертить личность Стеньки — такъ глубоко запавшую въ душу и память крестьянина.

Краткій обзоръ дѣятельности казеннаго лѣснаго управленія за 1893—1902 г.г. По порученію директора лѣснаго департамента составилъ *Т. В. Нехорошевъ*. Спб. 1903 г.

Правительство русское еще со времени Петра Великаго обращало вниманіе на важность, для государственныхъ интересовъ, установленія надлежащаго хозяйства въ лѣсахъ. Но всѣ предпринимавшіяся мѣры какъ въ XVIII, такъ и въ XIX ст. представляли собою слѣпое подражаніе западно-европейскимъ образцамъ, въ особенности нѣмецкимъ. До освобожденія крестьянъ государственные лѣса не давали почти никакого дохода.

Лишь только съ 1893 г., съ развитіемъ экономическихъ силъ Россіи, съ возрастаніемъ въ ней промышленной, фабричной, заводской и торговой

дѣятельности, съ расширеніемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, въ лѣсномъ хозяйствѣ произошелъ коренной переворотъ. Возникъ небывалый спросъ на лѣсъ внутри страны и сильно увеличился вывозъ его за границу.

Этотъ усиленный спросъ на лѣсъ вызвалъ въ 1894 г. на очередь вопросъ о наилучшемъ благоустройствѣ и использованіи казенныхъ лѣсовъ какъ въ видахъ обезпеченія потребностей населенія въ разномъ древесномъ матеріалѣ, такъ и въ цѣляхъ возвышенія доходности отъ лѣсовъ на удовлетвореніе финансовыхъ нуждъ государства.—Съ 1893 г. начинается періодъ реформъ въ казенномъ лѣсномъ хозяйствѣ. По объему своему, эти реформы охватили всѣ важнѣйшія отрасли лѣснаго дѣла, какъ то: управленіе лѣсами, эксплуатацію ихъ, лѣсоустройство, лѣсовозобновленіе и пр. По направленію же своему, онѣ имѣли цѣлью поставить казенное лѣсное хозяйство на основанія, отвѣчающія современному значенію государственныхъ лѣсовъ, какъ одного изъ крупныхъ факторовъ экономическаго жизни Россіи и какъ могучаго источника для государственныхъ доходовъ, извлекаемыхъ безъ обремененія платежныхъ силъ населенія.

Означенная работа и представляетъ собою сводъ матеріаловъ о дѣятельности казеннаго лѣснаго управленія за 1893—1902 г.г.

1902 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. IV и V. Изданіе Отдѣла сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики. Спб. 1902 г.

1902 годъ, благодаря метеорологическимъ условіямъ, далеко неблагопріятенъ для сельскаго хозяйства. Характерною особенностью этого года является значительная повторяемость весьма обильныхъ осадковъ, исключая юго-восточныхъ окраинъ, гдѣ въ іюлѣ и августѣ, какъ и въ теченіе почти всего лѣта, господствовала упорная и продолжительная засуха.

Неблагопріятныя метеорологическія условія оказались весьма вредными для уборки хлѣба въ большей части нечерноземной полосы.

Вредныя насѣкомыя во многихъ мѣстностяхъ появились въ значительномъ количествѣ и нанесли сельскому хозяйству большіе убытки. Хлѣбный жучекъ (кузъка) причинилъ довольно значительный уронъ въ губерніяхъ курской, воронежской, подольской и кіевской, а также почти во всѣхъ малороссійскихъ и новороссійскихъ губ. и въ Предкавказьѣ. Гессенская муха въ Привислинскомъ краѣ нанесла громадныя ущербы пшеничнымъ полямъ; поврежденія доходятъ до 40—50% всей площади подъ пшеницей.

Урожай какъ озимыхъ, такъ и яровыхъ хлѣбовъ получился, въ общемъ итогѣ по Европейской Россіи, выше средняго.

Вслѣдствіе неблагопріятныхъ метеорологическихъ условій съ посѣвомъ озимей запоздали почти повсемѣстно. Отъ избытка влаги въ почвѣ работы производились медленно и съ большимъ трудомъ, а низкія мѣста во мно-

гихъ случаяхъ были покрыты водою и остались незабѣянными. Развитие озимей было плохое. Площадь посѣва озимыхъ хлѣбовъ нѣсколько сократилась въ губерніяхъ центральныхъ земледѣльческихъ, поворооссійскихъ, вслѣдствіе неблагоприятныхъ условій сѣва, въ малороссійскихъ, кромѣ того, по случаю запоздавшей уборки хлѣбовъ, а въ нѣкоторыхъ нижне-волжскихъ и по недостатку сѣмянъ, вызванному неудовлетворительнымъ урожаемъ. Сокращеніе озимыхъ посѣвовъ въ нечерноземной полосѣ произошло, съ одной стороны, вслѣдствіе избытка влаги въ почвѣ, а съ другой—по недостатку сѣмянъ, происшедшему по случаю поздняго созрѣванія озимыхъ хлѣбовъ, а также по недоброкачественности ихъ. Всхожесть сѣмянъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ была не болѣе 50%. Въ псковской губ. поля представляли, за немногими исключеніями, довольно печальную картину,—они были мѣстами едва прикрыты зелеными, нѣкоторыя же поля были совершенно голы и въ такомъ видѣ попали подъ морозы. «Такихъ полей и старожилы не запомнятъ», какъ выражаются крестьяне.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Высочайшій манифестъ 26 февраля сего года.—Забота объ обезпеченіи духовенства.—Отмѣна круговой поруки.—Работа «мѣстныхъ людей» подъ руководствомъ «сильной и закономѣрной власти».—Начало децентрализаціи въ бюрократизмѣ.—Отзывы русской и иностранной печати о Высочайшемъ манифестѣ.—Какъ встрѣтили Высочайшій манифестъ въ провинціи?—Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о его поѣздѣ на Дальній Востокъ.—Сибирь и Сибирская желѣзная дорога — какъ міровой рынокъ.—Колонизація—какъ одна изъ главнѣйшихъ мѣръ для культурнаго подъема Сибири и разработки природныхъ ея богатствъ.—Американскій ростъ русскихъ городовъ на китайской территоріи.—Кому послужилъ на пользу затраченный Россіей на Дальнемъ Востокѣ миллиардъ рублей?

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯДСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ:

Изволеніемъ Промысла Божія, вступивъ на Прародительскій Престоль, Мы пріяли священный обѣтъ, предъ Лицомъ Всевышняго и совѣстью Нашею, свято блюсти вѣковые устои Державы Россійской и посвятить жизнь Нашу служенію возлюбленному Отечеству.

Въ неуспынныхъ заботахъ о подданныхъ Нашихъ Мы обрѣли пути къ осуществленію народнаго блага въ разумѣ приснопамятныхъ дѣлъ Державныхъ Нашихъ Предшественниковъ и, прежде всего, незабвеннаго Родителя Нашего.

Богу Всемогущему угодно было, въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ, прервать преждевременною кончиною Державные труды возлюбленнаго Родителя Нашего и тѣмъ возложить на Насъ священный долгъ довершить начатое Имъ дѣло укрѣп-

ленія порядка и правды въ Русской Землѣ въ соотвѣтствіи съ возникающими потребностями народной жизни.

Къ глубокому прискорбію Нашему, смута, посянная отчасти замыслами, враждебными государственному порядку, отчасти увлеченіемъ началами, чуждыми русской жизни, препятствуетъ общей работѣ по улучшенію народнаго благосостоянія. Смута эта, волнуя умы, отвлекаетъ ихъ отъ производительнаго труда и нерѣдко приводитъ къ гибели молодыя силы, дорогія Нашему сердцу и необходимыя ихъ семьямъ и родинѣ.

Требуя отъ всѣхъ исполнителей Нашей воли, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, твердаго противодѣйствія всякому нарушенію правильнаго теченія народной жизни и уповая на честное исполненіе всѣми и каждымъ ихъ служебнаго и общественнаго долга, Мы, съ непреклонною рѣшимостью незамедлительно удовлетворить назрѣвшимъ нуждамъ государственнымъ, признали за благо:

Укрѣпить неуклонное соблюденіе властями, съ дѣлами вѣры соприкасающимися, завѣтовъ вѣротерпимости, начертанныхъ въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской, которые, благоговѣнно почитая Православную Церковь первенствующей и господствующей, предоставляютъ всѣмъ подданнымъ Нашимъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной.

Продолжать дѣятельное проведеніе въ жизнь мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію имущественнаго положенія православнаго сельскаго духовенства, усугубляя плодотворное участіе священнослужителей въ духовной и общественной жизни ихъ паствы.

Въ соотвѣтствіи съ подлежащими задачами по упроченію народнаго хозяйства, направить дѣятельность государственныхъ кредитныхъ учреждений, особливо дворянскаго и крестьянскаго поземельныхъ банковъ, къ вѣдшему укрѣпленію и развитію благосостоянія основныхъ устоевъ русской сельской жизни — помѣстнаго дворянства и крестьянства.

Предначертанные Нами труды по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи, по ихъ первоначальномъ выполненіи въ указанномъ Нами порядкѣ, передать на мѣста для дальнѣйшей ихъ разработки и согласованія съ мѣстными

особенностями въ губернскихъ совѣщаніяхъ при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣриемъ общественнымъ облеченныхъ. Въ основу сихъ трудовъ положить неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, изыскавъ одновременно способы къ облегченію отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ общины.

Принять безотлагательно мѣры къ отмѣнѣ стѣснительной для крестьянъ круговой поруки.

Преобразовать губернское и уѣздное управленія, для усиленія способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни трудами мѣстныхъ людей, руководимыхъ сильной и закономѣрной властью, предъ Нами строго отвѣтственною.

Поставить задачею дальнѣйшаго упорядоченія мѣстнаго быта сближеніе общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквяхъ тамъ, гдѣ это представится возможнымъ.

Призывая всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ содѣйствовать Намъ къ утверженію въ семьѣ, школѣ и общественной жизни нравственныхъ началъ, при которыхъ, подѣ сѣнью Самодержавной Власти, только и могутъ развиваться народное благосостояніе и увѣренность каждаго въ прочности его правъ, Мы повелѣваемъ нашимъ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, къ вѣдомству коихъ сіе относится, представить намъ соображенія о порядкѣ исполненія предначертаній Нашихъ.

Господь Вседержитель да ниспошлетъ благословеніе на Царственный трудъ Нашъ и да поможетъ Онъ Намъ, при тѣсномъ единеніи всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества, исполнить Наши помысленія объ усовершенствованіи государственнаго порядка установленіемъ прочнаго строя мѣстной жизни, какъ главнаго условія преуспѣянія Державы Нашей на твердыхъ основахъ вѣры, закона и власти.

Данъ въ С.-Петербургѣ въ 26-й день февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ третья, Царствованія же Нашего въ девятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ».

Великою, свѣтлою радостью преисполнится сердце русскаго народа при чтеніи манифеста нашего Царя. Въ священный день памяти рожденія въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III, Августѣйшему сыну Его, Державному Хозяину русской земли, благоугодно было Высочайшимъ манифестомъ ошастливитъ русскій народъ—оповѣщеніемъ о реформахъ, которыя волею Царскою будутъ осуществлены въ недалекомъ будущемъ.

Великіе завѣты обновленной Россіи, стройною чредою пройды два царствованія, въ нынѣшнее благополучное царствованіе Государя Императора Николая Александровича должны достигнуть полной силы и блестящаго расцвѣта. То, что получило начало въ великую эпоху, начатую манифестомъ 19-го февраля 1861 г., получаетъ свое завершеніе по манифесту 26-го февраля 1903 г. Императоръ Александръ II даровалъ личную свободу 26 мил. русскаго народа, Государь Николай II даруетъ эту свободу въ полной мѣрѣ, освобождая болѣе сотни миллионовъ крестьянъ отъ крѣпостной поруки.

Главнѣйшія и существенныя черты Высочайшаго манифеста 26-го февраля—это: *«почитая Православную Церковь первенствующей и господствующей»*, манифестъ предоставляетъ всеѣмъ подданнымъ русскаго государства инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій *«свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной»*, и *«соблюденіе властями, съ дѣлами вѣры соприкасающимися, завѣтовъ вѣротерпимости, начертанныхъ въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской»*.

Второе:—Заботы объ улучшеніи имущественнаго положенія православнаго сельскаго духовенства. Православное духовенство въ православномъ русскомъ государствѣ болѣе чѣмъ не обезпечено. Ему предоставлено питаться отъ міра, отъ дѣлъ рукъ своихъ. Отсюда всевозможныя недоразумѣнія и обвиненія нашего духовенства во всевозможныхъ поборахъ. Необезпеченность сельскаго духовенства, которому непосредственно было предоставлено брать пропитаніе съ прихода, давно уже обращала на себя вниманіе. Но къ этому явленію оставались глухи тѣ, на обязанности которыхъ лежитъ забота о нашемъ духовенствѣ. Духовные представители всеѣхъ вѣроисповѣданій—патеръ, ксендзъ, пасторъ, татарскій мулла, бурятскій лама, даже еврейскій раввинъ и пр.—все болѣе обезпечены, чѣмъ представители господствующей церкви. Для всеѣхъ государственное казначейство находитъ средства, лишь только для одного православнаго духовенства у него нѣтъ средствъ.

Доходы за требы—это болѣе чѣмъ ненормальное явленіе. Въ одномъ мѣстѣ духовенство беретъ за требы слишкомъ много, въ

другихъ — приходъ слишкомъ плохо оцѣниваетъ трудъ пастырей церкви. Отсюда пререканія, недоразумѣнія и жалобы въ консисторію. Мѣсяцъ тому назадъ крестьяне одного изъ приходоу саратовской губ. составили общественный приговоръ, гдѣ они выработали таксу для духовенства за требы. Крестьяне находили прежнюю плату, взимавшуюся съ нихъ причтомъ, очень высокою. Теперь они предложили духовенству, т. е. своему причту, новую таксу. Такъ напр., за похороны младенца прежде причтъ бралъ 50 к.; крестьяне, находя эту плату для себя очень высокою и непосильною, предложили 25 коп.; въ такомъ же размѣрѣ приблизительно они уменьшили плату и за другія требы. Духовенство не согласилось; крестьяне обратились въ консисторію, и пошла «писать губерніа».

Приведенный нами примѣръ болѣе чѣмъ краснорѣчивый. На отпѣваніе младенца должны явиться три человѣка: священникъ, діаконъ и псаломщикъ, и за это имъ крестьяне хотятъ предложить 25 коп., т. е., круглымъ счетомъ, по $8\frac{1}{3}$ к. на человѣка. Это, какъ говорится, дешевле пареной рѣпы. Мы не споримъ, что, можетъ быть, крестьянину и эти 25 коп. не подъ силу; вѣдь бюджетъ нашъ крестьянина болѣе чѣмъ тощъ, вѣриге—прямо нищенскій. Но, вѣдь, и духовенство въ этомъ невиновато. Ему также нужно ѣсть, кормить своихъ ребятишекъ, учить ихъ и пр. Гдѣ же ему достать на это средства? Государственное казначейство, обезпечивающее духовныхъ представителей всѣхъ вѣроисповѣданій въ русской имперіи, должно обезпечить представителей Православной, господствующей въ Имперіи, церкви.

Третье. Это «принять безотлагательно мѣры къ отмѣнѣ стѣснительной для крестьянъ круговой поруки».

Круговая порука—это величайшее зло деревни. Въ настоящемъ ея видѣ она тормозила всѣ начинанія крестьянина, она всегда служила помѣхой на пути его культурнаго развитія, она всегда заставляла его дрожать за свое имущество, чтобы оно не было продано съ молотка за неплатежи податей и повинностей неисправныхъ плательщиковъ—его сосѣдей. Община и общинное пользованіе землей, и съ отмѣной круговой поруки, остается «неприкосновеннымъ строемъ крестьянскаго землевладѣнія», но, однако, съ предоставленіемъ отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ общины. Въ настоящее время выходъ изъ общины крайне затруднителенъ: для этого требуется согласіе $\frac{2}{3}$ общины, что на практикѣ крайне рѣдко достигается.

Четвертое. «Преобразовать губернскае и уѣздное управленія для усиленія способовъ непосредственнаго удовлетворенія много-

образныхъ нуждъ земской жизни трудами мѣстныхъ людей, руководимыхъ сильной и закономѣрной властью, предъ Нами (Государемъ) строго отвѣтственной».

Высочайшею волею выдвигаются на первый планъ тѣ исконныя русскія начала, которыя были забыты, вслѣдствіе чего мы и пришли къ полной централизаціи, обезличивающей чиновничій персоналъ, ослабляющей всякую мѣстную власть, уничтожающей земство, убивающей всякую самостоятельность. Русскому народу централизація была всегда чужда. Въ русскомъ государствѣ, при абсолютномъ единовластіи, всегда была полная децентрализація. Всякая провинція, подчиняясь Верховной власти, развивалась самостоятельно, подчиняясь своимъ условіямъ, своимъ потребностямъ. Съ усиленіемъ центральной власти провинція начала хирѣть, нужды и потребности ея забываются. Столица жила своей жизнью, а провинція своею. Въ результатѣ образовались государство въ государствѣ, безъ всякой связи.

Обращеніе къ «трудамъ мѣстныхъ людей» не поколеблетъ центральной власти, но, наоборотъ, усилитъ ее. Въ лицѣ ихъ эта власть будетъ имѣть не только опытныхъ и освѣдомленныхъ въ мѣстныхъ нуждахъ людей, но и надежныхъ помощниковъ и совѣтниковъ. Центру не подѣ силу знаніе всѣхъ мѣстныхъ нуждъ. И вотъ—тутъ-то опытные люди и придутъ на помощь центральной власти.

«Мѣстные люди» будутъ руководиться въ своихъ работахъ «сильной и закономѣрной властью». Подѣ «сильной властью» нужно понимать такую власть, которая достаточно будетъ компетентна для разсмотрѣнія всякой нарождающейся мѣстной потребности и непосредственнаго ея удовлетворенія при помощи «мѣстныхъ людей». Вопросы *мѣстнаго* значенія будутъ рѣшаться на мѣстѣ, а не въ центрѣ. А для этого несомнѣнно нужна власть болѣе сильная, чѣмъ та, которою теперь пользуются губернаторы.

Высочайшій манифестъ 26-го февраля восторженно привѣтствуется всею русскою печатью. Появилось нѣсколько статей, посвященныхъ болѣе детальному обсужденію провозглашенной въ манифестѣ Царской программы. «Спб. Вѣд.» выясняютъ значеніе этой программы въ слѣдующихъ словахъ:

«Съ высокими чувствомъ справедливости отграничены въ манифестѣ враждебныя государству замыслы отъ печальнаго заблужденія людей, увлекающихся началами, чуждыми русской жизни.

Опредѣленіе порядка государственнаго домостроительства предварено призывомъ къ честному исполненію не только служебнаго, но и общественнаго долга; подобный же призывъ ко всѣмъ вѣрно-подданнымъ предваряетъ и заключительныя слова манифеста: къ

общей работѣ на народной обильной нивѣ призываются жнецы—они откликнутся.

Какъ бы проникшись словами Писанія: «Идѣ же Духъ Божій—тамъ свобода», Царь мудро положилъ въ основу всенародной работы дорогія Русской землѣ начала вѣротерпимости, которыми искони озарялось наше древнее православіе.

Въ дальнѣйшихъ предначертаніяхъ, обозначающихъ какъ бы вѣхами обширный планъ переустройства всей нашей государственной жизни, указанъ совершенно ясный путь, но оставленъ большой просторъ для исполнителей: пусть послужитъ это залогомъ плодотворности будущей работы и свободы общественной самодѣятельности!»

«Биржев. Вѣд.» останавливаются на отмиѣнѣ круговой поруки.

«При отмиѣнѣ круговой поруки и другой пережитокъ крѣпостнаго права, какъ незаконный придатокъ общины, — паспортъ въ значительной мѣрѣ утрачиваетъ свое чисто крѣпостное значеніе. Отнынѣ уже не будетъ надобности для сельскихъ обществъ прибѣгать къ посредству паспорта, въ цѣляхъ удержанія того или иного домохозяина въ общинѣ. Общество не отвѣтственно болѣе за этого домохозяина.

Отсюда, намъ кажется, первое и естественное послѣдствіе—уравненіе крестьянъ въ правѣ свободного передвиженія съ привилегированными сословіями».

«Петерб. Газ.» той же мѣрѣ придаетъ еще большее значеніе:

«Подъ гнетомъ круговой поруки замирали всякія стремленія и побужденія къ мало-мальски выходящему изъ границъ самой крайней необходимости производительному труду, искавшему лишь возможности самаго первобытнаго удовлетворенія элементарнѣйшихъ жизненнѣйшихъ потребностей, но не доросшему еще до стремленія къ достиженію такихъ плодовъ, которые внесли бы свѣтлый лучъ культурнаго довольства, бережливости и накопленія народныхъ богатствъ въ темное царство жалкаго, лѣниваго, апатичнаго и бездѣятельнаго прозябанія изо дня въ день, потребности котораго не шли дальше удовлетворенія самыхъ насущныхъ и неотложнѣйшихъ чисто физическихъ нуждъ.

Мы въ правѣ поэтому высказать глубокую вѣру въ то, что предначертанныя вышѣ великія реформы приведутъ постепенно и къ новому расцвѣту всего нашего экономическаго благосостоянія, а слѣдовательно и финансоваго и торгово-промышленнаго успѣянія».

Выходъ отдѣльныхъ лицъ изъ состава общины необходимо поставить, по мнѣнію «Бирж. Вѣд.», въ зависимости отъ общины,

такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ община выпуститъ изъ своей среды только такихъ членовъ, избавиться отъ которыхъ ей выгодно, а лица, которыхъ община можетъ эксплуатировать, будутъ насильно удерживаться въ ней.

«Свѣтъ» останавливаетъ вниманіе на томъ, что въ предположенномъ упорядоченіи нашего строя всѣ подданные призываются къ единенію и зиждательной работѣ:

«Отъ каждаго ожидается его лепта на поприщѣ утвержденія нравственныхъ началъ въ семьѣ, школѣ и общественной жизни. Какъ бы ни была скромна доля любого изъ насъ, какъ бы ни малъ казался тотъ вкладъ, который каждый можетъ внести въ творческое дѣло на пользу общую, но взносъ этотъ каждый по силѣ разумѣнія, своего положенія, общественнаго или частнаго, долженъ сдѣлать».

По «своему» доволенъ Высочайшимъ манифестомъ и «Гражданинъ». Г. Иксъ признаетъ появленіе манифеста 26-го февраля «праздникомъ либерализма» въ лучшемъ смыслѣ этого слова, «праздникомъ свободы».

«Я ее праздную, когда читаю Царскія слова о свободѣ всѣхъ вѣроисповѣданій — въ той полнотѣ, въ которой она не покушается на права господствующей церкви, ибо, говорю себѣ, что отнынѣ капризъ чиновника не будетъ регуляторомъ свободы вѣроисповѣданія, подтвержденной Царемъ.

Я праздную эту свободу въ тѣхъ словахъ манифеста, которыя столь давно назрѣвшую и столь давно желанную реформу губернскаго и уѣзднаго управленій основываютъ на увѣренности, что она оснуется на гармоничномъ сочетаніи свободы мѣстной самодѣятельности съ правительственнымъ мѣропріятіемъ.

Я, празднуя эту свободу, въ правѣ изъ этого сочетанія дѣлать выводъ, что съ наступленіемъ во исполненіе Государевой воли минуты, когда мѣстной самодѣятельности подъ охраною сильной власти, передъ Царемъ ответственной, будетъ дана возможность непосредственнаго удовлетворенія народныхъ жизненныхъ нуждъ, тогда наступитъ конецъ губительной для жизни и для Самодержавія централизаціи.

Я праздную эту свободу потому, что по волѣ Царя наступаетъ минута, когда вопросы, рѣшающіе въ маломъ или въ большомъ участъ деревни и всего ея сельскаго состоянія, будутъ получать окончательное рѣшеніе не въ петербургскихъ департаментахъ, а на мѣстѣ, то есть тамъ, гдѣ отъ каждой особенности, отъ каждаго бытового условія зависитъ примѣненіе той или другой мѣры соотвѣтственно или несоотвѣтственно нуждѣ.

Наконецъ я праздную эту свободу потому, что Царское слово Самодержца ставитъ жизнь государства и каждаго изъ своихъ вѣроподданныхъ подъ охрану и сѣнь тѣхъ силъ: вѣры, закона и власти, коиъ сліянне общааетъ каждому невозможность безответственнаго какого бы то ни было нарушенія основныхъ его правъ совѣсти, личности и собственности».

Въ своихъ дневникахъ кн. Мещерскій говоритъ, что «манифестъ открываетъ перспективу такой государственной жизни, въ строѣ которой вся мѣстная жизнь, постепенно выхода изъ подъ опеки центральной админи-

страціи, станутъ дѣломъ двухъ новыхъ жизненныхъ созидательныхъ началъ: свободной мѣстной самодѣятельности и сильной мѣстной власти, поставленныхъ въ закономѣрное общеніе.

«Не петербургскій столоначальникъ — бездушный и чужой, — а хороший человекъ съ сердцемъ, съ знаніемъ дѣла и съ здравымъ смысломъ вступить въ роль врача больного на мѣстѣ, и своихъ больныхъ будутъ лѣчать свои врачи, свои нужды будутъ открывать и будутъ удовлетворять свои люди подъ охраною силы не чиновника, а представителя Царской власти».

Вся иностранная печать единодушно привѣтствуетъ Высочайшій манифестъ и видитъ въ немъ новую зарю для русскаго народа. Иностранныя газеты посвятили этому событію массу статей, и мы не можемъ не познакомить съ содержаніемъ ихъ нашихъ читателей.

Берлинская высокоофиціозная «Norddeutsche Allgem. Zeit.» видитъ въ Высочайшемъ манифестѣ «новое доказательство возвышеннаго взгляда Императора Николая II на свой долгъ»: Газета говоритъ далѣе:

«Рѣшеніе, принятое Русскимъ Монархомъ, будетъ одѣяно по достоинству и за предѣлами Россійской имперіи; вездѣ будетъ признано его высокое значеніе. Въ краснорѣчивомъ подтвержденіи терпимости по отношенію къ иновѣрцамъ, въ горячемъ желаніи разбудить дремлющія силы народа и призвать ихъ къ сотрудничеству въ самоуправленіи, въ стремленіи къ творческой работѣ, отвѣчающей великимъ и многочисленнымъ требованіямъ времени, — во всемъ этомъ проявился гуманный характеръ, которымъ отличается правленіе Верховнаго Главы Россіи за послѣднія восемь лѣтъ. Отмѣняя круговую поруку въ общинахъ, манифестъ устраняетъ одно изъ крупнѣйшихъ препятствій къ улучшенію народнаго благосостоянія; широкая дѣятельность земельныхъ банковъ умножить денежные средства для великаго мирнаго труда, коего процвѣтаніе будутъ привѣтствовать съ искренней радостью во всей Германіи. Русскому народу можно пожелать, чтобы, слѣдуя призыву своего Монарха, онъ направилъ всѣ усилія къ устраненію препятствій и дурныхъ условий, отъ которыхъ часто страдало сельское населеніе имперіи».

Германская «Post»:

«Что царь Николай горячо заботится о благѣ своего народа, это еще разъ подтвердилось только-что обнародованнымъ манифестомъ о реформахъ.

И въ этомъ манифестѣ обнаруживается кроткій, просвѣщенный, истинно богобоязненный умъ Русскаго Государя.

Онъ желаетъ, чтобы, безъ ущерба главенству православной церкви, всѣ другія религіи въ Его царствѣ были терпимы, и не

только поверхностно, но такъ, чтобы слѣдованіе ихъ вѣроученію и выполненіе ихъ культа,—именно *культа*,—не встрѣчало никакихъ препятствій.

Государь въ пѣляхъ улучшенія положенія населенія страны желаетъ усилить и расширить уже существующія учрежденія, и въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя предназначены для поднятія народнаго хозяйства.

О проектированномъ улучшеніи законовъ для управленія губерніями и округами, само собой разумѣется, можетъ быть произнесено болѣе или менѣе рѣшительное сужденіе лишь по завершеніи намѣченныхъ работъ.

Планъ реформъ Императора Николая, является родственнымъ по духу идеямъ и стремленіямъ императора Вильгельма въ томъ отношеніи, что онъ заботится объ утвержденіи нравственныхъ основъ жизни, семьи, школы и церкви.

Желаемъ, чтобы успѣхъ реформъ, задуманныхъ великодушнымъ Царемъ Николаемъ, оправдать въ высшей степени его ожиданія.

«Frankfurt. Zeit» не беретса предсказать, каковъ будетъ результатъ отъ возвышенныхъ въ манифестѣ реформъ въ настоящій моментъ; и во всякомъ случаѣ нельзя не порадоваться тому, говоритъ газета, что «молодой Русскій Царь не слѣдуетъ обычнымъ примѣрамъ многихъ другихъ государей, которые внѣшними осложненіями старались побѣдить внутреннія затрудненія, а наоборотъ желаетъ преодолѣть эти затрудненія реформами.

Манифестъ Русскаго Царя въ высшей степени соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей въ настоящій моментъ въ Россіи, избравъ главнымъ объектомъ реформъ положеніе крестьянскаго сословія.

Какъ явствуетъ изъ Императорскаго манифеста, проектированныя реформы должны быть осуществлены при широкомъ привлеченіи къ этому дѣлу людей, пользующихся общественнымъ довѣріемъ.

По всей вѣроятности правительство само пожелаетъ и теперь опредѣлить, кто именно эти лица. Было бы однако очень отраднo, еслибы этотъ выборъ людей, заслуживающихъ довѣрія, былъ предоставленъ самому населенію».

Берлинскій «Local-Anzeiger» пишетъ:

«Манифестъ Императора Николая II къ Его народу вызвалъ радостные отголоски не въ одной только Россіи. Вездѣ привѣтвуютъ возвышенный образъ мысли Царя, какъ залогъ того, что всѣ начинанія, направленные ко благу человечества, встрѣчаютъ горячую защиту и поддержку со стороны Русскаго Монарха. Чтобы оцѣнить по достоинству и во всемъ объемѣ новый манифестъ, а

также мотивы, вдохновляющіе его Виновника, надо разсматривать его въ связи съ предшествовавшими ему манифестами, въ которыхъ получили просторъ высокочеловѣчныя благородныя чувства Царя. Обращенный къ цивилизованнымъ государствамъ, манифестъ объ учрежденіи международнаго третейскаго трибунала и призывъ балканскихъ народовъ къ сохраненію спокойствія и существующаго правоваго порядка путемъ цѣлесообразныхъ реформъ и обузданія національныхъ страстей. Во всѣхъ этихъ актахъ Императоръ Николай II проявилъ Свое высокое пониманіе долга Государя, ищущаго удовлетворенія не въ военныхъ успѣхахъ, не въ насиліяхъ надъ слабымъ соседомъ, а въ развитіи мирныхъ сношеній между народами. Съ логической послѣдовательностью Императоръ такимъ образомъ заботится прежде всего объ обезпеченіи Своей странѣ условій правильнаго развитія, чтобы она сдѣлалась краеугольнымъ камнемъ культуры и мирнаго преуспѣянія. Къ осуществленію высокочеловѣчныхъ благородныхъ мыслей направлено честолюбіе Русскаго Монарха, и вотъ почему международный миръ можно считать надолго обезпеченнымъ по крайней мѣрѣ въ Европѣ. Человѣчество вообще вступаетъ въ новую эпоху своей исторіи, разъ монархи вступаютъ въ благородное соперничество на почвѣ заботъ о счастіи людей, о всеобщемъ мирѣ, какъ его понимаютъ Императоръ Николай II и Вильгельмъ II».

Въ передовой статьѣ «Frankfurter Zeitung» читаемъ:

«Молодой Русскій Царь, не слѣдуя примѣрамъ многихъ другихъ государей, пытавшихся побѣдить внутреннія затрудненія путемъ внѣшнихъ осложненій, прибѣгаетъ къ реформамъ, видя въ нихъ вѣрнѣйшее цѣлебное средство. Этому нельзя не порадоваться, совершенно независимо отъ грядущихъ результатовъ возвышенныхъ въ манифестѣ преобразованій. Поставивъ во главѣ программы улучшеніе положенія крестьянскаго сословія, манифестъ Русскаго Царя вполне отвѣчаетъ тому дѣйствительному положенію вещей, съ которымъ должна считаться Россія. Изъ манифеста видно, что реформы будутъ осуществляться при широкомъ участіи людей, пользующихся общественнымъ довѣріемъ».

Мы не будемъ подробно приводить всѣхъ отзывовъ иностранной печати о Высочайшемъ манифестѣ 26 февраля, такъ какъ это потребовало бы слишкомъ много мѣста. Укажемъ только вкратцѣ еще на нѣкоторые отзывы.

Впечатлѣніе отъ манифеста въ Англии вполне сочувственное. «Times» видитъ въ манифестѣ «какъ бы развитіе и продолженіе замѣчательной рѣчи, которую Его Величество произнесъ въ Курскѣ прошлою осенью: «Идея,—говоритъ этотъ органъ,—которой проник-

нуть манифестъ, либеральна и высокоблагодарна, и она показываетъ, что Императоръ Николай II питаетъ сильнѣйшее желаніе поднять нравственное и матеріальное положеніе Своихъ подданныхъ».

«Daily News» находятъ манифестъ продолженіемъ политики Императора Александра II... «Надъ Россіей занимается новая заря новой эпохи,—заканчиваетъ свою статью этотъ органъ.—Начало дня, въ который русскіе соединятъ свободу съ силой и станутъ одной изъ самыхъ важныхъ прогрессивныхъ націй».

Французскія газеты отзываются о манифестѣ, какъ о новомъ доказательствѣ заботъ Государя о Своемъ народѣ.

«Gaulois» говоритъ, что «манифестъ является крайне важнымъ событіемъ въ социальномъ-экономическомъ строѣ Россіи. Данное крестьянамъ разрѣшеніе выходитъ изъ состава общины является нововведеніемъ, которое почти равносильно перевороту».

«Eclair» пишетъ, что манифестъ уничтожаетъ послѣдніе слѣды рабства. Государь Императоръ имѣетъ твердое намѣреніе улучшить участь Его подданныхъ, давъ имъ большую свободу, путемъ уничтоженія тѣхъ препятствій, которыя должны приковывать ихъ къ землѣ. Заслуга Государя, возвѣстившаго принципъ вѣротерпимости, велика.

Нѣтъ сомнѣнія, что Высочайшая милость, дарованная русскому народу 26 февраля сего года, въ судьбахъ народа и государства будетъ имѣть громаднѣйшее значеніе. Этотъ манифестъ является зарею новой жизни для 140 мил. русскаго народа, открываетъ ему и его дѣятельности новые горизонты, освобождаетъ его отъ послѣднихъ остатковъ крѣпостной зависимости.

Въ провинціи манифестъ произвелъ сильное впечатлѣніе. «Саратовск. Листъ.» описываетъ, какъ осаждалась редакція газеты, выставившая у подъѣзда первые оттиски полученнаго по телеграфу манифеста. Позже на улицѣ наблюдались такія сцены:

«Вотъ на углу группа крестьянъ. Тѣснымъ кольцомъ охватили они галаха. Въ рукахъ его тотъ же волшебный длинный листокъ, мгновенно приковавшій къ себѣ вниманіе всего читающаго Саратова. Галахъ читаетъ истоиво, проникновенно. Слушатели съ замершимъ дыханіемъ въ молчаніи внимаютъ. Всѣ смотрятъ на бумагу.»

— Данъ въ Петербургѣ въ 26-й день февраля...

Общій вздохъ, переводятъ дыханіе. Напряженіе не сходитъ съ серьезныхъ вдумчивыхъ лицъ.

— Читай сызнава!—сурово приказываетъ высочій рыжебородый мужикъ.

— Ну, голова садовая, я вамъ читать не подрядился. У меня глотка не дьяконская.

— Докладывай, ребята, ему до мерзавчика.

— Ну, а ты, арестантъ, не кочевряжься. Читай!

Чтеніе начинается снова, и съ тѣмъ же напряженнымъ вниманіемъ кучка крестьянъ вслушивается въ своеобразную, торжественную рѣчь манифеста. «Видно, что ихъ настороженное вниманіе старается уловить какое-то магическое желанное и жданное слово»...

Народъ имѣетъ полное основаніе радоваться,—«на его улицѣ—большой праздникъ».

Сибирь—это таинственный, загадочный и вмѣстѣ съ тѣмъ невѣдомый для насъ міръ. Болѣе трехъ вѣковъ мы владѣемъ этимъ краемъ, представляющимъ изъ себя громаднѣйшую площадь, полную всевозможныхъ богатствъ, и мы этого края до сихъ поръ еще не знаемъ. Мы шли туда за золотомъ, за серебромъ и драгоценными камнями, шли за пушнымъ звѣремъ; шель наконецъ, туда русскій крестьянинъ, отыскивая тамъ «молочныя рѣчки съ кисельными берегами». Но всѣ шли туда вразбродъ, безъ всякаго опредѣленнаго плана, каждый на свой страхъ и рискъ. Мы создали черезъ всю Сибирь новый міровой путь, и тутъ мы ошиблись въ расчетахъ. Восточно-Китайская жел. дорога явилась коррективомъ къ этому новому міровому пути.

Мы открыли этотъ загадочный міръ для Россіи и для всего міра, для европейской культуры и для купца-космополита. Открытіе это, т. е. сооруженіе Великаго Сибирскаго пути съ Восточно-Китайской жел. дор., стоило намъ уже миллиардъ рублей и, вѣроятно, еще потребуетъ не одну сотню милліоновъ рублей.

Будущность Сибири, въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ о поѣздкѣ на Дальній Востокъ, министръ финансовъ, статсъ-секретарь С. Ю. Витте, яркими и отрадными красками рисуетъ. «Нельзя не испытать чувства удивленія предъ громадностью выполненной задачи», говоритъ онъ.

«Міровое значеніе Сибирской магистрали нынѣ уже никѣмъ не отрицается; оно одинаково признается и у насъ, и за границей. Соединяя сплошнымъ рельсовымъ путемъ Европу и Азію, дорога эта явится мировымъ транзитнымъ путемъ, по которому долженъ будетъ совершаться обмѣнъ товаровъ между Западомъ и Востокомъ. Китай, Японія и Корея, населеніе которыхъ достигаетъ

полумиллиарда человекъ, а обороты въ международной торговлѣ выражаются уже нынѣ въ суммѣ свыше 600 милліоновъ руб., при содѣйствіи великаго пароваго пути, представляющаго всѣ способы къ болѣе скорому и дешевому сообщенію и обмѣну товаровъ, войдутъ въ болѣе тѣсныя сношенія съ Европой, какъ рынокъ высокой промышленной культуры, предъявляющимъ спросъ на сырые матеріалы Востока. Благодаря Сибирской дорогѣ, эти страны увеличатъ требованія на европейскіе фабрикаты, а европейскія знанія и капиталъ найдутъ себѣ новое обширное поле примѣненія въ излѣдованіи и разработкѣ природныхъ богатствъ восточныхъ странъ. Азіатскій Востокъ до послѣдняго времени представлялъ для народовъ Европы почти неизвѣданный міръ, цѣлыя тысячелѣтія жившій своею обособленною жизнью, чуждаясь западной цивилизаціи и вырабатывая свою собственную національную культуру. Проведеніе Сибирскаго рельсоваго пути открываетъ Европѣ ворота въ этотъ доселѣ замкнутый міръ, ставитъ ее лицомъ къ лицу съ многочисленными племенами монгольской расы. Дальнѣйшая отчужденность для народовъ Востока становится фактически невозможною. Трудно, конечно, предвидѣть всѣ перемѣны, къ которымъ приведетъ предстоящее сближеніе желтой и бѣлой расъ, но несомнѣнно, что на долю Россіи въ дѣлѣ этого сближенія выпадаетъ серьезная задача».

Сибирская жел. дор. принесетъ громадную пользу Россіи: для русской промышленности создается новый обширный внутренній рынокъ; избытки населенія Европ. Россіи найдутъ себѣ выходъ на новыя обширныя пространства Сибири, удобныя для колонизаціи; разработка естественныхъ богатствъ Сибири, возрастаніе ея населенія и развитія промышленности увеличатъ производительныя силы нашей родины.

«Несомнѣнно, говоритъ министръ финансовъ, что исторія неизгладимыми чертами занесетъ на свои страницы сооруженіе Сибирскаго пути, какъ одно изъ величайшихъ міровыхъ событій и одно изъ славнѣйшихъ дѣяній царствованія Вашего Императорскаго Величества. Но судъ современниковъ—не судъ исторіи. Громадность жертвы, принесенной Россіею на дѣло сооруженія Сибирскаго пути, которая въ настоящее время еще очень живо чувствуется, заслоняетъ отъ глазъ современниковъ будущее значеніе сооруженія и мѣшаетъ правильной его оцѣнкѣ. Нельзя не признать, что жертвы эти были, дѣйствительно, велики и тяжелы для русскихъ финансовъ. Въ короткій сравнительно промежутокъ времени пришлось отпустить изъ казны на постройку собственно Сибирскаго транзитнаго пути вмѣстѣ съ китайскою восточною желѣзною дорогою, Пермь-Котласскою и Екатеринбургско-Челябинскою линіями

и всѣми вспомогательными предпріятіями—758.955,907 рублей, а съ расходами на кругобайкальскую дорогу стоимость всего сооруженія достигнетъ одного миллиарда рублей. Но этимъ затраты казны конечно не исчерпываются, такъ какъ постройка дороги повлекла за собою много побочныхъ расходовъ, выразившихся въ усиленіи администраціи и военныхъ силъ на восточной окраинѣ, увеличеніи флота въ Тихомъ океанѣ, постройкѣ портовъ и т. п. Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго въ томъ, что постройка сибирской дороги весьма долго откладывалась именно по соображеніямъ финансоваго характера, и что такіе выдающіеся государственные дѣятели, какъ бывшіе министры финансовъ Бунге и Вышнеградскій, не рѣшались возложить это бремя на Государственное казначейство. Нынѣ сибирская желѣзная дорога, благодаря неуныннымъ заботамъ и попеченію Вашего Императорскаго Величества, почти окончена. Жизненные силы русскаго народа подъяли и, хотя съ напряженіемъ, но благополучно вынесли на своихъ плечахъ это дѣло, казавшееся столь опаснымъ и трудно осуществимымъ.

Но постройка послѣдней дороги не выполняетъ еще всей той обширной задачи, которую Государю Императору Александру III въ рескриптѣ, данномъ 14 янв. 1903 г. на имя нынѣ благополучно царствующаго Императора Николая II, благоугодно было назвать «дѣломъ мира и просвѣтительной задачи Россіи на Востокъ». Желѣзная дорога выполнила только часть этой задачи. «Предстоитъ еще много задачъ въ Сибири, въ настоящее время, говорить статсъ-секретарь С. Ю. Витте, очертить и намѣтить ихъ было бы затруднительно и едва ли даже возможно».

Изъ числа вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію въ недалекомъ будущемъ, министръ финансовъ останавливается на усиленіи колонизаціи Сибири и особенно района сибирской жел. дороги.

Колонизація Сибири необходима не только для нея самой, но и для европейской Россіи.

«Въ настоящее уже время въ черноземной полосѣ Россіи есть губерніи, гдѣ плотность сельскаго населенія на 1 квадр. версту составляетъ до 70—75 человекъ, средняя величина земельного на дѣла опустилась до $1\frac{1}{2}$ десятины, а количество безземельныхъ доходитъ до 14, 17 и даже 22% общаго въ губерніи числа крестьянскихъ дворовъ.

«Съ другой стороны, Сибирь крайне малолюдна. Желѣзная дорога, пролегающая по сравнительно заселенной полосѣ, сотнями верстъ проходитъ глухою тайгой или пустынными степями, лишь изрѣдка встрѣчая разбросанныя кое-гдѣ поселенія. Въ губерніяхъ и областяхъ, прорѣзываемыхъ рельсовымъ путемъ, плотность на-

селенія почти нигдѣ не превышаетъ 5 человекъ на 1 квадратную версту, и соотношеніе это не скоро еще измѣнится, такъ какъ ежегодный приливъ переселенцевъ даетъ всего 1 человекъ на 20—24 квадратныхъ верстѣ».

Министръ финансовъ подробно останавливается на вопросѣ объ истощеніи запаса земель въ Сибири, о которомъ такъ настойчиво за послѣднее время говорятъ.

«Дѣйствительно, говорить онъ, въ Сибири почти не осталось тѣхъ разработанныхъ и потомъ заброшенныхъ старожилами, такъ называемыхъ, «мягкихъ» земель, на которыя сажались переселенцы прежнихъ годовъ, и которыя годились подъ пашню безъ всякой предварительной разработки. Теперь преобладаютъ либо лѣсныя площади, которыя надо расчищать подъ пашню, либо никогда не паханныя степныя цѣлины, поднятіе коихъ требуетъ отъ переселенца извѣстнаго труда. Но Сибирь такъ обширна и такъ еще мало изслѣдована, что въ настоящее время количество земель, годныхъ для колонизаціи, едва ли можетъ быть опредѣлено сколько-нибудь точно, всѣ же данныя за то, что количество это громадно. Прежде всего, значительный земельный фондъ имѣется въ необъятныхъ таежныхъ и урманныхъ пространствахъ 4-хъ сибирскихъ губерній. На эти пространства было обращено вниманіе еще въ 1895 году, и Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги изданы удостоившіяся Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества утвержденія 27-го апрѣля 1896 года особыя правила о «вольномъ» заселеніи тайги. Вслѣдъ за симъ, статсъ-секретаремъ Куломзинымъ, при поѣздкѣ его въ Сибирь въ 1896 году, вопросъ о пригодности для колонизаціи таежныхъ и урманныхъ пространствъ былъ подвергнутъ изученію, причемъ въ посѣщенныхъ районахъ тайги обнаружены большіе запасы земель, считавшихся раньше непригодными для культуры, но оказавшихся вполне отвѣчающими требованіямъ земледѣльческаго хозяйства. Полная пригодность таежныхъ пространствъ къ заселенію удостовѣрена и министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ при его поѣздкѣ въ Сибирь лѣтомъ 1898 года. Въ послѣдніе годы работающія въ Сибири межевыя партіи ежегодно направляютъ часть своихъ силъ на обслѣдованіе таежныхъ пространствъ, и въ результатѣ обнаружены сотни тысячъ десятинъ, вполне пригодныхъ подъ заселеніе и нынѣ большею частью уже заселенныхъ. Столь благопріятные результаты, достигнутые при рекогносцировкахъ, веденныхъ небольшимъ сравнительно числомъ лицъ, даютъ полное основаніе полагать, что при широкомъ развитіи работъ по изслѣдованію таежныхъ и урманныхъ пространствъ въ нихъ найдутся большіе запасы

удобныхъ для заселенія земель. Само собою разумѣется, что будущимъ новоселамъ придется потрудиться надъ обработкой своихъ участковъ, но опытъ уже показалъ, что большинство при надлежащемъ трудѣ и средствахъ успѣшно устраивается въ тайгѣ».

Далѣе, увеличенію земельного фонда въ значительной степени могутъ способствовать свободныя земли въ Степномъ краѣ, гдѣ произведенное изслѣдованіе выяснило наличность у мѣстнаго киргизскаго населенія весьма значительныхъ излишковъ земель. Обширное поле для колонизаціи представляютъ Забайкальская и Амурская области и Южно-Уссурійскій край. Скорѣйшая колонизація нашихъ азіатскихъ владѣній представляется министру финансовъ дѣломъ весьма необходимымъ и дѣломъ первостепенной государственной важности, какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи.

«Площадь Сибири въ 3 раза превышаетъ европейскую Россію, и съ заселеніемъ обширныхъ сибирскихъ областей, съ обращеніемъ ихъ хотя до нѣкоторой степени въ культурное состояніе, экономическая мощь имперіи и политическое ея могущество возрастуть весьма значительно».

Съ особеннымъ вниманіемъ министръ финансовъ останавливается на китайской восточной жел. дорогѣ, которая, по его мнѣнію, будетъ правильно функционировать чрезъ годъ, а также и на тѣхъ слухахъ, которые одно время упорно циркулировали въ Петербургѣ. Въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ министръ финансовъ счелъ своей обязанностью остановить вниманіе Государя и на этихъ тревожныхъ слухахъ.

«При проѣздѣ по китайской дорогѣ, я замѣтилъ, говорить статсъ-секретарь С. Ю. Витте, конечно, и многіе недостатки этого сооруженія, которые частью были уже извѣстны мнѣ еще въ Петербургѣ. Всѣ эти недостатки поставлены мною, кому слѣдовало, на видѣ, и для устраненія ихъ сдѣланы надлежащія указанія и внушенія. Какъ Вашему Императорскому Величеству извѣстно, въ дѣлѣ управления постройкою, воздѣйствіе совершенно исключительныхъ условій сооруженія линіи, страдала въ особенности формальная сторона, и главнымъ образомъ отчетность. Сложность работы, происшедшіе беспорядки и эпидеміи, трудность привлеченія въ далекій и малоизвѣстный край надежныхъ второстепенныхъ агентовъ, неизбѣжность производства работъ хозяйственнымъ, а не подряднымъ, способомъ, незнаніе служащими мѣстныхъ языковъ,— все это не могло не способствовать тому, что администрація постройки не соблюдала, а иногда и не могла соблюдать, формальной стороны дѣла. Нѣкоторые строители дороги на мои упреки отвѣ-

чали мнѣ прямо: «мы должны были строить дорогу и бороться съ неожиданными препятствіями; намъ было не до отчетности и формальностей». Но я всегда былъ убѣжденъ, — а нынѣ, послѣ ознакомленія съ дѣломъ на мѣстѣ, это убѣжденіе во мнѣ вполне укрѣпилось, — что вообще дѣло велось безъ сколько бы то ни было серьезныхъ злоупотребленій. Вѣроятно, нѣкоторые второстепенные агенты пользовались смутными обстоятельствами для наживы, но эти злоупотребленія ничтожны по суммѣ сравнительно съ тѣми сбереженіями, которыя были достигнуты, благодаря бдительности и разумному отношенію къ работамъ инженеровъ-руководителей. Во всякомъ случаѣ, весь высшій персоналъ строителей никоимъ образомъ не можетъ быть заподозрѣнъ въ какихъ-либо злоупотребленіяхъ. Въ заключеніе я не могу не высказать моего убѣжденія, что въ общемъ постройка китайской восточной желѣзной дороги велась хорошо и что дорога эта, по окончаніи ея, представить прекрасное сооруженіе, дѣлающее честь русскому желѣзнодорожному строительству».

Одновременно съ постройкою китайской ж. д. на китайской территоріи нами возводятся два громадныхъ сооруженія—новые города Харбинъ и Дальній, послѣдній съ морскимъ портомъ. Этими новыми русскими городами,—ростъ которыхъ уподобляется росту американскихъ городовъ,—министръ финансовъ сулитъ громадное будущее.

«Харбинъ, являющійся почти съ самаго начала сооруженія русскими желѣзныхъ дорогъ въ Манчуріи главнымъ желѣзнодорожнымъ административнымъ центромъ, возникъ на правомъ берегу рѣки Сунгари, въ томъ пунктѣ главной линіи, въ которомъ отъ нея отдѣляется вѣтвь къ Портъ-Артуру и Дальнему. Положеніе этого города исключительно удобное и благоприятное—въ центрѣ Манчуріи, гдѣ развѣтвляются желѣзнодорожныя линіи, прорѣзывающія всю страну, и пересѣкаютъ ея жизненную артерію—судоходную рѣку Сунгари, орошающую большую часть манчжурской территоріи. Предвидя возникновеніе здѣсь важнаго торгово-промышленнаго пункта, желѣзнодорожная администрація съ самаго начала приняла мѣры къ отчужденію возможно большаго количества земли, и въ настоящее время площадь Харбина съ его будущими пригородами занимаетъ 3,500 дес., то есть свыше 35 кв. верстъ. На этой площади, представлявшей собою еще 5 лѣтъ тому назадъ совершенно глухую мѣстность, строительною администраціей китайской восточной желѣзной дороги былъ возведенъ рядъ зданій для желѣзнодорожныхъ надобностей, а также для помѣщеній служащихъ и рабочихъ. Сюда же устремилось множество торговцевъ, промышленниковъ и лицъ разныхъ профессій, которые спѣшили устроиться на постоянное мѣстожительство въ новомъ городѣ съ большою будущностью. При такихъ условіяхъ въ Харбинѣ въ короткое время возникли три довольно значительныя поселенія: старый Харбинъ, новый Харбинъ и Пристань».

Старый Харбинъ былъ первымъ городомъ, гдѣ нашли себѣ пріютъ и обосновались прочно строители китайской дороги. Здѣсь

есть церковь на 150 человекъ, которую предполагено замѣнить постоянной.

Конечнымъ пунктомъ китайской дороги является г. Дальній.

Мѣсто для города Дальняго и его порта выбрано весьма удачно на берегу обширнаго, но достаточно закрытаго отъ вѣтровъ и волненія Да-лянь-ваньскаго залива. Окружающія заливъ горы служатъ прекрасной защитой отъ вѣтровъ и дѣлаютъ мѣстоположеніе города весьма живописнымъ. Отведенная подъ городскую территорію площадь, хотя и имѣетъ нѣсколько неровную волнистую поверхность, но не представляетъ особыхъ затрудненій для продолженія улицъ, проектированныхъ съ довольно пологими уклонами, и вмѣстѣ съ тѣмъ по размѣрамъ своимъ вполне достаточна для вѣроятнаго въ будущемъ дальнѣйшаго расширенія городского населенія. Территорія будущаго города подраздѣлена на три части: административную и двѣ торговыхъ: европейскую и китайскую. Административный городокъ въ настоящее время совершенно уже отстроенъ. Въ немъ находятся: дома управленія по сооруженію порта и города, помѣщеніе морскаго пароходства китайской восточной желѣзной дороги, помѣщеніе градоначальства, жилые дома служащихъ въ порту, на желѣзной дорогѣ и въ морскомъ пароходствѣ, а также для русскихъ и китайскихъ рабочихъ; здѣсь имѣется также церковно-школа-больница, гостиница, общественное собраніе и временное помѣщеніе русско-китайскаго банка. Улицы шоссированы, вокругъ домовъ разведены садикъ, устроены сплавная канализація, электрическое освѣщеніе и временный водопроводъ. Дома всѣ—каменные, преимущественно двухъэтажные, построенные въ разнообразныхъ стиляхъ. Въ общемъ, эта часть имѣетъ уже видъ вполне благоустроеннаго города.

Въ этомъ городѣ избрано мѣсто для православнаго храма, начата постройка коммерческаго училища, сооружается гостиница, устраиваются оранжереи, питомники, парки и пр.

Въ общемъ затраты на Дальній исчисляются въ настоящее время въ 18,850,000 рублей, но, вѣроятно, значительно превысятъ эту сумму. Тѣмъ не менѣе, можно съ увѣренностью рассчитывать, что, при свободномъ развитіи въ Дальнемъ торговой жизни, весь этотъ расходъ легко можно будетъ возмѣстить государству изъ выручки отъ продажи земли въ частныя руки. Это видно изъ слѣдующаго приблизительнаго расчета. На происходившихъ въ первыхъ числахъ сего ноября въ Дальнемъ торгахъ, было продано всего 16,843 кв. саж. земли за 425,027 р., что составляетъ, въ среднемъ, около 25 руб. за кв. саж. Цѣна эта въ будущемъ, несомнѣнно, должна повыситься по мѣрѣ заселенія города и развитія его торговыхъ оборотовъ. Тѣмъ не менѣе, если принять даже эту расцѣнку для всѣхъ участковъ, намѣченныхъ къ отчужденію въ частныя руки только въ первую очередь, площадью приблизительно въ 600,000 кв. саж., то выручка общества китайской восточной желѣзной дороги отъ продажи одной этой земли должна опредѣлиться въ 15 милліоновъ рублей. Между тѣмъ, площадь участковъ,

намѣченныхъ къ продажѣ въ первую очередь, составляетъ лишь приблизительно $\frac{1}{4}$ долю всей территоріи, предназначенной въ Дальнемъ для отчужденія въ частныя руки».

Городъ Дальній и его порто-франко наноситъ громадный ударъ Владивостоку. Онъ убиваетъ окончательно торговлю послѣдняго, но все это необходимо, по мнѣнію министра финансовъ, для будущихъ интересовъ русскаго народа и русскаго государства.

«Вообще же какъ бы ни были велики тѣ затрудненія, говорить о нихъ,—которыя возникаютъ на нашей далекой восточной окраинѣ отъ проведенія южной вѣтви китайской восточной желѣзной дороги, какъ-бы тяжело ни отразилось на Владивостокѣ сооруженіе Дальняго,—нельзя забывать, что затрудненія эти—временныя, и что Приамурскій край и главнѣйшій центръ его, Владивостокъ, въ концѣ-концовъ отъ проложенія китайской восточной желѣзной дороги выиграютъ больше чѣмъ проиграютъ. Въ чемъ выразятся благотѣльные послѣдствія проведенія дороги въ жизни края, пока говорить еще трудно, но несомнѣнно, что далекая, бывшая долго совершенно забытою окраина, приблизившаяся теперь къ центру Россіи на 12—15 дней разстоянія и прорѣзанная великимъ транзитнымъ путемъ, не можетъ заглухнуть, а должна начать быстро развиваться. Исторія измѣряется не годами, а вѣками, и съ этой точки зрѣнія проложеніемъ китайской восточной желѣзной дороги и сооруженіемъ Портъ-Артура и Дальняго совершенно великое дѣло—выполнена историческая задача, сдѣланъ одинъ изъ послѣднихъ шаговъ въ поступательномъ движеніи Россіи на Дальній Востокъ, въ ея стремленіи найти выходъ къ открытому морю, къ незамерзающимъ берегамъ Тихаго океана».

Всѣ эти блага въ далекомъ будущемъ. А теперь русскій народъ истратилъ уже около милліарда рублей, лишивъ себя во многомъ.. Нашъ народъ бѣденъ, центръ оскудѣлъ, обнищаль и вырождается.. Онъ требуетъ отдыха отъ непосильныхъ тратъ на окраины..

Русскому народу обѣщаются блага въ будущемъ, теперь же пока отъ него требуются жертвы, жертвы и жертвы. Но ради кого онъ приноситъ эти жертвы? Кто пользуется плодами этихъ жертвъ въ настоящемъ? Теперь же пока пользуются этими жертвами иностранцы.

Пекинскій корреспондентъ лондонской газеты «Times», докторъ Моррисонъ, посѣтивъ Портъ-Артуръ и Дальній, сообщаетъ своей газетѣ чрезвычайно любопытныя и для насъ, русскихъ, свѣдѣнія.

«Въ Портъ-Артурѣ всѣ главнѣйшія торговыя фирмы—нѣмецкія, первымъ богачемъ въ городѣ считается китаецъ Чжи-Фонъ-Танъ. Соединенные Штаты представлены двумя торговыми домами. Почтѣ

всѣ машины, понадобившіяся для работъ по сооруженію манчжурской желѣзной дороги, выписаны изъ Америки. Большая часть локомотивовъ поставлена фирмою Балдуинъ въ Филадельфіи. Американскіе инженеры на мѣстѣ изучаютъ въ настоящее время условія, при которыхъ возможны работы по канализаціи города. Къ нимъ присоединились недавно и французскіе предприниматели. Въ Портъ-Артурѣ нѣтъ ни одного англійскаго торговаго дома, и едва ли есть больше двухъ или трехъ англійскихъ подданныхъ.

«Что касается японцевъ, то ихъ очень много въ Портъ-Артурѣ, по меньшей мѣрѣ, пятьсотъ человекъ. Во Владивостокѣ ихъ больше 3.000. Впрочемъ, японцами кишатъ всѣ сколько-нибудь крупныя города въ Манчжуріи. Говорятъ, будто-бы многіе японцы переодѣваются китайцами, выдаютъ себя за сыновъ Поднебесной имперіи лишь бы получить занятія, почему-либо имъ желательныя. Вообще же они занимаются ремеслами. Среди нихъ много фотографовъ, парикмахеровъ, часовщиковъ и мелкихъ торговцевъ. Вообще о японцахъ русскіе очень высокаго мнѣнія, и на каждомъ шагѣ вы услышите фразу: «Японцы—народъ талантливый, прямо великій народъ». Русскіе не стѣсняютъ ихъ ни въ чемъ и даже предоставляютъ полную свободу тѣмъ японцамъ, которые путешествуютъ по манчжурскимъ городамъ.

«Портъ-Артуръ—русскій военный базисъ на азіатскомъ Востока; Дальній—торговый базисъ. Въ Дальнемъ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ того, что принято называть военщиной. Начальникъ города, и весь персоналъ, его окружающій—гражданскіе сановники. Здѣсь нѣтъ ни солдатъ, ни фортификаціонныхъ работъ, ни казармъ. Дальній—это портъ, въ которомъ искусство и наука улучшили, усовершенствовали то, что дано природой. Всѣ работы исполнены правительствомъ. Круглый годъ и совершенно независимо отъ погоды, какіе угодно суда и пароходы могутъ находить безопасное убѣжище въ этомъ портѣ. Товары, выгружаемые на набережныхъ, могутъ быть доставлены въ Москву и Петербургъ безъ всякой перегрузки.

«Въ настоящее время Дальній—свободный портъ, т. е. съ товаровъ, отправляемыхъ въ Манчжурію, пошлина не взимается. Когда же судьба Манчжуріи окончательно рѣшится, — а она рѣшится, конечно, въ русскомъ смыслѣ,—Дальній будетъ поставленъ въ такія же условія, какъ всѣ другіе русскіе порты».

Право, стоило ли тратить миллиардъ, чтобы онъ поступилъ на пользу всѣмъ, за исключеніемъ насъ, русскихъ?!

Ф О Ж О Г Р А Ф Ъ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

И СМѢХЪ, И ГОРЕ.

(Литературныя и общественныя замѣтки).

Манифестъ 26-го февраля и надежды, имъ возбужденныя въ народѣ и обществѣ.—Перспективы, указанныя манифестомъ для прогрессивнаго развитія русской государственной и общественной жизни.—Комментаріа къ этому въ печати.—Преувеличенныя надежды, возлагаемыя на «вѣротерпимость».—Религія и общественный заговоръ.—Религіозно-политическая каста, образующая государство въ государствѣ.—Результаты ея преобладанія въ Старомъ Свѣтѣ и въ Америкѣ.

I.

Самымъ крупнѣйшимъ событіемъ послѣднихъ дней было появленіе Высочайшаго манифеста 26 февраля сего года. Это даже не только событіе, но *переломъ* въ новѣйшей русской исторіи, почти равный освобожденію крестьянъ и всѣмъ преобразованіямъ, сопряженнымъ съ этимъ величайшимъ гражданскимъ и политическимъ актомъ. Манифестъ этотъ изображенъ полностью во «внутреннемъ обзорѣни» мартовской книги, и желающіе почерпнуть всѣ подробности Высочайшей воли могутъ обратиться, помимо всякихъ комментаріевъ, къ ея подлинному первоисточнику.

Съ высоты Престола провозглашено «дѣло укрѣпленія правды и порядка въ русской землѣ, въ соотвѣтствіи съ возникающими потребностями народной жизни». Съ высоты Престола русский монархъ намѣренъ «съ непреклонною рѣшимостью незамедлительно удовлетворить назрѣвшимъ нуждамъ государственнымъ». Для удовлетворенія этой цѣли проэктируется манифестомъ: «Преобразовать губернское и уездное управленіе, для усиленія

способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни трудами мѣстныхъ людей, руководимыхъ сильной и законмѣрной властью, предъ Нами строго отвѣтственной». Ближайшею задачею для дальнѣйшаго упорядоченія мѣстнаго быта поставляется «сближеніе общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквяхъ тамъ, гдѣ это представится возможнымъ».

Вотъ вкратцѣ тѣ формулы, въ которыя выливаются предстоящія преобразованія, такъ интересующія и русское общество, и русскій народъ, связанный «стѣснительной для крестьянъ» круговой порукой.

Если сопоставить эти задачи съ тѣми задачами, которыя предстояли въ XVIII-омъ вѣкѣ знаменитой екатерининской комисіи, то, помимо блестящихъ фразъ, вся сущность сводится къ тому, чтобы пересмотрѣ законовъ о сельскомъ состояніи (въ связи съ сельской общиной и круговой порукой) возложить на губернскія совѣщанія, съ участіемъ мѣстныхъ жителей, облеченныхъ довѣріемъ общества. Въ результатѣ этихъ совѣщаній и будетъ «усовершенствованіе государственнаго порядка установленіемъ *прочнаго строя мѣстной жизни*, какъ главнаго условія преуспѣянія государства».

II.

Наша пресса отнеслась съ полнымъ вниманіемъ къ Высочайшему манифесту, хотя въ ея отголоскахъ мы встрѣтили много неискреннихъ и фальшивыхъ нотъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ этой яко-бы русской прессѣ (издаваемой на полуеврейскомъ жаргонѣ) существуетъ цѣлая плеяда еврейскихъ органовъ, приспособившихъ русскій языкъ для выраженія своихъ жидовскихъ вождедѣній.

Понятно, что эта плеяда, пропустивъ мимо ушей слова манифеста о «благоговѣнномъ почитаніи православной церкви, *первенствующей и господствующей*», сдѣлала себѣ особый щитъ изъ понятія о «вѣротерпимости»; подводя подъ это понятіе псевдо-религію талмудизма, для которой нашъ Государственный Совѣтъ еще въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія усвоилъ болѣе правильную кличку политически-религіозной касты.

Петръ Великій, какъ извѣстно, — не страдавшій нетерпимостью къ какимъ угодно религіямъ, — отвѣчалъ амстердамскому бургомистру Витсену на попытку его вступить за голландскихъ промышленниковъ и мастеровыхъ изъ евреевъ:

«Другъ мой, ты знаешь жидовъ и образъ мыслей моихъ подданныхъ, и я также знаю и тѣхъ и другихъ. Не время еще дозволить жидамъ ¹⁾ пріѣзжать и жить въ моемъ государствѣ. Скажи имъ моимъ именемъ, что я благодарю ихъ за предложеніе, и сожалею, что они желаютъ селиться въ Россіи, — ибо хотя *они почитаются за весьма искусныхъ обманывать весь свѣтъ*, однако же, я думаю, у моихъ русаковъ они немного выторгуютъ».

Но послѣдствія блистательно доказали однако, что русскій торговецъ, — на сметливость котораго рассчитывалъ Петръ Великій, — не въ силахъ бороться въ одиночку съ коллективнымъ хищничествомъ цѣлаго племеннаго кагала, который съѣдаетъ всякое одиночное сопротивление, безъ помощи государственнаго вмѣшательства. Въ другихъ случаяхъ, у себя дома, Петръ выражался о жидяхъ гораздо откровеннѣе и категоричнѣе, рискуя прослыть за гробомъ фанатикомъ и изувѣромъ среди кагала: «я хочу видѣть у себя лучше народы магометанской и языческой вѣры, нежели, жидовъ; они — плуты и обманщики. *Я искореняю зло, а не распложю его*. Не будетъ для нихъ въ Россіи ни жилища, ни торговли, сколько о семъ ни стараются, и какъ *ближнихъ ко мнѣ ни подкупаютъ*» ²⁾. Эта послѣдняя прибавка характеризуетъ основную черту жидовскаго характера: подкупать всюду людей нетвердыхъ нравственныхъ правилъ. Иуда Искариотскій есть эмблема этой продажности, увѣковѣченная въ исторіи человѣчества...

Петръ Великій, по счастью, не имѣлъ дѣла съ жидами и не пускалъ ихъ въ свою, пріобрѣтшуюся къ Европѣ, молодую имперію. Въ иномъ положеніи очутилась Екатерина II, присоединившая къ русскимъ владѣніямъ, при раздѣлѣ Польши (вопреки совѣтамъ гр. Н. И. Панина) области, кипащія «избраннымъ племенемъ», и послужившія гибелью славянскому государству. Но и Екатерина II-я, сначала мирволившая жидамъ, въ концѣ своего царствованія смотрѣла на нихъ уже какъ на вредное племя

¹⁾ Да это время доселѣ еще не наступило.

²⁾ См. „Государство въ государствѣ“, стр. 39—40.

и въ своемъ представленіи раздѣляла «караимовъ», какъ истинныхъ послѣдователей моисеева ученія, отъ *талмудистовъ*, прикрывающихся моисеевымъ закономъ, какъ фальшивымъ щитомъ для сокрытія вредоносности своего вавилонскаго талмуда, — этого антигосударственнаго и антиобщественнаго катехизиса ¹⁾).

Когда Царю-Освободителю пришлось перестраивать крѣпостной укладъ до-реформенной Россіи, вложивъ въ него принципы свободы, права и гуманности, евреи не преминули сейчасъ же примкнуть къ этому «пирогу», пользуясь полнымъ невѣжествомъ всего нашего образованнаго общества касательно варварскаго смысла этого псевдо-религіознаго кодекса, построеннаго на началахъ деспотизма и полной племенной солидарности относительно всѣхъ хищеній и захватовъ, производимыхъ въ христіанскихъ странахъ. Но уже въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія Александру II-му представились факты несовмѣстности современнаго гражданскаго строя съ челоѣконенавистническимъ характеромъ талмуда — и отсюда возникли и сужденія Государственнаго Совѣта, и комисій, учрежденныхъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Къ сожалѣнію, эти комисіи, подѣ влияніемъ разныхъ обстоятельствъ, не признали возможнымъ «взять быка за рога», т. е. *провозгласить ученіе вавилонскаго талмуда совершенно несогласимымъ съ коренными устоями современнаго общества*, какъ о томъ хлопотали выдающіеся государственные люди въ Россіи ²⁾).

III.

Въ нашемъ обществѣ, несмотря на все *противодѣйствіе еврейской прессы*, начинаетъ преобладать сознание, что къ талмуду и его сторонникамъ совсѣмъ не приложимы ни принципы свободы, ни принципы вѣротерпимости и гуманности, отлично эксплуатируемые жидами, — такъ какъ талмудъ, въ его резонированномъ экстрактѣ: «шулханъ-арухъ», составляетъ полнѣйшее отрицаніе этихъ священныхъ принциповъ христіанской

¹⁾ См. статью: „Шулханъ-Арухъ, какъ гражданскій и политическій кодексъ евреевъ“ (стр. 295—307).

²⁾ Мнѣнія этихъ людей можно найти на разныхъ страницахъ книги: „Государство въ государствахъ“, въ особенности въ статьѣ: „Коренная ошибка нашего законодательства по еврейскому вопросу“ (стр. 162 и послѣд.).

цивилизациі. Свобода *только* для евреевъ; вѣротерпимость только для жидовъ, чтобы подъ покровомъ религіи выполнять свои мірскіе замыслы; гуманность только для прикрытія канибальскихъ подвиговъ жидовскаго изувѣрства (въ родѣ *ритуальныхъ* убійствъ, возобновляющихся каждый годъ передъ пасхою) — вотъ альфа и омега жидовскихъ гуманистовъ и свободолюбцевъ!

Наши читатели прочли въ 1-омъ № «Наблюдателя» за этотъ годъ статью г-жи Макъ-Гаханъ: «Страна обѣтованная», рисующую, на основаніи фактовъ, положеніе, занимаемое въ Нью-Йоркѣ «избраннымъ племенемъ», и то отвращеніе, которое питаютъ къ нему американцы. Кажется, ужъ вѣротерпимости тутъ довольно, свободы хоть отбавляй, а все-таки грызущій червь алчности и маніи племеннаго величія, обитающій въ душѣ жида, не угомоняется ни этою вѣротерпимостью, ни этою свободою.

Въ Америкѣ, кромѣ суда формальнаго и казуистическаго, существуетъ еще судъ Линча — и на этотъ-то судъ уповаютъ свободолюбивые американцы, какъ объ этомъ мнѣ рассказывали съ разныхъ сторонъ...

Ефимъ Простосердовъ.

Игрушки.

Задумавъ сюрпризь поднести,
Илемянницѣ маленькой — Зинѣ,
Пришлось мнѣ въ «Гостинный» зайти.
Въ игрушечномъ быть магазинѣ.
Глазѣя туда и сюда
Въ толпѣ беззаботной народа,
На умъ мнѣ пришли, господа,
Игрушки особаго рода.
Прикрасивъ житѣя пустоту
Приманкой своею лукавой,
Для взрослыхъ въ житейскомъ быту
Подчасъ онѣ служить забавой.
Чтобъ тѣшиться въ жизни игрой,
Не нужно большаго таланта.
Честь женщины служить порой
Игрушкой для свѣтскаго франта.
Хлыщъ юный, смягчая свой нравъ
Въ годину безденежья злаго,
Считаетъ, кругомъ задолжавъ,
Игрушкою честное слово.
Другъ дома, исполненъ интригъ,
Въ своемъ лицемѣрномъ участьи,
Считать за *игрушку* привыкъ
Супружества свѣтлое счастье.
Дѣлецъ—биржевикъ, одержимъ
Горячкой, презрѣвши укоры,
Играя карманомъ чужимъ,
На славу свершаетъ аферы...
Кто съ жизнью побольше знакомъ,
Играетъ, къ почету влекомъ,
Людьми съ беззаботностью дѣтской;

Бракъ съ хилымъ, больнымъ старикомъ—
Ирушка для барышни свѣтской...
Летать за годами года;
Иные весь вѣкъ безъ стыда
Живуть, цѣль одну обрѣтая—
Богатыми стать безъ труда,
И самая жизнь, господя,
Для многихъ—*ирушка* пустая...

Старый Капраль.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1903 годъ

УРАЛЬСКОЕ ГОРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый Совѣтомъ Съезда Уральскихъ Горнопромышленниковъ.

=== ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТОЙ. ===

Благодаря участию многихъ техниковъ, специалистовъ «Уральское Горное Обзоріе» въ специальныхъ отдѣлахъ слѣдитъ за развитіемъ и прогрессомъ горной, горнозаводской и горнолѣсной техники; помѣщаетъ статьи по горному дѣлу и геологін, металлургін, лабораторной практикѣ химика, по механикѣ въ приложеніи ея къ горному и горнозаводскому дѣлу, по лѣсному хозяйству горныхъ заводовъ, работающих на древесномъ топливѣ, по золото и платинопромышленности.

«Уральское Горное Обзоріе» является органомъ Совѣта Съезда уральскихъ горнопромышленниковъ, Совѣщанія уральскихъ химиковъ, и заключаетъ, *кромѣ техническаго отдѣла узаконеній и распоряженій Правительства, торгово-экономическій, библиографіи и статистическій; слѣдитъ, на сколько то возможно, за положеніемъ производства и потребленія продуктовъ горной и металлургической промышленности Россіи.*

Редакторъ *Вл. Мамонтовъ.*

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА ИЗДАНІЯ

г. Екатеринбургъ, Главный проспектъ. Телефонъ № 174.

Подписная цѣна съ пересылкой:

На годъ	6 р.
На полгода	4 р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1903 ГОДЪ
на ежедневную газету

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города:

на годъ—7 рублей, за границу 14—рублей

на 11 мѣс.	6 р. 50 к.	}}	на 5 мѣс.	3 р. 50 к'
» 10 »	6 » —	}}	» 4 »	3 » —
» 9 »	5 » 50	}}	» 3 »	2 » 40
» 8 »	5 » —	}}	» 2 »	1 » 70
» 7 »	4 » 50	}}	» 1 »	— » 90
» 6 »	4 » —	}}	» 1/2 »	— » 50

Подписка съ переносомъ на слѣдующій годъ не принимается.

Для удобства подписчиковъ подписка принимается и съ разсрочкой, съ платою не менѣе какъ 1 руб. въ мѣсяцъ до выплаты всей суммы; обязательно при первомъ же взносѣ дѣлать надписи въ письмѣ — «въ разсрочку» 2, иначе газета будетъ высылаться лишь до того срока, по который внесены деньги.

Для ознакомленія ЛѢЛ газетъ высылаются бесплатно.

Подписка принимается только съ 1 и 16 числа каждаго мѣсяца.

Плата за объявленія за каждую строку петита въ 35 буквъ, въ одинъ столбецъ, или за занимаемое мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 коп. и въ слѣдующіе разы 5 коп. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя 20 разъ, дѣляется уступка—10%, 30 разъ—15%, 40 разъ—20%, 50 разъ—25%, 60 разъ—30%, отъ 70—100 разъ—40%, не менѣе 100—150 разъ, уступка 50%. За адреса, въ 5 строкъ на 1-й страницѣ газеты 10 руб. въ годъ—150 разъ; 6 р.—за 75 разъ; 4 р.—за 38 разъ и 2 р.—за 15 разъ. За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. 5 руб. съ 1000 экземпляровъ или по 50 коп. за 100 экземпляровъ.

За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 коп., причѣмъ необходимо сообщить прежній адресъ. Копѣйки могутъ быть высылаемы марками.

Пріемъ подписки, объявленій и розничная продажа
газеты производятся:

Въ Орлѣ—въ конторѣ «Орловскаго Вѣстника», Зиновьевская улица домъ № 2-й и въ отдѣленіи ея: Московская улица, аптекарскій магазинъ Полякъ.

Въ отдѣленіяхъ конторы:

Въ Ельцѣ—Успенская улица, домъ бывшій Володина, Д. С. Подчицаевъ.
Въ Брянскѣ—Авиловская улица, домъ Сурнина, А. К. Федоровъ.

Только розничная продажа газеты:

Въ Ельцѣ—у газетчика М. И. Давыдова. Въ Карачевѣ—въ магазинъ А. Н. Хализева. Въ Брянскѣ—въ библ. М. И. Юдина и г. Федорова; въ магазинъ «Воспитаніе и образованіе», на Московской ул., д. Семенова. Въ Ливнахъ—библіотекъ г. Крафтъ. Въ Болховѣ—Ново-Московск. апт. Р. Г. Вольперта. Въ Рославлѣ—писче-бумажи. маг. Д. В. Рафанлова. Въ Липецкѣ—книжи. магазинъ А. И. Полянскаго.

Редакторъ-издатель А. И. Аристовъ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

„КІЕВСКОЕ СЛОВО“

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

будеть выходить въ 1903 году на прежнихъ
основаніяхъ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) *Передовыя статьи* по вопросамъ общественнымъ, политическимъ, экономическимъ, хозяйственнымъ, педагогическимъ, юридическимъ и др. 2) *Телеграммы* внутреннія и заграничныя. 3) *Корреспонденціи* внутреннія, заграничныя, и изъ славянскихъ земель. 4) *Политическое обозрѣніе*. 5) *Повѣсти и разказы*. 6) *Бесѣды* по разнымъ вопросамъ дня (*фельетонъ*). 7) *Обозрѣніе русскихъ журналовъ и газетъ*. 8) *Критика* литературная, художественная и театральная. 9) *Внутренняя хроника*: законодательство и распоряженія правительства и краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества. 10) *Мѣстная хроника*: городскія дѣла, дѣятельность мѣстныхъ правительственныхъ общественныхъ учреждений, событія и происшествія. 11) *Областная хроника*: корреспонденціи изъ различныхъ мѣстностей юго-западнаго края. 12) *Справочный отдѣлъ*: курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и акціи. Товарный рынокъ. Железныя дороги, пароходы, лѣчебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія.

Подписная цѣна на «Кіевское Слово» съ доставкой и пересылкой, на годъ—10 р., на 6 мѣс.—5 р., на 3 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—1 р., безъ доставки и пересылки—на годъ—8 р., на 6 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 25 к., на 1 мѣс.—75 к. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ дост. и перес. при подпискѣ 5 р. и черезъ 5 мѣсяцевъ вторые 5 р.; безъ доставки въ тѣ же сроки по 4 р. Заграничные подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ за доставку по 60 к. за каждый мѣсяць. За переимѣну иногороднаго адреса—20 коп.

Подписка и объявленія принимаются въ Кіевѣ: въ главной конторѣ на Большой Владимирской, д. Антоновича, № 43.

Гл. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ главную контору «Кіевскаго Слова», Большая Владимирская, домъ № 43.

Редакторъ *Т. В. Докоть*.

Издательница *В. М. Антоновича*.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

„ДОНЪ“

(ВЪ ВОРОНЕЖЬ)

→ на 1903 годъ. ←

Тридцать шестой годъ изданія.

Со 2-го февраля 1903 года газета «Донъ» начнетъ 36-й годъ своего изданія. Просуществовавъ такой долгій срокъ, газета тѣмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціального района, отголоскомъ котораго она служила больше трети столѣтія. Поэтому, открывая подписку на 1903 г., редація ограничивается лишь указаніемъ этого факта безъ всякихъ общій; что можно будетъ сдѣлать для улучшенія газеты—то будетъ сдѣлано.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	На ½ года.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставкой въ Воронежъ . . .	6 р.	3 р. 50 к.	2 р. — к.	— р. 75 к.
Съ пересылкой въ др. города . .	— 7 р.	4 р. — к.	2 р. 50 к.	1 р. — к.

Редакторъ-издатель В. Веселовскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ (не исключая понедѣльниковъ) ГАЗЕТУ политической и общественной жизни и литературы

БАКИНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Подписная цѣна: съ доставкой въ Баку и пересылкою въ другіе города на годъ—7 р., на 6 мѣсяцевъ—4 р., на 3 мѣсяца—2 р. и на одинъ мѣсяць—1 р. Подписчики на 1903 годъ получаютъ газету въ 1902 г. со дня подписки бесплатно.

Редакція и контора: Бану, пассажъ Шагиданова.

Редакторъ-издатель Н. А. Гриневъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція просить гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы точно направлять книги журнала. Въ противномъ случаѣ, Редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, Редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше просить заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ Газетная Экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. При жалобѣ должно быть приложено удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книга, дѣйствительно, не доставлена по адресу. Жалобы должны присылаться *непосредственно* въ Главную Контору. Утраченный не по винѣ Редакціи экземпляръ высылается вторично подписчику, заказной бандеролью, за 1 руб. 25 коп. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его номеръ и, при каждомъ заявленіи, прилагать *пять семикопеечныхъ почтовыхъ марокъ* за напечатаніе новаго адреса. Перемѣна адреса должна быть получена въ Главной конторѣ *не позже 20-го числа* каждого мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу. 4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный, уплачивается 2 руб.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской — 1 руб. Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору Редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ Редакцію, благоволятъ прилагать почтовые марки для отвѣтовъ. 6) Редакція просить присылать рукописи не иначе, какъ *четко переписанными*. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, уничтожаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній, Редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Рукописи, доставленные безъ опредѣленія на самой рукописи *точныхъ условій гонорара*, считаются бесплатными. Рукописи должны быть присылаемы въ Редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами и бандеролями*. Рукописи, принятые безъ *указанія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по назначенію Редакціи. По усмотрѣнію Редакціи, рукописи подвергаются сокращенію и измѣненію. Статьи неизвѣстныхъ Редакціи авторовъ, за которыхъ гонораръ не былъ потребованъ *въ теченіе полугода со времени напечатанія*, признаются бесплатными. Гонораръ за статьи, раздѣленные на нѣсколько книгъ, рассчитывается по окончаніи печатанія. 7) Контора открыта: съ 1-го октября по 1-е мая—отъ 12 до 4 часовъ пополудни; въ остальное же время года—до 3 час., *кромя праздничныхъ и воскресныхъ дней*. Приемъ въ Редакцію — *по четвергамъ отъ часу до двѣхъ*. 8) Объявленія для напечатанія въ журналъ принимаются съ платою: за страницу—30 руб., $\frac{1}{2}$ стр.—16 руб., и за $\frac{1}{4}$ стр.—9 руб. 9) Конторы газетъ и журналовъ, печатающихъ наши публикаціи, приглашаются доставлять свои счета въ Редакцію *не позже полугода со дня напечатанія*; иначе теряется возможность контроля надъ правильностью уплаты. 10) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ: 25-го числа, отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ пополудни*. Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго будничнаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятые, но не напечатанные въ журналъ, не допускаются.*

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на 1903 годъ
НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
НАБЛЮДАТЕЛЬ

—>> ГОДЪ XXII. <<—

Вступивъ въ двадцать второй годъ своего существованія, журналъ издается подъ прежней редакціей, въ томъ же *прогрессивно-національномъ* направленіи.

«**НАБЛЮДАТЕЛЬ**» выходитъ ежемѣсячно **безъ предварительной цензуры**, книгами отъ 24-ти до 30-ти печатныхъ листовъ съ иллюстраціями.

Годовая цѣна: 12 руб. съ доставкою въ С.-Петербургъ и пересылкою иногороднымъ; за границу 14 руб. **За полгода:** 6 руб. съ доставкою и пересылкою въ Россіи; за границу—7 руб. **За три мѣсяца:** 3 руб. съ доставкою и пересылкою въ Россіи; за границу 4 руб. **За одинъ мѣсяць:** 1 руб. съ пересылкою въ Россіи; за границу—1 руб. 50 коп. Гг. служащимъ разсрочка (мѣсячная и по третямъ) за поручительствомъ казначеевъ. Книгопродавцамъ уступка — 50 коп. съ годоваго экземпляра. *При подпискѣ полугодовой, уступки не полагается.*

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи, Саперный пер., № 10, кв. 6.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала на почту только передъ лицами, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Редакторъ-Издатель *А. П. Пятковскій.*

AP50
N33
v. 22:3
1903

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

